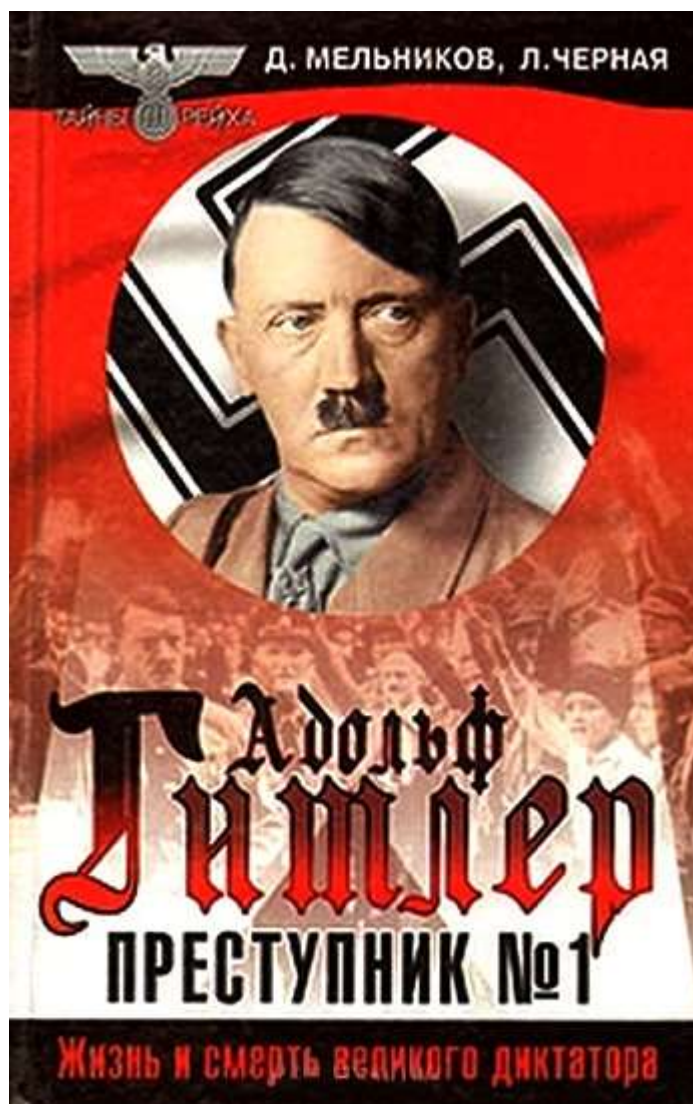

Чёрная Людмила, Мельников Даниил Преступник номер один. Нацистский режим и его фюрер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сорок лет назад, 22 июня 1941 года, гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Воины наших вооруженных сил вступили в смертельную схватку с агрессорами. Немеркнущий подвиг советских воинов и миллионов тружеников в тылу навсегда останется в памяти народов не только нашей страны, но и всего миролюбивого человечества, для которого эта победа означала спасение мировой цивилизации от самой страшной опасности, когда-либо ей угрожавшей.

Победа над гитлеровским фашизмом – одна из тех исторических вех, которые определили лицо современной эпохи, развитие на многие десятилетия вперед. Эта победа привела к освобождению десятков стран от гнета и порабощения. Изменилось лицо планеты. Возникла мировая социалистическая система. Укрепились силы мира во всем мире.

Да, есть страницы истории, которые нельзя забывать в наш быстротекущий, стремительный век. К ним, безусловно, принадлежат страницы, вписанные советским народом в летопись борьбы с врагом человечества – немецким фашизмом.

Но память народов не мертвый груз воспоминаний о прошлом, не бесстрастная хроника событий. Смысл исторической памяти – в извлечении уроков из пережитого, в стремлении к

тому, чтобы сделать невозможным катастрофы, обрушивавшиеся на человечество в течение многих столетий.

Знаменитый американский философ Сантаяна писал: «Народ, который не помнит своего прошлого, обречен вновь его пережить». Это высказывание надо отнести не только к народу, испытавшему двенадцатилетнюю нацистскую тиранию, но и к народам, пережившим немецкую оккупацию, потерявшим своих сыновей и дочерей на полях сражений второй мировой войны. Осмыслить прошлое хотят и те, кто сами были его свидетелями, и новые поколения людей, которые ощущают настоятельную необходимость извлечь выводы из недавней истории.

Задача настоящей книги напомнить об опасности для миллионов людей, которая таилась в победе нацизма в 1933 году, в утверждении его власти над одним из самых могущественных государств в центре Европы и в создании специфического механизма террора и гигантской военной машины, направленной на достижение мирового господства.

Исследуя германский фашизм с его планами гегемонизма, нельзя пройти мимо зловещей фигуры, которая как бы персонифицировала все его качества – необузданность, жестокость, авантюризм, агрессивность, мимо фюрера и канцлера «коричневой империи» Адольфа Гитлера. Гитлер был поистине преступником номер один.

Принцип фюрерства был неотъемлемой частью фашистской теории и практики, ибо германский монополистический капитал стремился выдвинуть на передний план некоего идола, кумира, который помог бы ему сплотить и подчинить себе широкие массы одураченных и одурманенных обывателей. Фанатическое преклонение перед Гитлером помогло немецким империалистам добиться осуществления своих главных целей – утвердить господство над немецким народом и перейти к агрессии против других народов Европы, да и не только Европы.

При анализе нацистского режима в Германии, его генезиса и относительной живучести бросается в глаза парадоксальное явление: неограниченная власть оказалась в руках кучки авантюристов, представлявших, как правило, отбросы буржуазного общества. К этой кучке принадлежал и Адольф Гитлер, фюрер «третьего рейха».

Парадокс этот всеми силами стараются скрыть буржуазные историки и публицисты, выпустившие десятки и сотни монографий о нацизме и о Гитлере. Вместо того чтобы исследовать вопрос о том, каким образом в XX веке в буржуазном обществе стало возможным создание нацистского режима, вопрос о том, какие силы выдвинули и поддержали Гитлера и сумели развязать фантазмагорию массового человекоистребления, фантазмагорию концлагерей, геноцида и кровавых побоищ, они пытаются поставить на котурны фюрера и его сообщников, обнаружить в них такие демонические, гипнотические, трансцендентные силы, которые объяснили бы и даже оправдали их власть над германским народом.

Феномен Гитлера в первую очередь явление социальное и политическое, связанное с глубоким кризисом того общества, которому он служил. Пороки фашизма и его фюрера были пороками этого общества, иначе они не могли бы приобрести столь всеобъемлющую социальную значимость. Именно в специфической социальной и политической атмосфере Западной Европы тридцатых годов стал возможен захват власти фашистами в Германии.

В современной марксистской литературе до сих пор почти не было сводных трудов о Гитлере. Крупным вкладом в освещение этой темы явилась книга «Правда о Гитлере». Автор ее – Курт Бахман – ветеран-антифашист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Задача настоящей книги – противопоставить уже не первой «гитлеровской волне» последних лет, т. е. потоку монографий, мемуаров, фильмов и романов о Гитлере, наводнивших книжный рынок и киноэкраны ФРГ и некоторых других стран Запада, свою трактовку, раскрыть на основе документальных данных и публикаций последних лет истинный облик Гитлера.

Важность правильного осмысления прошлого в наши дни трудно переоценить. Фашизм

живуч. Его последователи продолжают свою подрывную деятельность во многих странах, и борьба против нацистской и неонацистской идеологии в ее новейших обликах остается важным делом для всего прогрессивного человечества в 80-е годы. Именно поэтому стала особенно актуальной задача показать гитлеризм с его планами покорения мира, ярким антисоветизмом, жестокостью и мракобесием, развенчать созданный на Западе миф о нем. Авторы предлагаемой читателю работы надеются внести свой вклад в выполнение этой серьезной задачи.

ГЛАВА I У ИСТОКОВ НАЦИЗМА

Линц, Вена, Мюнхен

Политическая биография Гитлера, о которой пойдет речь на страницах этой книги, началась поздно. Первые сведения о его выступлениях относятся к 1919 году, когда ему было уже 30 лет, заговорили о нем более или менее широко лишь после путча 1923 года, т. е. на 35 году жизни. Для историка соблазнительно поэтому вовсе отвлечься от начального периода биографии Гитлера и заняться только ее последними двадцатью двумя годами, которые, в свою очередь, резко делятся на два этапа: 10 лет относятся к периоду его постепенного возвышения и овладения им командными позициями в национал-социалистской партии, а 12 лет к периоду господства в «третьей империи», когда Гитлер стал абсолютным диктатором.

Сверх того, историк, занимающийся нацистским фюрером в начале его карьеры, наталкивается на специфические трудности. Кроме официальных бумаг, в которых упоминаются имена членов семьи Гитлера и его самого, кроме нескольких скудных, записанных много позже воспоминаний, кроме мемуаров некоего Кубичека, недолгого приятеля Гитлера, вышедших в свет уже после 1945 года, и некоторых отрывочных записей людей такого же сомнительного типа, у исследователя почти нет материала. Правда, Гитлер нередко рассказывал о своей молодости в «Майн кампф» и в «Застольных беседах»,¹ и просто в беседах со своими приближенными. Но его воспоминания могут служить разве только иллюстрацией того, как он приукрашивал свою жизнь, подгонял прошлое к тому образу «сильной личности», «гения», «мудрого фюрера», который был создан им самим и его пропагандой. Это как бы спроецированная в прошлое жизнь, «модель фюрера немецкой нации», каким он должен был предстать в глазах населения «третьего рейха».

Для исследователя именно в заурядности облика Гитлера в первые тридцать лет скрывается одно важное обстоятельство: жизнь Гитлера, его личные качества не могут служить объяснением его политической карьеры, как это пытаются изобразить, особенно в последние годы, на Западе. Феномен Гитлера не феномен личности, а феномен политический и социальный. Можно сказать, феномен машинно-бездушной, жестокой западной цивилизации, но уж никак не феномен индивидуальности.

При таком подходе начальный период биографии нацистского фюрера приобретает известное значение, и пренебрегать им исследователь не имеет права. На первый план выдвигается вопрос о том, каким образом политические и социальные процессы, а также идеологические доктрины того периода и той среды, в которой рос молодой Гитлер, воздействовали на формирование личности будущего диктатора. Развитию каких черт характера они содействовали и какие психологические свойства вызывали.

Тем самым становление личности Гитлера тесно переплетается с явными и

¹ Генри Пикер, чиновник канцелярии Бормана, некоторое время стенографировал беседы фюрера. Изданная на этой основе книга «Застольные беседы Гитлера» дала уникальный материал о самом фюрере и о нравах, царивших при его «дворе».

подспудными тенденциями социального развития страны, в которой он родился, класса или прослойки, к которой принадлежал, рода, семьи и непосредственного окружения, воздействовавших на его воспитание. Именно об этом в основном и пойдет речь ниже.

* * *

Гитлер родился 20 апреля 1889 года. После 1933 года, когда фашисты захватили власть в Германии, 20 апреля, «день рождения фюрера», стал официальным праздником для миллионов немцев «третьего рейха» и сотен тысяч приверженцев фашизма в других странах. Но в то 20 апреля ничего не предвещало будущих триумфов Гитлера. Городишко Браунау, где появился на свет фюрер Германии, находится в пограничном районе Австрии на реке Инн, которая отделяет Австрию от Баварии. И хотя до австрийской столицы Вены было рукой подать – всего каких-нибудь 80 километров, – лесистые места эти считались глухоманью. И населял их полусельский, полугородской люд – мужчины либо занимались ремеслом, либо уходили на заработки в более крупные и богатые города. Молодые женщины также нередко покидали отчий кров – они поступали горничными, поварихами, а кому повезло, и экономками в богатые семьи Линца, Граца или Вены. Ну, а потом, заработав себе на приданое, возвращались и выходили замуж. В этих бедных, стиснутых горами местечках нередко были браки между родственниками, иногда довольно близкими. На них смотрели сквозь пальцы, так же как и на внебрачных детей, в чем мы убедимся, познакомившись с родословной Гитлера.

Родословную эту проследили чуть ли не с XV века. Однако в «генеалогическом древе» семьи Гитлеров есть и «белые пятна».

До тридцатидевятилетнего возраста отец Гитлера Алоис носил фамилию Шикльгрубер, фамилию матери. В тридцатых годах этот факт обнаружили венские журналисты, и по сию пору он обсуждается на страницах монографий о нацистской Германии и о Гитлере. Талантливый американский историк и публицист Вильям Ширер, написавший книгу «Взлет и падение третьего рейха», полуиронически уверяет, что не измени Алоис свою фамилию Шикльгрубер на Гитлер, его сыну Адольфу не пришлось бы стать фюрером, ибо в отличие от фамилии Гитлер, которая своим звучанием напоминает «древнегерманские саги и Вагнера», фамилия Шикльгрубер труднопроизносима и для немецкого уха звучит даже несколько юмористически. «Известно, – пишет Ширер, – что слова «Хайль Гитлер!» стали в Германии официальным приветствием. Более того, немцы произносили «Хайль Гитлер!» буквально на каждом шагу. Невозможно поверить, что они без конца кричали бы «Хайль Шикльгрубер!», «Хайль Шикльгрубер!»

Алоис Шикльгрубер, отец Адольфа Гитлера, был усыновлен Георгом Гидлером, мужем его матери Марии Анны Шикльгрубер. Однако между замужеством Марии Анны и усыновлением Алоиса прошло ни мало ни много тридцать четыре года. Когда сорокасемилетняя Мария Анна вышла замуж за Георга, у нее уже был пятилетний внебрачный сын Алоис, отец будущего нацистского диктатора. И ни Георгу, ни его жене не пришлось в голову в ту пору узаконить ребенка. Четыре года спустя Мария Анна умерла, а Георг Гидлер покинул родные места. Все дальнейшее известно нам в двух версиях. По одной – Георг Гитлер (теперь он уже почему-то превратился из Гидлера в Гитлера) вернулся в родной городок и в присутствии нотариуса и трех свидетелей заявил, что Алоис Шикльгрубер, сын его покойной жены Анны Марии, фактически является и его, Гитлера, сыном. По другой – к нотариусу с той же целью отправились трое родственников Георга Гитлера. Согласно этой версии, самого Георга Гитлера к тому времени уже давно не было в живых. Считается, что великовозрастный Алоис пожелал стать «законным», поскольку он рассчитывал получить небольшое наследство от человека, в доме которого прожил много лет, а именно от брата своего предполагаемого отца Иоганна Непомука Гюттлера.

Алоис Шикльгрубер, он же Гитлер, был трижды женат: первый раз на женщине, которая была старше его на четырнадцать лет. Брак оказался неудачным. Алоис ушел к

другой женщине, на которой и женился после смерти первой жены. Но вскоре и она умерла от туберкулеза. В третий раз он женился на некоей Кларе Пельцль, которая была моложе мужа на двадцать три года. Для того чтобы оформить этот брак, пришлось испрашивать разрешения церковных властей, так как Клара Пельцль находилась, очевидно, в близком родстве с Алоисом. Как бы то ни было, Клара Пельцль стала матерью Адольфа Гитлера. Первый брак Алоиса был бездетным, от второго брака в живых осталось двое детей – Алоис и Ангела, от третьего тоже двое – будущий фюрер Германии и некая Паула, ничем не примечательная женщина, которая пережила своего брата. Всего у Алоиса Гитлера было семеро детей, из них один внебрачный и двое, родившихся сразу после заключения брака.

Адольф Гитлер был третьим по счету ребенком от третьего брака его отца.

Алоиса Гитлера, отца фюрера, в молодости отдали в ученье к сапожнику. Но он не пожелал шить башмаки и стал таможенным чиновником, т. е., по понятиям людей его круга, «выбился в люди». В 58 лет – сравнительно рано – Алоис вышел на пенсию. Он был непоседлив – все время менял места жительства, один городок на другой. Но в конце концов осел в Леондинге – пригороде Линца. Здесь на сонной улице в собственном домике с садом Алоис Гитлер дожил до самой смерти. Семья Гитлеров была недружная. И сам Адольф Гитлер крайне холодно относился к родственникам, в частности к родной сестре Пауле и единокровному брату Алоису. Этот брат, Алоис Гитлер, в 18 лет отсидел пять месяцев в тюрьме за воровство. Будучи выпущен на свободу, он через два года опять попался, на этот раз его посадили на восемь месяцев. В 1929 году, т. е. уже в то время, когда Адольф Гитлер начал входить в силу, Алоиса судили за двоеженство. Потом он уехал в Англию, завел там новую семью, бросил ее и вернулся на родину. В фашистской Германии Алоис «остепенился», открыл в Берлине процветающий пивной бар, который охотно посещали нацистская братия и иностранные журналисты – последние потому, что надеялись выведать у Алоиса какие-нибудь подробности об Адольфе Гитлере. Но Алоис умел держать язык за зубами. Он, без сомнения, знал, что несколько друзей Адольфа Гитлера, которые оказали будущему фюреру услуги в начале его пути и проявили излишнюю болтливость, плохо кончили. Их без особого шума убрали эсэсовцы. По свидетельству иностранных корреспондентов, Алоис Гитлер был в тридцатых годах дородным мужчиной, типичным немецким трактирщиком.

Единственный человек, к которому Гитлер питал родственные чувства, была его единокровная сестра Ангела Гитлер, по мужу Ангела Раубал. Когда Гитлер стал в Баварии влиятельным человеком, он выписал овдовевшую к тому времени Ангелу и сделал ее своей зкономкой. Ангела Раубал вела хозяйство холостяка Гитлера и в Мюнхене, и в его резиденции в Берхтесгадене, в Баварских Альпах. С дочерью Ангелы – тоже Ангелой (Гели) Раубал у Гитлера был роман.

Если верить книге Гитлера «Майн кампф», родители Гитлера хотели сделать из сына чиновника, а сам будущий фюрер мечтал стать свободным художником. В «Майн кампф» рассказывается о «трагическом конфликте», который возник на этой почве между жестоким отцом и несчастным сыном. Однако послевоенные биографы Гитлера без труда доказали, что миф о тиране-отце и многострадальном сыне не соответствует действительности. Отец Гитлера не был ни злодеем, ни деспотом: это был всего-навсего заурядный обыватель, которому удалось подняться на одну ступеньку выше своих родителей, выскочить из простых ремесленников в чиновники, в «пролетарии стоячего воротничка», как тогда называли в Германии мелких служащих. И Алоису Гитлеру хотелось дать своему сыну образование, несмотря на связанные с этим материальные жертвы. Но Гитлер, по всем данным, учился плохо. Одно реальное училище ему пришлось покинуть. Это было в Леондинге. Второе – в Линце – он также не сумел кончить.

На всю жизнь нацистский фюрер сохранил ненависть к интеллигенции, нападал на образование как таковое и на людей образованных. Неуважение ко всякому умственному труду, в особенности в области общественных наук, в «третьем рейхе», без сомнения, связано и с тем, что во главе этого рейха стояли люди, «образовательный ценз» которых был

на редкость низок по сравнению с любым другим буржуазным государством. Гитлер, в частности, презирал любые знания (исключая, пожалуй, знания в некоторых областях техники) и любой процесс познания, считая, что важны только конечные результаты этого процесса, чисто утилитарные выводы, из которых государство и фашистская партия могут извлечь сиюминутные выгоды.

В «Майн кампф» он называл педагогов «обезьянами» и «тупицами». «Их (учителей. – Авт.) единственная цель, – писал он, – была в том, чтобы забить нам головы и сделать из нас таких же ученых обезьян, какими были они сами». И еще много лет спустя, в 1942 году, в своей ставке Гитлер опять-таки не раз ругал гимназию, гимназические порядки, педагогов. Читая его высказывания о школе, не знаешь, чему больше удивляться: злопамятности нацистского фюрера или его невежеству. Вот некоторые образчики рассуждений Гитлера: «Зачем нужна парню, который хочет изучать музыку, геометрия, физика, химия? Что он будет помнить из этого потом? Ничего!» Или же: «Зачем учить два языка?.. Достаточно одного». Или же: «В общем, я выучил не больше десяти процентов того, что выучили другие». В предисловии к «Застольным беседам Гитлера» историк Перси Шрамм, который в свое время вел «дневник вооруженных сил» в ставке Гитлера, пишет, что особую ненависть Гитлер испытывал «к грязным социал-демократически настроенным народным учителям», «глупым и несамостоятельным умственным пролетариям». По словам Шрамма, Гитлер собирался заменить их уволенными в запас унтер-офицерами, поскольку те «чистоплотны и хорошо вымуштрованы на воспитание людей». Гитлер считал, что в школах надо избегать «преувеличенного образования – «массажа мозга», от которого «дети становятся дураками» и т. д.²

Впоследствии, живописуя тот период своей жизни, Адольф Гитлер создал две легенды, которые должны были обелить его учебные неудачи в глазах немецкого обывателя. Первая легенда заключалась в том, что, будучи подростком, он якобы заболел тяжелым легочным заболеванием. Именно этим Гитлер объяснил в «Майн кампф» свой уход из реального училища. Однако никаких данных о тяжелом и длительном недуге Гитлера не обнаружено.

Согласно второй легенде, распространявшейся будущим фюрером, после смерти отца семья Гитлеров впала в крайнюю бедность, из-за чего молодому Адольфу пришлось покинуть школу. Однако и эта легенда несостоятельна. Мать Гитлера получала приличную пенсию. Кроме того, как раз в 1905 году, когда Гитлер распорядился со школой, мать продала дом в Леондинге за 10 тысяч крон, что представляло собой в те времена солидную сумму. Таким образом, семья Гитлеров и после смерти отца жила довольно-таки обеспеченно.

Бросив школу, Гитлер два с лишним года вел праздную жизнь – занимался немножко живописью, был завсегдатаем местного театра, сочинял стихи и даже брал уроки музыки. Причем стоило ему заинтересоваться игрой на рояле, как мать приобрела инструмент – еще одно доказательство того, что о нищете в доме Гитлеров не могло быть и речи. В те времена, как писал первый биограф Гитлера немецкий историк Конрад Хайден, «молодой Гитлер был почти элегантен», он носил «черную шляпу с широкими полями и неизменные черные лайковые перчатки, ходил с черной тростью, украшенной набалдашником из слоновой кости, в черном костюме, а зимой носил черное пальто на шелковой подкладке». Гитлера, замечает Хайден, «можно было назвать тогда избалованным буржуазным сыночком»... «К любой работе ради «куска хлеба» он относился с презрением».

По свидетельству своих тогдашних знакомых, Гитлер без особого сожаления покинул провинциальный Линц. Ничто не привязывало его к этому городу: ни друзья, ни любимое дело. Любимого дела у Гитлера не было. А его единственным приятелем в ранней юности

² В книге Мазера «Адольф Гитлер. Легенда. Миф. Действительность» автор отмечает, что до конца своей жизни фюрер писал с грубейшими ошибками, делая их а самых простых словах. И это признает тот самый Мазер, который уверяет, будто Гитлер был «способный, начитанный и знающий человек». Странное несоответствие!

был сын обойщика по фамилии Кубичек, о котором уже говорилось выше. Как явствует из воспоминаний Кубичека, он обладал драгоценным для Гитлера свойством – умел выслушивать в полном безмолвии длинные тирады будущего фюрера.³

Но если в свое время Гитлер отнюдь не был привязан к городу Линцу, то много лет спустя, когда он стал господином над жизнью и смертью миллионов людей, Линц все же приобрел славу «родного города фюрера».

Гитлер решил превратить Линц в город-музей, в памятник собственному величию. В годы войны он составлял грандиозные проекты переустройства города, велел изготовить чертежи новых гигантских зданий. На всех проектах Гитлера вообще и на линцских в частности был явный отпечаток мании величия. «Он мечтал строить залы на триста тысяч человек, – пишет Феликс Гросс, иностранный журналист, который жил в Германии в тридцатых годах и разговаривал с Гитлером, – мечтал о роскошных казармах и дикого вида ратушах». И далее: «Странным образом все его казармы походили на волшебные замки, а его замки были похожи на казармы».

Линц поистине мог стать городом-монстром, украсившись целыми кварталами замков-казарм. Однако реконструкция Линца, так же как и многие другие планы и проекты Гитлера (в том числе проект переименования Берлина как столицы великогерманской империи в «Германия»), остались только на бумаге, Единственное, что удалось в этой области совершить Гитлеру, – это посетить Линц в роли фюрера тридцать с лишним лет спустя после того, как он покинул его недоучившимся реалистом.

В 1906 году Гитлер впервые отправился в Вену, которая произвела на него большое впечатление. В 1907 году, после того как будущему фюреру исполнилось 18 лет и он получил причитающуюся ему долю отцовского наследства, Гитлер уехал в Вену на постоянное жительство, Он намеревался поступить там в академию художеств. Толстая пачка рисунков, которую он привез из Линца, казалась ему залогом будущих успехов. Однако в Вене Гитлера ожидало жестокое разочарование. Он провалился на экзаменах. В экзаменационном листе венской академии художеств за 1907 год написано: «Нижеследующие господа выполнили экзаменационные рисунки с неудовлетворительным результатом или же не были допущены к экзаменам... Адольф Гитлер, Браунау-на-Инне; 20 апреля 1889 года; немец, католик, отец – оберфискаль; оконч. 4 класса реального училища. Мало рисунков гипса. Экзаменационный рисунок – неудовлетворительно». Правда, ректор академии посоветовал Гитлеру поступить в архитектурное училище. Но когда Гитлер пошел туда, у него потребовали аттестат зрелости, который он так и не получил.

Экзамены в академию проходили осенью. А в декабре того же 1907 года в Леондинге умерла от рака груди мать Гитлера. Похоронив ее, Гитлер прожил до февраля 1908 года у своих родственников и только после этого окончательно переехал в Вену.

До 1913 года Гитлер жил в Вене.

* * *

Этот венский период Гитлер назвал в «Майн кампф» «несчастнейшим временем» своей жизни. Действительно, именно в Вене Гитлеру пришлось познакомиться с нуждой, именно в Вене его начали преследовать неудачи. В чем же причина этого? В «Майн кампф» Гитлер объясняет бедственное положение, в котором он очутился, тем, что он будто бы остался без гроша в кармане, буквально на улице. Но это было не совсем так. Мать Гитлера, несмотря на большие расходы, связанные с тяжелой болезнью, оставила детям 3000 крон. Кроме того, Адольфу и его сестре Пауле была назначена пенсия за отца в размере 50 крон в месяц до конца обучения. Часть этой пенсии Гитлеру обманным путем удалось получить, хотя он

³ Первое время в Вене Гитлер и Кубичек жили вместе. Однако как-то раз, вернувшись после поездки домой, Кубичек обнаружил, что Гитлер выехал из их общей комнаты, не оставив даже адреса.

нигде не обучался. Словом, по подсчетам биографов Гитлера, он имел ежемесячно около 100 крон, не считая единовременных вспомоществований от своей тетки – сестры матери (в общей сложности Гитлер получил от тетки не менее 2000 крон). Разумеется, всех этих денег надолго хватить не могло, но с их помощью можно было стать на ноги, т. е. научиться какому-нибудь ремеслу, пристроиться к делу. Однако Гитлер не желал пойти по этому пути. Первые полгода он снимал меблированную комнату со своим приятелем Кубичеком. В эти полгода Гитлер жил барином, ходил в театр, спал до обеда. В сентябре 1908 года он попытался снова поступить в академию, но не был даже допущен к экзаменам. Правда, и сейчас дорога к высшему образованию все еще не была закрыта, так как в архитектурное училище «особо одаренных» в виде исключения принимали и без среднего образования. Но Гитлер даже не сделал попытки преодолеть этот барьер. Будущий фюрер медленно, но верно опускался на дно: денег становилось все меньше, меблированные номера, в которых он жил, – все более жалкими и обшарпанными. В «Майн кампф» Гитлер называет их «пещерами», но и на «пещеры» денег не хватало. В конце концов Гитлер перебрался на скамейки в парки, стал спать под мостами. Осень 1909 года застала будущего фюрера в так называемом убежище для людей, оставшихся без крова, т. е. в ночлежке в венском пригороде Майдлинге. В конце года он обосновался в другой ночлежке под названием «Мужской дом для бедных» на Мелдеман-штрассе на берегу Дуная. Там он жил до 1913 года. Первое время он перебивался случайными заработками: то убирал снег, то выбивал ковры, то носил чемоданы на Западном вокзале. Под конец своего пребывания в Вене Гитлер нашел себе более «престижное» занятие. Он начал рисовать на продажу картинки с изображением знаменитых венских архитектурных памятников. Свою продукцию он сбывал старьевщикам, продавцам рамок (рамки надо было чем-то заполнять) и мебельщикам, которые по тогдашней венской моде наклеивали пестрые картинки сзади на спинки недорогих диванов и кресел. Кроме того, Гитлер писал рекламные плакаты. Он сочинил, в частности, плакат «Присыпка от пота «Тедди», а также плакат «Покупайте свечи!», на котором был изображен святой Николай с пестрыми свечами в руках. И наконец, плакат с грудой кусков мыла на фоне башни собора св. Стефана. Этот дешевый товар Гитлер сбывал с помощью некоего Ганиша. Но вскоре он подал в суд на Ганиша, обвинив его в утайке части денег. На суде выяснилось, что Ганиш проживал по чужому паспорту, за что и получил неделю тюрьмы. Порвав с компаньоном, Гитлер начал продавать свои картинки самостоятельно.

Историк Конрад Хайден, написавший книгу о Гитлере уже в тридцатых годах и собравший показания людей, которые знали фюрера в годы его молодости, рисует примерный портрет Гитлера венских лет: «...потертый сюртук ниже колен, его подарил Гитлеру венский старьевщик, еврей по фамилии Нойман, такой же бродяга, как и все другие тогдашние товарищи Гитлера, обитатель ночлежки... Засаленный черный котелок – его Гитлер носил и зимой и летом, нечесанные космы, спадавшие на лоб, как в более поздние годы, и свисавшие сзади до самого воротника, обсыпанного перхотью... Худое голодное лицо. На щеках и подбородке черная щетина. Широко раскрытые глаза...»

Основываясь на «Майн кампф», большинство историков считает, что Гитлер сознательно не искал себе постоянной работы. Гитлер писал, что он боялся «погрузиться в старое, менее уважаемое сословие», иными словами, в рабочее сословие. Очень возможно, что этот сын таможенного чиновника, зараженный мещанскими предрассудками, действительно предпочитал нищенствовать, дабы не стать пролетарием. В свое время отец Гитлера перешагнул Рубикон – из ремесленника вышел в «благородные», и Гитлер, видимо, не хотел перейти Рубикон в обратном направлении. Тем более, что в Вене в те годы классовые различия проявлялись куда острее, нежели в захолустных городишках, где будущий фюрер провел свое детство.

В «Майн кампф» Гитлер подробно и многословно рассказывал, как он занялся самообразованием в Вене. «Я читал тогда необычайно много и притом основательно... За несколько лет я, таким образом, создал основы знания, которыми я и сейчас еще питаюсь». Далее он сообщает, что выработал свой собственный метод чтения: «Однако я понимаю под

чтением, видимо, нечто другое, чем большая часть наших так называемых интеллигентов». За этим следует длинная тирада, которая кончается так: «Искусство чтения, так же как и обучения, вот в чем: запоминать существенное, несущественное забывать, Только такое чтение вообще имеет смысл, и с этой точки зрения венский период был для меня особенно благотворен и важен».

По тем отрывочным данным, которыми мы располагаем, Гитлер читал в Вене много, но крайне беспорядочно. Читал книги по оккультизму, астрологии, зачитывался приключенческими романами Карла Мая и жадно поглощал бульварные венские журнальчики и брошюры, издаваемые различными реакционными организациями. На одном из этих журналов, а именно на антисемитском журнале под названием «Остара», который издавал один из проповедников расизма и антисемитизма в Австрии бывший монах Георг Ланц,⁴ он же Йорг Ланц фон Либемфельс, придется остановиться подробнее. Ибо бросается в глаза тождество высказываний Гитлера с теми «теориями», которые проповедовали венские расисты. Уже в грошовых брошюрах Ланца движущей силой истории объявлялась война между «белокурой расой господ», которую Ланц называл просто «хельдингами», от немецкого слева Held – герой, и прочими, неполноценными расами под названием «аффлинги», от немецкого слова Affe – обезьяна. Ланц призывал «хельдингов» сторониться «обезьяноподобных», дабы предотвратить смешанные браки. Он считал чудовищным «расовым позором» связь белокурых женщин «высших рас» с «недочеловеками» из породы «обезьяноподобных». Между прочим, Ланц рекомендовал представителям «высших рас» иметь много жен, не обращая внимания на церковную мораль. По теории Ланца, «хельдинги» должны были устраивать специальные питомники для выведения чистых арийцев.

На протяжении двенадцати лет нацисты пытались проводить в жизнь подобные теории. Гитлер был одержим идеей «улучшения расы» и давал в этой связи практические рекомендации, которые звучали ничуть не более грамотно, нежели рассуждения венских бульварных газетчиков.

В качестве примера приведем один из застольных монологов Гитлера в 1942 году, записанных Пикером. Речь в ставке Гитлера шла в тот день о курорте в Баварских Альпах, который фюрер превратил в 30-х годах в свою резиденцию. Естественно, что всю эту местность наводнили эсэсовцы из личной охраны Гитлера. Вот какой тирадой разразился Гитлер по этому поводу: «Заслуга лейбштандарта (эсэсовцев. – Авт.) в том, что сейчас в окрестностях бегают большое количество сильных и здоровых детей. Вообще необходимо, исходя из этого, посылать во все те места, где плох состав населения, элитные войсковые части, чтобы добиться освежения крови... Мазуры и Баварский лес надо обязательно занять когда-нибудь отборными войсками».

Характерно также (и это отмечали многие исследователи), что антисемитизм Гитлера и его главного специалиста по данному вопросу Юлиуса Штрейхера, издателя антисемитской газеты «Штюрмер», имел специфическую окраску, свойственную еще венским расистам начала века, а именно – сексуальную.⁵

И наконец, уже в грязных журнальчиках, издававшихся в Вене до 1914 года, намечена программа уничтожения «низших рас», взятая на вооружение Гитлером. Ланц предлагал стерилизовать «неарийцев», ввести для них принудительные работы, депортировать их в «пустыню шакалов» или в «обезьяньи леса».

Известно, что идеологи расизма всегда исполняют определенный социальный заказ. В

⁴ О Ланце существует книга Вильфреда Дейма под названием «Человек, который поставлял Гитлеру идеи. О религиозном заблуждении сектанта и расовой мании диктатора».

⁵ После разгрома фашизма была обнаружена чудовищно циничная переписка Бормана с его женой, в которой жена требовала, чтобы Борман как «чистый ариец» позаботился о потомстве от разных женщин с «чистой кровью».

тогдашней Вене, столице многонациональной габсбургской монархии, антисемитизм был необходим правящим классам как идеологическое оружие в борьбе против растущего самосознания масс, против возникавшего у них благородного чувства интернационализма, против единения трудящихся разных национальностей.

Показательно, что и в социал-демократических организациях, которые существовали в тогдашней Вене, Гитлера больше всего возмущала их приверженность интернационализму, единству трудящихся. В условиях Вены это означало, что социал-демократы австрийцы стремились бороться рука об руку с социал-демократами чехами, венграми, словаками. Вот что писал по этому поводу Гитлер в «Майн кампф»: «То, что меня больше всего отвращало от них (социал-демократов. – Авт.), была их враждебная позиция по отношению к борьбе за сохранение немецкого духа и отвратительные домогательства с целью достичь благосклонности славянских «товарищей».

Власть реакционных сил в Австро-Венгрии зиждилась на привилегиях, которыми издавна пользовались австрийские феодалы, крупные чиновники и богачи. В «теории» это выглядело так: хозяева Австро-Венгрии заявляли, что, согласно «естественным природным законам», общество представляет собой иерархическую пирамиду; вершину пирамиды образует «чистая раса», т. е. немцы,⁶ нижние этажи – чехи, словаки и, наконец, евреи.

Трудящиеся Австро-Венгрии, однако, отвергали иерархическую расовую пирамиду. Удар господству промышленников и капиталистов нанесло широкое демократическое движение в 1907 году, которое дало всем совершеннолетним мужчинам габсбургской монархии избирательное право. Для Гитлера все эти явления были признаком того, что государство «погружается в гнилое болото». Привилегии «расы господ» в Австро-Венгрии оказались в опасности. И Адольф Гитлер, который, как мы видели выше, ни за что не хотел расставаться со своими социальными привилегиями, предпочитая торговать жалкими картинками и жить в ночлежках, Гитлер с фанатическим пылом ринулся на защиту расовых привилегий немцев, которые они все больше теряли в габсбургской монархии начиная с революции 1848 года. Бедняк, рекламировавший присыпку от пота, цеплялся за «учение», доказывавшее превосходство его «крови», его «расы», предоставлявшее ему хотя бы чисто теоретически право господствовать, властвовать... Когда-то хозяева Австро-Венгрии бросили эту кость полуголодному Гитлеру. Впоследствии сам Гитлер бросил ту же кость своим подданным, которых он превратил в убойный скот, в рабов военной экономики. Посылая немецкого обывателя на фронт, он утешал его тем, что он-де выше поляка Шопена или еврея Эйнштейна, что в его жилах течет кровь «первого сорта» и что французы, чехи, русские «завидуют ему»... Наряду с расовой теорией в формировании гитлеровского мировоззрения большую роль сыграл германский национализм. Национализм в Вене представляла в те годы пангерманская партия. Лидером ее был Георг фон Шенерер, которого Гитлер называл «глубоким умом». Шенерер был воинствующим немецким националистом. Он ненавидел социализм и рабочий класс. Политическое кредо Шенерера заключалось в том, чтобы объединить всех немцев в одной империи. Габсбургскую монархию Шенерер презирал. Однако пангерманцы не имели успеха в Вене: откровенно антинародная и антисоциалистическая политика, которую они проводили, не пользовалась поддержкой широких масс. В довершение всего Шенерер был в ссоре с мощной католической церковью и тем самым, как писал потом Гитлер, «распылял силы».

Большое влияние на Гитлера и на его мировоззрение оказал также кумир австрийского мещанства – бургомистр Вены Карл Люгер. Люгер сумел сплотить венскую мелкую буржуазию в «ударный кулак». Этот политикан, который, как уверял Гитлер, был «самым сильным немецким бургомистром всех времен» и стал бы «одним из величайших умов» Германии, если бы он родился не в Вене, а в Берлине, и впрямь был своего рода классиком социальной демагогии. Он уже тогда додумался использовать для подавления трудящихся

⁶ В то время австрийцы официально именовались немцами.

масс «чернь», «толпу», накипь общества. Люгер противопоставил лавочника пролетарию, люмпена – организованному рабочему, истерических недоучек – интеллигентам. Люгер был опытным демагогом и широко использовал популярные антикапиталистические лозунги, незаметно переиначивая их в своих целях. Первоисточником гитлеровских тирад, направленных против «монополий», против «эксплуатации», «спекулянтов» (и вообще всех тех, кто «не работает»), являлись не только труды Федера, первого теоретика национал-социалистической партии, о котором нам еще придется говорить далее, но и речи Люгера, мобилизовавшего венских мелких буржуа против «капитала». Защищая интересы верхушки общества, Люгер в то же время широко пользовался антикапиталистической фразеологией, которая воодушевляла мещан, помогала им вообразить себя великими «революционерами». Демагогические формулы Люгера, к примеру «спекуляция равна преступным легким заработкам, равна прибыли без продуктов труда», Гитлер впоследствии широко использовал. Недаром он писал в «Майн кампф», что Люгер «понял ценность широковещательной пропаганды и виртуозно воздействовал на инстинкты своих сторонников». Под руководством венского бургомистра Христианско-социальная партия стала в 1907 году сильнейшей партией австрийского парламента.

В «Майн кампф» Гитлер написал: «Вена была и осталась для меня самой тяжелой и основательной школой жизни... В это время у меня создалась картина мира и мировоззрение, которое стало гранитным фундаментом моих тогдашних действий. К тому, что я в те времена получил, мне пришлось лишь немного добавить, изменять я не должен был ничего».

Итак, «гранитный фундамент». Однако не надо преувеличивать значение книжной и прочей премудрости в создании этого фундамента. Конечно, и Люгер, и Ланц, и Шенерер, и другие реакционные деятели тогдашней Австро-Венгерской монархии внесли свою лепту в мировоззрение будущего фюрера. Но наибольшую роль в формировании его личности сыграла сама жизнь, непосредственное окружение. И здесь мы не можем не отметить, что исследователи, как правило, слишком бегло освещают так называемый «венский период» жизни Гитлера. Официальные биографы фюрера по понятным причинам не хотели привлекать к нему внимания. А историки, занимавшиеся Гитлером после 1945 года, то ли по недостатку материалов и живых свидетелей тех лет, то ли из чувства «пиетета» также говорят о нем только вскользь.

А между тем даже то, что мы знаем о жизни Гитлера в Вене абсолютно достоверно, дает богатейшую пищу для размышлений. Четыре года – немалый срок – Гитлер провел в ночлежках среди париев тогдашней Вены, в уголовном или, скажем, полууголовном мире. Его обществом были, очевидно, бродяги, мошенники, сутенеры, просто опустившиеся люди, «асоциальные» элементы, как их называли в «третьем рейхе». Гитлер делился с ними своими планами (так, Ганиш утверждает, что у будущего фюрера был план подделки картин старых мастеров) и идеями. В свою очередь, эти изгои общества делились с Гитлером своими идеями и планами...

Социологи разных стран, занимающиеся проблемами преступного мира, не раз отмечали, что у этого мира есть свои жестокие законы, своя «этика» и своя «мораль». Альфой и омегой этого мира является ненависть к тому обществу, которое их отвергло. Ненависть эта направлена не на один какой-то класс, она распространяется на все классы и слои, на всех вообще нормальных людей. Далее, мы знаем, что в каждой шайке обязательно есть свои главари, которые беспощадно расправляются с «изменниками», с «отступниками». Нередки случаи, когда главари убивают своих бывших сообщников, которые посягнули на их власть или просто хотели вернуться в лоно общества. Круговая порука, «недоносительство» – один из законов преступного мира. В ночлежках существуют не только свой «сленг» – жаргон и свой фольклор, но и свои нравы, свои неписанные правила поведения.

Повлияли ли обычаи, этика и мораль венского дна, преступной мафии на «гранитный фундамент» мировоззрения Гитлера? Конечно, повлияли.

Вот известное, много раз цитировавшееся высказывание Гитлера из «Майн кампф»: «Идея борьбы так же стара, как сама жизнь, ибо жизнь сохраняет только тот, кто растаптывает чужую жизнь... В борьбе выигрывает ловкий, а неловкий, слабый проигрывает. Борьба – отец всего... Не по принципам гуманности живет человек и воцаряется над миром животных, а только с помощью самой жестокой борьбы...» А вот цитата из речи Гитлера в 1928 году: «Какой бы цели ни достиг человек в жизни, он достигает ее благодаря своей... жестокости». Да ведь это просто философия ночлежки! – восклицает Алан Буллок⁷ – один из немногих историков, серьезно исследовавших венский период жизни Гитлера. «В той борьбе, которую человек там вел, каждый трюк, каждая уловка, каждое оружие, каждая хитрость были дозволены, какими бы бессовестными и коварными они ни были», – продолжает Буллок.

Вот что говорил Гитлер в беседе с Раушнинггом⁸ о воспитании молодежи: «Моя педагогика тверда. Слабость должна быть изничтожена. В моих орденских замках подрастет молодежь, которая ужаснет мир. Мне нужна молодежь, жаждущая насилия, власти, никого не боящаяся, страшная... Свободный, прекрасный хищный зверь должен сверкать из ее глаз... Мне не нужен интеллект. Знания погубили бы мою молодежь».

В этом духе Гитлер высказывался на всем протяжении жизни. Он не скрывал, а, наоборот, афишировал свою злобу, полное отсутствие моральной брезгливости, уважение к кулаку, к насилию. Он не раз повторял, что ложь, обман – оружие в его борьбе. Не раз провозглашал, что все в этом мире дозволено. И это были отнюдь не простые декларации. В своей практике фюрер руководствовался теми же правилами атамана гангстерской шайки, подбирал себе соответствующих сообщников. Как мы увидим позднее, очень многие крупные нацистские политики имели уголовное прошлое, были, так сказать, мечены преступлением и преступным миром. Принцип «отбора» для Гитлера в этом смысле был облегчен тем, что благодаря первой мировой войне и социальным потрясениям на поверхность немецкой политической жизни вылезли деклассированные элементы.

По принципу атамана гангстерской шайки Гитлер расправлялся со своими политическими противниками и сообщниками – попросту убивал их. Так он разделался с крупными деятелями нацистского движения Ремом, Грегором Штрассером и другими. А когда речь шла о менее известных личностях, их и вовсе убивали без шума. Характерно, что, даже обладая гигантским аппаратом власти – гестапо, «народными трибуналами» и прочими учреждениями, Гитлер предпочитал иногда подстроженные убийства «законным» казням.

Выше мы говорили, что он ненавидел школьных учителей. Еще сильнее была его ненависть к юристам и всякой законности. Правда, став главой государства, Гитлер сажал в концлагеря и «асоциальные» элементы. Он понимал, что грабители и убийцы не могут разгуливать на свободе. Но в концлагерях он опирался именно на них. Бывшие узники нацистских лагерей рассказывают, какой властью обладали там уголовники, как они мучили политических заключенных, какими привилегиями пользовались. Венский период в жизни Гитлера безусловно сформировал его взгляды.

Гитлер не был просто мелким буржуа, «человеком с улицы», которого использовали могущественные силы германского империализма и реакции. В 1933 году старый прусский монархист фельдмаршал Гинденбург вручил власть не «богемскому ефрейтору»,⁹ как он его

⁷ Английский историк, автор двухтомной монографии о Гитлере.

⁸ Бывший приверженец Гитлера, который после 1934 года эмигрировал из Германии и написал известную в свое время книгу «Гитлер мне говорил».

⁹ Это широко распространенное прозвище основано на недоразумении. Гинденбург перепутал два различных Брауна: австрийский городок, в котором родился Гитлер, и чешский (богемский) город того же названия.

называл, а бывшему обитателю венской ночлежки, одному из тех, кого зовут «отребьем общества».

* * *

В возрасте 24 лет Гитлер навсегда покинул Вену. Отныне он обосновался в Мюнхене.

Впоследствии отъезд из Вены Гитлер мотивировал идейными соображениями – нежеланием жить в многонациональном, пестром, изобилующем «низшими расами» городе. По всей видимости, однако, причина была иная – Гитлер уклонялся от воинской повинности. Именно поэтому десять лет спустя, заметая следы, он неверно указал дату своего переезда. По гитлеровской версии, изложенной в «Майн кампф», он поселился в Германии в 1912 году; на самом деле это произошло только в 1913 году, когда австрийская полиция начала разыскивать Гитлера, чтобы доставить на призывной пункт. Вот тут-то Гитлер и бежал из Вены. А позднее, описывая свою жизнь, совершил подлог, боясь, что его поймают на столь непатриотическом поступке, как нежелание служить в армии.

Явившись в Мюнхен, Гитлер на всякий случай отметился в полиции как человек без подданства. Тем не менее в январе 1914 года австрийские власти узнали о его местопребывании и потребовали через мюнхенскую полицию, чтобы он явился в австрийское консульство и дал свои объяснения. В феврале Гитлеру пришлось предстать перед военной врачебной комиссией в Зальцбурге. Однако призывная комиссия признала его негодным «как для строевой, так и для нестроевой службы».

В Мюнхене Гитлер снял меблированную комнату в бедном районе, недалеко от казарм, у портного по фамилии Попп. Некоторое время он жил в этой комнате вдвоем с неким Грейнером, а потом один, и вел примерно ту же жизнь, что и в Вене: рисовал рекламы и объявления, торговал картинками с видами Мюнхена. По свидетельству очевидцев, все свое свободное время будущий фюрер проводил тогда в дешевых кафе и пивных, жадно глотал газеты и разглагольствовал о политике, впадая в ярость всякий раз, когда речь заходила о марксистах, капиталистах, евреях... Словом, это был «трактирный политикан», как их тогда называли в Германии. Никаких определенных планов на будущее у Гитлера не существовало... В двадцать четыре года это был человек без профессии, без образования, без моральных устоев.

Важнейшим рубежом в его жизни оказалась война 1914–1918 гг. Первая мировая война унесла десять миллионов жизней. Немцев погибло два миллиона. Война оставила сотни тысяч калек, вдов, сирот, разрушила экономику воевавших государств, Германии она принесла разруху, голод, обесценение денег, словом, жестокое похмелье. Тем не менее через пять лет после окончания войны Гитлер писал в «Майн кампф» о первом дне ее: «Я и сегодня не стыжусь признаться, что, охваченный стихийным воодушевлением, я опустился на колени и поблагодарил от всего сердца небо за то, что оно осчастливило меня – позволило мне жить в такое время... Так же, как и для всех немцев, и для меня началось тогда самое незабываемое, самое великое время моей земной жизни...»

Империалистическая война воодушевила не только Гитлера, но и вообще все деклассированные элементы немецкого общества. Она «списала» их грехи и неудачи, открыла перед ними широкие перспективы – во-первых, сулила им обеспеченную жизнь ландскнехтов, во-вторых, возводила вчерашних изгоев в ранг «патриотов», «защитников отечества», «героев», словом, давала им те самые моральные привилегии, которых они были лишены в мирной жизни. Деклассированная прослойка немецкого общества быстрее всех остальных клюнула на шовинистическую, ура-патриотическую пропаганду немецкого империализма. Именно этим и следует объяснить то, что уклонявшийся дотоле от воинской повинности Гитлер сам пришел на призывной пункт.

Однако карьеры, на которую Гитлер рассчитывал, в сословной кайзеровской армии ему сделать не удалось – в его ранце не оказалось маршальского жезла. Всю войну Гитлер прослужил связным при штабе полка, так и не получив чина выше ефрейторского. Даже к

концу войны, несмотря на огромную нехватку командного состава, Гитлеру не дали офицерских погон. Дважды он был ранен – первый раз в битве на Сомме в октябре 1916 года, второй – в октябре 1918 года в последней битве на Ипре, во время английской газовой атаки.

В армии будущий фюрер поражал своими странностями: то мрачно молчал, то начинал лихорадочно кричать. Держался он всегда особняком. Однако именно «солдатское сообщество», как это впоследствии называлось в «третьем рейхе», было первым «сообществом», устраивавшим Гитлера. Он, который до армии никогда не сходил с людьми, приобрел на войне если не друзей, то «своих людей». Так, казначей баварского полка Аман сыграл известную роль в нацистской партии – он возглавил издательство «Эгэр», получавшее впоследствии прибыли от «Майн кампф». Позднее Аман захватил издательство братьев Штрассер «Берлинер кампф-ферлаг», а потом стал самым крупным издателем нацистских трудов в «третьей империи».

Конец войны застал Гитлера в лазарете в Пазевальке.¹⁰ Там он узнал о капитуляции Германии. В то время Гитлеру было уже почти тридцать. Вскоре после этого он, по его словам, «решил стать политиком».

Солдат контрреволюции

Реакционные правящие круги Германии не могли, да и не хотели примириться с поражением, понесенным германским империализмом в войне 1914–1918 гг. На второй же день после капитуляции они начали готовиться к реваншу. Но для того, чтобы «переиграть игру», необходимо было восстановить репутацию вооруженных сил, возродить миф о непобедимости германской армии. Важнейшую роль в этом должна была сыграть легенда об «ударе ножом в спину», призванная переложить вину за военное поражение Германии на левые, прогрессивные силы.

8 ноября 1918 года Гинденбург, который вместе со своим ближайшим подчиненным Людендорфом настаивал на немедленной капитуляции, заявил, что немецкой армии нанесен «удар ножом в спину». С тех пор эта легенда пошла гулять по всей Германии. Распространению ее способствовало, во-первых, то, что военное командование до последнего месяца скрывало катастрофическое положение немецкой армии, во-вторых, то, что в день капитуляции войска Германии находилась на чужой территории, и, наконец, то, что с помощью различных интриг руководство армии заставило подписать акт о капитуляции «штатских» министров, которых нацисты именовали потом «ноябрьскими преступниками».

Мы упомянули легенду об «ударе в спину», дабы показать, что в Германии уже в 20-х годах была сконструирована идеология, которой позже воспользовались нацисты. Легенда о «саботажниках, пацифистах, интеллигентах и марксистах», которые якобы не дали армии одержать победу, стала мощным демагогическим оружием в руках Гитлера. Много лет спустя под лозунгом «борьбы за монолитность тыла» гиммлеровские наемники уничтожали лучших людей Германии.

Однако в самые последние дни войны реакционные классы Германии потерпели поражение и внутри страны. В стране началась революция. 3 ноября 1918 года восстали кильские моряки. Затем восстание перекинулось на всю Северную Германию и к 7–8 ноября охватило основные промышленные районы страны и столицу – Берлин.

¹⁰ Согласно официальной биографии Гитлера, в Пазевальке его лечили от отравления после газовой атаки англичан. Во время написания этой книги известный военный историк ГДР фон Витцлебен сообщил авторам, что в 1944 году немецкие врачи-антифашисты обнаружили в Пазевальке историю болезни Гитлера, из которой явствует, что он находился на излечении от сифилиса. По словам Витцлебена, этот факт стал известен знаменитому немецкому хирургу Зауэрбруху, который был связан с участниками заговора против Гитлера 20 июля 1944 года. В случае удачи заговора Зауэрбрух должен был выступить по радио и сообщить немецкому населению о том, что фюрер болел сифилисом.

9 ноября состоялась историческая демонстрация берлинских рабочих, окончившаяся провозглашением республики. С балкона бывшего кайзеровского дворца к демонстрантам обратился Карл Либкнехт, который призвал довести революцию до конца и лишить власти помещиков и капиталистов.

Напуганные этими событиями правящие классы Германии прибегли к помощи правых лидеров социал-демократической партии. В Германии было образовано временное правительство во главе с правыми социал-демократами Эбертом и Шейдеманом.

В первое время правители Германии еще не могли помешать нарастанию классовой борьбы. По всей стране начали возникать Советы рабочих и солдатских депутатов. Во главе революционных сил немецкого рабочего класса встал «Союз Спартака». Под руководством Карла Либкнехта, Розы Люксембург и Вильгельма Пика он мобилизовал массы на борьбу против контрреволюции. «Союз Спартака» провозгласил лозунг: «Вся власть Советам!» и выступил за перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

Однако в Советах сторонники «Спартака» оказались в меньшинстве. Во второй половине декабря в Берлине состоялся Всегерманский конгресс рабочих и солдатских депутатов. На нем правые социал-демократы сумели провести решение о том, что до «окончательного урегулирования положения» национальным собранием, т. е. буржуазным парламентом, власть передается Совету народных уполномоченных, в который вошли верные правительству социал-демократические функционеры. Вдохновленная этим решением контрреволюция перешла в наступление. В конце декабря в Берлине разыгрались кровавые события: против революционных матросов, служивших главной опорой передовых сил рабочего класса в Берлине, были брошены войска. Матросам пришлось сложить оружие.

Несколько позже войска контрреволюции заняли все важнейшие узлы связи и объявили столицу на осадном положении. 15 января 1919 года были арестованы вожди германского пролетариата Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Их подвергли допросу в отеле «Эден», где размещался штаб гвардейского кавалерийского корпуса – одного из центров контрреволюции, – а затем отвезли на машинах в пустынное место и зверски убили.

Рабочий класс Германии потерпел поражение. «Кайзер ушел – генералы остались», – так охарактеризовали прогрессивные силы обстановку, создавшуюся в стране после свержения монархии. Но и крайней реакции не удалось добиться своих целей – свергнуть республику и восстановить феодально-милитаристскую диктатуру. Германия, согласно принятой 31 июля 1919 год «Веймарской конституции», стала парламентской республикой. Это было важным завоеванием всех демократических сил.

Подавив революционное выступление в Берлине, правительство Эберта – Носке – Шейдемана направило удар против других очагов восстания. Войска Носке потопили в крови Советскую республику в Бремена и приготовились к наступлению на Баварию, где в начале апреля была также провозглашена власть Советов. Социал-демократическое правительство Баварии во главе с Гофманом бежало из Мюнхена в Бамберг и начало собирать силы для расправы с Советской республикой. 1 мая на Мюнхен двинулись войска. После трехдневных кровопролитных боев баварский пролетариат был разбит превосходящими силами контрреволюции. Сотни борцов за дело рабочего класса пали жертвами белого террора, Бавария оказалась во власти военщины и отрядов «фрейкора».¹¹

Успехи контрреволюции настолько вдохновили военщину, что она решила произвести государственный переворот и уничтожить республиканский строй. Для этого реакция использовала милитаристский союз «национальное объединение», который возглавлял Пабст – один из организаторов убийства Либкнехта и Люксембург. В марте 1920 года путчисты направили ультиматум правительству Эберта, в котором потребовали установления власти военщины в стране. Потом они двинулись на Берлин, Правительство было вынуждено бежать. Путчисты провозгласили своим главой махрового реакционера Каппа.

¹¹ Вооруженные контрреволюционные отряды, называвшие себя «добровольческими».

Но расчеты реакции на этот раз потерпели провал. Против организаторов путча выступил рабочий класс. Он дал отпор отрядам Пабста, Лютвитца, Эрхарда и других. 15 марта в Германии была объявлена всеобщая забастовка, в которой приняло участие 12 миллионов человек. «Правительство» Каппа подало в отставку. Главные организаторы путча бежали за границу. После этого наступило некоторое затишье; тем не менее реакция не была сломлена. Особенно сильной она оказалась в Баварии, ставшей местом зарождения германского фашизма.

В баварских административных органах на высоких постах сидели сотни реакционеров. Так, полицей-президентом Мюнхена был назначен некий Пенер.¹² Одним из сотрудников Пенера стал Вильгельм Фрик, будущий гитлеровский министр внутренних дел. В баварском министерстве юстиции оказался Франц Гюртнер – первый министр юстиции при Гитлере.

Такова была обстановка в Германии в целом и в Баварии в частности в те годы, когда Гитлер начал делать в столице Баварии – Мюнхене свою политическую карьеру.

Что же представлял собой тогда Гитлер?

В середине двадцатых годов, когда нацистская партия стала выходить на широкую арену, начала создаваться и легенда о ее фюрере. Это вполне закономерно, ибо фашизм невозможен без «идолопоклонства», без «принципа фюрерства», как говорили сами нацисты, иными словами, без рабского повиновения «вождю», почитаемому чуть ли не как бог.

Однако Гитлер меньше всего походил на того германского «вождя», которого воспевало его «учение». У него, так же как и у многих его ближайших сподвижников, в частности у Геббельса, была явно «неарийская» внешность.

Впрочем, как показали события, это вопиющее несоответствие было не столь существенным. Фашистская пропаганда уже в двадцатых годах пыталась сфабриковать («другого Гитлера»), «Гитлера-фюрера», не имевшего ничего общего с Гитлером подлинным.

Пропаганда добилась своей цели: сотни тысяч немцев начали «воображать» Гитлера таким, каким она его рисовала. А того, кто сопротивлялся этому, бросали в концлагеря и уничтожали.

Поэтому историку, занимающемуся фашистской Германией и Гитлером, не так уж легко восстановить действительный облик нацистского фюрера. Пожалуй, легче всего это сделать в применении к Гитлеру двадцатых годов, ибо тогда он был всего лишь малоизвестным демагогом и восприятие людей, которые встречались с ним, не было искажено.

Итак, как выглядел Гитлер в ту пору? «Первое впечатление, которое создается о Гитлере, – писал американский журналист Никербокер в годы войны в своей книге «Принадлежит ли будущее Гитлеру?», – это то, что он кажется глуповатым. Когда я впервые услышал его речь в августе 1923 года в цирке Кроне в Мюнхене, я расхохотался. Даже если вы никогда не слышали о нем прежде, вам хотелось сказать: «Он похож на собственную карикатуру». Временами создавалось впечатление, что он всегда ходил с открытым ртом и с отвисшей челюстью. Вид у него был либо вопросительный, либо он сжимал губы так решительно, что опять-таки казался глуповатым».

Другой иностранный журналист – Дьюл писал, что «тривиальность Гитлера, его усюки усыпили бдительность людей». Гитлер, уверял Дьюл, «в отношении своей внешности, манер, жестов, костюмов и поведения отличается исключительной тривиальностью. Он даже говорит на скверном немецком языке, несомненно, к этому человеку трудно было сразу отнестись серьезно». И далее: «Гитлер выглядит, как миллионы различных «маленьких людей», живущих в этом мире и находящихся в плохой физической форме... Его ноги слишком коротки для торса. По определению Раушнинга, ноги и руки у него непропорциональны... У него обвисшие плечи, впалая грудь, намечающееся брюшко. Ноги

¹² Когда Пенера, который должен был наблюдать за порядком, спросили, знает ли он, что в Баварии существуют террористические группы, подготовляющие убийства левых республиканских деятелей, он ответил: «Да, но их еще слишком мало».

слегка искривлены. Он плохо держится на ногах. Походка у него некрасивая, и он проявляет тенденцию выворачивать при ходьбе носки наружу. Его темные густые и тонкие волосы, когда на них падает свет, имеют рыжеватый оттенок... Он всегда страдал от сильной перхоти, следы которой постоянно заметны на его воротнике и плечах... Кожа на лице Гитлера грубая, шероховатая, часто кажется жирной и производит впечатление нездоровой. Глаза он унаследовал от матери, они отличаются серо-сине-зеленым цветом, так что в равной мере наблюдательные люди самым различным образом определяли их цвет, называя все цвета, начиная от лазурного до зеленого и даже «белого». Нос у Гитлера крупный и мясистый. Рот жесткий. Зубы плохие, вероятно, главным образом от того, что он за ними не следил... в уголках рта собирается слюна, что делает его дикцию неясной... Он говорит с грубым австрийским акцентом, выбор слов у него затрудненный, а синтаксическое построение фраз – сбивчивое. Относиться серьезно к человеку, который так говорит и пишет, было невозможно. В 1923 году Гитлер был так смешон, что в течение долгого времени им занимались главным образом юмористические издания. Для них это был человек, который пытался произвести смехотворный путч с револьвером в одной руке и с кружкой пива в другой».¹³

«У Гитлера были, – пишет журналист Феликс Гросс, – грубые черты лица, уродливый мясистый бесформенный нос, торчащие уши, скверные почерневшие зубы, неприятный цвет лица и лоснящаяся кожа, усеянная прыщами... перхоть, которая, несмотря на обильное применение помады, всегда лежала слоем на воротнике его пиджака...» И далее: «...у него были черные ногти, комическая жестикуляция».

Сохранилось также описание внешности Гитлера, сделанное в двадцатых годах внучкой Рихарда Вагнера Фриделинд: «Это был молодой человек в баварских кожаных штанах, коротких толстых вязаных носках, в рубашке в красно-синюю клетку и в короткой синей куртке, которая, как мешок, висела на нем. Острые скулы выдавались из дряблых, как тесто, щек... Вид у него был изголодавшийся, но в его взгляде было нечто фанатичное...»

Для сравнения приведем описание внешности Гитлера, сделанное много позднее уже упомянутым историком Перси Шраммом. Если отбросить первую часть этого описания, посвященную неодолимым «магнетическим» свойствам фюрера, то оно очень близко к характеристике, сделанной в те годы, когда Гитлер только начинал свое кровавое шествие к вершинам власти. Вот что пишет Перси Шрамм: «Нос у Гитлера был уродливый, он походил на «пирамиду». Неприятное впечатление, которое производили большие широкие ноздри, смягчалось короткими усиками. Рот был относительно небольшой, подбородок слабо развитый. Губы казались тонкими, поджатыми. Лоб был высокий, но это не было заметно, ибо его прикрывала прядь волос. Ресницы были редкие, зато брови густые, а над ними сильные надбровные дуги... Зубы у него были плохие, много зубов заменено «мостоами». Гитлер инстинктивно стыдился этого, когда он смеялся, то прикрывал рот рукой. Голова была непропорционально большая по сравнению с туловищем, руками, ногами. Руки у Гитлера висели, как плети. В тесном кругу он засовывал их в карманы. Ноги у него были слабые. Он наступал с пятки на носок и, согнув колени, делал довольно быстрые шажки. Любой пиджак висел на нем, как мешок, брюки и пальто казались бесформенными, шляпу он нахлобучивал на самый лоб...» Даже в партийной форме Гитлер, по словам Шрамма, не имел «импозантного вида – на коленях образовывались пузыри, высокие сапоги не облегли ногу. Френч он носил без ремня».

Таков был достаточно непривлекательный внешний облик Гитлера, запечатленный впоследствии на миллионах фотографий, на тысячах портретов.

Духовный облик и характер Гитлера тоже можно восстановить по многим подробным описаниям. Это был человек в высшей степени истеричный; то он впадал в отчаяние и кричал, что покончит жизнь самоубийством, то угрюмо молчал, то раздражался хвастливыми

¹³ Речь идет о так называемом «пивном путче», о котором будет рассказано ниже.

монологами. Чем большую власть он приобретал, тем более несдержанным становился, В 1933 году, поссорившись с другим тогдашним лидером нацистов Грегором Штрассером, фюрер начал кататься по полу в отеле «Кайзергоф» и кусать ковер. Геринг, которому надоело фиглярство Гитлера, мрачно сострил: «Все мы знали, что Адольф вегетарианец, но не знали, что в его меню входят ковры».

Люди, встречавшие Гитлера в двадцатые годы, в один голос отмечали, что он не терпел возражений и не мог парировать их. Он мог ораторствовать только в среде приверженцев. Перед тем как Гитлер всходил на трибуну, зал долго «накаляли». Позднее мы увидим, что существовал специальный ритуал подготовки толпы к речам фюрера. В записанном виде речи Гитлера поражали своей нелогичностью, отсутствием внутренней связи и грубостью: они взывали не к разуму людей, даже не к их чувствам, а к их темным инстинктам.

Наконец, приведем свидетельство Отто Штрассера, одного из старых соратников Гитлера.¹⁴ Вот что он пишет в своих мемуарах: «Я много раз встречался с Гитлером. Я десятки раз слышал его речи на митингах, в кругу шарфюреров и в узком семейном кругу у моих родителей или в квартире моего брата Грегора Штрассера, Тогда он был просто господином Гитлером и президент Рейхсбанка Шахт не называл его «мой фюрер». Тогда еще без всякого можно было сказать ему «ты бредишь» – и многие из его старых товарищей не раз говорили это.

Никто не ощущал тогда никакой его гипнотической силы. И моя мать, которая частенько давала ему салат или тарелку пончиков, всегда говорила, что он «жалкий комедиант».

...Уже цитированный выше Дьюл рассказывает любопытную историю: вскоре после того как Гитлер стал канцлером, в Германии начала распространяться версия, будто фюрер не имеет ничего общего с тем Гитлером, который организовал национал-социалистскую партию в двадцатых годах, писал «Майн кампф» и т. д. Он будто бы всего лишь брат настоящего Адольфа Гитлера, Один из сторожей ландсбергской тюрьмы, в которую Гитлера посадили после провала путча 1923 года, Отто Луркер выпустил книгу под названием «Гитлер за крепостной стеной». В ней он писал, что Гитлер «производил впечатление не совсем нормального человека и упорно требовал свидания с каким-то не то Рудольфом, не то Адольфом, чтобы попросить его о денежной помощи». Из этого Луркер делал вывод, что он знал «не настоящего Гитлера».

Легенды о двойниках Гитлера, о подмене одного Гитлера другим возникали в той или иной форме на всем протяжении фашистского господства. Думается, что в основе этих легенд о двух Гитлерах – истинном и мнимом – лежало глубочайшее несоответствие между ничтожеством «настоящего» Гитлера и той властью, которую он получил. Люди, знавшие Адольфа Гитлера до 1933 года, были настолько ошеломлены его карьерой, что нуждались хотя бы в каком-то объяснении сего феномена.

Однако история знает лишь одного Гитлера – всемогущего тирана и узколобого интригана, главу германского вермахта и «богемского ефрейтора», обитателя венских ночлежек и фюрера, обладавшего поистине безграничной властью.

* * *

Мы сознательно так подробно рассказали о первых годах жизни Гитлера. Сознательно привели столь длинные выдержки, в которых говорится о внешнем и внутреннем облике будущего фюрера. В этих выдержках важно, конечно, не то, что Гитлер был человек некрасивый и непривлекательный. Важно другое. Всем, наблюдавшим Гитлера до его прихода к власти, бросалась в глаза его незначительность, немасштабность. Между тем эти черты часто игнорируются буржуазными учеными. Вот что пишет западногерманский

¹⁴ Отто Штрассер бежал из Германии в 1934 году, в эмиграции выпустил книгу «Гитлер и я».

философ Фридрих Мейнеке: Гитлер являет собой «один из самых поразительных, неподдающихся учету примеров мощи личности и ее влияния на историю». Историк Герхардт Риттер заявляет, что фашизм – это «победа аномального, демонического рока». Гитлера он, по-видимому, считает персонификацией аномального начала и демонизма. Другой западногерманский историк Якобсен говорит, что Гитлер был «фанатичным народным вождем, одержимым своей исторической миссией». Уже цитировавшийся Ширер в книге «Взлет и падение третьего рейха» пишет: «Без демонической одержимости Гитлера, без его железной воли, зловещих инстинктов, беспощадности, выдающегося интеллекта, поразительного фанатизма, удивительной способности оценивать людей и схватывать обстановку – без всего того, чем он обладал и что он потерял, опьяненный властью и успехом, не существовало бы третьего рейха». Если верить Ширеру, то не потеряй Гитлер своей демонической одержимости и железной воли, история пошла бы иным путем. Очень опасная теория! И очень удобная для воскрешения легенды о фюрере. Ведь, приняв за данное все те превосходные степени, какими Ширер наделил Гитлера, можно считать, например, что Гитлера предали или «недооценили».

Еще дальше пошел Гердт Калов в своей книге «Гитлер – всеобщая немецкая травма». Он пишет: «Гитлер был гений и, как он достаточно часто говорил сам, художник с ног до головы. Художник, которому вся нация служила для его личного самовыражения... Он был режиссером, повелевавшим массами, как хором, в духе своих эстетических принципов. Мы были актерами и статистами в его постановке, этой величайшей из вагнеровских опер всех времен». И далее: «Мировая война была гениальнейшей импровизацией величайшего из диковинных полководцев всех эпох...» А вот как объясняет Калов массовое уничтожение людей в концлагерях: «Миллионы людей были сметены с лица земли... превращены в дым только потому, что режиссер счел их уродливыми, недостойными его эстетического мирового театра». Главное, что видит в гитлеризме Калов, – это чудовищную дисгармонию между представлениями («идеалом») Гитлера и реальностью. Для него Гитлер – это великий безумец, «идеалы» которого нельзя было воплотить в жизнь...

Все это чистая фантазия! Там, где историк рассматривает личность Гитлера, у него нет решительно никаких оснований считать его гением. Раковые клетки, по отзыву ученых, очень примитивны и даже невзрачны. Это не мешает им уничтожать куда более совершенные клетки мозга. История знала очень многих тиранов, сатрапов и абсолютных властителей, мозговой потенциал которых был намного ниже среднего потенциала их подданных. Кто-то из писателей сказал, что человека, вооруженного мечом, нельзя считать сильнее человека без меча, палача – сильнее жертвы. «Гением» и «великим режиссером», выражаясь словами западногерманского историка Калова, Гитлера сделали реакционные верхи немецкого общества, которые дали ему власть, заводы, тюрьмы, танки, армию.

В первой трети XX века в Германии была установлена система, именуемая национал-социализмом. Как уже сказано, неотъемлемой особенностью этой системы было то, что у нее должен был быть свой «гений», «фюрер», персонифицированный «идеал», «кумир», «идол», «божество». Без этого не могли крутиться колеса государственной машины национал-социализма. Мог ли стать этим идолом, богом, фюрером другой человек? Скажем, Рем, Штрассер или Геринг? На наш взгляд, это праздный вопрос. Идолом, фюрером этой системы стал Гитлер. Но так же, как вся эта система была создана в результате рокового стечения обстоятельств, случайных и не случайных, субъективных и объективных факторов, с помощью множества конкретных лиц – партийных функционеров, пропагандистов, палачей, аристократов и промышленников-мультимиллионеров, генералов и уголовников, юнкеров и недоучившихся философов, точно так же был создан и Гитлер, тот Гитлер, который вошел в историю...

Люди, присутствовавшие на Нюрнбергском процессе, и письменно и устно заявляли, что одно из самых потрясающих впечатлений этого многомесячного процесса было несоответствие между ничтожностью обвиняемых и грандиозностью зла, которое они совершили.

В мировой войне, развязанной фашизмом, погибло около 55 миллионов человек. Гитлер привел Германию к невиданной катастрофе, умертвил миллионы узников концлагерей. Эти факты и цифры обладают, по-видимому, и некоей магической силой. Фашистские злодеяния настолько чудовищны, что некоторые историки на Западе придают самому Гитлеру несвойственную ему масштабность.

* * *

...В ноябре 1918 года Гитлера выписали из лазарета. Деваться ему было некуда, и он нанялся конвойным в лагерь для военнопленных в Траунштейне. Однако в марте 1919 года лагерь распустили, пленные были отправлены на родину. Гитлер снова очутился в Мюнхене. Но в Мюнхене, как мы уже говорили, власть взял в руки народ. Была образована Баварская Советская Республика. Ликование царило на улицах города, по которым озлобленный Адольф Гитлер пробирался в свои старые казармы. Там с разрешения офицеров он и поселился. И когда в первых числах мая срочно подтянутые из Берлина войска рейхсвера, части баварского «фрейкора» и мюнхенская «черная сотня» уничтожили Советскую республику, Гитлер выплыл на поверхность.

В 1919 году германская реакция впервые использовала будущего фюрера. Гитлер получил задание: собирать данные для комиссии по расследованию революционной деятельности при 2-м баварском пехотном полку, т. е. шпионить за солдатами, которые сочувствовали Советам, и доносить на них офицерам. Сошлемся вновь на историка из ФРГ Мазера, который с невероятной скрупулезностью более чем четверть века спустя после крушения гитлеризма собирал факты из «личной» биографии Гитлера. «С уверенностью можно сказать, – писал Мазер, – что Гитлер получил задание обнаруживать унтер-офицеров и рядовых, которые в пору Советов, созданных в Мюнхене, сочувствовали коммунистическим Советам».

По всей видимости, Гитлер хорошо справился со своим делом. Но это еще ничего не значило. Людей, готовых на любые низости, было тогда в Германии достаточно. И, возможно, выполнив эту свою роль осведомителя рейхсвера, он так и не вышел бы на историческую сцену, если бы баварскими войсками не командовал реакционнейший генерал фон Эпп и если бы его ближайшим помощником и политическим советником не был капитан Эрнст Рем.

Рем, убитый Гитлером ровно через 15 лет после этих событий, был законченным ландскнехтом. Свои дни он проводил в казарме, а ночи в «Эльдорадо», мюнхенском притоне гомосексуалистов. Выступавший в то время как представитель реакционной части рейхсвера, Рем был не только первым начальником Гитлера, но и первым человеком, который разглядел в бывшем ефрейторе качества, нужные реакции.

«Рем, – пишет уже упомянутый Гросс, – был крайне заинтересован в том, чтобы завербовать побольше людей, которым некуда было деваться после роспуска армии... И вот Рему доложили, что среди демобилизованных солдат есть субъект по имени Адольф Гитлер и этот Гитлер, хоть и полоумный, может ораторствовать в течение часа без перерыва, громя красных, разглагольствуя насчет «удара ножом в спину» и прославляя старую армию. Единственный его недостаток – скверный немецкий язык, смесь австрийского и баварского диалектов. За две марки в день Гитлер был нанят Ремом в качестве агента по секретным поручениям. Он должен был докладывать шефу все, что ему удавалось подслушать в казармах».

Рем отправил Гитлера на специальные курсы рейхсвера, где обучались будущие политические агенты. Окончив курсы, Гитлер стал «офицером-воспитателем», не получив, впрочем, офицерского звания. Но обязанности Гитлера остались те же самые, только несколько расширились: его теперь засылали на собрания различных групп, фракций, карликовых партий, чтобы узнать, надо ли рейхсверу с ними бороться или же их можно использовать. Кроме того, ему разрешили публично выступать. И тут он открыл в себе

«бесценный дар». В «Майн кампф» есть такие слова: «То, что я в себе раньше не знал, хоть и ощущал по простому наитию, оказалось правдой. Я мог «говорить»».

12 сентября 1919 года Гитлер получил задание от политического отдела рейхсвера заняться небольшой группой, которая называла себя «Немецкая рабочая партия». Ему надлежало отправиться в маленькую мюнхенскую пивную Штернеке, где проходило собрание этой партии, на котором должен был выступить некий Готфрид Федер.

За несколько недель до этого Гитлер слышал Федерера на курсах рейхсвера. Для будущего фюрера прилично одетый инженер Федер с аккуратно подстриженными усиками был верхом образованности и респектабельности. На самом деле Федер представлял собой доморощенного мелкобуржуазного философа, которых тогда в Германии появилось не меньше, чем партий. Федер написал брошюру «Как сбросить ростовщичество?». Согласно его теории, в мире существовало два капитала: «спекулятивный» и «продуктивный», он же «чисто национальный». Для борьбы со «спекулятивным капиталом» Федер образовал в 1917 году Немецкий боевой союз для уничтожения процентного рабства, небольшую группку, которая вскоре распалась.

Речь Федерера на собрании Немецкой рабочей партии (он громил «спекулятивный капитал» стран-победительниц) очень понравилась Гитлеру. Дело тем и кончилось бы, если бы на смену Федеру не вышел другой оратор и не стал спорить с ним. Этот оратор утверждал, что первостепенной задачей всех баварцев является не борьба с иностранным капиталом, а отделение Баварии от остальной Германии, Этого Гитлер не мог перенести, он вскочил с места и, дико жестикулируя, начал, как сейчас сказали бы, «толкать речь», Темперамент Гитлера пришелся по вкусу одному из председателей партии Антону Дрекслеру, который дал будущему фюреру, когда тот собрался уходить, свою брошюру «Мое политическое пробуждение». Через несколько дней Гитлер получил по почте открытку, в которой Дрекслер сообщал ему, что он зачислен в Немецкую рабочую партию. По совету Рема Гитлер решил принять предложение Дрекслера.

Немецкая рабочая партия образовалась из так называемого «Политического рабочего кружка», организованного второсортным журналистом Карлом Харрером, и «Комитета независимых рабочих» – одного из детищ уже упомянутого Дрекслера. Из этих карликовых группок выросла не менее жалкая партия, насчитывавшая человек сто. Гитлер получил билет за номером семь.

Два простых аргумента заставили его связать свою судьбу со столь несолидным предприятием. Первый заключался в том, что в брошюрах Дрекслера и Федерера была та социальная демагогия, которая могла объединить вокруг партии широкий слой деклассированных мелких буржуа, тысячи людей, выбитых из привычной колеи войной и послевоенной разрухой. Второй аргумент был еще проще: ни в одной другой более сильной партии Гитлер не мог бы выдвинуться. Приходилось считаться и с этим.

Итак, Адольф Гитлер дал себя завербовать. Очень скоро он покончил с Харрером, первым председателем партии. Следы Харрера теряются во мраке.

С помощью ряда интриг Гитлер расправился также и со вторым председателем – Дрекслером – и тот канул в небытие после 1927 года.¹⁵

Вступив в партию Харрера – Дрекслера – Федерера, Гитлер, так сказать, «сожрал» ее изнутри, оставив одну оболочку. Много позднее, в неизмеримо больших масштабах, то же произошло и с веймарским государственным аппаратом.

Решающим для карьеры Гитлера уже на первом этапе было то, что он установил самые тесные связи с баварскими капиталистами. Правда, в тот период его поддерживали только второстепенные представители власть имущих в Германии. До первых «трехсот семейств» ему было не дотянуться. Но тот факт, что будущий фюрер с самого начала предпринял шаги,

¹⁵ Далее мы увидим, что Гитлер неоднократно менял состав партийного руководства: избавлялся от старых лидеров, приближал к себе новых. Тем самым он устранял возможных соперников и утверждал свою власть.

чтобы наладить связи с промышленниками, имеет принципиальное значение. Не надо забывать, что нацистская партия выступала под флагом борьбы с «плутократами», широко пользовалась социальной демагогией. И в то же время фюрер этой партии заискивал перед «плутократами», делал на них ставку.

Первой из мюнхенской знати признала Гитлера семья Бехштейн – крупнейшего фабриканта роялей, имевшая обширные связи не только в Германии, но и в других странах. (Элен Бехштейн, жена баснословно богатого дельца, на старости лет стала обхаживать в своем салоне представителей богемы, а также откровенных шарлатанов и «непризнанных гениев»). Вскоре Гитлер стал постоянным фаворитом семьи Бехштейн.

Финансовую поддержку Гитлеру оказывала также семья Зейдлиц, точнее говоря, Гертруда Зейдлиц, совладелица немецких и финских бумажных фабрик. Наконец, Гитлера систематически подкармливали крупные баварские издатели Ханфштенгли, связанные через жену Ханфштенгля – американку, с американскими бизнесменами. В возвышении Гитлера Ханфштенгли сыграли немалую роль; особенно помогал фюреру их сын Эрнст, по прозвищу «Путци», который даже был одно время начальником отдела печати в нацистской партии. В двадцатых годах Гитлера поддерживали также и другие, не менее влиятельные, чем Ханфштенгли, издатели – Брукманы.

Эти миллионеры наряду с рейхсвером щедро субсидировали фашистское движение и его фюрера. Так, например, в 1920 году, когда нацисты задумали купить разорившуюся газетенку под названием «Фелькишер беобахтер», они получили первоначальную сумму в 60 тысяч марок из секретных фондов рейхсвера, а остальные суммы, необходимые для поддержания листка, от Бехштейнов, Зейдлицев, Ханфштенблей и др. Причем известно, что друзья Гитлера платили ему в те годы не в обесцененных немецких марках, а в долларах.

Таким образом, у колыбели немецкого фашизма стояли крупные баварские буржуа, капиталисты с международными связями. Их дружба с бывшим обитателем ночлежки, выдававшим себя за «бунтаря» и «потрясателя основ», объяснялась не столько снобизмом немецкой буржуазии, желанием «пощекотать себе нервы», сколько ее стремлением использовать деклассированные элементы для борьбы с левой интеллигенцией и вообще с прогрессивными слоями общества.

Анализируя причины возникновения национал-социалистского движения в веймарской Германии и возвышения его фюрера, Курт Бахман в упомянутой нами книге «Правда о Гитлере»¹⁶ особо отмечает воинственный антисоветизм Гитлера.

«Он (Гитлер. – Авт.) постиг, что разнузданный антикоммунизм, проклятия в адрес большевистской революции в Советской России и ее выдающегося вождя Ленина, злобные антисемитские тирады, яростные нападки на империалистический Версальский диктат вполне подходят, чтобы вызвать аплодисменты и привлечь сторонников.

Когда крупный капитал нуждается в определенной политике, то всегда находится политик, который соответствует имеющимся представлениям».

Антисоветизм и антикоммунизм были паролем наиболее реакционной части тогдашнего немецкого общества, и Гитлер этот пароль усвоил уже на заре своей деятельности.

* * *

До 1930 года вся энергия Гитлера была направлена на создание сильной партии

¹⁶ Книга К. Бахмана вышла в ФРГ в издательстве «Вельткрайз» (Дортмунд, 1978). Здесь и далее авторы цитируют эту книгу по публикации журнала «Новый мир» «Свидетельствует Курт Бахман» №№ 10, 11 за 1980 год с предисловием В. Ежова.

нацистов. Однако здесь надо сразу же оговориться. Партия, организованная Гитлером, не имела ничего общего с обычными буржуазными партиями. Характерно, что сами гитлеровцы иногда называли свою партию партией, а иногда – «движением». Программа партии, составленная в 1920 году, так называемые «двадцать пять пунктов», преследовала чисто пропагандистские цели и состояла из разного рода демагогических лозунгов. Никакой теоретической и практической платформы, которая была бы обязательна для руководства нацистской партии – НСДАП,¹⁷ не было: ее членов связывала не программа, а круговая порука, а в дальнейшем до тонкости продуманная система привилегий и общность преступлений.

В гитлеровской партии не проводилось ни собраний, ни дискуссий, ни съездов в том виде, в каком они проводятся в других буржуазных партиях. Нацистские собрания и съезды были чисто зрелищными, пропагандистскими мероприятиями, заканчивавшимися зачастую военными парадами. При приеме в нацистскую партию существовали ограничения: в нее могли вступать только «расово полноценные немцы». Из этой диковинной партии нельзя было уйти по доброй воле, зато из нее изгоняли «недостойных», а потом обычно убивали: до 1933 года с помощью наемных убийц, после 1933 года с помощью государственного аппарата насилия – в тюрьмах и концлагерях.

Партийный аппарат сверху донизу был подчинен воле одного человека. Нацистская партия с самого начала была партией фюрера. Все партийные чиновники назначались Гитлером и были ответственны только перед ним. Личные, иногда мимолетные симпатии и антипатии Гитлера значили больше, чем занимаемый пост, стаж, «заслуги» того или иного нациста.

Так, например, личный шофер Гитлера Эмиль Морис в двадцатых годах или же начальник личной охраны Гитлера эсэсовский генерал Зепп Дитрих (это было много позже) обладали большей реальной властью и весом, чем гаулейтеры, т. е. областные руководители нацистской партии, а впоследствии – чем имперские министры. Наконец, в конце войны начальник партийной канцелярии фюрера Борман стал фактическим руководителем правительства Германии.

Словом, нацистская партия представляла собой иерархически-бюрократическое образование, построенное не то как военная часть, не то как некая террористическая организация, своего рода «мафия».

Однако не следует думать, что уже в 1919–1920 гг. Гитлер ясно и отчетливо представлял себе структуру и принципы построения будущей партии, как это изображали потом апологеты нацизма.

Фюрер не раз заявлял, что в политике он признает только «импровизацию». Однако импровизации Гитлера были всегда обусловлены потребностями социально-экономических сил, которым он служил. В 1919–1920 гг. социальный заказ реакции был ясен: создание массовой организации, которая могла бы бороться со все усиливающимся влиянием идей социализма на немецкий народ. Поэтому первостепенной задачей Гитлера стала вербовка новых членов. Весь вопрос состоял в том, как и где их завербовать.

О том, как Гитлер вербовал своих приверженцев, написано очень много, ибо это связано с основным «козырем» нацизма – фашистской пропагандой. Но очень важно также понять, что Гитлер, Рем и другие организаторы нацистской партии четко определили сферу своей деятельности, те слои общества, на которые они могли рассчитывать как на свой потенциальный резерв. Где же вербовались члены будущей НСДАП?

Попытка переворота, предпринятая нацистами в 1923 году, т. е. за десять лет до их прихода к власти, вошла в историю под названием «пивной путч». Вообще слово «пивная» фигурирует в летописи нацистского движения очень часто. Первое собрание будущей

¹⁷ National Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei – Национал-социалистская немецкая рабочая партия. Таково было официальное название сколоченной Гитлером партии.

фашистской партии с участием Гитлера произошло, как мы уже говорили, в пивной Штернеке. Первые массовые нацистские митинги, на которых выступал Гитлер, состоялись в «Хофбройхаузкеллере», т. е. в одной из самых больших мюнхенских пивных. Дальнейшие события в жизни национал-социалистской партии связаны с «Бюргербройкеллером», другой известной пивной Мюнхена. Впоследствии в парадном зале «Бюргербройкеллера» проводились ежегодные встречи «старых борцов», и пивная эта стала чем-то вроде Мекки фашистского движения. Наконец, служебные помещения нацистской партии в первые годы располагались в задних комнатах пивной Штернеке.

Словом, пивная, пивная, пивная... И это нельзя считать просто забавным совпадением.¹⁸ Завсегдатаями пивных были те мелкие буржуа Веймарской республики, к которым апеллировал Гитлер. Они только что сняли с себя военную форму, в их крови еще бродил военный хмель, и положение у многих из них было отчаянное. В стране царил голод. Деньги теряли ценность. Обыватели отчаялись, были озлоблены, задержаны, ждали чуда, «сильной руки».

И вот к чему это приводило.

3 октября 1919 года Гитлер впервые выступил в «Хофбройхаузкеллере», аудитория его состояла всего из ста человек.

В том же месяце он выступил снова в той же пивной. На этот раз там собралось 180 человек.

Через неделю аудитория Гитлера возросла до 200 человек.

В феврале 1920 года Гитлеру удалось организовать митинг в самом большом зале «Хофбройхаузкеллера». На этот митинг пришло 2000 человек.

И наконец, спустя несколько месяцев Гитлер выступал в огромном цирке Кроне, и зал был битком набит. По выражению Яльмара Шахта, будущего финансового «гения» нацистской Германии, Гитлер «отлично играл на струнах, настроенных в унисон мещанским сердцам».

А вот, пожалуй, еще более красноречивые цифры: в 1919 году в мюнхенской нацистской партии насчитывалось всего 100 человек, а в конце 1920 года – 3000 человек.

Не надо думать, однако, что только Гитлер подвизался на «пивном» поприще, что только он пытался играть на струнах мещанских сердец. В разных концах Германии возникали массовые организации деклассированных элементов, примерно того же типа, что и мюнхенская партия Гитлера. Так, в Нюрнберге Штрейхер сколотил Немецкую социалистскую партию, полууголовную антисемитскую группку, которая поставила на своей вывеске в целях маскировки слово «социалистская». В Аугсбурге некий доктор Дикель возглавил «Рабочий союз». В Австрии и в Судетах была организована Немецкая национальная социалистская рабочая партия.¹⁹ Непосредственным предшественником этой партии явился созданный в Австрии еще перед войной Немецкий национальный союз, лидерами которого были Вальтер Диль и Рудольф Юнг. Мюнхенская партия Гитлера была связана с Немецкой национальной социалистской рабочей партией, в Зальцбурге проводились их совместные встречи. И будущий фюрер не преминул этим воспользоваться – он «позаимствовал» у венских фашистов их название (несколько переставив буквы) и их эмблему – свастику. Впрочем, австро-судетские нацисты, в свою очередь, украли эту эмблему у венских националистов, которые проводили свои демонстрации под знаком свастики.

¹⁸ Нам могут возразить, что и рабочие по сложившейся в Германии традиции в двадцатых годах посещали резного рода дешевые закусовые, погребки и т. д. Все это так. Тем не менее «солидные» пивные были прибежищем немецких мещан, от неумеренного потребления пива отравивших себе, как их называли в Германии, «пивные» животы.

¹⁹ Сокращенно ДНСАП, в отличие от национал-социалистской немецкой рабочей партии (НСДАП) – партии Гитлера.

Первые годы гитлеровцы формально сотрудничали не только с австрийскими нацистами, но и со всеми перечисленными группами. Потом они постепенно поглотили их... Но здесь важно подчеркнуть другое – идея завоевания завсегдатаев пивных, т. е. относительно широких масс мещанства, при помощи националистических и псевдосоциалистических лозунгов возникла одновременно у многих лиц. Идею эту поддерживал и рейхсвер.²⁰ Это видно хотя бы по тому, что Рем вступил вскоре после Гитлера в мюнхенскую нацистскую партию.

Однако не следует думать, что гитлеровцы ограничили круг своих приверженцев исключительно мелкими буржуа, Первоначально одним из поставщиков партийных кадров стал преступный мир. О том, насколько тесно фашистская партия была связана с этим миром, видно по ее верхушке. Так, Юлиус Штрейхер, близкий друг Гитлера с двадцатых годов по 1945 год и крупнейший функционер нацистской партии, получил на заре своей карьеры четыре года тюрьмы за сексуальное преступление, жертвой которого стала девятилетняя девочка. Герман Эссер, ближайший друг Гитлера в первые годы его деятельности, его наставник по вопросам пропаганды, был хорошо известен мюнхенской полиции как сутенер. Сам Гитлер признавал, что Эссер «отъявленный подлец». Эккарт, в ту пору непререкаемый авторитет для нацистов в вопросах культуры, был наркоманом. Одним из приближенных Гитлера до 1923 года был Шейбнер-Рихтер, темный тип, служивший, между прочим, в царской охранке. Всю войну он провел в Константинополе. В 1923 году карьера Шейбнера оборвалась. Он был убит во время «пивного путча». Наконец, первый покровитель Гитлера и второе лицо в партии – Рем был гомосексуалистом и весьма близко соприкасался с уголовным миром. Его ближайшим другом являлся Хейнес – убийца и шантажист. Это была, так сказать, первая когорта нацистов, но, как мы увидим потом, и вторая когорта не отличалась от первой. Роберт Лей, руководитель «Трудового фронта» в нацистской Германии, был алкоголиком. Второй человек в государстве – Геринг, по официальному врачебному свидетельству международных экспертов в Нюрнбергском трибунале, много лет был наркоманом. Мартин Борман начал свою карьеру в двадцатых годах со зверского убийства.

Разумеется, все это не являлось случайностью. С точки зрения Гитлера, люди с темным прошлым, с нечистой совестью имели свои преимущества: они были преданы «идее», «делу», они были всем обязаны своему фюреру и, сверх того, полностью лишены «предрассудков», т. е. порядочности, «сдерживающих центров». Такие люди и создали, если можно так выразиться, моральную атмосферу нацистской партии, тот дух преступлений, который был ей присущ с первых до последних дней.

* * *

Уже в двадцатые годы немецкие фашисты, как мы видим, раз и навсегда решили вопрос: кого и где им надо вербовать. При этом они и здесь совершили ловкую подтасовку: собирая подонков общества, кричали, что опираются на массы, агитируя среди завсегдатаев пивных, уверяли, что агитируют среди пролетариев, сплачивая асоциальные элементы, твердили, что делают ставку на «революционеров», подбирая алкоголиков, наркоманов и гомосексуалистов, восхваляли здоровых мужчин со здоровым «нутром».

Однако оставался еще вопрос, какими методами сколачивать нацистскую партию. И это тоже была немаловажная проблема, ибо для того, чтобы о кучке безвестных политиканов, руководимой рейхсверовским агентом, заговорили, ей необходимо было повести за собой внушительную толпу.

Первым занялся широкой пропагандой нацистской партии уже упомянутый Эссер,

²⁰ Разрешенная Германии по условиям Версальского договора армия, численность которой не должна была превышать 125 тысяч человек (пехотные соединения и флот).

который так же, как и Гитлер, служил платным агентом рейхсвера. Однако Эссер был куда «цивилизованней» Гитлера, и его пропагандистские «находки» оказали нацистам неоценимые услуги. Эссер ввел так называемую «пропаганду балагана»— огромные красные плакаты, нечто вроде цирковых афиш. По его же совету нацисты разбрасывали листовки с грузовиков, используя для этого всякие поводы, к примеру, ярмарки, народные гулянья и т. п. Уже Эссер сформулировал основной закон нацистской пропаганды: броскость и беззастенчивость. На первых порах пропаганда нацистов буквально ошеломляла немцев, ибо она походила не на политическую пропаганду, а скорее на поразительно навязчивую торговую рекламу. Так, например, во время вагнеровских торжеств в Байрейте в начале тридцатых годов посетители поглощали конфеты, на обертке которых была изображена свастика, и ели сосиски с картонных блюдец, на которых был вытиснен портрет фюрера. Для Германии тех лет такие американские методы рекламы и пропаганды были новинкой.

А вот еще образчик пропагандистского стиля нацистов. Один из первых серийных плакатов, который Геббельс выпустил в Берлине в 1928 году, заняв пост берлинского гаулейтера, гласил:

«ИМПЕРАТОР АМЕРИКИ» ГОВОРИТ В БЕРЛИНЕ».

Ниже мелкими буквами сообщалось, что «доктор Геббельс, гаулейтер Берлина», будет выступать тогда-то и там-то. «Император Америки», как видим, больше не упоминался...

Можно с полным правом утверждать, что истинными открывателями беззастенчивой тотальной рекламы были гитлеровцы. Только для них она стала не орудием коммерции, а орудием политики.

Огромное значение, гораздо большее, чем программе, придавал Гитлер символикe. Существует большое количество его высказываний, в которых он с завистью и одобрением отзывался о символикe и обрядах католической церкви.²¹

В 1920 году был введен значок нацистской партии. В том же году Гитлер утвердил флаг НСДАП – красное полотнище и на нем белый круг с черной свастикой. Красным цветом нацисты пытались ввести в заблуждение германских трудящихся.

Если красный цвет гитлеровцы украли у рабочих партий, а свастику у нацистских венских кружков, то так называемое «немецкое приветствие» (правая рука с силой выбрасывалась вверх) они взяли у итальянских фашистов, которые называли это же приветствие «римским».

В 1924 году была введена пресловутая «коричневая рубашка», форма штурмовиков, опять-таки вариант «черной рубашки» – формы молодчиков Муссолини. Зато «изобретением» самих нацистов были слова «Хайль Гитлер!», заменившие сперва в гитлеровской партии, а потом и в империи фашистов все остальные приветствия: «Хайль Гитлер!» говорилось при встречах и расставаниях. Каждая официальная бумага кончалась словами «Хайль Гитлер!». Случалось даже, что человек попадал в концлагерь на том основании, что он сказал своему соседу «здравствуйте» вместо «Хайль Гитлер!». Автором этой формулы считается Геббельс. Однако до того, как нацистское приветствие было введено, «обожествление» Гитлера прошло множество стадий. Прежде всего ему был присвоен «титул» фюрера. Уже в 1921 году Гитлер именовался на партийных плакатах фюрером НСДАП Адольфом Гитлером, а с ноября 1922 года его титул писался так: «Наш фюрер Адольф Гитлер».

В фашистской «религии» имелись свои специалисты и знатоки, и они все время совершенствовали нацистские обряды. Так, например, кроме обычных партийных значков, были введены золотые партийные значки, и ритуал их вручения «особо отличившимся»

²¹ «До самой смерти, – пишет Мазер, – «конституция» католической церкви, ее организация, достоинство священнослужителей и церковное великолепие вызывали его (Гитлера) восхищение»

членам партии все время усложнялся. Уже в двадцатых годах в НСДАП появилось множество знаков различия и отличия, рангов, званий.

Одной из самых первых и основных нацистских церемоний была церемония собрания. Существует множество описаний нацистских сборищ, сделанных очевидцами. Приведем в сокращенном виде хотя бы одно из них, взятое из книги журналиста Лохнера «Что делается в Германии?»: «Уже за много часов до начала митинга толпы людей устремляются к месту сбора... Зал и арена битком набиты, в то время как снаружи тысячи людей слушают громкоговорители... Возбуждающие марши поддерживают толпу в приподнятом настроении. В разных частях зала гигантские плакаты повторяют лозунги собрания: «Мы требуем колоний» или «Инородец – наше несчастье», или «Мы хотим нового порядка Адольфа Гитлера»... Крики «Хайль!»... Сперва появляется местный районный руководитель и глава местных штурмовиков. Еще через десять минут – новая буря криков «Хайль!». К центральной трибуне шествует кто-нибудь из верхушки партии: Геринг, Геббельс, Гиммлер... Наконец под музыку военных маршей, специально написанных для этой части ритуала, торжественно вносят флаги и штандарты всех присутствующих организаций. Их устанавливают позади трибуны. Лихорадочное возбуждение охватывает людей... И тут в толпе, выстроившейся за много кварталов от зала, где происходит митинг, раздаются истерические выкрики... Появился фюрер... Вот он уже у входа в зал – идет, не глядя по сторонам, правая рука поднята вверх, левая – у пряжки пояса. Он не улыбается. Ведь это религиозное действо. Позади него – охрана и адъютанты. Но только его фигура залита потоками света...»

Разумеется, так проходили далеко не все собрания, а только самые парадные. Но принцип устройства этих зрелищ был установлен раз и навсегда – гитлеровцы били на самые дешевые эффекты. Они превращали политику в балаган, а свои митинги в цирковые представления.

Уже в двадцатых годах на собраниях нацистов большая роль отводилась так называемым «говорящим хорам» – группе заранее подготовленных молодчиков, которые время от времени скандировали те или иные лозунги, кричали «Хайль!» и вообще подогревали толпу. Известно также, что ни Гитлер, ни Геббельс, ни другие главные ораторы фашистской партии не являлись в зал к назначенному часу. В этот час они сидели обычно в ближайшем кафе и ждали, пока собравшихся не доведут до исступления криками и маршами.

Апофеозом всей зрелищной нацистской пропаганды были так называемые «партийные съезды» в Нюрнберге, последний из которых проходил в 1938 году... Характерно, что министр пропаганды Геббельс был фактически отстранен от этой церемонии, главным распорядителем ее являлся фюрер.

Плацы для парадов в Нюрнберге были весьма внушительны – на одном из них собиралось 120 тысяч человек, на другом, так называемом Цеппелиновом поле, – 140 тысяч участников и 100 тысяч зрителей. Нацисты имели также в своем распоряжении огромные залы.

Собственно, заседания нюрнбергских съездов состояли в том, что отдельные партийные чиновники и представители местных организаций прочитывали заранее составленные «рапорты». Но гвоздем программы были парады: различные нацистские организации проходили церемониальным маршем перед трибунами, на которых стоял фюрер и его ближайшее окружение. Каждый день в Нюрнберге проводился парад: шли то так называемые «политические руководители» партии, то представители «Трудового фронта», то юноши и девушки из гитлерюгенда – фашистской молодежной организации и из «Союза девушек-нацисток», то, наконец, военные части. В среднем мимо трибун проходило после 1933 года около миллиона человек, собранных со всей страны. А в первое время, когда о таких цифрах нацисты не могли и мечтать, они попросту блефовали – прогоняли отдельные организации по несколько раз.

Все было продумано до мельчайших деталей, каждое движение тщательно разучено и

отрепетировано, все заранее сконструировано, рассчитано...

Съезд был своего рода символом «третьей империи»: здесь не размышляли, не спорили, тут только внимательно слушали, приветствовали, маршировали, пели, стояли по стойке «смирно», кричали «Хайль!». «Человек растворялся в толпе, отдельного индивидуума больше не существовало...» – заметил западногерманский историк Хайбер, очень убедительно описавший нюрнбергские мистерии.

Большое внимание нецисты уделяли и, так сказать, теории пропаганды.

В «Майн кампф» Гитлер с редким цинизмом и беззастенчивостью изложил некоторые рецепты обращения с «массой». Не следует думать, однако, что причина сего – чистосердечие или наивность Гитлера. Цинизм – это тоже своего рода пропаганда. Кроме того, Гитлер в «Майн кампф» не открыл и десятой доли своих пропагандистских секретов.

Что же говорится в «Майн кампф» о пропаганде, о методах вербовки сторонников нацистской партии?

Прежде всего Гитлер признает, что вся его тактика построена на использовании слабости людей. Массу он характеризует следующим образом: «Широкие массы состоят отнюдь не из одних профессоров и дипломатов, и те незначительные отвлеченные знания, которыми они (массы. – Авт.) обладают, направляют их скорее в сферу чувств. Их положительные и отрицательные эмоции, обусловленные чувством, являются благодаря этому необычайно стойкими. Веру труднее поколебать, нежели знание, любовь меньше подвержена переменам, нежели уважение, ненависть более длительна, нежели неприязнь; движущей силой всех гигантских переворотов являлись не научные открытия – они не воодушевляли массы, – а овладевавший массами фанатизм и иногда также подстегивавшая их истерия...» И далее: ключ к овладению массами лежит «не в объективности, стало быть, не в слабости, а в золе и в силе». Гитлер неоднократно сравнивал толпу с женщиной, которая-де «любит повелителя больше, чем просителя».

Итак, фанатизм, истерия, явная «необъективность» – вот что может увлечь мещанскую, обывательскую массу, которая в глубине души мечтает о «повелителе»... Как ни убога эта «теория», но именно она была одной из движущих сил фашизма в Германии, рассчитанная на одурачивание широких слоев немецкого народа.

В «Майн кампф» даются также некоторые совершенно конкретные советы по части пропаганды. «Восприимчивость масс, – заявлял Гитлер, – очень ограничена, понимание – незначительно, зато забывчивость велика». Из этого Гитлер делал вывод: «Только того, кто будет повторять тысячи раз простейшие понятия, масса захочет запомнить». А вот вторая рекомендация фюрера: «Если уж врать, то врать беззастенчиво; крупной лжи поверят скорей, чем мелкой... Люди и сами иногда лгут в мелочах, но чересчур большой лжи они стыдятся. Поэтому им не придет в голову, что их так нагло обманывают».

Общеизвестно, что Гитлеру, а также другим нацистским фюрерам – Геббельсу, Герингу и т. д. – удавалось доводить собравшихся до исступления. Этому способствовали те пропагандистские приемы, о которых мы писали выше, вернее даже не пропагандистские приемы, а разработанная до мельчайших деталей технология психологического воздействия на толпу. И здесь мы, на наш взгляд, подходим к весьма существенному моменту, определявшему фашистскую пропаганду. Пропаганда эта была пропагандой человеконенавистничества, пропагандой ненависти; нацисты всегда находили объекты для подстрекательства, находили врагов, повинных якобы в тех или иных неудачах немецкого мелкого бюргера. Как остроумно заметил западногерманский писатель Кристиан Гейслер, они даже «нумеровали своих врагов». Врагом № 1 для них были прежде всего коммунисты, затем представители «низших рас», особенно те народы, на которые Гитлер готовился напасть. Но кроме врага № 1, существовало еще и множество других врагов – «шептуны», «шпионы», «нытики», «нигилисты» и т. д.

И наконец, важнейшей составной частью фашистской пропаганды была тактика устрашения. Уже на ранних этапах Гитлер использовал насилие и террор как важное оружие. С помощью террора он внушал обывателю мысль о силе нацистов и необходимости

послушания, запугивал малодушных, воодушевлял громил...

Однако для такого рода пропаганды устрашения необходимы были соответствующие организации. И вот уже в двадцатых годах нацисты начинают сколачивать отряды головорезов, свою армию. Основными кадрами этой армии были люди Рема из «фрейкора». Летом 1920 года возникли первые фашистские «боевые отряды», зародыши будущих СА. Однако в 1921 году по настоянию Антанты правительство было вынуждено распустить всякого рода военизированные и полувоенизированные организации. Гитлер обошел этот запрет. 3 августа 1921 года при НСДАП создается так называемое «гимнастическое и спортивное отделение», которое, как нетрудно догадаться, не имело никакого отношения ни к гимнастике, ни к спорту. И наконец, 5 октября 1921 года «отделение» реорганизуется и получает новое, на этот раз окончательное название – СА, то есть Sturmabteilungen, «штурмовые подразделения». Первым руководителем реорганизованного СА стал Клинк, один из убийц известного политика, министра финансов веймарского правительства Эрцбергера, принадлежавшего к католической партии «Центр».

С этого времени история нацистской партии тесно связана с историей штурмовиков. И если впоследствии армия штурмовиков стала огромной силой, то первоначально штурмовики выполняли явно подсобные задачи: они должны были избивать всех, кто пытался дискутировать с фашистскими ораторами на собраниях, мешать говорить представителям других партий, особенно, конечно, коммунистам, разгонять рабочие митинги и демонстрации и вообще терроризировать людей, внушать им, что с нацистами опасно связываться.

В ноябре 1921 года штурмовики устроили свое первое побоище в зале пивной «Хофбройхаузкеллер». Позже термин «побоище в зале» или «зальное побоище» прочно вошел в нацистский обиход. Редкие массовые митинги в Мюнхене проходили без того, чтобы кого-либо из участников не отвозили в больницу. О «зальных побоищах» складывались легенды, о них писали в фашистской прессе, их «героев» превозносили до небес. В августе 1922 года штурмовики впервые вышли на улицу. А в октябре этого же года они напали на мирную рабочую манифестацию в Кобурге. В «честь» этого события был выпущен специальный значок, которым были награждены все штурмовики, избивавшие безоружных граждан Кобурга. Слова Гитлера о том, что нацистская партия – это «не клуб для дебатов, а боевая когорта», явно соответствовали действительности, если только под «боевой когортой» понимать банду громил.

В феврале 1920 года Дрекслер, Гитлер и Федер составили так называемую программу нацистской партии – «двадцать пять пунктов», которые, как мы писали выше, имели исключительно пропагандистское значение. Программа немецких фашистов была рассчитана на все вкусы, и прежде всего на вкусы обывателя, весьма мало сведущего в политике, но недовольного теми порядками, которые существовали в Веймарской республике.

Наряду с антисемитскими и националистическими лозунгами в нацистской программе были и пункты мнимо «антикапиталистические». Например, в пункте 11 гитлеровцы призывали экспроприировать нетрудовые доходы, в пункте 12 – конфисковать военные прибыли, в пункте 13 –передать государству концерны. Универсальные магазины, поглощавшие мелких торговцев, согласно программе, следовало обобществить и разделить (пункт 16). Вообще программа уделяла большое внимание мелким лавочникам – для них предусматривалось определенное государственное покровительство, Весьма «радикальна» была и аграрная часть этой насквозь демагогической программы – гитлеровцы обещали крестьянству аграрную реформу, безвозмездную экспроприацию помещичьих земель, отмену земельной ренты и запрещение земельных спекуляций.

В 1926 году Гитлер объявил партийную программу незыблемой, это было вызвано тем, что ее атаковало так называемое «левое крыло» партии под руководством Штрассера.

В заключение следует только добавить, что, придя к власти, гитлеровцы и не подумали выполнять свои 25 программных пунктов, они игнорировали их с той же беззастенчивостью, с какой впоследствии игнорировали свои обещания и обязательства как на внутренней, так и

на международной арене.

В первые годы существования нацистская партия отнюдь не была столь монолитной, как гитлеровцы пытались изобразить это позднее. Ссоры и свары внутри НСДАП начались буквально со дня ее организации. Внутрипартийная борьба шла вокруг так называемого принципа фюрерства, т. е. вокруг вопроса об обеспечении безграничной власти фюреру – Гитлеру. Однако вначале самому Гитлеру даже не снился пресловутый принцип фюрерства – власть он узурпировал не сразу, а постепенно. Короткое время всеми делами в партии ведал комитет. На первом этапе Гитлер вытеснил, как мы уже писали ранее, одного из председателей комитета Харрера и сам стал председателем наряду с Дрекслером. В 1921 году, когда Гитлер уехал на некоторое время в Берлин, в партии начался против него бунт, который возглавил Дрекслер. Гитлер немедленно вернулся в Мюнхен и подал в отставку. Но это был чисто демагогический жест. Совсем отказаться от Гитлера комитет не хотел. Сообразив это, будущий фюрер предъявил свой ультиматум – он открыто потребовал диктаторских полномочий и отстранения комитета от всякой практической деятельности сроком на шесть лет. Дрекслер и другие члены комитета в целях самозащиты выпустили листовку, в которой изложили свои претензии. Уже по этой листовке видно, на каком уровне велась борьба внутри нацистской партии. Дрекслер обвинял Гитлера в «личном честолюбии», «темных сообщниках» и «грязных целях». По Дрекслеру, Гитлер своими махинациями «играл на руку мировому еврейству». Гитлер подал на Дрекслера в суд по обвинению в клевете и оскорблениях и выиграл дело.²² Дрекслеру оказалось не под силу тягаться с куда более хитрым фюрером. Он был отстранен от всех дел в НСДАП, за ним остался, правда, на недолгое время титул «почетного председателя партии». Уже в 1921 году Гитлер стал фактическим хозяином нацистской партии. Тогда же он кооптировал на ключевой пост казначея своего бывшего однополчанина – фельдфебеля Амана. На этом первая «реорганизация» фашистской партии кончилась – ее бывшая верхушка была убрана.

ГЛАВА II

ПАРТИЯ НАЦИСТОВ: ТАКТИКА, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ

Мюнхенский путч

О мюнхенском путче 8–9 ноября 1923 года существует огромная литература. Нацисты изображали его чуть ли не как революцию, которая, дескать, явилась для НСДАП генеральной репетицией перед захватом власти. В действительности мюнхенский путч, если рассматривать его в ряду других событий, разыгравшихся в бурные двадцатые годы в Германии, являлся одним из многочисленных реакционных заговоров. Вся гитлеровская «революция» была ликвидирована за несколько минут; вдобавок она носила чисто локальный характер – за пределами Баварии о ней узнали только после того, как состоялся процесс над Гитлером и его сообщниками. Однако по прошествии времени «пивной путч» был раздут до невероятных размеров и изображался как «этапное событие в политической жизни Германии»; сей факт явился одним из самых беззастенчивых фокусов нацистской пропаганды.

1923 год вошел в историю Германии как кризисный год. Классовая борьба настолько обострилась, что привела в ряде мест к вооруженным восстаниям пролетариата.

Крупная буржуазия пыталась найти выход из тяжелого экономического и внешнеполитического положения, в котором оказалась Германия, за счет трудящихся. Правительство Куно, стоявшее у власти, ввело в начале августа новые крутые меры по

²² Одно из конкретных обвинений Дрекслера заключалось в том, что Гитлер жил на сравнительно широкую ногу, не имея легальных средств к существованию, а следовательно, запускал руку в партийную кассу.

снижению жизненного уровня масс и подавлению революционного движения. В ответ на это берлинские рабочие объявили всеобщую забастовку, которая вскоре распространилась на многие города Германии. 12 августа Куно был вынужден подать в отставку. Тогда правящие круги Германии образовали правительство «большой коалиции», куда, вошли и правые социал-демократы. Фактическим руководителем коалиционного правительства стал Густав Штресеман.

Правящие круги Германии решили начать наступление на рабочий класс. В конце сентября во всей Германии было объявлено чрезвычайное положение. Крайние реакционеры восприняли это как сигнал для дальнейших действий, они потребовали провозглашения открытой военной диктатуры. 1 октября в городе Кюстрин так называемый «черный рейхсвер» под руководством майора Бухруккера решил свергнуть коалиционное правительство, Однако путч был быстро подавлен.

Революционно настроенные массы ответили на новые террористические меры правящих классов и вылазки фашиствующих элементов сплочением сил, боевыми выступлениями в защиту своих прав и интересов. В стране возник революционный кризис. Под руководством коммунистической партии в центральной Германии – особенно в Саксонии и Тюрингии – массы готовились к вооруженному отпору реакции. Под давлением народа в октябре 1923 года в Саксонии и Тюрингии были образованы рабочие правительства с участием коммунистов. Напуганная успехами рабочего класса Германии буржуазия настояла на предоставлении центральному правительству чрезвычайных полномочий. Правительство мобилизовало рейхсвер. В конце октября войска рейхсвера вступили в Тюрингию и Саксонию и свергли законные правительства в этих землях.

Труднее для реакции оказалось подавить революционную борьбу в Гамбурге. Здесь дело дошло до восстания, в котором выдающуюся роль сыграл будущий вождь Коммунистической партии Германии Эрнст Тельман. Два дня – 23 и 24 октября – рабочие героически защищали свои позиции против натиска полицейских. Однако гамбургское восстание оказалось изолированным. 25 октября восставшие объявили о конце сопротивления.

Классовые бои 1923 года кончились поражением немецкого пролетариата.

Не мудрено, что именно в кризисный 1923 год реакционная верхушка обратила свои взоры на нацистов. И Гитлер решил, что его час настал. Тем более, что перед глазами у него маячило заманчивое видение – поход Муссолини на Рим в 1922 году, т. е. всего лишь за год до описываемых событий. К этому времени за спиной фюрера уже стояло 56 тысяч баварских нацистов, не считая «резервов» – различных милитаристских организаций, всегда готовых примкнуть к любому путчу.

Гитлер делал тогда ставку на противоречия в самом реакционном лагере, в частности между баварскими правителями, зараженными сепаратизмом, и Берлином.

Осенью 1923 года общегерманское правительство потребовало «нормализации» в Баварии. Между прочим, берлинские власти приказали арестовать капитана Хейса и лейтенанта Росбаха – руководителей «фрейкора», а также Эрхарда, «героя» капповского путча, с которыми блокировались нацисты. Кроме того, была запрещена «Фелькишер беобахтер» – центральный орган НСДАП.

В ответ на это в Мюнхене было объявлено «осадное положение». Монархист Густав фон Кар, баварский министр-президент, был назначен комиссаром с диктаторскими полномочиями. Баварией стал править триумвират: кроме Кара в него входили еще генерал Отто фон Лоссов, командир рейхсвера в Баварии, и полковник Ганс фон Зейссер – шеф баварской полиции. Триумвират саботировал приказы Берлина. Наконец, 24 октября глава рейхсвера Сект отстранил Лоссова от командования и назначил на его место генерала Кресенштейна. После этого триумвират окончательно взбунтовался: он объявил, что Лоссов останется на своем посту, и заставил войска принести специальную присягу баварскому правительству, что уже являлось прямым нарушением конституции. Тогда Сект предупредил, что в случае открытого неповиновения баварского правительства он пошлет в

Баварию войска рейхсвера.

Гитлеру не внове было блокироваться с баварскими правящими кругами. После очередной антиправительственной речи он отправлялся на аудиенцию к правительственным чиновникам и вел с ними переговоры. Между прочим, за год до путча, когда Гитлера вызвал баварский министр внутренних дел и сказал, что, если нацисты попробуют устроить бунт, в них будет стрелять полиция, фюрер в волнении воскликнул: «Господин министр, даю вам честное слово, я никогда в жизни не устрою путча!»

Но, выступая в 1923 году на митинге, Гитлер кричал: «Наш долг – сказать, что, когда мы в ближайшее время захватим власть, мы выполним и другой долг – вздернем на виселицу предателей, негодяев и изменников, ибо виселица давно плачет по ним!» При этом слушателям было ясно, что под «негодьями и изменниками» Гитлер подразумевал берлинских и мюнхенских политиков. И в то же самое время этот «бунтовщик» буквально не вылезал из приемных баварских министров, призывая их пойти походом на Берлин. Однако Лоссов, да и весь триумвират, несмотря на явные симпатии к нацизму, боялись «похода»; после предупреждения Секта пыл баварских политиков заметно поостыл. Их тактикой было выжидание, а Гитлера это никак не устраивало.

С одной стороны на него давили его приверженцы, с другой – Гитлер хотел любой ценой получить известность, выделиться из толпы мелких политиканов, привлечь внимание более широких кругов крупного капитала к своей особе и к своей организации.

Однако при всем том Гитлер даже в тот период боялся идти на риск. И это наложило свой отпечаток на конкретные планы путча, которые до самого ноября 1923 года непрерывно менялись. Так, по варианту, предложенному Розенбергом и Шейбнер-Рихтером, нацисты должны были 4 ноября, в «день памяти павших героев», захватить во время военного парада Кара, Лоссова, Зейссера, а также баварского кронпринца Рупрехта и заставить их силой присоединиться к «революции». План этот провалился, ибо площадь, где проходил парад, оцепила полиция. И нацисты сразу же испугались. Тогда возник другой вариант: в ночь с 10 на 11 ноября (11 ноября была годовщина капитуляции Германии) собрать вооруженных штурмовиков неподалеку от Мюнхена и войти в город, поставив триумвират перед свершившимся фактом. Однако, когда этот план был уже разработан, Гитлер прочел в газетах, что вечером 8 ноября на собрании в пивной «Бюргербройкеллер» перед промышленниками будет выступать Кар. На собрании должны были присутствовать также другие баварские политики. Гитлер решил, что это и есть самый благоприятный случай захватить всю баварскую верхушку и вынудить ее к «мятежу». Этот план был осуществлен и получил название «пивного путча».

8 ноября, примерно через полчаса после того, как Кар начал свою речь, в зал пивной вбежал Гитлер в сопровождении своих ближайших сообщников и вооруженных штурмовиков. Полиции на этом сугубо штатском сборище почти не было. Тем не менее Гитлер заранее договорился, что те немногие полицейские, которых поставят следить за порядком, не будут чинить препятствий штурмовикам. Один из нацистов – Фрик, возглавлявший, как уже было сказано, баварское министерство внутренних дел, отдал соответствующий приказ полицейскому офицеру в «Бюргербройкеллере». Таким образом, Гитлер подготовил себе почву для «геройских подвигов». С револьвером в руке он вскочил на трибуну и выстрелил в воздух. Так начался путч. Рядом с Гитлером стояли его секретарь Гесс и другой видный нацист Ульрих Граф. Входы в зал заняли вооруженные штурмовики, в вестибюль вкатили пулемет. Кар, по свидетельству очевидцев, побледнел и сошел с трибуны. На его место встал Гитлер и истерически закричал: «Национальная революция началась! Зал оцеплен шестьюстами вооруженными до зубов людьми! Никто не имеет права покинуть зал! Баварское и общеимперское правительства низложены! Образовано временное правительство! Казармы рейхсвера и полиции заняты нашими людьми! Рейхсвер и полиция выступают под знаменем со свастикой!»

Все это было, разумеется, блефом. Но блеф на сей раз удался. Приказав Кару, Лоссову и Зейссеру пройти с ним в соседнюю комнату, Гитлер принялся уговаривать триумвират

возглавить нацистскую «революцию». Однако баварские политики не спешили давать свое согласие. Тогда Гитлер снова выхватил револьвер и закричал: «В моем револьвере четыре пули: три для вас, последняя для меня!» После этих слов он приставил револьвер к виску и воскликнул: «Если я завтра не стану победителем, то стану мертвецом!» Однако и это не помогло. Министры начали препираться с Гитлером. Но тут в мозгу фюрера возник еще один план, вернее, еще один обман. Он выбежал в зал и, вскочив на трибуну, заявил, что Кар, Зейссер и Лоссов уже организовали вместе с ним новое правительство. Закончил он эту речь так: «Предлагаю, перед тем как расправиться с преступниками, которые толкают сейчас Германию в пропасть, взять на себя руководство политикой временного правительства. Его превосходительство Людендорф²³ берет на себя руководство немецкой национальной армией. ...Задача временного национального правительства... выступить в поход против погрязшего в грехах Вавилона – Берлина и спасти немецкий народ... Утро увидит либо новое национальное правительство в Германии, либо нас мертвыми».

Таким образом, Гитлер дважды в этот вечер поклялся, что он либо победит, либо умрет. И притом на следующее же утро. Но до утра было еще далеко.

Далее события развивались так. Триумвират принес присягу временному правительству, и Гитлер отбыл из пивной. Лоссов, Кар и Зейссер тоже ушли, сказав, что им надо отдать соответствующие распоряжения для похода на Берлин. На этом кончился первый этап «пивного путча». Покинув «Бюргербройкеллер», баварские министры немедленно связались с частями рейхсвера, перевели правительство из Мюнхена в ближайший городок и велели расклеить прокламации следующего содержания:

«Обмен и ложь честолюбивых молодчиков превратили манифестацию национального возрождения в отвратительную сцену насилия. Вырванное у меня, генерала фон Лоссова и полковника Зейссера под дулом пистолета заявление равным счетом ничего не значит. Приказываю считать распущенными национал-социалистскую рабочую партию, а также союзы «Оберланд» и «Рейхскригсфлагге».²⁴

Фон Кар, генеральный комиссар».

Утром возвания Кара уже висели по всему Мюнхену. Впрочем, их могло и не быть. Никакого путча а тем более национальной «революции» не произошло. Нацисты даже не захватили ключевые позиции в городе: полицей-президиум, вокзал, электростанцию. Телеграф и тот функционировал совершенно нормально и, между прочим, принял телеграмму Секта из грешного Вавилона – Берлина, адресованную баварскому рейхсверу. В этой телеграмме приказывалось подавить мятежников. Единственный, кто действовал в ночь с 8 на 9 ноября, был Рем и союз «Рейхскригсфлагге». Рем и его отряды захватили здание командования военного округа.

Ознакомившись с обстановкой, Гитлер предпринял дав акции: послал парламентаров от имени Людендорфа в казарму 19-го полка, чтобы установить контакт все с тем же триумвиратом. Кроме того, он отправил гонца в замок кронпринца в Баварских Альпах, чтобы заручиться поддержкой его высочества. Однако обе акции окончились неудачей. Парламентаров арестовали, а гонец – лейтенант Нойнцерт, друг кронпринца, не сумел найти машину и отправился к Рупрехту поездом. К тому времени, когда он прибыл в замок, нацистскую «революцию» уже не мог спасти никто, даже баварский кронпринц.

Положение сложилось для Гитлера тяжелое, министры и «высочество» покинули его. На этом путч, возможно, и закончился бы, не будь в стане нацистов генерала Людендорфа.

²³ В эту минуту Людендорф еще ничего не знал о предназначенной ему роли, но это не помешало бывшему генерал-квартирмейстеру кайзеровской армии примкнуть к фашистской авантюре.

²⁴ Реакционные, открыто милитаристские организации.

Людендорф был уверен, что одного его появления достаточно, чтобы рейхсвер и полиция, печатая шаг, двинулись за ним. Генерал предложил растерявшимся нацистам пойти к центру города, воссоединиться с Ремом, засевшим в здании командования военного округа, и совершить военный переворот. Гитлер долго колебался, прежде чем принял план Людендорфа. Один из иностранных журналистов описал эти колебания так: «Гитлер надел каску и сделал два шага вперед... Гитлер снял каску и снова вернулся в исходную позицию... Гитлер опять надел каску... Гитлер снял каску... Гитлер надел каску...» В конце концов Гитлер надел каску и вместе с тремя тысячами нацистов, собравшимися у «Бюргербройкеллера», направился к центру города: во главе колонны, кроме Гитлера и Людендорфа, шествовали Геринг, Шейбнер-Рихтер, Розенберг, Ульрих Граф, Вебер, Федер и Крибель. За ними ехал грузовик с пулеметами. Штурмовики были вооружены. Пройдя несколько сот метров, колонна остановилась. На мосту через Изар стоял полицейский патруль. Но Геринг выбежал из рядов и сказал, что в колонне находятся заложники – баварские министры и что, если колонну не пропустят, он, Геринг, перестреляет заложников. Нацистов пропустили, и они благополучно добрались до Мариенплац, где в это время держал речь вождь нюрнбергских фашистов Штрейхер. Штрейхер и его слушатели присоединились к путчистам. К полудню колонна вышла на Резиденцштрассе, которая ведет к так называемой «Фельдхернхалле», то есть к пантеону с бюстами полководцев. За ней был Одеонплац и здание, где сидел осажденный частями рейхсвера Рем. Конец узкой Резиденцштрассе заняли около 100 полицейских. Ульрих Граф выбежал вперед и закричал: «Не стрелять! С нами его превосходительство Людендорф и Гитлер». Это восклицание великолепно передавало рабское благоговение немецких нацистов перед высокими чинами. Однако на полицейских в данном случае «превосходительство» не подействовало. Они не собирались пропускать колонну. После недолгой перепалки раздался выстрел. Кто именно выстрелил – с полной достоверностью установить не удалось – не то Гитлер, не то Штрейхер. После этого началась перестрелка. На мостовую сразу же упали Шейбнер-Рихтер, который шел под руку с Гитлером, сам Гитлер (при падении он сломал себе ключицу), Геринг и еще несколько человек. Шейбнер-Рихтер был убит, Геринг ранен. Как оказалось впоследствии, нацисты потеряли 16 человек, полиция – трех. Стрельба продолжалась всего минуты две. После этого нацисты разбежались. Фюрер забрался в легковую машину, которая ехала в хвосте колонны. Один из нацистов, доктор Шульц, привез его в поместье семьи Ханфштенгль недалеко от Мюнхена.

Остальные участники путча вели себя по-разному. Людендорф и его адъютант прошли сквозь полицейскую цепь на Одеонплац, где их арестовали. Раненого Геринга его жена в тот же день переправила в Австрию. Туда же бежал и Гесс. Через два часа после бегства Гитлера капитулировал Рем. Его тоже арестовали. На этом кончилась нацистская «революция». Сто полицейских за две минуты обратили в бегство три тысячи хорошо вооруженных людей...

Вот каков был в действительности ход событий 8–9 ноября 1923 года. Но прошло всего несколько месяцев, и уже на февральском процессе путчистов в 1924 году Гитлеру удалось «подправить» истинную картину нацистского мятежа... Прошло еще десять лет, фашисты захватили власть в Германии, и история путча была фальсифицирована от начала до конца. Поражение изображалось как победа, трусость – как героизм, предательство Гитлера по отношению к своим сообщникам – как вечная верность...

Ежегодный праздник 8–9 ноября в нацистской Германии был кульминационным пунктом всех торжеств и церемоний. 8 ноября в Мюнхен свозили несметные толпы народа. Они заполняли все улицы и площади. У «Бюргербройкеллера» выстраивались колонны «старых борцов». Геринг командовал: «Колонна старых борцов, шагом марш!» Гитлер становился в первую шеренгу. Перед ним шел Штрейхер со старым мюнхенским знаменем нацистов, которое получило название «знамя крови». За ним – «группа фюрера». Немного позади – «старые борцы», кавалеры «орденов крови». За ними рейхслейтеры, гаулейтеры, крейслейтеры и т. д. и т. д. На всем протяжении шествия, которое направлялось к

Одеонплатц, тысячи барабанщиков выбивали барабанную дробь, а из громкоговорителей раздавался гимн «Хорст Вессель».²⁵ По пути следования колонны горело 240 светильников, на постаментах которых золотыми буквами были начертаны имена нацистов, погибших до 1933 года. Когда Гитлер подходил к очередному светильнику, он выкрикивал соответствующее имя. После того, как шествие добиралось до пантеона «Фельдхернхалле», начиналась самая торжественная часть церемонии под названием «последняя переключка». Флаги поднимались, марши смолкали. В полной тишине Геринг выкрикивал имена 16 нацистов, погибших в 1923 году, и юноши из гитлерюгенда (преемственность поколений!) отвечали: «Здесь!» Это означало, что шестнадцать брошенных Гитлером путчистов стоят на «вечном посту». К подножию пантеона возлагались огромные венки. И Гитлер произносил очередную речь. После этого мимо «Фельдхернхалле» проходили десятки тысяч людей, колонна за колонной. Процессия шла до глубокой ночи при свете факелов.

Особенно торжественным было это празднество в 1935 году, когда нацисты привезли на лафетах с кладбища в «Фельдхернхалле» шестнадцать эксгумированных трупов. Заключительная часть церемонии – переключка, оружейные салюты и т. д. – получила тогда официальное наименование «воскрешение из мертвых». Шестнадцать путчистов символически «воскресали из мертвых» и вставали на «вечный пост». На следующий день после этой мистической церемонии «Фелькишер беобахтер» писала: «Он (Гитлер. – Авт.) стоит неподвижно перед саркофагами. Человек, который уже перешагнул все пределы земного...»

Так выглядела легенда фашистской «революции», одна из многих легенд, которыми нацисты окружили свое бесславное прошлое. Создавая эту легенду Гитлер следовал пропагандистским рецептам, которые он обнародовал уже ««Майн кампф»» чем наглее ложь, тем больше шансов, что тебе поверят.

Вернемся, однако, к событиям, последовавшим за «пивным путчем».

26 февраля 1924 года в Мюнхене начался суд над главными участниками путча. Он продолжался 24 дня и кончился смехотворным приговором – Людендорф был оправдан, все остальные обвиняемые (всего их было десять), в том числе и Гитлер, получили минимальные сроки тюрьмы. Между тем в обвинительном заключении было сказано, что все обвиняемые привлечены к суду как изменники родины.

Чем же объяснялось такое явное попустительство тогдашних властей по отношению к Гитлеру и его сообщникам?

Прежде всего особенностями баварской юстиции. Возглавлял ее нацист Гюртнер. После 1933 года Гюртнер, как уже говорилось, стал нацистским министром юстиции. Уже этот факт являлся гарантией безнаказанности путчистов. От Гюртнера зависел и состав суда, и состав присяжных. Но это еще далеко не все. Главные свидетели обвинения Кар, Лоссов и Зейссер были ярые реакционеры, к тому же еще замешанные во всех комбинациях фюрера. По существу они сами должны были сидеть на скамье подсудимых.

В этих условиях уже с самого начала было предreshено, что Гитлеру будет дана на суде широкая трибуна и что он станет «героем» в глазах реакции, напуганной, пусть недолгой, победой рабочих в Тюрингии и Саксонии, успехами трудящихся в Гамбурге, Берлине и других немецких городах.

Усилиями реакции вокруг процесса был создан большой шум. Все немецкие газеты прислали в Мюнхен своих корреспондентов. Приехали корреспонденты и из-за границы. Словом, фюреру было обеспечено «паблисити», о котором он раньше даже не мечтал. Конечно, героем на этом процессе должен был стать Людендорф, кумир всех реакционных сил Германии. Тем более, что как раз «его превосходительство», единственный из всех

²⁵ «Хорст Вессель» исполнялся на всех церемониях сразу же после национального гимна. Слова этого нацистского гимна были сочинены совершенно опустившимся субъектом Весселем, который был убит его дружкой – такой же темной личностью – и после этого объявлен нацистами «мучеником», якобы загубленным коммунистами.

путчистов, не испугался полицейской цепи. Но Гитлеру удалось оттеснить Людендорфа на задний план и сыграть главную роль.

Основная задача Гитлера заключалась не в том, чтобы защитить собственную персону (с самого начала ему было ясно, что ей ничего серьезного не грозит), а в том, чтобы использовать суд для пропаганды фашизма. И никто его не одернул. Зато Гитлер прерывал и обрывал свидетелей, устраивал им перекрестный допрос, обращался непосредственно к публике. Вся его демагогия отлично «проходила» на процессе – фюрер бил себя в грудь кулаками и кричал, что он не изменник родины, а «истинный патриот», который хочет «счастья своему народу».

Но главным козырем Гитлера, обеспечившим ему успех не только у публики, сидевшей в зале, но и у реакции во всей Германии, был его антикоммунизм. Напуганная веймарская буржуазия, сами судьи и обвинители приветствовали Гитлера²⁶ за то, что он выразил их ненависть к левым силам, их страх перед этими силами. «Я хочу быть искоренителем марксизма», – заявил Гитлер. И дальше он заверил реакцию, что создал для этой цели целую «армию» – дикие орды, которые потом «будут превращены в батальоны, из батальонов в полки, из полков в дивизии». И что эти дивизии будут маршировать вместе с рейхсвером. «Настанет день, когда рейхсвер будет стоять под нашими знаменами», – сказал Гитлер. Этой программе могли аплодировать не только эсэсовцы, мюнхенские реакционеры, но и реакционеры во всей Германии, ведь Гитлер объявил, что он создал батальоны «черной сотни», которые вместе с батальонами рейхсвера готовы задушить левые силы, подавить революционное движение.

Гитлер был приговорен к пяти годам заключения в крепости, что являлось минимальным наказанием по статье «измена родине». И все же подобранные Гюртнером присяжные потребовали смягчить приговор. Тогда председатель суда заверил, что Гитлер будет помилован в кратчайший срок. Так оно и произошло.

«Майн Кампф»

В ландсбергской крепости Гитлер пробыл всего лишь с ноября 1923 по декабрь 1924 года. Режим в этой тюрьме не только не напоминал режим в застенках, куда нацисты после прихода к власти бросали своих политических противников, но и вообще не имел ничего общего с порядками во всякого рода исправительно-карательных заведениях. Гитлер и другие узники пользовались столькими благами, сколькими они, пожалуй, не пользовались в ту пору на воле: их отлично кормили, в тюрьме был оркестр, издавалась газета, у особо важных заключенных были свои денщики, которые приносили им завтрак прямо в постель. Обед был превращен в парадную церемонию: во главе стола сидел Гитлер и вел беседы на политические темы. Таким образом, пресловутые «застольные беседы» Гитлера начались уже в 1924 году в стенах ландсбергской крепости. В тюрьму разрешалось передавать все, начиная от политических брошюр и писем, кончая цветами и горячительными напитками. В этом раю Гитлер пользовался особыми привилегиями. Его камера с двумя окнами и отличным видом была несколько в стороне от камер остальных путчистов – тюремная администрация берегла покой фюрера. Гитлера особо обслуживали два его

²⁶ Кстати сказать, вся левая пресса высмеяла Гитлера. Да и на самом процессе фюрер держался нагло только с теми, кто это терпел. По свидетельству иностранных корреспондентов, присутствовавших в зале суда, когда Гитлер получил решительный отпор от генерала Лоссова, он сразу же стушевался. «После того как Лоссов начал давать свои показания, – писал американский журналист Никербокер, – Гитлер встал и прокричал вопрос. Тогда генерал, высокий костистый человек со вставной челюстью, выпрямился во весь рое и начал вопить, указывая на Гитлера длинным указательным пальцем. Гитлер тоже орал, но генерал кричал настолько громко и имел такой угрожающий вид, что Гитлер упал на ступ, как подкошенный». Лоссов в своих показаниях презрительно назвал фюрера мелким честолюбцем, «барabanщиком», который пытается стать не то немецким Муссолини, не то немецким Мессией. Ровно через десять лет Гитлер вспомнил это выступление Лоссова. В ночь «длинных ножей» в 1934 году Лоссова убили

единомышленника – шофер Эмиль Морис и Гесс, будущий заместитель фюрера в нацистской партии. После того, как суд оказался столь снисходительным к нацистам, Гесс явился в Баварию из Австрии, куда он бежал после путча, чтобы и в тюрьме исполнять свои секретарские обязанности. В Лэндсберге был с большой pompой отмечен день рождения Гитлера, его тридцатипятилетие. Даже внешне ландсбергская тюрьма, как не без остроумия пишет один из гитлеровских биографов, стала первым «коричневым домом» фашистов. На стенах камер висели нацистские плакаты и картинки. В общем зале красовался большой флаг со свастикой.

Из Ландсберга фюрер вполне мог бы руководить «движением». Однако этого он не захотел. Первое время Гитлер просто отдыхал и, так сказать, набирался сил, а с ранней весны 1924 года приступил к написанию книги «Майн кампф».

Шел год 1924-й. Несмотря на то, что реакция превратила суд над Гитлером и его сообщниками в фарс, несмотря на то, что баварская тюрьма обернулась «коричневым домом», за плечами у Гитлера было поражение, впереди – весьма сложные годы. Провал путча показал слабость нацистской партии, а пивные завсегдатаи хотели быть только на стороне победителей. Да и богатых покровителей фашизма не интересовали низвергнутые нацисты. Между тем движение нуждалось в непрерывном притоке денег – надо было бесплатно угощать штурмовиков, одевать их в соответствующую форму, снимать залы для митингов, платить вышибалам и клакерам, содержать наборщиков и художников, покупать бумагу для листовок и газет... И вот в этой-то обстановке фашистский фюрер взялся за перо.

В некоторых фундаментальных трудах о Гитлере говорится, что сей, казалось бы, странный шаг фюрера объяснялся его неумным честолюбием, желанием главенствовать во всем. В свою очередь, эта версия связана с весьма распространенной трактовкой Гитлера как человека с... комплексом неполноценности. Думается, однако, что комплекс неполноценности (если таковой у Гитлера и был!) в данном случае ни при чем.²⁷ Засев в 1924 году за «Майн кампф», фюрер выполнял важный социальный заказ реакции.

В годы разброда и слабости фашизму особенно нужна была своя «идеология», своя фашистская «теория», вернее, некая демагогическая доктрина, на которой могла бы базироваться дальнейшая деятельность партии, политическая платформа для вербовки сторонников, Немецких бюргеров надо было вооружить «теоретически». Только в этом случае нацисты могли выделиться из огромной массы реакционных группок, которые возникали и исчезали в двадцатые годы в Германии.

Расчет Гитлера был весьма хитроумным, он понимал, что в XX веке, когда все неук, в том числе и общественные, бесконечно усложнились и специализировались, обыватель менее чем когда-либо в состоянии разобраться самостоятельно в экономических, социологических, эстетических и прочих системах. И что он жаждет получить некое «евангелие», изучив которое, будет считать себя «на уровне» современности. И вот Гитлер задумал создать такого рода «евангелие», доступное каждому лавочнику и вместе с тем наукообразное. Книга Гитлера была грубой лестью по отношению к немецким обывателям, он выступал в ней не в роли популяризатора, а в роли основоположника «философской системы», обращенной непосредственно к толпе, к массам, преподносил им якобы новейшие достижения всех наук...

Ближайшее окружение Гитлера было разочаровано первым томом «Майн кампф», написанным в ландсбергской тюрьме.²⁸ Приспешники фюрера не без основания говорили (разумеется, шепотом), что книга Гитлера скучная, неудобоваримая и что она написана

²⁷ Если говорить о субъективных побуждениях Гитлера, то тут дело было не в чувстве неполноценности, а в политическом чутье фюрера.

²⁸ Так, Аман, казначей и издатель нацистской партии, ожидал, что Гитлер напишет сенсационную книгу, а которой рассчитается со всеми своими «врагами», в том числе с баварскими политиками. Аман ждал скандальных разоблачений конкретных лиц. Но Гитлер не пошел по этому пути.

плохим языком. Некоторые современные историки также уверяют, что «Майн кампф» не достигла своей цели, ибо даже после прихода к власти нацистов эту книгу читали из-под палки. Эти историки не правы; «Майн кампф» отнюдь не была неудачей, несмотря на то, что это – скучная, неудобоваримая книга, которую только и можно одолеть из-под палки. Миллионы немцев «Майн кампф» все же прочли, еще миллионы держали ее у себя дома. И это зачастую была их единственная книга. Многие усвоили кое-что из этого труда. Тем самым книга сделала свое черное дело, помогла вдолбить в головы большинства немцев ряд реакционных идей, без которых было бы невозможно двенадцатилетнее господство гитлеровцев, ибо нацистская тотальная диктатура должна была базироваться на Какой-то теории, пусть самой сумбурной.

Уже гораздо позднее в связи с появлением книги «Майн кампф» в Германии рассказывали такой забавно-печальный анекдот. Популярный немецкий издатель Корф, душа «Ульштейн-ферлага» – крупнейшего и известнейшего в Веймарской республике издательства, на очередном заседании дирекции будто бы встал и сказал: «Господа, я ухожу от дел и уезжаю из Германии». На недоуменные вопросы, чем вызвано такое неожиданное решение, Корф ответил: «Я прочел книгу». – «Какую книгу?» – «Книгу Адольфа Гитлера «Майн кампф», – начал Корф, но продолжать не мог из-за гомерического хохота асех присутствующих.

Тем не менее Корф выполнил свое намерение – ушел от дел и уехал из Германии. Он был одним из немногих крупных издательских деятелей Веймарской республики, который спасся от нацистских репрессий...

Произошел ли этот эпизод на самом деле или он придуман – трудно сказать. Во всяком случае, он довольно точно передавал умонастроение либеральной интеллигенции в веймарской Германии и ее более чем беспечное отношение к самому Гитлеру и к его «теоретическому» труду...

Первоначально Гитлер назвал свою книгу «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости», потом он дал ей более краткий и в то же время более емкий заголовок – «Моя борьба».

В Ландсберге были написаны 400 страниц, т. е. первая часть «Майн кампф». В 1926 году Гитлер окончил второй том, и в книге стало 782 страницы. В тюрьме он диктовал свой труд Гессу. Многие исследователи считают Гесса то ли соавтором, то ли автором «Майн кампф». Это мнение основано на том, что Гесс был более образованным человеком, чем Гитлер. Он учился в университете, был лично знаком с некоторыми реакционными теоретиками двадцатых годов, в том числе с геополитиком Гаусгофером, который, между прочим, передал ему в ландсбергскую тюрьму «Политическую географию» Ратцеля, одного из основоположников геополитики. Однако «интеллигентность» Гесса тоже не следует преувеличивать. Он верил в астрологов, в черную магию, поступки его были лишены здравого смысла, в политике он оказался профаном. Все это, конечно, не исключает того, что Гесс внес свою лепту в «Майн кампф». Соавтором Гитлера считался одно время также некий прелат Штемпfle – музыкальный критик в газете «Мисбахский вестник» (впоследствии Штемпfle был убит по приказу Гитлера), Он якобы переписал «Майн кампф», придав книге мало-мальски приемлемый для печати вид.

В последних исторических работах, в частности в книге Иоахима Феста, эта версия отвергается. Наоборот, разбирая «Майн кампф», Фест убедительно доказывает идентичность книги с личностью ее автора. Думается, что Фест прав – «Майн кампф» сочинил Гитлер.

Книга эта написана от первого лица. Она состоит из чисто биографических пассажей, т. е. из рассказов о детстве, юности и зрелых годах автора и из бесконечных рассуждений обо всем: о внешней и внутренней политике, о расах, о евреях и немцах, о капиталистах и рабочих, об истории и будущем, об архитектуре и пропаганде, о театре, кино, литературе, о сифилисе и проституции, о церкви и воспитании детей и т. д. и т. п. Книга безапелляционна и агрессивна – все инакомыслящие объявляются «врагами», изничтожаются. Ссылки на источники, цитаты, цифры, факты и научная полемика начисто отсутствуют. Гитлер, что

называется, изливает свою душу, беседуя с читателем на различные темы так, словно до него не существовало никаких наук: ни истории, ни политэкономии, ни социологии, ни философии, ни педагогики. Он преподносит читателю истины в конечной инстанции. Отсутствие всякого доказательного материала в нацистской «библии» объяснялось не только неумением Гитлера найти и привести этот материал, хотя бы и подтасованный, но и основной догмой нацизма о том, что истинная идеология основана не на логике, не на разуме, а на слепой вере. В тезисах, разработанных высшей политической школой нацистской партии уже после прихода Гитлера к власти, эта догма была сформулирована так: «Национал-социализм не может быть доказан и не нуждается в доказательствах. Он обосновывает сам себя своей деятельностью, обеспечивающей жизнь общества. Тот, кто пытается прийти к национал-социализму лишь при помощи ученических доказательств, тот не ощущает непознаваемого духовного смысла истины, т. е. национал-социалистской политики». Догма непогрешимости и непознаваемости с самого начала развязала руки Гитлеру: в «Майн кампф» он не только не заботился о минимальной логике своих откровений, но даже и о том, чтобы его высказывания на одной странице не противоречили высказываниям на другой. Многие положения фашистской книги так же взаимно исключали друг друга, как и многие пункты программы нацистской партии. Но именно это и нужно было нацистам, так как «Майн кампф» была рассчитана на самые разные прослойки немецкого общества. Нацисты, мнившие себя аристократами, с удовольствием читали восхваления аристократизма; нацисты из рабочих-видели в этой книге совсем другое – расшаркивание Гитлера перед «солью общества – людьми труда»; немецкие националисты проникались идеей своей национальной исключительности, итальянцы («Майн кампф» была издана в фашистской Италии и в других странах – союзницах Германии) цитировали строки, посвященные наднациональной общности фашизма; солидные буржуа с удовлетворением отмечали похвалы фюрера в адрес «созидательного капитала». На протяжении многих лет гитлеровцы цитировали «Майн кампф» по разным поводам. И каждый раз подходящая цитата находилась.

Вкратце содержание «Майн кампф», если вообще можно пересказать содержание столь путаной и алогичной книги, сводится к тому, что униженная и поруганная многочисленными «кровными врагами» Германия подымется из руин Версаля, образует новое здоровое иерархическое государство, основанное на расовой теории, а потом начнет расширяться: сперва включит в себя всех немцев за пределами германских границ, а в конечном счете завоюет и другие народы. О внешнеполитических амбициях Гитлера, изложенных в «Майн кампф», речь будет идти ниже. Скажем только, что, основывая свои притязания на увеличение немецких территорий, фюрер ссылаясь на практику германских императоров средневековья. «Ныне мы возвращаемся, – писал он, – к тому, что было шесть столетий назад». Разумеется, немецкому обывателю двадцатых годов трудно было проверить, что именно происходило в те далекие времена. Еще труднее ему было проверить центральный пункт «Майн кампф» – утверждение о том, будто истинные арийцы (читай: немцы) всегда приносили с собой наивысшую культуру, подчиняя себе другие народы и превращая их в слуг. Ариец, писал Гитлер, является «прототипом того, что мы понимаем под словом «человек». Первые культуры, вещал он далее, возникли там, где арийцы встретились с «низшими народами, завоевали их и подчинили своей воле».

Смысл этих псевдоисторических экскурсов Гитлер разъясняет сам, хотя и в более завуалированной форме: во имя культуры арийцам (немцам) опять надо «встретиться» с «низшими» народами и поработить их.

О грядущем идеальном государстве фюрер пишет немного. Он сообщает только, что «демократического мусора» в нем не будет. Что же касается экономических основ этого государства, то тут Гитлер заявляет всего лишь, что он освободит трудящихся от «процентного рабства». Об экономике в «Майн кампф» говорится весьма мало, поскольку ее автор утверждал, что идеи, мощь духа, героизм и единство народа куда важнее, чем законы экономики, которые вообще, по мнению фюрера, являлись «выдумкой интеллектуалов». «Не

материальные свойства, а исключительно идеальные качества, – писал он, – ведут к созданию государства». И далее еще более откровенно: «Государство – это не... экономическая организация. Внутренняя сила государства только в редких случаях совпадает с так называемым экономическим расцветом».

Вот что Гитлер писал об империи Бисмарка: «Пруссия – сердцевина империи – возникла благодаря сияющему героизму, а не благодаря финансовым операциям или торговым сделкам. И сама империя была опять-таки чудеснейшей наградой за политику силы, которую проводили ее вожди, и за солдатское презрение к смерти».

Высшая цель арийца – блюсти чистоту крови. «Люди, – писал Гитлер в «Майн кампф», – гибнут не из-за проигранных войн, а из-за потери сопротивляемости. ...Все, что не является полноценной расой на этой земле, – плевелы».

Одним из центральных положений книги Гитлера являлось провозглашение «идеи фюрера» и фюрерства. Для обоснования этой идеи Гитлер уподоблял человеческое общество биологическому организму, у которого должна быть голова, мозг. Мозг нации – ее фюрер. Избранный круг фюреров с «абсолютным авторитетом» и «абсолютной ответственностью» он противопоставлял «безответственной» демократической парламентской системе. Вместо свободы и равенства Гитлер предлагал немцам беспрекословное подчинение «во имя общего блага» и железную дисциплину.

Были ли у теории фашизма и у «Майн кампф» в частности какие-то исторические «корни» в области философии?

Ответить на этот вопрос не так легко, как это кажется на первый взгляд. Сами фашисты объявили себя наследниками чуть ли не всей предшествующей цивилизации. Геббельс торжественно уверял на могиле Хорста Весселя, будто сей герой умирал «за Гете, за Шиллера, за Канта, за Баха, за Кельнский собор...» И заявлял далее, что «мы (нацисты. – Авт.) вынуждены драться за Гете пивными кружками и ножками стульев, но когда придет час победы, мы снова раскроем объятия и прижмем к сердцу духовные ценности». Эти уверения были, разумеется, чистым блефом. Идеология фашизма не имела ничего общего с воззрениями великих представителей гуманистической культуры, более того, в конечном счете, она искажала учения и таких реакционных философов, как Ницше, Шопенгауэр, Шпенглер, которые во всех монографиях о фашизме именуются предтечами гитлеровской «философии» и на которых беспрестанно ссылались все нацисты.

«Философия» Гитлера – сплошной плагиат: отдельные положения надерганы из самых различных источников. Однако речь шла не об усвоении каких-то определенных систем или метода познания того или иного ученого, даже самого реакционного. Речь шла об отдельных тезисах, иногда фразах, которые подхватывали нацисты. При этом процесс заимствования происходил не тем способом, каким он обычно происходит, т. е. Гитлер не сообщал обывателю мысли, почерпнутые, скажем, из Ницше или Шпенглера. Свою идеологию фюрер, как говорилось выше, черпал из вторых рук, не из трудов философов, а из популярных изложений этих трудов. К тому времени, когда Гитлер появился на политической арене, реакционных теоретиков, так сказать, растаскали на клочки. Каждый обыватель уже слышал что-то о «расе господ», о «закате Европы», о «белокурой бестии» – сверхчеловеке Ницше, о том, что сильному все дозволено, о войне как о движущей силе общества. Эти обрывки мыслей, почерпнутых из различных политических, социальных и философских реакционных систем, стали мелкой разменной монетой западного мещанина. И этими-то разменными монетами воспользовался Гитлер, собрав их в одной «мошне» и дополнив собственными рассуждениями на злобу дня. Словом, реакционные, антигуманистические философы, историки, географы не столько создали идеологию национал-социализма, сколько подготовили почву для ее создания и для ее усвоения малообразованными и социально неустойчивыми элементами немецкого общества.

Больше всего отдельных положений заимствовали гитлеровцы у Ницше, Шпенглера и Шопенгауэра. Гитлер возвел Ницше в ранг величайшего ученого, предтечи национал-социалистского мировоззрения. Много позднее он не раз посещал архив Ницше в

Веймаре и часто позировал фотографам, вперив восторженный взгляд в гипсовое лицо философа (бюст Ницше стоял в его апартаментах). Тирады Ницше против демократии и парламентаризма не раз цитировались в нацистской литературе. «Общество никогда не понимало под добродетелью ничего иного, кроме стремления к силе, власти, порядку». «Государство – это организованная аморальность... Оно проявляет волю к власти, к войне, к завоеваниям, к мести». Очень импонировал гитлеровцам аристократизм Ницше, его презрение к «маленькому человеку». «Никто не имеет права, – писал Ницше, – ни на существование, ни на работу, ни на счастье. Индивидуум не что иное, как жалкий червь». Ницше считал народ «постаментом для избранных натур», которые поднимаются ввысь, дабы выполнить некую «высшую задачу». Очень пригодилась фашистам и теория «белокурой бестии», «великолепной, жадно стремящейся к добыче». В своем наиболее известном труде «Так говорил Заратустра» Ницше воспел войну как наивысшее проявление человеческого духа. Он вещал: «Вы должны возлюбить мир как средство к новым войнам, и короткий мир больше долгого. Мой совет вам – не работа, а сражение. Мой совет вам – не мир, а война... Вы говорите – хорошо ли это, освящать войну? Я говорю вам: Хорошая война освящает все. Война и храбрость совершили больше великих дел, нежели любовь к ближнему». И наконец, Ницше предсказывал возникновение некоей элиты, которая завоюет мир и породит сверхчеловека. В «Воле к власти» он писал: «Создается отважная господствующая раса». Он прямо утверждал, что будущее за «господами земли». Выражение «господа земли» Гитлер нередко употреблял в «Майн кампф».

Однако Ницше отнюдь не считал немецкого обывателя будущим властителем земного шара. Наоборот, в своих трудах он неоднократно заявлял, что немцы «пошлы», что «Германия портит культуру, лишь только она с ней соприкасается». Ницше не был антисемитом, не восхищался пруссачеством, а под конец жизни даже начал проповедовать идеи всеевропейского союза и мирового правительства. Но эти стороны его философии Гитлер и другие нацистские «теоретики» просто-напросто игнорировали в полной уверенности, что никто из читателей «Майн кампф» не заглянет в первоисточник.

Некоторое воздействие оказал на нацистскую «философию» и более ранний немецкий философ XIX века Артур Шопенгауэр. Отрицание Шопенгауэром познаваемости мира, всякого научного анализа и воспевание некоей мистической воли, его решительный антиматериализм помогли нацистам в их идеалистических антиисторических спекуляциях. Однако Шопенгауэр пришел в своих трудах к крайне пессимистическим выводам, которые нацисты совсем не разделяли. Наоборот, пессимизм и «неверие» в гитлеровской Германии считались одним из смертных грехов. По этой именно причине впал в немилость другой немецкий философ Освальд Шпенглер, также внесший свою лепту в антигуманистическое и антидемократическое воспитание немецкого обывателя. Книга Шпенглера «Закат Европы» пользовалась шумным успехом. Реакционная интеллигенция, юнкерство, образованные буржуа увлекались шпенглеровской критикой демократической цивилизации. Последователи Шпенглера из числа нацистов видоизменили его тезис о неизбежном упадке Запада, объявив, что гибнут лишь расово неполноценные народы, в то время как немецкий народ стоит накануне невиданного расцвета и выполняет историческую миссию, вливает животворную кровь в одряхлевший, загнивающий организм Европы. Всего этого у самого Шпенглера, разумеется, нет. Но Гитлер и нацисты препарировали на свой лад все то, что пользовалось популярностью в кругах крайней реакции и импонировало обывателям. Кроме того, Шпенглер пришелся по вкусу реакции своей ненавистью к марксизму и проповедью особого, чиновничьего «социализма», «социализма» бюрократии. Он предлагал «освободить немецкий социализм от Маркса» и уверял, что при истинном социализме и рабочий и предприниматель приобретут «статус чиновника». И наконец, Шпенглер если не прямо, то косвенно выступал за прусскую казарму и прусского фельдфебеля.

Однако умонастроение представителей крайней реакции в Германии, особенно наиболее агрессивных кругов монополистической буржуазии, формировалось не только под влиянием таких видных философов, как Ницше, Шопенгауэр и Шпенглер, а в гораздо

большей степени под влиянием книг таких авторов, как Трейчке или как создатели расовой теории француз Гобино и англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен.

Про Генриха фон Трейчке, уроженца Саксонии, говорили, что он больше пруссак, чем сами пруссаки. Трейчке был профессором Берлинского университета и пользовался среди шовинистических кругов большой популярностью. На его лекции приходили не только толпы восторженных студентов, но и офицеры генерального штаба и крупные чиновники. Трейчке был теоретическим столпом агрессивного государства Вильгельма II. Со свойственной ему прямолинейностью он ратовал за сильную власть императора. Согласно его концепции, подданным надлежит быть рабами. Послушание – единственная добродетель человека, война – «наивысшее выражение мужественного начала». Трейчке был крайним националистом, восхвалял прусский милитаризм, доказывая, что «понятие государства включает в себя понятие войны, ибо суть государства – это власть». «Надежда на то, что войну удастся изгнать из жизни общества, – писал он, – является не только абсурдной, но и глубоко аморальной». Война, согласно Трейчке, пробуждает благороднейшие силы в душе человека». Мир приводит к «деградации народа».

Культ силы и войны, проповедуемый Трейчке, стал одним из важных компонентов всех реакционных теорий агрессивного германского империализма, а затем переключался в нацистские труды, и прежде всего в гитлеровскую «Майн кампф».

По иронии судьбы предтечей нацистской расовой теории, приведшей к истреблению миллионов людей разных национальностей, в том числе и французов, как «неполноценных», являлся... француз граф Жозеф Гобино. В своем труде «О неравенстве человеческих рас» Гобино утверждал, что расовый вопрос господствует над всеми остальными историческими категориями и неравенство рас объясняет движение истории и судьбу тех или иных народов. Гобино утверждал также, что культура создана белой расой и что без превосходства этой расы невозможна никакая цивилизация. Наконец, этот французский социолог, ориенталист и писатель ввел понятие «арийской семьи народов», которая, по его словам, является самой «избранной и благородной». Гобино сетовал на то, что арийцы смешались с неарийцами. К наиболее чистым арийцам он причислял часть французов, всех англичан и ирландцев, голландцев, немецкое население между Везером и Рейном и скандинавов. Самыми чистыми арийцами Гобино провозгласил немцев, живших западнее Рейна, «Арийский немец, – говорил Гобино, – здоровое существо... Поэтому все, что он думает, говорит и делает, имеет огромное значение».

Теория Гобино была не просто антинаучной, но и противоречащей всякому здравому смыслу. Надо думать, что о графе Гобино и его потугах создать нечто совершенно оригинальное никто в наш век не вспомнил бы, если бы в начале XX столетия у него не появились ревностные пропагандисты и продолжатели в Германии, создавшие даже специальные «кружки Гобино».

Одним из последователей француза Гобино стал Хьюстон Стюарт Чемберлен, отпрыск английского аристократического рода. Чемберлен женился на дочери композитора Вагнера – Эве Вагнер, много лет прожил в Германии и стал ярким германским шовинистом. Как и Гобино, он занимался всем понемножку: литературой, музыкой, геологией, ботаникой, историей, политикой, религией. Трудно сказать, кем был Чемберлен – неуравновешенным, восторженным, психически не совсем здоровым человеком или же сознательным шарлатаном. Во всяком случае, он утверждал, что к нему являлись «демоны», которые приказывали ему взяться за очередную труд. Став убежденным немецким шовинистом, Чемберлен сперва оказался ближайшим наперсником Вильгельма II, а потом Гитлера. До самой смерти в 1927 году Чемберлен переписывался с Вильгельмом, он отправил ему 43 верноподданнейших и лстивейших письма и получил 23 ответных послания. А перед смертью еще успел благословить ефрейтора Гитлера. Уже парализованный псевдофилософ писал Адольфу Гитлеру, что ему (Гитлеру) предстоят великие дела и что тот факт, что Германия в годину «тяжелых бедствий» породила Гитлера, является доказательством ее живучести. Чемберлен в своих трудах, в общем, повторял Гобино, но с некоторыми

дополнениями. Так, например, он объявил, что Христос был арийцем и что самые чистокровные арийцы – это немцы (уже все немцы!), ибо они унаследовали лучшие качества греков (?) и древних германцев. Исходя из этого, Чемберлен (здесь уже он пел не с голоса Гобино, а с голоса немецких националистов) предлагал немцам стать «господами мира». Чемберлену принадлежит еще одна, мягко выражаясь, странная идея – он приветствовал средневековые и германских варваров, которые-да спасли мир от «расового хаоса» и «вечной ночи».

От этого теоретического мракобесия недалеко было и до нацистской практики, которую проводили уже отнюдь не философы, а сам рейхсфюрер СС, всемогущий Генрих Гиммлер.

Свою лепту в лоскутную эклектичную теорию немецких фашистов внесли реакционные философы Гартман и Науман, проповедники агрессии Рорбах, Виннинг, Хаберман и генерал Бернгарди, основатели евгеники и апологеты расовой теории Ван ден Брук и Литтгарт, геополитик Ратцель, идеологи пангерманизма Челлен и Гаусгофер, сформулировавший теорию «народ без жизненного пространства», и другой фашистский геополитик Банзе, прославлявший территориальные захваты.²⁹

Их труды стали той питательной средой, в которой выросла идеология фашизма. Репке – известный буржуазный исследователь немецкого фашизма, справедливо сказал как-то, что все они вели «подрывную деятельность», расшатывая в умах немцев понятия добра и зла, морали и аморальности...

После 1933 года сфабрикованное Гитлером эклектичное варево из различных реакционных идей было провозглашено новой религией многомиллионного народа, некоей святой догмой, озарившей своим светом человечество. А все инакомыслящие объявлены не только безграмотными невеждами, но и врагами немецкого народа и германской империи, вполне созревшими для рук палача. Вот что писал по этому поводу некий Штапель, один из фюреров германской «науки» тех лет: «В нашем государстве не существует больше свободного состязания мысли. Просто имеются мысли правильные, мысли неправильные и мысли, подлежащие искоренению...»

После прихода нацистов к власти им уже было не с кем «состязаться» – все силы «научной мысли» были направлены на истолкование, вернее, восхваление трудов фюрера, на подгонку различных действий и речей фюрера под каноны им же созданной «науки». (С этой целью во всей Германии сидели люди с профессорскими и прочими учеными званиями и подводили под каждый возглас Гитлера «философскую базу»). И наконец, на попытку «внедрить» идеологию фашизма в точные науки.

Естественно, что в этих условиях видоизменилась и роль фашистской «науки». Но здесь мы явно забежали вперед. В то время, о котором идет речь, люди на берегах Рейна, Одера и Эльбы еще не путали политику с геополитикой, биологию с расовой теорией, а математиков оценивали не по форме их черепа, а по тем знаниям, которые были заключены в этих черепках!

Гитлера выпускают из тюрьмы

20 декабря 1924 года, за четыре дня до рождества, когда немцы, сидя у елок с зажженными свечами, расппевают «Тихая ночь, святая ночь», перед воротами ландсбергской тюрьмы остановилась машина. Из ворот вышел Гитлер в традиционном наряде среднего служащего тех лет, в коротком светлом пальто с поясом и в мягкой шляпе. В таком виде его запечатлели фотографы, собравшиеся в Ландсберге. Вместо пяти лет фюрер просидел всего

²⁹ Перемерь немецких и ненемецких авторов, которые, по-видимому, оказали сильное влияние на нацистского фюрера, можно было бы еще продолжить. В каждой биографии Гитлера, в том числе и в последних, в книгах Феста и Мазера, предлагается своя «обойма» лиц, чьи теории в той или иной степени заимствовал Гитлер.

13 месяцев. Баварский министр юстиции Гюртнер и его друзья сделали свое дело.

Однако положение национал-социалистской партии ко времени нового появления Гитлера на политической сцене было не столь уж благополучным. И виною тому отчасти являлся он сам. Дело в том, что Гитлер назначил своим заместителем редактора «Фелькишер беобахтер» Альфреда Розенберга; крайне непопулярного в рядах нацистов. Перед арестом Гитлер передал ему записку, на которой было начарапано карандашом: «Дорогой Розенберг, с этой минуты Вы будете возглавлять движение». Розенберг считался у нацистов «чернильной душой», «бумажной крысой». Он был, видимо, той фигурой, конкуренции которой не боялся Гитлер. По выходе из тюрьмы фюрер мог не опасаться того, что его место уже занято. Последствия назначения Розенберга сказались очень быстро – партия, формально запрещенная баварским правительством, не сумела удержаться на полулегальном положении. Она фактически распалась на несколько самостоятельных, враждовавших между собой группировок, со всеми лидерами которых заместитель фюрера Розенберг переругался. Одну из группировок под названием «Гроссдойче фольксгемайншафт» возглавляли Юлиус Штрейхер, Герман Эссер и Артур Динтер, тюрингский гаулейтер. Вторую группировку создали Грегор Штрассер, который был явным соперником Гитлера, Людендорф, Федер и Фрик (в Баварии она выступала как «Национальный блок», в Северной Германии как «Дойче фрайхайтсбеvegунг»). Третью группу, сколоченную на базе штурмовых отрядов, – так называемый «Фронтбанн», возглавляли Рем и Людеке.

Из всех этих группировок самой влиятельной была группировка Штрассера. С самого начала Штрассер понял, что путч был чистейшей авантюрой. Его усилия были направлены, с одной стороны, на организацию сильной партии, а с другой – на борьбу за мандаты в рейхстаге. Здесь Штрассер добился больших успехов. Войдя в сговор с другими националистическими группами, «Дойче фрайхайтсбеvegунг» получило в мае 1924 года около двух миллионов голосов и 2 мандата в рейхстаге, один из которых был выдан самому Грегору Штрассеру. После весенних выборов 1924 года в баварский ландтаг «Национальный блок» стал второй по силе баварской партией.

Первое время, сидя в тюрьме, Гитлер всячески мешал Штрассеру. Однако, готовясь выйти из крепости, он заявил, что изобрел совершенно новую тактику. Эта тактика, оцененная апологетами Гитлера как «неожиданный шаг», как «находка» и «откровение» фюрера, в действительности являлась тактикой Штрассера, т. е. тактикой проникновения в парламент. Несмотря на то, что ближайшее окружение Гитлера знало о его проклятиях по адресу парламентской борьбы, несмотря на то, что он вынудил Штрассера разорвать связи с другими националистическими группами (фюрер заявил при этом: «Сильный всегда еще более мощен, когда он остается один») и потерять на этом больше половины голосов и мандатов уже на декабрьских выборах 1924 года, Гитлеру удался его очередной трюк: он был признан автором новой тактики нацистов.

После выхода из тюрьмы перед фюрером встала задача проводить эту тактику. Но прежде всего надо было вновь сколотить партию: на первых порах добиться хотя бы внешнего единства, а потом уже усмирить всех непокорных, намертво привязать к себе колеблющихся, укрепить и сплотить местные организации вокруг центра. И тут ход рассуждений Гитлера был такой же, как у Штрассера: он понимал, что длительная борьба за голоса избирателей требует организационно очень сильной партии, достаточно послушной и гибкой, чтобы пережить периоды спадов и неудач и в нужный момент быть готовой к узурпации государственной власти.

Выйдя из крепости, Гитлер заявил, что намерен «переголосовать» веймарских правителей, хотя для этого и понадобится значительно больше времени, чем для того, чтобы их «перестрелять».

Уже через две недели после освобождения фюрер проделал маневр, который как нельзя лучше характеризовал его политические методы: добившись аудиенции у министр-президента Баварии Хольда, он клятвенно обещал ему «вести себя прилично». При этом он намеревался тут же нарушить свою клятву. После беседы с Гитлером Хольд сказал

министру юстиции Гюртнеру: «Бестия обуздана, теперь можно ослабить путы». Однако 27 февраля фюрер выступил в пивной «Бюргербройкеллер» с двухчасовой речью. И сразу стало ясно, что «бестия» вовсе не обуздана, а просто перехитрила баварского министр-президента. В речи перед четырьмя тысячами своих сторонников Гитлер заявил: «Либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его». Всполошившееся баварское правительство вновь запретило Гитлеру выступать. Но депо было уже сделано.

Если внимательно вчитаться в эту речь Гитлера, первую после путча и тюрьмы, нетрудно заметить, что открытые угрозы по адресу своих «явных» врагов – марксистов, евреев и веймарских министров он перемежал со скрытыми угрозами по адресу недостаточно преданных сторонников внутри движения. «Если кто-нибудь намерен ставить мне условия, – заявил Гитлер, – я скажу ему: обожди, дружок, прежде я поставлю тебе условия», И далее: «Я возглавляю движение один, и никто не вправе ставить мне условия до тех пор, пока я лично несу ответственность... А я несу ответственность безусловно за все, что происходит в движении».

Фюрер начал наводить «порядок» в нацистской партии буквально на следующий же день после того, как он вышел из тюрьмы. Первым капитулировал Штрейхер. Он и его группа явились на поклон к Гитлеру в «Бюргербройкеллер».

Другого своего сообщника Дрекслера, который, пусть номинально, считался вторым руководителем партии, Гитлер просто полностью отстранил от дел. С 1927 года имя Дрекслера в истории НСДАП вовсе не упоминается. Сложнее обстояло дело с Ремом. «Фронтбанн» – полувоенный союз, который организовал Рем, был внушительной силой, он насчитывал в своих рядах до тридцати тысяч членов и претендовал на самостоятельную политическую роль. Так, например, Рем желал, чтобы «Фронтбанн» участвовал в выборах в рейхстаг как самостоятельная партия. Еще сидя в тюрьме, Гитлер пресек домогательства Рема – в декабре 1924 года он был вычеркнут из нацистского списка кандидатов в депутаты рейхстага. После выхода из тюрьмы Гитлер отклонил предложенное Ремом соглашение, которое сводилось к тому, что Рем будет руководить военной организацией нацистов, а фюрер заниматься политикой. В ответ на это 8 апреля 1925 года Рем в письме к Гитлеру сложил с себя обязанности руководителя СА и «Фронтбанна». Ради неограниченного господства в партии Гитлер пожертвовал, таким образом, сильной военизированной группой.

Еще труднее было сладить с Грегором Штрассером. Фактически Штрассер стал наиболее влиятельным после Гитлера человеком в НСДАП, имевшим немало своих сторонников. Борьба между Гитлером и Штрассером началась сразу же и не прекращалась до самого прихода нацистов к власти, когда Гитлер, предварительно обезвредив Штрассера, одним ударом покончил с ним.

На этом этапе ни Штрассер, ни Людендорф, который в то время блокировался с ним, на собрание в «Бюргербройкеллер» не явились. Однако, если старый генерал, служивший у нацистов чем-то вроде парадной вывески, уже не представлял для Гитлера особого интереса, то у Штрассера была реальная сила. Он создал в Северной Германии целую сеть низовых организаций, установил связи с другими реакционными группами, в том числе с Немецкой национальной партией и ее руководителями Альбрехтом Грефе и графом фон Ревентлов. Кроме того, по сравнению с Гитлером у Штрассера было два важных преимущества. Ему, как члену рейхстага, нельзя было запретить выступать, и он, опять-таки как член рейхстага, пользовался бесплатным проездом, что давало ему возможность без затрат объезжать и подбадривать нацистов в самых отдаленных уголках страны. Словом, Штрассер был не только влиятельной, но и абсолютно необходимой фигурой для Гитлера. Порви тогда фюрер со Штрассером, география фашистского движения сузилась бы до пределов одной Баварии, а Гитлер понимал, что борьбу он может выиграть только в общенациональном масштабе. Затаив злобу и повременив недели две, Гитлер вызвал к себе Штрассера для переговоров. В результате возникло компромиссное решение – формально подчинившись Гитлеру, Штрассер получил на откуп всю Северную Германию, включая столицу – Берлин. Кроме того, что тоже было очень важной уступкой, Гитлер согласился на то, чтобы Штрассер

выпускал свою газету «Берлинер арбайтерцайтунг» в Берлине (редактировал ее брат Штрассера Отто) и нечто вроде теоретического органа нацистов, предназначенного для верхушки НСДАП, – «Национал-социалистише брифе». Некоторое время братья Штрассер работали параллельно с баварскими фашистами, завоеывая для Гитлера «всю Германию».

26 февраля 1925 года, т. е. за день до выступления Гитлера в «Бюргербройкеллере», вышел номер вновь разрешенной баварским премьером «Фелькишер бео-бахтер»; передовую в ней написал опять-таки фюрер. Называлась она «Новое начало». Итак, в 1925 году Гитлер положил новое начало своей партии, предварительно выбросив из нее Рема и пойдя на компромисс со Штрассером.

Думается, что уже тогда Гитлер сделал самое важное открытие своей жизни – и оно было не в области теории и даже не в области пропаганды, которая при всей своей важности не являлась решающей для нацистов, как это считают многие исследователи на Западе. Главное открытие Гитлера состояло в том, что он понял необходимость создания мощного и монолитного аппарата для узурпации власти. А для создания такого аппарата необходима была прочная финансовая база. Уже говорилось, что баварские промышленники финансировали НСДАП и мюнхенский путч 1923 года. Говорилось также, что эта группа промышленников не была самой влиятельной в среде немецкого монополистического капитала. Начиная с 1925–1926 гг. Гитлер принялся активно искать себе покровителей среди промышленников Рейна и Рура. Нам известно далеко не обо всех встречах Гитлера с представителями деловых кругов. Но уже того, что известно, достаточно, чтобы понять, какое значение придавал фюрер своим связям с монополистическим капиталом еще задолго до прихода к власти.

1 декабря 1926 года Гитлер сделал многочасовой доклад о своих планах в Кенингсвинтере для представителей бизнеса. Через несколько недель он выступил в Эссене в фирме Крупна. Одну из речей Гитлера в Эссене услышал Эмиль Кирдорф, почетный председатель правления «Гельзенкирхенербергверке АГ». В 1927 году издатель Брукнер, старый покровитель Гитлера, свел его с Кирдорфом. Вот что писал Кирдорф десять лет спустя: «В 1927 году я впервые встретился с фюрером. Я поехал в Мюнхен. Четыре с половиной часа развивал мне Гитлер свою программу. Я попросил его сделать из этого его доклада брошюру. Эту брошюру я потом распространял сам в кругу промышленников. В дальнейшем, как следствие написанной фюрером и распространенной мною брошюры, состоялись многочисленные встречи фюрера с руководящими лицами в промышленности».

Кирдорф и ставший сторонником нацистов еще в 1923 году Фриц Тиссен (концерн «Тиссен и К^о» в Мюльхейме) были первыми представителями крупного немецкого бизнеса, которые пошли на сделку с Гитлером. Весной 1927 года в НСДАП вступил один из руководителей концерна «ИГ Фарбен» Вильгельм Кепплер. Примерно в то же время к нацистам примкнул Отто Дитрих, бывший экономический редактор газеты промышленников «Мюнхен-Аугсбургер бергцайтунг» У Дитриха были большие связи. Он был зятем Рейсман-Гроне – издателя влиятельной «Рейниш-Вестфалише цайтунг».

Тиссен, Кирдорф, Кепплер и Отто Дитрих фактически стали агентами Гитлера в среде крупного капитала. Они свели Гитлера с Альфредом Гугенбергом, главой Немецкой национальной партии – партии немецких монополистов. Именно Тиссен, Кирдорф, Гугенберг, Зельдте (глава «Стального шлема»³⁰) и Гласе подготовили сенсационный успех нацистов на сентябрьских выборах 1930 года.

Таким образом, уже к началу тридцатых годов возникла та далеко не святая троица национал-социализма, милитаризма и империализма, о которой говорил главный американский обвинитель в Нюрнберге генерал Тэйлор.

Однако первые шаги по завоеванию симпатий немецкого империализма Гитлер сделал

³⁰ Эта военизированная организация официально была создана как «Союз фронтовиков» в 1918 году, в 1935 году распущена нацистами и вновь возрождена в ФРГ в 1951 году.

еще до наступления экономического кризиса. Уже тогда часть монополий активно поддерживала нацистов, хотя, казалось бы, при временной стабилизации экономического и политического положения в Германии им не нужна была столь экстремистская партия. Тем не менее так оно было. Начиная с середины двадцатых годов Гитлер получал регулярную финансовую помощь от немецких промышленников. Только благодаря этому он мог создать такую сильную и мощную партию.

Надо думать, что помощь власть имущих нацистам объяснялась в первую очередь тем, что НСДАП была самой яркой антикоммунистической партией, какая существовала в сравнительно либеральной в то время веймарской Германии. Как орудие борьбы с революционно-демократическим движением, с организациями трудящихся, с Коммунистической партией Германии она вполне устраивала немецкую реакцию.

Параллельно с налаживанием связей с монополистами внутри партии продолжалась борьба за единовластие. Главным образом с так называемым «левым крылом», возглавляемым Штрассером. Борьба Гитлер – Штрассер во многом определила обстановку в НСДАП на весь период с 1925 до 1933 года.

Штрассер, внешне подчинившись Гитлеру после выхода того из тюрьмы, не потерял надежды на главенство в партии.

Что представлял собой Штрассер? Это был человек более отесанный, нежели Гитлер. И его биография, мягко говоря, была менее одиозной. Как и Гитлер, Штрассер участвовал в первой мировой войне, но в отличие от него дослужился до обер-лейтенанта. По специальности Штрассер был химиком-фармацевтом. После войны купил аптеку. В 1923 году, когда Гитлер готовил «пивной путч», Штрассер написал диссертацию под названием «Распространение и значение разведения сахарной свеклы в Германии». Некоторое время он возглавлял фабрику по изготовлению спирта и был референтом имперского министерства продовольствия. У Штрассера была профессия, твердый заработок и обеспеченная семья. Так что перед ним стоял выбор – либо целиком отдаться партийным интригам, стать функционером, либо заниматься этим между прочим. К 1925 году он полностью переключился на партийные дела. Если Гитлер славился в НСДАП как оратор, то Штрассер считался первым организатором.

Была ли у Штрассера своя платформа? Сам Грегор Штрассер, а позднее его брат Отто пытались доказать, что этот нацист номер два был «левым» и что его разногласия с Гитлером носили принципиальный характер. Однако два обстоятельства убеждают нас в том, что борьба между Штрассером и Гитлером была только борьбой за власть.

Во-первых, Штрассер, который упорно выдавал себя за «социалиста» и за защитника прав трудящихся, неоднократно блокировался с крайне правыми – от графа Ревентлова до Людендорфа, а впоследствии и до Шлейхера. Так что, когда дело доходило до реальной политики, Штрассер быстро забывал свои леворадикальные социалистические лозунги.

Во-вторых, почти все ближайшие сотрудники Штрассера, которые на словах были еще «левее» его, начиная с Геббельса, кончая Рустом и гаулейтером Кохом, после убийства Штрассера верой и правдой служили Гитлеру. Никаких «идейных» разногласий с фюрером у них не обнаружилось. Так что оппозиция Штрассера была даже не «разновидностью» немецкого фашизма. Это была просто борьба двух хищников. И Гитлер оказался в этой борьбе более вероломным, более бессовестным и более хитрым.³¹

Однако в 1925 году вопрос о том, кто кого низвергнет, далеко еще не был решен. Первый бой между Гитлером и Штрассером произошел по инициативе последнего осенью

³¹ Для нравов и морали нацистов характерно, что почти до самого убийства Штрассера Гитлером они внешне оставались близкими друзьями. В середине двадцатых годов, когда Гитлер особенно опасался Штрассера, их нельзя было водой разлить. Гитлер не раз гостил в доме Штрассеров в Динкельсбюле. Он произнес речь на могиле отца братьев Штрассер, был крестным отцом детей Грегора Штрассера. А когда при странных обстоятельствах покончила с собой племянница Гитлера Гели Раубал, Штрассер много дней и ночей провел с безутешным фюрером.

1925 года. Конкретным поводом к выступлению Штрассера послужил вопрос об экспроприации земель и владений бывших княжеских домов. Все левые партии Германии требовали безвозмездного отчуждения княжеских владений, принадлежавших им до 1918 года. Нацистская верхушка во главе с Гитлером без всяких колебаний стала на сторону реакции, которая желала вернуть поместья их бывшим владельцам. 22 ноября 1925 года Штрассер по собственной инициативе созвал в Ганновере конференцию северогерманских функционеров. Он предполагал не только осудить позицию Гитлера по отношению к князьям, но и заменить пресловутые «двадцать пять пунктов», т. е. официальную гитлеровскую программу 1920 года, своей, штрассеровской программой, в которой, между прочим, была предусмотрена экспроприация помещичьих земель, а также промышленного капитала, установление нового экономического строя – «государственного феодализма» и замена рейхстага сословными палатами по примеру итальянских фашистов. Гитлер отказался явиться на конференцию, где он был бы в меньшинстве. В качестве своего представителя он послал Федера. Среди северогерманских бонз оказался перебежчик – кельнский гаулейтер Роберт Лей. Федер и Лей решили сорвать конференцию на том основании, что она неправомочна, поскольку на ней не присутствует фюрер. Однако им это не удалось. Конференция в Ганновере была весьма представительна: в ней участвовали гаулейтеры Ганновера – Руст, Шлезвиг-Гольштейна – Лозе, Бранденбурга – Керрль, Берлина – Шланге, Померании – Вален, представители от Мекленбурга, Брауншвейга, Силезии. Из Эльберфельда (Рейнская область), где находился штаб Штрассера, кроме него самого, прибыли гаулейтер Кауфман и секретарь Штрассера Геббельс. На словах все присутствовавшие на конференции (кроме Лея и Федера) были чрезвычайно решительны. Так, Руст заявил, что Гитлер северогерманским и западногерманским нацистам «не указ», «У нас нет папы... Как решило большинство, так и будет». Некий Гильдебрандт из Мекленбурга крикнул: «Долой мюнхенских реакционеров! Долой прислужников князей!» По некоторым сведениям, Геббельс, а по другим – Руст, заключил ганноверскую конференцию возгласом: «Я требую исключить господина Гитлера из НСДАП!»

Однако закрепить организационно свою победу Штрассеру не удалось. И Гитлер не преминул нанести ему ответный удар. 14 февраля 1926 года он созвал свою конференцию в Бамберге. Подготовил он ее куда тщательней: верные фюреру люди прибывали со всех концов Германии на грузовиках. Их было не десятки, как в Ганновере, а сотни. Начал свое выступление фюрер с заявления о том, что конференция в Ганновере была незаконной. Потом театральным жестом разорвал программу Штрассера. «Раскольники»-штрассеровцы были осуждены. Геббельс сразу переметнулся на сторону Гитлера. «Надо признать свои ошибки, – заявил Геббельс, – и присягнуть на верность господину Гитлеру». В отличие от Штрассера Гитлер не успокоился на достигнутом – он стал закреплять свою победу.

В мае 1926 года фюрер созвал в Мюнхене «генеральное собрание всех членов партии», на котором было решено, что сравнительно малочисленная группа «Национал-социалистский немецкий рабочий союз в Мюнхене» является единственным «носителем партийной идеи». Все другие организации подчиняются этому союзу и его фюреру. Кроме того, было объявлено, что «двадцать пять пунктов» являются незыблемой программой партии.

После этого Гитлер начал переманивать и перекупать ближайших сотрудников Штрассера, сея смуту и рознь в рядах северогерманских нацистов. История «перекупки» штрассеровцев и вся механика их «перековки» в стопроцентных гитлеровцев известна нам благодаря дневникам Геббельса 1925–1926 гг. В эти годы Геббельс – правая рука Штрассера – окончательно предал его. Эта эпопея закончилась тем, что Гитлер назначил Геббельса гаулейтером Берлина, который считался вотчиной братьев Штрассер. С этого времени Геббельс и Штрассер стали заклятыми врагами.

Не последнюю роль в победе Гитлера над Штрассером сыграло то обстоятельство, что фюрер в это время уже обладал большими средствами, которые он черпал от промышленников. Если Штрассер призывал своих сотрудников к умеренности и даже

аскетизму, то Гитлер обеспечивал им богатую жизнь.

После разгрома оппозиции Штрассера, которая в учебниках нацистской партии изображалась как «огромная идейная победа фюрера», Гитлер занялся текущими делами. Очередной и самой важной его задачей на этом этапе была уже не вербовка новых членов, не широковещательная пропаганда, а сплочение нацистских рядов и создание очень четкой и гибкой партийной структуры, которая превратила бы аморфные организации правых экстремистов в послушное орудие верховного жреца нацистов – Адольфа Гитлера. Приблизительная структура партии была выработана уже в 1925 году. Руководство НСДАП делилось отныне на два отдела, или, как они назывались, политические организации: ПО-1 и ПО-2. Задача ПО-1 заключалась в подрыве веймарского республиканского строя, ПО-2 занималась организационными вопросами. По замыслу Гитлера, ПО-2 после захвата власти нацистами должна была стать своего рода готовым органом государственной власти. В обеих политических организациях существовали подотделы. В ПО-1 было три подотдела: «заграница», «пресса», «профсоюзы». В ПО-2 – семь: «сельское хозяйство», «правовые вопросы», «экономика», «внутренняя политика», «арбайтердинст» (организация, занимавшаяся рабочими), «техника», «раса и культура». Кроме двух ПО, существовал еще специальный отдел пропаганды, подчинявшийся непосредственно фюреру. Вся Германия была поделена на 34 «гау» – области, примерно соответствовавшие избирательным округам в Веймарской республике. Кроме того, были созданы еще 4 «гау» за пределами Германии: в Австрии, Данциге (Гданьск), в Саарской и Судетской областях. Во главе «гау» стояли назначаемые Гитлером гаулейтеры. Каждая «гау» делилась на округа («крейзы»), возглавляемые крейслейтерами. В округа входили ортсгруппы, т. е. местные организации, которые, в свою очередь, состояли из ячеек («целлен»), а если ячейки были большие, то и групп («блоков»).³² Принцип построения НСДАП был территориальный. Попытки нацистов создавать свои «блоки» на крупных заводах, как правило, оканчивались провалами.

На все более или менее значительные должности назначения производил лично фюрер. Никакой демократии в нацистских когортах не было и в помине. Дискуссии Гитлер считал «пустой болтовней». В 1929 году в НСДАП было официально отменено тайное голосование. Члены партии должны были даже при выборах партийных руководителей выражать свою «волю» поднятием рук и криками. Нацистские бонзы объявили, что такой метод значительно более «народный». Уже в двадцатых годах в партийном аппарате был создан специальный институт «наблюдателей», которых обязали записывать крамольные высказывания членов НСДАП и передавать их по инстанциям. Даже гаулейтеры были лишены какой бы то ни было самостоятельности. Гаулейтер не имел права добровольно уйти с поста. Каждый из них знал, что он в этом случае будет объявлен ренегатом и станет объектом злобы и мстительности Гитлера.

Описывая обстановку в нацистской партии в середине двадцатых годов в книге «Тенденции и люди в НСДАП», некий Альберт Кребс, который в течение 10 лет был нацистом и одно время даже занимал пост гаулейтера Гамбурга, писал: «Малейшее отклонение или самая незначительная критика предписанных догм внутри собственных рядов считались смертельной опасностью. Члены НСДАП постоянно выискивали «индивидуалистов» и «еретиков», обнаружить и уничтожить которых считалось более почетным, чем обратиться в свою веру полдюжины открытых противников».

Еще в «Майн кампф» Гитлер требовал четкого различия между попутчиками и членами партии. Члены партии должны были признавать принцип фюрерства, поддерживать в себе «боевой дух».

Уже в середине двадцатых годов Гитлер учредил специальный партийный суд под названием УШЛА – «Комиссию по расследованию и улаживанию». Об этом суде в

³² Кроме всего прочего, новая партийная организация Гитлера предусматривала создание обширного слоя партийных бюрократов-чиновников, все материальное благополучие которых зависело от успехов нацистов.

Веймарской республике ходили самые невероятные слухи. Так, многие падкие на сенсацию иностранные журналисты утверждали, что УШЛА – самая страшная организация нацистов. Майор Бух, председатель УШЛА, считался более сильным человеком, чем сам фюрер, Эти слухи, по-видимому, питались атмосферой таинственности и дешевого детектива, которой сознательно окружала себя верхушка НСДАП. Документы, доступные нам сейчас, показывают, что партийный суд был послушным орудием в руках Гитлера и его ближайшего окружения. Недаром Бух называл себя «овчаркой Гитлера», которая помогает ему «держат все стадо». Однако не только иностранные журналисты не были в курсе внутривнутрипартийных дел нацистов. Даже сами нацисты не поняли вначале, для чего фюреру понадобился специальный суд. После возникновения УШЛА часть партии рассчитывала, что партийные суды прежде всего оздоровят НСДАП, выведут на чистую воду таких нацистских бонз, как Штрейхер, Эссер и Вебер, займутся изобличением воровства, взяточничества и коррупции. Подобного рода фактов было в ту пору великое множество. Так, некий Хюттман ограбил кассу гамбургской организации. Один из руководителей СА положил себе в карман 30 тысяч марок, которые передали в нацистскую кассу руководители реакционного профсоюза торговых служащих. В весьма влиятельной организации в Эльберфельде некий Аксель Рипке, один из десяти городских фюреров, украл партийные деньги.

Первый председатель УШЛА Хейнеман, по-видимому, считал, что ему подсудны подобные дела. Но его быстро убрали, заменив Бухом. Хейнеман просто не понял Гитлера. Председатель УШЛА Бух и его помощники – Ульрих Граф, человек с весьма темным прошлым, и молодой юрист Ганс Франк (в будущем кровавый палач Польши) были нужны Гитлеру только для того, чтобы блюсти «единство» – и выбрасывать из НСДАП всех заподозренных в крамоле. Когда Буху рассказывали об уголовном преступлении кого-либо из видных нацистов, он вопрошал: «Ну, и что?» И на этом дело кончалось. Партийный суд был одним из органов, который с первых же месяцев «нового начала» установил в партии Гитлера атмосферу страха и подозрительности.

В силу различных общественно-политических и социальных причин в Германии к концу XIX века сложился особенно мощный и разветвленный бюрократический аппарат. Прусские чиновники всегда считались образцом механической, нерассуждающей исполнительности и слепого послушания. Помещичье-юнкерская, а затем капиталистическая Германия побилла своеобразный рекорд в канцелярщине – нигде в Европе не издавалось столько циркуляров и распоряжений, нигде не оформлялось столько актов, не требовалось столько справок и документов от частного лица. В какой-то степени новая партия Гитлера была сродни немецкой бюрократической машине.

Кроме того, строя свою машину власти, а потом и свое государство, нацисты внесли в него многие черты, присущие им самим – «элите сточной канавы», как их иногда называли. Гитлер и его личные друзья могли вмешиваться во все дела во всех инстанциях. Многие партийные отделы дублировали друг друга – и это было не случайностью, а системой, особенно после прихода нацистов к власти, когда партийные и государственные бонзы выполняли одни и те же функции, контролируя друг друга. Партийных чиновников все время перебрасывали из города в город, и они меняли не только места жительства, но и профессию. А это уж вовсе не было в традициях германского государства: там чиновники всю жизнь просиживали в определенном отделе определенного ведомства, медленно поднимаясь с одной бюрократической ступеньки на другую.

Но сами дефекты и изъяны в нацистской бюрократии опять-таки играли на руку Гитлеру. По свидетельству очевидцев, фюрер (в рамках железной дисциплины по отношению к руководству) поощрял неразбериху в партии. Ведь ему нужны были не просто аккуратные и послушные чиновники, но и буйные головорезы, герои «зальных побоищ», авантюристы. И Геббельс и Штрассер в двадцатых годах самолично кидались бутылками и стульями и колошматили своих противников.

Но самое главное – для того, чтобы править всей этой нацистской ратью, необходимо было науськивать друг на друга отдельных людей, разделять, чтобы властвовать. Один из

помощников Рема, штурмовик Людеке, писал, вспоминая двадцатые годы: «Он (Гитлер. – Авт.) намеренно разжигал рознь, чтобы держать в руках вожжи». Альфред Розенберг, который, сидя в тюрьме перед Нюрнбергским процессом, занялся мемуарами, утверждал, что в середине двадцатых годов Гитлер «совершенно сознательно разрешал создание антагонистических групп в партии, чтобы иметь возможность играть роль верховного судьи и арбитра». Наконец, Кребс, которого мы цитировали выше, рассказывал в своей книге, как Гитлер в 1928 году с удовлетворением взирал на драки (не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова), которые возникали между гамбургскими штурмовиками и гамбургскими партийными функционерами. «Гитлер любил такие свары, – писал Кребс, – и всегда становился на сторону сильнейших, заявляя, что благодаря этому образуется элита». Победенных, по словам Кребса, он объявлял «бунтовщиками» и «врагами единства».

Для укрепления личной власти Гитлера необходимы были также постоянные перетряски внутри партии. Даже крупные нацисты должны были помнить, что их посты и влияние целиком и полностью зависят от фюрера.

Коренная перетряска нацистской верхушки произошла уже в 1925 году: ближайшее окружение фюрера почти полностью сменилось. Шейбнер-Рихтер погиб во время путча, Эккарт умер. Людендорф порвал с Гитлером. Розенберг на время отошел от дел. Рем – тоже. Дрекслер выбыл из партии окончательно. Эссер постепенно начал терять свое влияние. Геринг фактически не участвовал в сколачивании нацистской машины, поскольку после путча бежал из Германии в Швецию, Руст, Вагнер и целая плеяда друзей Штраассера постепенно оттеснялись на менее важные посты. Зато на фашистском небосклоне взошли новые «светила»: Гиммлер, Геббельс, Лей, которых до 1925 года в НСДАП мало кто знал.

Наряду со сколачиванием сильной партии Гитлер во второй половине двадцатых годов создал также множество смежных организаций, которые должны были в будущем заменить все существовавшие в Германии общества, союзы, объединения. Эти массовые организации гитлеровцев сыграли чрезвычайно большую роль, развращая, терроризируя и подкупая широкие слои немецкого населения.

Самой главной из массовых организаций НСДАП являлся гитлерюгенд («гитлеровская молодежь»).

В системе нацизма чрезвычайно важную роль играла политическая опека над юношеством и одновременно его военная подготовка. Сочетание военной и идеологической обработки было характерной чертой и других подобных организаций, являвшихся своеобразными филиалами нацистской партии.

Кроме массовых и военизированных организаций, при НСДАП в 1925 году начали создаваться и новые штурмовые отряды или, как они именовались в целях маскировки, «Оборонно-политическая служба».

В руководстве этой «службы» было пять отделов, а командиром штурмовиков Гитлер назначил фон Эппа. Несмотря на то, что Гитлеру удалось в 1925 году отбить атаки Рема, который стремился к обособлению СА и единоличному владычеству в штурмовых отрядах, армия штурмовиков всегда представляла известную угрозу для фюрера. Ландскнехты в коричневых мундирах были настолько неконтролируемой силой, что гаулейтеры с ними не справлялись. Так, например, в конце двадцатых годов Стеннес и Пфедфер – главари берлинских штурмовиков – дважды взбунтовались против Геббельса, гаулейтера Берлина, и позволили себе крамольные выпады против самого фюрера. Чтобы подавить бунт Стеннеса, Геббельсу пришлось даже прибегнуть к помощи полиции.

А между тем «своя» армия была необходима Гитлеру: она запугивала население, придавала вес НСДАП и при всех переговорах, которые вел Гитлер с буржуазными политиками, являлась важнейшим его козырем. Поэтому уже в середине двадцатых годов была создана еще одна нацистская армия под названием «охранные отряды» – СС. Эсэсовцам дали такую же форму, как штурмовикам, только черного цвета (этот цвет Гитлер позаимствовал у Муссолини). Официально фюрер заявлял, что СС будут его личной охраной. В действительности СС были задуманы как военная организация (только более

элитарная) в противовес СА, у которых уже сложились свои традиции неповиновения. Первым командиром охранных отрядов стал Иозеф Берхтольд, сотрудник «Фелькишер беобахтер». Но его быстро сменили и назначили на этот пост Рихарда Хайдена, бывшего полицейского агента. Только в 1929 году для СС нашелся настоящий фюрер. Им стал бывший секретарь Штрассера, владелец птицефермы Генрих Гиммлер, которого в нацистской партии первое время звали «Гиммлер-навоз». Когда «Гиммлер-навоз», имя которого в течение двенадцати лет наводило ужас на всю Германию и на миллионы людей в оккупированной Европе, стал во главе СС, в рядах охранных отрядов насчитывалось всего лишь 200 человек.

К 1928–1929 гг. нацистский партийный аппарат был вчерне создан.

Нацистские вельможи

После выхода из тюрьмы Гитлер обосновался в Мюнхене в двухкомнатной квартирке под самой крышей на Трирштрассе, 41. Однако уже летом 1925 года он снял себе небольшой загородный дом в 160 километрах от Мюнхена, недалеко от австрийской границы, в Баварских Альпах. Дом этот находился в курортном местечке Берхтесгаден, где после 1933 года была построена знаменитая резиденция фюрера, нечто вроде укрепленного замка. Первое убежище Гитлера в Баварских Альпах было куда скромнее – он снял за 100 марок в месяц виллу, выстроенную еще до первой мировой войны гамбургским купцом. В 1929 году Гитлер поменял и городскую свою квартиру. Он поселился в девяти больших красивых комнатах на Принцрегентенштрассе. После 1925 года фюрер разъезжал на дорогих машинах с большой свитой, хотя машины и личных шоферов имели в то время в разоренной Германии только очень богатые люди. Таким образом, в середине двадцатых годов Гитлер жил уже на широкую ногу.³³ Рассказы о том, что он вел жизнь «простого солдата», явно были пропагандистским мифом, рассчитанным на обывателя. Огромный штат Гитлера, начиная от телохранителей, кончая поварами и садовниками, стоил массу денег. Да и вообще финансовая система НСДАП была построена таким образом, чтобы создать для всех крупных нацистских функционеров жизненный стандарт, который не уступал бы стандарту мультимиллионеров. Партийная казна, а после 1933 года казна огромного государства была в их полном распоряжении. В условиях фашистского тоталитарного строя, где главари были бесконтрольными и несменяемыми и где каждое выступление против них расценивалось как выступление против режима, грань между личной собственностью и государственной для них полностью стерлась. Любые, самые безумные траты, скажем Геринга, Риббентропа, Геббельса, легко проходили по графе «представительские расходы».³⁴

В своих мемуарах бывший руководитель гитлерюгенда, а затем гаулейтер Вены Бальдур фон Ширах вспоминает о разговоре с Борманом, в котором тот сказал ему: «Деньги – не проблема, Бальдур. Я поговорю с фюрером, и ты получишь дотацию. Скажи мне только, сколько тебе требуется – двести тысяч или пятьсот тысяч». Система «дотаций» была широко распространена в «третьем рейхе». К своему пятидесятилетию министр экономики Функ получил «дотацию» из «фонда Гитлера» 520 тысяч марок. Начальник имперской канцелярии Ламмерс и Риббентроп также получили по полмиллиона марок.

В 1930 году во имя «престижа партии» Гитлер построил в Мюнхене помпезный «коричневый дом» – прообраз будущих партийных строений в Берлине. Фасад дома

³³ Еще в 1925 году Гитлер поучал своего соперника Штрассера: «Послушай, Штрассер, тебе теперь совершенно не нужно жить как мелкому чиновнику. Продай свою аптеку и спокойно бери сколько хочешь из партийной кассы».

³⁴ Когда в Нюрнберге министра иностранных дел Риббентропа спрашивали, каким обрезом он мог построить и обставить на свое министерское жалованье 6 домов, он, по-видимому, даже не понял вопроса. Риббентроп вовсе не считал себя воров, каким он был в действительности.

украшала гигантская свастика. Особенно поражала воображение обывателя так называемая «сенатская комната» – огромное помещение, в котором стояли 24 кресла, обитые пурпурной кожей. Чтобы проникнуть в секретариат Гитлера, которым руководил Гесс, надо было миновать внутренний двор; за секретариатом помещался кабинет Гитлера, обставленный дорогой мебелью и покрытый толстым ковром. В кабинете находился письменный стол и стол для заседаний с кожаными креслами (все это было гигантских размеров). Гитлер выходил к своим подчиненным в коричневой рубашке и высоких сапогах, некоей изобретенной им для себя полувоенной форме, которая должна была олицетворять в глазах обывателя тот неугасимый военный дух, который царил в его не столь уж могучем теле. Сверх того, к концу двадцатых годов фюрер обзавелся хлыстом, что опять-таки должно было, по-видимому, придать его внешности нечто барское и воинственное, Коричневую рубашку, сапоги и хлыст, т. е. гитлеровскую «форму», иностранные журналисты именовали в шутку «разбойничьей полуштатской формой» – *Räuberzivil*.³⁵

Помпезность, грандиозность всегда были неизменными компонентами нацистской пропаганды. Это не мешало, однако, как мы говорили выше, той же пропаганде прославлять «скромность» фюрера. Гитлер появлялся в дорогих ресторанах в обществе дам, осыпанных бриллиантами, гитлеровцы устраивали праздники, поражавшие своей роскошью; у фюрера, когда он стал канцлером, висели на стенах бесценные картины, в том числе полотна Рембрандта. И в то же время Геббельс подал сигнал нацистской пропаганде рисовать Гитлера как чрезвычайно, до аскетизма скромного человека. «Он, фюрер, – писал Геббельс в «Ангриффе» в 1933 году, – не желает роскоши и блеска прежней имперской эры». Когда Гитлер, придя к власти, водворился в резиденции рейхсканцлера, он демонстративно приказал закрыть все помещения личного пользования, оставив себе лишь две небольшие комнатки. И в Германии начали распространяться фотографии этих комнат: на одной была изображена спальня фюрера – железная кровать, тощий гардероб, небольшой столик; на второй – его кабинет: несколько обычных стульев, круглый стол и письменный стол, заваленный бумагами и книгами. В январе 1933 года Гитлер официально отказался от канцлерского жалованья, заявив, что ни одно жалованье в «третьей империи» не будет превышать тысячу марок. И немецкому мещанину было невдомек, что жест этот ровно ничего не значил: новый канцлер и его сообщники не нуждались в жалованье!

Вспоминая во время войны в своей ставке о прошлом, Гитлер неоднократно подчеркивал, что конец двадцатых годов был «счастливейшим периодом его жизни». Однако тогда у него была одна существенная забота – он не имел немецкого подданства: сперва Гитлер считался подданным Австрии, потом отказался от австрийского гражданства (из страха, что его могут выслать в Австрию) и тем самым стал человеком без гражданства. И в этом случае Гитлер поступил так же, как он поступал всегда: публично заявил, что никогда не унизится до того, чтобы просить о немецком гражданстве, а тайком посылал баварскому правительству одно прошение за другим. Однако до 1932 года эти прошения оставались без ответа.

К концу двадцатых годов относится и весьма темная любовная история между Гитлером и его племянницей Ангеликой (Гели) Раубал. О ней написано немало, еще больше написано на «общую» тему: «Гитлер и женщины».

С того времени, как Гитлер стал общегерманской «знаменитостью», т. е. с 1924 года, большинство иностранных журналистов, встречавшихся с ним, утверждали, что он – импотент.³⁶ Другая часть журналистов разбирала всевозможные, часто мнимые увлечения

³⁵ Здесь игра слов: «*Räuberzivil*» означает – «натянуть на себя одежду похуже».

³⁶ Фест в своем фундаментальном труде «Гитлер. Биография» пишет: «Некоторые обстоятельства говорят за то, что до странности сильные флюиды, которые излучали определенные «участки» национал-социалистского мировоззрения, происходили из-за присущей ему (Гитлеру) подавленной сексуальности, не могущей проявиться в условиях нормальной буржуазной среды». В другом месте этой же книги Фест (правда, не первый) замечает, что сборища Гитлера чуть ли не имитировали пароксизм страсти, и приводит любопытные

Гитлера. В донжуанский список фюрера попало множество имен: Генни Хауг – сестра шофера Гитлера, аристократка Эрна Ханфштенгль – сестра «Путци» Ханфштенгля, Сузи Линтауэр, Элеонора Бауэр – бывшая монахиня, леди Митфорд – свояченица главаря английских фашистов Освальда Мосли, Зигрид фон Лаффердт.

Впрочем, были и такие корреспонденты, которые считали, будто тот факт, что Гитлер любил появляться в обществе красивых женщин, объяснялся его стремлением скрыть свой изъян.

Эта версия, безусловно, имела некоторые основания. Станным казалось, что в, так сказать, «доисторический» период женщины не играли в жизни Гитлера никакой роли. Как ни пытались журналисты разыскать хоть одну женщину, которая была бы в прошлом связана с Гитлером, им этого не удавалось. (Напомним, что в конце двадцатых годов Гитлеру уже было под сорок).

Роман Гитлера с Раубал должен был, казалось, развеять эти слухи. Но и он был диковинный. В 1928 году Гитлер выписал в Мюнхен свою единокровную сестру Ангелу вместе с ее дочерьми – Гели и Фридл. Гели – еще совсем молоденькая девушка – по свидетельству всех знавших ее, была весьма жизнерадостной и уравновешенной особой. Она училась пению. Сестра Гитлера стала чем-то вроде экономки будущего рейхсканцлера, а Гитлер начал подчеркнуто ухаживать за Гели. Он водил ее повсюду, даже на официальные нацистские собрания. В мюнхенской квартире Гитлера и в Берхтесгадене у Гели были свои комнаты. Когда гаулейтер Вюртемберга Мундер потребовал, чтобы Гитлер либо женился на своей племяннице, либо перестал показываться с ней на людях, Гитлер немедленно выкинул его из партии. Следующей жертвой романа фюрера с Гели стал шофер и телохранитель Гитлера Эмиль Морис. По слухам, Гитлер приревновал Мориса к Гели и прогнал его с глаз долой. Казалось, Гитлер женится на своей племяннице. Однако 18 сентября 1931 года Гели Раубал была найдена мертвой у себя в комнате, в НСДАП было объявлено, что она покончила жизнь самоубийством из-за того, что провалилась на экзамене по пению. Однако этому сообщению не поверили даже самые легковверные нацисты.

Существует несколько версий смерти Гели Раубал. По одной – она покончила с собой из-за необузданного нрава Гитлера. Раубал будто бы оставила письмо, попавшее в руки патера Штемпфле, близкого друга Гитлера. Но Штемпфле оказался недостаточно молчалив, за что его и убрали в 1934 году. По другой версии – Раубал была убита Гиммлером, так как «слишком много знала». И наконец, по третьей – Гитлер убил свою племянницу собственноручно в припадке ярости. Один из баварских юристов поднял дело об убийстве, но в конце концов его прекратили.³⁷

Установить сейчас истинную картину смерти Раубал не представляется возможным. Ясно только одно – прямым или косвенным убийцей Гели был Гитлер. Но это отнюдь не помешало ему на протяжении всей остальной жизни делать вид, будто он скорбит по поводу невозможной утраты.

Интересно, что все западные биографы Гитлера, не говоря уже о самих нацистах, писали о «трагедии» Гитлера в связи со смертью Раубал...

Но пока Гитлер переезжал с одной квартиры на другую, пока он ухаживал за Гели Раубал, строил «коричневый дом», подавал прошения о принятии в немецкое гражданство, в Германии создавалась легенда о «всемогущем» и «премудром» фюрере, которая не имела

слова немецкого антифашистского писателя Рене Шиккеле о том, что необузданные хулиганские речи нацистского фюрера смахивали на «убийства на сексуальной почве».

³⁷ Отто Штрассер в своих мемуарах принимает версию убийства Раубал. В качестве доказательства он приводит такой эпизод: в 1936 году редактор газеты «Эстеррейхише пост» разыскал его в Париже и передал письмо некоего патера Палста, в котором говорилось: «Я похоронил Ангелику Раубал. Утверждалось, что она кончила жизнь самоубийством. Никогда я не разрешил бы похоронить самоубийцу в святой земле. Из того факта, что я похоронил ее по христианскому обряду, вы можете сделать те выводы, которые в силу моего клятвенного обещания я не могу вам сообщить».

ничего общего ни с самим фюрером, ни с его действительной жизнью.

* * *

Как мы уже говорили, принцип фюрерства насаждался нацистами обдуманно и планомерно. Фашистская теория, а главное, фашистская практика неразрывно связаны с этим принципом. Возведенные в абсолют произвол и беззаконие невозможны без абсолютной власти фюрера. Это две стороны одной медали. Призвав «клоаку немецкого общества», как писал известный буржуазный социолог Репке, к управлению страной, развязав самые разнуданные инстинкты толпы, поправ все законы и все нормы человеческого поведения, нацистские главари должны были все же иметь в руках какую-то узду. Хотя бы для того, чтобы сохранять видимость порядка. И для того, чтобы в один прекрасный день не быть растерзанными своими же сторонниками, не оказаться жертвами тотальной резни. Этой уздой стал фюрер. Да и той темной, социально неустойчивой массе, к которой апеллировали нацисты, необходимо было новое божество.

Некоторые историки на Западе утверждают, будто культ Гитлера возник в Германии потому, что немцы, мол, изверились в демократии: им, дескать, наскучили слабонервные лидеры и захотелось сильного вождя. Утверждение это в корне неправильно и антиисторично. Трудно было извериться немцам в демократии, даже в буржуазном ее варианте, ведь они ее едва успели вкусить. В 1918 году из рейха бежал Вильгельм II, а уже в 1925 году президентом Германии стал Гинденбург, ярый монархист, на письменном столе которого всегда стояла фотография Вильгельма II с надписью: «В знак постоянной и вечной благодарности от Вашего всегда верного Вильгельма».

И дело здесь, разумеется, не в особом складе немецкого характера, не в свойствах немецкой психики, а в тех исторических условиях, в которых складывался в Германии капитализм и происходил переход его в империалистическую стадию. Запоздалое возникновение промышленности в Германии и замедленный «пруссский путь» развития ее сельского хозяйства обусловили особую реакционность и агрессивность правящих классов страны – юнкерства и буржуазии. «В Англии и во Франции, – писал В. И. Ленин незадолго до первой мировой войны, – буржуазия господствует полновластно и почти (за малыми исключениями) непосредственно, тогда как в Пруссии первенство за феодалами, за юнкерами, за монархическим милитаризмом».³⁸

В специфических условиях развития германского капитализма милитаризм, пользуясь выражением Карла Либкнехта, стал не только государством в государстве, но прямо-таки государством над государством. Он пронизал все поры государственной и общественной жизни. Казарменный дух, палочная дисциплина и верноподданничество были характернейшими приметами пруссачества, подчинившего себе всю Германию. На этом и сыграли нацисты.

Верноподданный Гогенцоллернов был готов стать верноподданным Гитлера. Пивного завсегдатая, молившегося на пышные усы кайзера, легко было «перекантовать» на усики фюрера. Тем более, что нацисты ловко сумели использовать популярную идейку о «сильной личности» как панацею от всех бед – и от послевоенной разрухи, и от кризисов, и от репараций, и от действительных и мнимых унижений Германии со стороны богатых стран-победительниц. А главное, как спасение от коммунизма.

ГЛАВА III

НАЦИСТЫ ПРИХОДЯТ К ВЛАСТИ

³⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 280.

Принцип фюрерства

Итак, никакой абсолютный монарх не обладал столь абсолютной властью, как Адольф Гитлер. В нацистской империи не существовало нормально действующих законодательных и исполнительных органов. Рейхстаг в шутку называли самым высокооплачиваемым мужским хором в Германии – ведь все его функции сводились к тому, чтобы петь гимн до и после заседаний.

На одном из первых заседаний рейхстага в 1933 году– нацисты в то время формально считались одной из коалиционных партий – Папен робко возразил Гитлеру по какому-то конкретному поводу. В ответ на это Геринг, прервав его, сказал: «Господин Папен... в третьей империи есть фюрер. И мы здесь собрались не для того, чтобы обсуждать его решения, а для того, чтобы выслушивать его приказы и исполнять их как можно лучше!»

С 1934 года кабинет министров в Германии фактически вообще не собирался, и никто этого, так сказать, «не заметил», ибо кабинет стал совершеннейшей фикцией.

Даже случайно оброненное замечание Гитлера становилось законом. Существует множество анекдотов о том, к чему приводило единовластие нацистского фюрера. Вот один из них: как-то раз, проезжая по Мюнхену мимо церкви св. Матфея, Гитлер увидел перед ней сложенные камни и заметил: «Не хочу больше видеть эту груды». Свита, сопровождавшая фюрера, решила, что его слова относятся к церкви. И вот на следующий день рано утром явились рабочие, чтобы снести старинный храм.

Самые неожиданные и нелепые затеи Гитлера воспринимались как глубоко продуманные, мудрые мероприятия. Сам Гитлер говорил о себе как о высшем существе. В тридцатых годах в разговоре с Отто Штрассером он изрек: «Я никогда не ошибаюсь. Каждое мое слово – историческое». В 1936 году он заявил: «Я иду с уверенностью лунатика той дорогой, которой ведет меня провидение». Накануне второй мировой войны Гитлер с самым серьезным видом утверждал, что нападение на Польшу надо совершить как можно скорее, пока он находится в «расцвете сил». «В качестве причины, – сказал он, – я привожу мою собственную личность. Это (решение напасть на Польшу. – Авт.) тесно связано со мной, с моим существованием, с моим политическим даром....» И далее: «То, что я существую, – важнейший фактор».

Основной тезис всей немецкой пропаганды в годы войны заключался в том, что Германия не может не победить, поскольку у нее есть такой фюрер, как Гитлер. «Жертвой» этой пропаганды оказался даже Геббельс, который знал всю ее кухню, был, можно сказать, шеф-поваром этой кухни. 31 января 1942 года он записал в дневнике: «До тех пор, пока Гитлер с нами, можно, в сущности, не иметь никаких забот о дальнейшем развитии. Меня глубоко успокоило, что фюрер здоров... До тех пор, пока сила его духа, сила его мужества может быть введена в бой, с нами не может случиться ничего плохого...».

Как же стало возможным обожествление Гитлера, тот массовый психоз, который навязали миллионам людей?

В своем последнем слове на Нюрнбергском процессе глава фашистских технократов, министр вооружения Шпеер рассказал о том, какую роль сыграла в возвышении Гитлера техника XX века. По его словам, благодаря технике пропаганда стала действительно тотальной, проникла в каждый дом, «отняла у людей самостоятельное мышление». Добавим к этому, что фашистам удалось создать чудовищную машину террора, какую не знал до них ни один строй.

О пропаганде нацистов и об их террористическом аппарате речь будет идти еще не раз. Сейчас нам важно уяснить себе, какие именно качества Гитлера способствовали тому, что именно он, а не кто-либо другой из его сообщников стал «богом» в фашистской Германии.

Буквально все буржуазные исследователи задаются этим вопросом, и ход рассуждений большинства из них примерно таков: Гитлер не должен был импонировать немцам. Немцы любят физически сильных, мужественных людей, а в Гитлере было нечто женоподобное, он был физически слаб, не занимался спортом. Немецкий обыватель уважает людей

образованных, с учеными степенями, а Гитлер был невежда и недоучка. Немецкие националисты всегда ратовали за чистоту немецкого языка, а Гитлер говорил с сильным австрийским акцентом. Немецким милитаристам импонировали военные чины – Гинденбург был фельдмаршалом, а Гитлер не дослужился даже до фельдфебеля. Наконец, сами нацисты создали идеал сильного человека, образ нордического вождя, а Гитлер совершенно не подходил ни под одну «статью» этого образа: ни во внешнем, ни в психологическом плане.

Разумеется, мы несколько упрощаем аргументацию западных исследователей, но в общем она такова... Гитлер не импонировал, не подходил... И в то же время...

Думается, что сам принцип «подходил – не подходил» не только глубоко наивен, но исходит из совершенно ложной посылки, из той посылки, что немецкий обыватель выбрал Гитлера себе в вожди. В действительности все происходило иначе. Немцы не выбирали Гитлера в качестве «бога». Так же как они не выбирали нацистского образа правления. Гитлер, а вернее те, кто стояли за его спиной, немецкие промышленники, навязали Германии и фюрера, и нацизм. Феномен Гитлера, о котором так много говорят по сию пору, как раз заключался в том, что нацисты сумели навязать Германии в роли бога Гитлера и продержали его в этом амплуа целых 12 лет.

Конечно, и сами нацисты сделали немало для того, чтобы стать фаворитами правящей верхушки веймарской Германии, Создали не просто партию, а хорошо организованную мафию, государство в государстве. Ввели в этой «партии» террор, слежку, доносы. Гитлер окружил себя послушными ничтожествами и сумел вовремя избавиться от всех соперников, которые могли претендовать на роль фюрера: Штрассера, Рема и других. Гитлер и иже с ним связали сперва узкий круг своих единомышленников, а потом и сотни тысяч немцев неразрывными узами взаимной выгоды и круговой поруки.

Не личные качества Адольфа Гитлера и его приближенных были решающими. Решающим оказалось то, что агрессивным империалистическим кругам Германии необходима была на известном этапе соответствующая система правления, которая могла функционировать только тогда, когда во главе ее стоял некий абсолютный диктатор.

Можно представить себе в роли Гитлера и другого нациста, того же Рема, Штрассера или Бормана. Если бы нацистский строй продержался дольше, у Гитлера несомненно нашелся бы преемник. И тогда, возможно, будущие буржуазные историки задавали бы себе такой же вопрос, какой задают нынешние: почему новый фюрер стал фюрером? И так же судорожно искали бы какие-то необыкновенные качества, сделавшие преемника Гитлера новым Гитлером.

Но если индивидуальные качества Гитлера имели лишь некоторое значение для его «воцарения», то после захвата власти они сыграли важную роль, наложив свой отпечаток на всю историю нацистского господства.

Неправильно думать, что обожествление Гитлера было с самого начала таким же, каким оно стало впоследствии. Во второй половине двадцатых годов оно еще только зарождалось. Геббельс в своем личном дневнике в 1925–1926 гг. именует Гитлера просто «шефом». Он для него не абсолютный вождь. Таким он не был в тот период и для других нацистов.³⁹

Но уже после «нового начала», т. е. после 1925 года, Гитлер постепенно стал, так сказать, «отрываться», «отчуждаться» от остальной нацистской верхушки и усваивать повадки исключительного человека, или, говоря на нацистском жаргоне, сверхчеловека... Прежде всего его личность окружалась ореолом таинственности. Он то появлялся, то исчезал, в каждый данный момент никто не знал, где он находится. Любимчики Гитлера беспрестанно менялись. Время от времени он увозил кого-либо из них с собою и проводил с

³⁹ Даже много времени спустя, уже после 1933 года, Гитлер еще не совсем вошел в свою роль. Описывая первую встречу Гитлера с Муссолини, иностранные корреспонденты уверяли, что истинным фюрером выглядел тогда только дуче и что он смотрел на Гитлера, «как Грета Гарбо смотрела бы на горничную, которая вздумала подражать ее прическе».

очередным фаворитом несколько дней, а то и недель. Но вот в одно прекрасное утро фаворит (это мог быть и Геринг, и Геббельс, и Штрассер, и Розенберг) просыпался и узнавал, что Гитлер, не сказав ему ни слова, отбыл в неизвестном направлении. В 1930 году Гитлер вызвал Грегора Штрассера для серьезных переговоров в Берлин. В середине одного из споров Гитлер встал, извинился и сказал, что он на минуту должен выйти (их разговор происходил в ресторане). Штрассер остался сидеть за столиком и прождал фюрера очень долго. Только потом он узнал, что Гитлер вышел другим ходом на улицу и укатил в Мюнхен. В тот же день в Мюнхене Гитлер исключил Отто Штрассера и его ближайших сообщников из НСДАП.⁴⁰ Наезды Гитлера в низовые нацистские организации тщательно подготавливались. Сперва в «гау» прибывал высокопоставленный уполномоченный. Он сообщал, какой номер снять Гитлеру, как его встречать, сколько бутылок минеральной воды поставить на кафедру. Гитлер появлялся в зале только после того, как толпа была соответствующим образом подготовлена. Вступительное слово председателя собрания должно было длиться не более пяти минут. А со времени появления Гитлера на трибуне до начала его речи должно было пройти 10–15 минут (5–10 минут было отведено на овации). После речи Гитлер ни с кем из руководителей «гау» не беседовал. Все текущие дела разрешал не он, а кто-либо из его свиты. Претензии он тоже не выслушивал. Правда, иногда фюрер устраивал специальные «разносы» для узкого круга лиц. Созвав человек 10–15, он демонстрировал вспышки ярости. По мнению многих людей, наблюдавших эти вспышки, Гитлер симулировал необузданный гнев, краем глаза наблюдая за реакцией аудитории. Он весьма связно разносил своих сообщников, а потом спокойно удалялся. Ни одна примадонна не готовилась так тщательно к премьерам, как Гитлер готовился к съездам НСДАП. Перед съездом он по несколько недель проводил в одиночестве в горах – отдыхал. После съезда его опять увозили в горы. В самом начале тридцатых годов Гитлер «разоблачил» три мнимых заговора – два заговора штурмовиков и заговор О. Штрассера. В 1934 году – заговор Рема. После этого «заговоры» следовали один за другим. Вскоре после прихода Гитлера к власти был издан специальный указ, запрещающий выскакивать из толпы, целовать полы его пальто и бросать ему букеты, дабы не подвергать жизнь фюрера опасности.

Наряду с этим создавался образ «человечного фюрера», «самого человеческого из всех людей». Лъстецы и подхалимы не жалели чернил и фотопленки. Впрочем, особого простора Гитлер им не давал. Он строго следил за «дозировкой» похвал, а также за дозировкой «личного элемента» в его жизнеописаниях. Так, в 1939 году Геббельс задумал выпустить книгу под названием «Гитлер как человек»; – о частной жизни фюрера. Но Гитлер этого не допустил. В нацистской Германии существовало всего четыре фотоальбома, посвященных Гитлеру: «Гитлер, каким его никто не знает», «Гитлер по ту сторону будней», «Гитлер в своих горах», «Молодежь и Гитлер». Учитывая нравы буржуазного государства и гигантский интерес обывателя к каждому шагу и жесту «великого человека», число альбомов поразительно мало. Да и сами альбомы, если присмотреться к ним внимательнее, построены совершенно по другому образцу, нежели обычные рекламные сборники, посвященные буржуазным политикам. Альбомы чрезвычайно казенны, унифицированы, нарочито «заморожены». Вот альбом «Гитлер, каким его никто не знает». По названию можно предположить, что здесь-то немецкий обыватель и почерпнет какие-либо бытовые и интимные сведения о своем кумире и фюрере. Ничуть не бывало... Коричневый переплет – очень строгий, без всяких украшений. Открываем обложку. Белые листы. На одном из них черным строгим шрифтом снова повторено название книги. Чуть ниже написано: «100 фотоснимков из жизни фюрера. Предисловие Бальдура фон Шираха». На следующем листе стишки Шираха: «Самое великое в нем – это то, что он не только наш фюрер и герой для всех, но и личность – твердая и прямая; в нем не только сосредоточены корни нашего мира и

⁴⁰ Эта версия подтверждается многими авторитетными источниками. Однако сами братья Штрассер ее отвергли. Быть может, потому, что она рисует Штрассеров в не очень выгодном свете.

душа, вознесшаяся к звездам, вместе с тем он остался человеком, таким, как ты и я». Далее следует само предисловие, в котором заранее уведомляется, «что книгу о фюрере сумеют написать только потомки, ибо только они будут обладать чувством дистанции и вместе с тем возможностью делать выводы». После этого Ширах восхваляет величие Гитлера, сравнивая его то с Фридрихом Великим, то с... Гете. Под конец Ширах сообщает, что Гитлер «универсальный гений» и что поэтому 100 фотографий могут дать «только намек на эту единственную в своем роде личность», и «что работоспособность фюрера необыкновенна». Кончается предисловие тем же, чем и начинается: «Наше время будет почитать и любить этого гиганта, но оно не сможет познать его во всей его глубине, да этого и не надо».

За предисловием следуют 100 фотографий. Однако только пять или шесть из них «личного плана»: дом, где родился Гитлер; Гитлер – младенец, отец и мать Гитлера, Гитлер в школе, Гитлер в армии. Остальные фотографии, так сказать, «дежурные»: Гитлер и штурмовики, Гитлер на трибуне, Гитлер у постели раненого нациста, Гитлер перед строем, Гитлер в шляпе, Гитлер без шляпы, Гитлер в глубоком кресле читает газету, Гитлер и крестьяне, Гитлер и рабочие, Гитлер и промышленники, Гитлер и любимые собаки.

Германия на рубеже 30-х годов

Три года – 1930, 1931 и 1932 – были поворотными годами и в карьере Гитлера и в истории его «движения». За это время ему удалось с помощью созданных им организаций подготовить свой приход к власти и тот нацистский переворот в Германии, который за этим последовал. Факты этого периода хорошо известны. Известны речи Гитлера и его приверженцев, известны речи его политических противников, известны сложные перипетии парламентской и внепарламентской борьбы, которая велась в это время представителями различных партий, претендовавших на канцлерское кресло в Германии. Наконец, известны и те тяжелые экономические потрясения, которые выпали в этот период на долю немецкого народа, равно как и на долю народов других высокоразвитых капиталистических стран, захваченных экономическим кризисом. У современных исследователей нет надежды на то, что они узнают какой-то новый факт, который сразу же разъяснит им «чудо» нацистского успеха, найдут в архиве какой-то никому не ведомый документ, который изменит представление о действующих лицах трагедии, разыгравшейся в январе 1933 года в Германии. Все известно... И это, как ни странно, усложняет задачу историка.

Впрочем, есть еще один момент, затрудняющий работу Нед указанным периодом в истории нацистского движения в Германии. Дело в том, что этот и все последующие этапы карьеры Гитлера и возвышения его партии особенно трудно рассматривать изолированно: ведь здесь произошло некое слияние личной биографии нацистского фюрера и истории НСДАП с историей Германии. Поэтому метод исследования приобретает особое значение, так же как и строгий отбор фактов. Волей-неволей авторам в силу поставленной ими перед собой задачи приходится многим жертвовать и тем обеднять картину тех лет.

Развернутый показ борьбы антифашистских сил, которые существовали в Германии, и их авангарда – коммунистической партии, оказавшейся наиболее прозорливой и последовательной партией в стране, – требует специальной работы. Историки СССР и ГДР осветили этот вопрос во многих исследованиях. Наша задача сводится к тому, чтобы в самых общих чертах показать экономическую и политическую обстановку в Германии в указанные три года, ибо без этого невозможно понять причину возвышения Гитлера. Напомнить, хотя бы вкратце, о тех интригах, которые велись в самых верхах немецкого общества и которые роковым образом способствовали возвышению Гитлера. Описать методы и приемы нацистов и лично Гитлера с его легальной борьбе за власть, т. е. за голоса избирателей. И в то же время раскрыть закулисную борьбу представителей правящих верхов Германии, которые являлись фактически авторами того «чуда», в итоге которого Гитлер стал единовластным правителем Германии.

Здесь нам придется напомнить читателю несколько действительно азбучных дат, цифр и широко известных фактов...

29 октября 1929 года на бирже в Нью-Йорке произошла небывалая финансовая катастрофа. С этого начался мировой экономический кризис, который не только потряс самые основы экономики в наиболее развитых капиталистических странах, но и расшатал, если можно так выразиться, моральные устои империалистического общества. Для промышленных и финансовых магнатов, для всей верхушки капиталистических стран кризис 1929–1932 гг., невиданный по своей широте и глубине, был своего рода «memento mori», напоминанием о смерти. Особенно тяжелым оказался кризис для Германии. К 1928–1929 гг. положение в стране только-только стабилизировалось. Не последнюю роль в этом сыграли иностранные инвестиции (к 1930 году задолженность Германии достигла 28 миллиардов марок). В 1928 году безработица впервые с 1918 года упала до 650 тысяч человек (раньше она все время превышала миллион), да и в политическом отношении Штресман – тогдашний министр иностранных дел Германии – добился известных уступок: оккупация Рура закончилась досрочно. Германия заключила с западными державами так называемые локарнские договоры, оформившие фактический союз этих государств и направленные против СССР. Огромную помощь немецким промышленникам сказали американские банки. Согласно планам Дауэса и Юнга, Германия получила миллиардные американские кредиты.

«Процветающая» Америка и Западная Европа охотно шли навстречу Германии в конце двадцатых годов. Совсем иначе вели себя те же партнеры, после того как разразился экономический кризис. Теперь они заботились только о себе по принципу: каждый спасайся как может. Положение в Германии резко ухудшилось уже к 1930 году, но это было только начало. Немецкая экономика, связанная с иностранными капиталовложениями, задолжавшая другим странам, переносила кризис особенно болезненно. Продукция промышленности в Германии с 1929 по 1932 год упала почти вдвое. Для немецкого народа кризис был гигантской катастрофой. В сентябре 1929 года число безработных дошло до 1320 тысяч человек, в сентябре 1931 года – до трех миллионов, а через год, то есть в сентябре 1932 года, оно перевалило за 5 миллионов. В некоторые месяцы 1932 года в Германии было до 6,5 миллиона официально зарегистрированных безработных, не считая незарегистрированных, т. е. молодежи, женщин и т. д.

Больше всего пострадал от кризиса рабочий класс. Но огромные лишения выпали также на долю немецкого крестьянства – цены на сельскохозяйственные продукты падали; крестьянские хозяйства разорялись. Наконец, кризис поразил и так называемые средние слои – мелких лавочников, ремесленников. Их имущество за бесценок скупалось мощными трестами, универсальными магазинами, крупными предприятиями.

Некоторые историки, пишущие о немецком фашизме и о Гитлере, склонны «выводить» нацизм непосредственно из обнищания немецкого народа. Согласно их концепциям, успехи Гитлера были прямо пропорциональны ухудшению экономического положения «среднего немца». Чем больше этот немец страдал от голода, холода, неустроенности и униженности своего положения, говорят они, тем внимательнее прислушивался к подстрекательским речам Гитлера, тем охотнее посещал нацистские сборища и голосовал за нацистский список. В действительности все происходило гораздо сложнее. Правда, катастрофическое разорение среднего сословия дало нацистам большие резервы и способствовало возвышению Гитлера. В 1929 году, т. е. в начале экономического кризиса, число членов НСДАП резко подскочило.⁴¹ Так же стремительно увеличилось и число штурмовиков. И не в последнюю очередь потому, что деклассированным, потерявшим средства к существованию и опору в жизни мелким буржуа нацистские организации давали много и материальных и моральных

⁴¹ В 1928 году в НСДАП было 108 тысяч членов, в 1929 году – 178 тысяч.

привилегий, начиная от бесплатной еды, пива, «служебных» командировок и кончая безнаказанностью за совершенные преступления. Лавочник, лишившийся своих доходов, охотнее, чем прежде, вступал в СА. Вместо того чтобы сидеть в нетопленной квартире и слушать причитания жены, он надевал коричневую форменную рубашку, вскакивал на «казенный» нацистский грузовик и отправлялся в чужой город, чтобы разгонять рабочую демонстрацию или охранять нацистские собрания, т. е. как бы облакался властью.

Кроме того, как метко заметил один из историков, нигде так приятно «не ненавиделось», как в фашистской партии. Издерганный, озлобленный обыватель, искавший, на ком бы выместить свои обиды, получал в этой партии множество объектов для ненависти. В своих речах Гитлер выдавал бюргеру полный набор «виновников» тех тягот, которые этот бюргер терпел. В несчастьях Германии виноваты были, по словам фюрера, союзные державы, прежде всего Франция, которая хотела «поработить» немецкий народ. Виноваты были веймарские чиновники и министры. Виноваты были богачи, оптовые торговцы и хозяева универсальных магазинов. Виноваты были евреи. Ну и, конечно, виноваты были марксисты и вообще красные, разжигавшие классовую борьбу и разделявшие немцев.

Однако речи Гитлера были, так сказать, ширпотребом нацистского предприятия. И не надо преувеличивать их значения. Несмотря на большой рост нацистской партии, она была далеко не самой сильной и влиятельной в стране. Да и мелкие обыватели, которым было «приятно ненавидеть» в коричневых шеренгах, не составляли большинства немецкого народа. Конечно, нацисты были очень ловкими политиками, демагогами и психологами, а их фюрер в 1930 году научился виртуозно «играть на струнах мещанских сердец», разжигая в них шовинизм, милитаризм и крайний национализм, И все же... партия Гитлера никогда не получила бы абсолютного большинства в рейхстаге. И все же... нацистам никогда не удалось бы прийти к власти только благодаря голосам избирателей. Не немецкий народ избрал себе диктатора и нацистский режим, а правящие классы Германии навязали гитлеризм семидесяти миллионам немцев.

С начала экономического кризиса произошло резкое поправение всех власть имущих в Германии. Это был первый итог экономических потрясений на берегах Шпрее, Эльбы и Рейна.

В октябре 1929 года умер Штресеман, В конце марта 1930 года рейхсканцлером Германии стал Брюнинг. Если предыдущие канцлеры спиральсь в рейхстаге на так называемые веймарские партии – социал-демократов, «Центр» и демократов, то Брюнинг занял свой пост в результате сговора между президентом, т. е. монархистом Гинденбургом. и руководством рейхсвера. Симптоматично, что в начале недолгого правления Брюнинга Гинденбург называл его «самым сильным канцлером после Бисмарка». Вообще словечко «сильный» пошло в ход у политиков начала тридцатых годов. И Гинденбургу, и генералу Тренеру, первому в истории Веймарской республики военному, ставшему военным министром (до этого военными министрами были штатские), и крупным промышленникам хотелось в этот период «сильной власти», «сильного канцлера». Кризис пугал их прежде всего тем, что он должен был привести к радикализации, к полевению масс.

Однако дела у «сильного канцлера» шли плохо. Уже первое его крупное начинание – антинародная финансовая программа потерпела поражение в рейхстаге и сделала его крайне непопулярным в Германии (Брюнинга называли «канцлером голода»). В июле 1930 года большинством голосов в рейхстаге часть программы была отклонена. И тогда Брюнинг пошел по пути явно антидемократических мер. Он сразу же избрал, если можно так выразиться, самый антидемократический вариант из всех, какие предлагала ему веймарская конституция, а именно: объявил чрезвычайное положение и, заручившись подписью Гинденбурга, провел свой законопроект через голову парламента. Рейхстаг счел это нарушением законности и потребовал отмены чрезвычайного положения. Тогда Брюнинг распустил рейхстаг и объявил новые выборы. Это был сильный удар по престижу Веймарской республики, и нанес его не нацист Гитлер, а парламентарий Брюнинг.

Западные исследователи много писали о том, что, если бы Брюнинг смог

предположить, к каким последствиям приведет роспуск рейхстага в июле 1930 года, он бы никогда не сделал этого шага. Весьма возможно. Уже через три года стало понятно, что все ведущие немецкие политики были как бы поражены полной слепотой. Словно сговорившись, они рыли яму самим себе и устраивали зеленую улицу Адольфу Гитлеру. Можно подумать, что на хитрых и ловких государственных деятелей Германии нашло наваждение. Но наваждение это было отнюдь не психологического характера. Страх перед революцией, перед коммунизмом ослеплял и оглуплял немецких политиков, так же как впоследствии, в дни Мюнхена, он ослеплял и оглуплял английских и французских министров.

Ближайшим результатом поправки верхов было для Гитлера то, что он стал равноправным партнером реакционных деятелей в той политической борьбе, которую они тогда вели. А это уже было не мало.

Политика верхов принесла нацистам на сентябрьских выборах 1930 года крупнейший успех. Гитлер получил почти шесть с половиной миллионов голосов из тридцати миллионов. Таким образом, у него оказалось 107 мандатов в рейхстаге. С девятого места НСДАП по числу депутатов перебралась на второе.

Английская «Дейли мейл» прокомментировала этот успех как «укрепление позиций против большевизма» в Германии. Что касается самого фюрера, то он заявил, что победа на выборах – «новое оружие» НСДАП и что для нацистов места в парламенте – не самоцель, а всего лишь средство для «освобождения немецкого народа».

Руководителем нацистской фракции в рейхстаге Гитлер назначил Фрика, своего бывшего агента в баварском министерстве юстиции. Брюнинг остался у власти, но его правительство, не имевшее прочного большинства в парламенте (в кабинет Брюнинга входили люди из семи различных партий), оказалось еще более зависимым от президента и рейхсвера.

В 1930–1931 гг. кризис в Германии углубился. В июне 1931 года лопнул один из крупнейших немецких банков – Дармштадтский национальный банк (Данат), что, в свою очередь, повлекло за собой углубление финансового кризиса. Мероприятия Брюнинга – увеличение налогов, уменьшение жалования служащим и заработной платы рабочим, а также пособий по безработице – никак не могли остановить кризис, они только увеличивали непопулярность правительства во всех слоях населения. Вместо того чтобы предпринять действенные шаги против обнищания масс, антидемократические веймарские правители пытались переложить на их плечи все последствия экономической катастрофы.

На президентских выборах в марте 1932 года Гитлер, выставивший свою кандидатуру после долгих колебаний и сомнений (он боялся конкурировать с Гинденбургом), получил почти 11,5 миллиона голосов. Сама по себе цифра внушительная. Но Гинденбург получил на семь с лишним миллионов голосов больше, что тоже не составило абсолютного большинства, необходимого по конституции. Во втором туре за Гитлера проголосовало 13 418 тысяч избирателей, а за Гинденбурга 19 400 тыс. Больших успехов добились нацисты и на выборах в ландтаги. Особо важными были при этом итоги голосования на выборах в прусский ландтаг, состоявшихся 24 апреля: нацисты, имевшие до этого всего 9 депутатов, провели в ландтаг 162 своих сторонника. Они стали самой сильной фракцией в парламенте Пруссии. Таким образом, Пруссия впоследствии превратилась в их основную опору в борьбе за власть.

Но самой внушительной победой нацистов были выборы в июле 1932 года в рейхстаг. На них НСДАП получила 13 миллионов 745 тысяч голосов и 230 мандатов (за социал-демократов голосовало 8 миллионов человек).

Однако даже в этот «кульминационный момент» НСДАП не имела возможности прийти к власти легальным путем по той простой причине, что не смогла завоевать абсолютного большинства в рейхстаге. Более того, на выборах добилась ощутимого успеха КПП. Она увеличила количество голосов почти на 100 тысяч. За КПП голосовали 5,4 миллиона избирателей. Уже в 1932 году самим нацистам стало ясно, что решающей победы на выборах им не одержать. Геббельс записал в своем дневнике: «Теперь должно случиться

что-то непредвиденное. Мы должны прийти к власти в обозримый период времени. Иначе мы напобеждаемся на выборах до собственной гибели».

Начиная с ноября 1932 года «звезда» нацистов начала закатываться. На выборах в рейхстаг 5 ноября гитлеровцы впервые после 1930 года потеряли голоса – два миллиона из тринадцати с лишним. Число их мандатов в рейхстаге уменьшилось с 230 до 196 (всего в рейхстаге было свыше шестисот мест). Коммунисты вновь значительно увеличили число голосов. За них проголосовали почти шесть миллионов избирателей. Примерно в это время в разговоре с Раушнингем фюрер осведомился, существует ли между Германией и Данцигом соглашение о выдаче политических беженцев. У Раушнинга создалось совершенно определенное впечатление о том, что Гитлер заранее заботился о безопасном убежище для себя – его положение в Германии казалось ему чрезвычайно шатким. В дневнике Геббельса буквально накануне 30 января 1933 года, дня, когда Гитлер стал канцлером Германии, есть такая знаменательная запись: «Фюрер часами меряет большими шагами комнату отеля... Потом вдруг останавливается и говорит мне: «Если партия распадется, то я через три месяца пушу себе пулю в лоб». Когда в январе 1933 года Шушниг – австрийский министр иностранных дел, а впоследствии последний австрийский канцлер, смещенный Гитлером, посетил последнего неонацистского рейхсканцлера Германии Шлейхера, тот сказал ему: «Господин Гитлер – уже не проблема, вопрос о нем решен, его движение не является больше политической опасностью. Эта забота принадлежит ныне вчерашнему дню», В конце 1932 года Геббельс записал в своем дневнике: «...будущее темно и мрачно. Все предположения и надежды полностью исчезли».

И действительно, популярность Гитлера среди широких слоев населения неудержимо падала. И если на предыдущем этапе он не мог добиться абсолютного большинства голосов, то теперь эта надежда полностью исчезла. На выборах в небольшом округе Липпе, куда Геббельс бросил весь свой штат пропагандистов и где на всем протяжении выборной кампании сидели Гитлер и Геббельс, нацистам удалось, правда, добиться 36,7 % голосов. Но в округе Липпе было всего девяносто тысяч избирателей, и как бы ни бахвалились своей победой нацисты – даже ребенку было ясно, что это чистый блеф. «Обработать», запугать и подкупить всю Германию так, как нацисты сделали это с жителями Липпе, Гитлеру никогда не удалось бы.

Итак, факты говорят, что Гитлер не «завоевал» немецкого избирателя.

Политические интриги на самых верхах

В этой книге нет возможности, да и надобности перечислять все перипетии борьбы верхов за канцлерское кресло в 1932–1933 гг. Расскажем об этом лишь бегло, в той степени, в какой это касалось непосредственно самого Гитлера...

Уже антидемократическая политика Брюнинга привела к тому, что немецкое правительство стало, как говорили тогда в Германии, «правительством при президенте». Практически всеми делами в стране управляла небольшая кучка людей из непосредственного окружения Гинденбурга – сам президент, Отто Мейснер – начальник его канцелярии, а затем фон Папен. Все эти политики были крайне правого толка и пытались договориться с Гитлером, видя в нем возможного защитника от «бунта» и «хаоса».

10 октября 1931 года Гитлер по ходатайству Брюнинга впервые встретился с Гинденбургом и потребовал у него своей доли государственного пирога. По свидетельству очевидцев, президенту фюрер не понравился. Длинная речь Гитлера на тему о том, что его миссия – спасение Германии, произвела на Гинденбурга отталкивающее впечатление. Такого фиглярства аристократ Гинденбург не терпел. После ухода Гитлера старик ворчливо сказал будущему канцлеру и своему любимцу, генералу Шлейхеру, что он не сделал бы этого «богемского ефрейтора» даже «министром почты».

Через три дня после встречи Гинденбурга с Гитлером Брюнинг представил президенту новый кабинет министров без участия нацистов. Сделка Брюнинг – Гитлер – Гинденбург не

состоялась.

Однако теперь с Гитлером начал сговариваться генерал Шлейхер. Французский военный атташе писал в донесении своему правительству: Шлейхер считает, что, «учитывая силы, которыми он (Гитлер. – Авт.) обладает, возможна только одна политика – использовать его и перетянуть на свою сторону». Однако французский атташе еще не мог знать в то время, что Гитлер для Шлейхера был козырем в его интриге против Брюнинга, которого он официально поддерживал.

В январе 1932 года перед Брюнингом встала большая проблема – истекал срок полномочий президента Гинденбурга. Брюнинг решил продлить этот срок на два года без выборов, боясь, что на выборах Гинденбург потерпит поражение, а вместе с тем полетит и вся хитроумно построенная комбинация с «президентским правительством», не имевшим прочного большинства в рейхстаге. При этом Брюнинг ссылаясь на то, что Гинденбург слишком стар, чтобы перенести все треволения новых выборов и предвыборной кампании. Однако для отмены выборов Брюнингу нужна была поддержка всех правых сил, в том числе и НСДАП. Брюнинг вновь обратился к Гитлеру. Когда фюрер получил телеграмму Брюнинга, он находился в редакции «Фелькишер беобахтер» с Гессом и Розенбергом. Прочтя телеграмму, Гитлер исполнил нечто вроде танца дикарей и закричал: «Теперь они у меня в кармане. Они признали меня как партнера для переговоров», Брюнинг предложил нацистскому фюреру поддержать его требование о продлении президентского срока на один-два года. Гитлер отклонил просьбу Брюнинга, ибо его цель была – ослабить позиции канцлера. Предложение Брюнинга провалилось. Президентские выборы состоялись – даже два тура выборов. Гинденбург вновь стал президентом. Казалось бы, положение Брюнинга от этого должно было укрепиться. На самом деле все произошло наоборот. С тех самых пор, как дамоклов меч новых президентских выборов перестал висеть над правыми политиками, сгруппировавшимися вокруг Гинденбурга, они перестали нуждаться в Брюнинге. Ведь в их представлении президент был настолько силен, что мог назначать канцлеров по собственной воле. Стало быть, все дело было в том, чтобы завоевать симпатии «старого господина». Президентское правительство Брюнинга пало жертвой... интриг вокруг президента. Главной пружиной этих интриг стал Шлейхер. До какого-то времени Шлейхер представлял интересы верхушки рейхсвера. Однако после новых президентских выборов Шлейхер начал в гораздо большей степени представлять свои собственные интересы. Честолюбивый светский генерал считался среди ничего не смыслящих в политике прусских офицеров «великим политиком», а среди рейнско-рурских промышленников – «великим генералом». В действительности Шлейхер был чем-то вроде немецкого Талейрана. Однако если тот не стремился играть первые роли, то про Шлейхера этого сказать нельзя. В свое время французский писатель Мерсье заметил, что существует два вида честолюбия – честолюбие стрелки часов, которая всегда на виду, и честолюбие маленького колесика, которое двигает эту стрелку. До известного времени Шлейхер довольствовался честолюбием «колесика», потом он задумал стать «часовой стрелкой». В 1932 году Шлейхер пожертвовал ради своих планов военным министром и своим бывшим шефом Тренером, а потом и Брюнингом, которого он сам в 1930 году предложил Гинденбургу в качестве канцлера. В конце апреля и в начале мая произошли две встречи Шлейхера с Гитлером. Шлейхер хотел заручиться согласием фюрера на «дворцовый переворот». Эти переговоры Шлейхер вел, разумеется, за спиной Брюнинга. За спиной Брюнинга он договорился и с президентом, заявив от имени рейхсвера, что Германии нужен более сильный канцлер.

30 мая 1932 года рейхспрезидент потребовал отставки Брюнинга. Новым фаворитом Гинденбурга и новым рейхсканцлером Германии стал фон Папен. Однако перед тем, как назначить нового главу правительства, Гинденбург вызвал к себе Гитлера и коротко сообщил ему, что он намерен сделать Папена канцлером. Далее он сказал, что, по его сведениям, Гитлер с этим согласен. Правда ли это? Гитлер коротко ответил: «Да». На этом аудиенция закончилась. Папен устраивал Гитлера только потому, что он был известен как человек, явно симпатизировавший нацистам.

Папен был связан и с кругами дворянства, и с кругами промышленников (через жену), но ни те, ни другие не принимали его всерьез. Выдвигая Папена на пост главы правительства, Шлейхер, очевидно, действовал по принципу Клемансо, который как-то сказал: «Выбирайте глупейшего!» Таким образом, Папен должен был служить лишь переходной фигурой к более жесткому правителю.

Кабинет Папена сразу же окрестили в Германии «кабинетом баронов» – семь папеновских министров были крупными помещиками, министр труда Шефер – директором концерна Крупна, министр юстиции Гюртнер – верным агентом Гитлера.

К этому времени экономический кризис в Германии достиг кульминационного пункта.

«Кабинет баронов» начал свою деятельность с того, что объявил о мерах по дальнейшему сокращению пособий по безработице (предельный срок выплаты этих пособий был сокращен до 6 недель, т. е. более чем в четыре раза) и увеличению налогов. Обстановка в Германии резко обострилась.

В политической области правительство Папена пошло прежде всего на далеко идущие уступки нацистам: 4 июня был распущен рейхстаг, вслед за этим отменен запрет СА.

Но наиболее важное значение имели меры, проведенные Папеном в Пруссии: здесь был подготовлен и проведен в жизнь государственный переворот, сыгравший решающую роль в расчистке дороги Гитлеру.

В Пруссии тогда существовало социал-демократическое правительство во главе с Зеверингом. Для крайней реакции, стоявшей за спиной ультраправых, было важно свергнуть это правительство, чтобы в главной германской земле обеспечить полную поддержку своим планам. Однако добиться этого конституционными методами оказалось невозможно, несмотря на большой прирост голосов, поданных за нацистов. Поэтому Папен решил действовать неконституционным путем. В обход конституции он назначил нового премьер-министра Пруссии (этот пост занял ставленник Крупна Франц Брахт), который явился в сопровождении также вновь испеченного полицей-президента в резиденцию Зеверинга и приказал тому «очистить помещение». Вместо того чтобы оказать отпор этим наглым действиям Папена, Зеверинг пролепетал, что он «уступает лишь силе»... и покинул свой пост. Так социал-демократы без сопротивления отдали крайней реакции власть в ключевом пункте – в Пруссии. Это произошло 20 июля 1932 года, оценивая последствия капитуляции Зеверинга, вождь КПП Эрнст Тельман тогда же сказал: «С 20 июля Германия вступила в полосу непосредственной борьбы нацистов за власть».

КПП была единственной партией в Германии, которая последовательно боролась против наступления нацистов, мобилизовывала массы на отпор нацизму. Она организовала широкое движение, известное в истории под названием «антифашистское действие», неоднократно обращалась к социал-демократам с предложением создать единый фронт борьбы против фашизма, практически осуществляла тактику единого фронта везде, где это только было возможно. Однако раскол рабочего класса, упорное нежелание правых социал-демократов предпринять совместные действия с коммунистами ослабили рабочее и демократическое движение в роковую в истории Германии минуту, когда над страной нависла смертельная угроза фашизма.

«Народобоязнь» немецких верхов привела к тому, что перед лицом фашизма они оказались совершенно бессильны, то пытались умиловить Гитлера, сговориться с ним, то предаваясь бесплодным словопрениям на тему: нацисты и рейхсвер. Верхи тешили себя надеждой на то, что, если гитлеровцы решатся на путч, рейхсвер этот путч подавит. Образец таких домислов Брюнинг приводит в одном из писем, опубликованных уже через два года после окончания войны: «Между Шлейхером, Гаммерштейном (один из руководителей рейхсвера. – Авт.) и мною существовало полное единство в отношении того, что, если наци захотят повторить марш Муссолини из Неаполя в Рим, рейхсвер покончит с ними...»

Но ведь и слепому было ясно в то время, что Гитлер вовсе не собирался подражать Муссолини, он хотел, чтобы ему преподнесли власть «легально» с одобрения рейхсвера, промышленников, президента... Разговоры о путче, «революции» и т. д. были с его стороны

просто шантажом!

31 июля состоялись выборы в рейхстаг – четвертые выборы за пять месяцев 1932 года. Как мы уже сказали выше, это были самые результативные выборы для нацистов. Да и нацистская партия насчитывала в то время свыше миллиона человек, не считая четырехсот тысяч штурмовиков и эсэсовцев. Тем не менее Гитлер не сумел обеспечить себе парламентское большинство. Тогда фюрер, что называется, перестал стесняться. Отмена запрета СА стала сигналом к усилению нацистского террора. Банды штурмовиков с неслыханной жестокостью расправлялись с коммунистами и рабочими. Чтобы облегчить нацистам их кровавую «работу», Папен ввел чрезвычайное положение в Пруссии, где население пыталось дать отпор коричневорубашечникам.

Террор нацистов усиливался буквально с каждым днем. 4 августа пять штурмовиков совершили неслыханное по своей жестокости убийство коммуниста Питрцуха. Они затоптали его насмерть на глазах у старухи-матери. Это зверское убийство получило название «случай в Потемпа» по имени маленькой деревушки в Шлезвиге, где разыгралась кровавая драма, 22 августа пять садистов были приговорены к смерти, Тогда Гитлер совершил поразительный по наглости шаг: он послал убийцам телеграмму, в которой назвал их своими «товарищами» и заверил в «безоговорочной преданности». Телеграмма кончалась так: «Ваше освобождение – дело нашей чести. Наш долг – бороться против правительства, которое допустило такой приговор». Рем посетил убийц в тюрьме и обещал им отмену смертной казни.

Действительно, через несколько дней после телеграммы Гитлера казнь была заменена пожизненным заключением. Так нацистский фюрер еще раз продемонстрировал свою программу террора против рабочего класса и коммунистов, а Папен свою капитуляцию перед Гитлером, ибо отмена приговора была не таким уж легким делом для рейхсканцлера.

Весь август 1932 года Шлейхер, Папен и Гинденбург продолжали договариваться с Гитлером. 5 августа Шлейхер встретился с фюрером в Фюрстенберге недалеко от Берлина и предложил ему помочь сформировать двухпартийное правительство – НСДАП – «Центр». Но Гитлер потребовал для себя пост канцлера, а для других нацистов посты президента прусского ландтага и министра внутренних дел Германии и Пруссии; иначе говоря, он хотел захватить ключевые позиции в стране. Шлейхер не стал спорить с Гитлером, он обещал ему все, что тот хотел. Гитлер остался очень доволен беседой со Шлейхером и даже предложил установить мемориальную доску на здании, где они совещались.

После этого окрыленный успехом фюрер потребовал встречи с Папеном и Гинденбургом. 12 августа он явился в Берлин. Но Папен предложил Гитлеру всего лишь пост вице-канцлера. Что касается Гинденбурга, то тот вновь облил «богемского ефрейтора» ушатом холодной воды. Он принял Гитлера стоя, опираясь на палку, и с подчеркнутой невозмутимостью заявил, что не собирается вручать власть партии, которая не имеет за собой парламентского большинства и к тому же является столь «нетерпеливой, шумной и недисциплинированной». Далее, как было сказано в официальном коммюнике, президент упрекнул господина Гитлера в том, что тот ведет оппозиционную борьбу против Папена «не по-рыцарски». Как ни комично звучали упреки престарелого монархиста по адресу штурмовиков и эсэсовцев в нерыцарском поведении, Гитлер получил весьма чувствительный удар. Он явился в президентский дворец за властью, а вместо этого должен был стоя выслушать нотацию Гинденбурга!

Взбешенный Гитлер предпринял контрманевр – он обратился непосредственно к партии «Центр», в свою очередь интриговавшей против президентского правительства Папена. Геббельс записал в своем дневнике, что это оказалось «очень эффективным средством нажима» на Шлейхера, Папена, Гинденбурга. Кроме того, маневр принес Гитлеру вполне реальную выгоду – голосами нацистов, «Центра» и Немецкой национальной партии Геринг был избран председателем рейхстага.

12 сентября, в первый день, когда рейхстаг вновь собрался после летнего перерыва, Папен явился в зал, держа в портфеле подписанный президентом указ о роспуске рейхстага.

Были назначены новые выборы – пятые по счету в этом злосчастном 1932 году.

5 ноября, после выборов, выяснилось, что нацисты понесли поражение и что они находятся на спаде. Это не помешало Папену направить 13 ноября официальное послание Гитлеру, в котором он предлагал забыть старые разногласия и войти в новое правительство. Гитлер ответил на это весьма вызывающе и поставил такие условия, после которых дальнейшие переговоры стали невозможными. Одновременно он выпустил воззвание, в котором обвинял Папена в росте голосов, поданных за КПП.

Папен решил вновь распустить рейхстаг и объявить еще одни выборы. Однако этому воспротивился Шлейхер. Правительственный кризис углублялся, что было явно на руку Гитлеру. 17 ноября Папен подал в отставку. На следующий день Гитлер с большой помпой явился в Берлин, а вслед затем и во дворец рейхспрезидента. На сей раз Гинденбург принял его куда более почтительно. Аудиенция продолжалась более часа. Гинденбург предложил Гитлеру сформировать правительство, опирающееся на большинство в рейхстаге. Но как раз этого-то Гитлер и не мог сделать. Встреча Гинденбурга с Гитлером вновь окончилась ничем. Но и все другие попытки президента сколотить коалицию правых сил также ни к чему не привели. После длительного торга, в котором решающую роль сыграл рейхсвер, Гинденбург назначил 2 декабря 1932 года рейхсканцлером Германии генерала Шлейхера.

Однако победа Шлейхера была пирровой победой. Многочисленные интриги и предательства генерала, жертвами которых были канцлер Брюнинг, Тренер и, наконец, Папен, только расчищали дорогу Гитлеру, ибо активная деятельность хитроумного Шлейхера привела к тому, что он окончательно расшатал парламентскую систему в Германии. Таков был первый просчет Шлейхера. Второй его просчет заключался в том, что он решил обойти Гитлера и сговориться за его спиной с верхушкой НСДАП, При этом Шлейхер исходил из своего опыта сделок с обычными буржуазными партиями, где всегда можно было отстранить одного лидера и сторговаться с другим. Однако нацистская партия, как мы уже видели, была построена на принципе фюрерства, на безусловном послушании и казарменной дисциплине. И довольно скоро Шлейхеру это пришлось понять.

29 ноября, т. е. еще до того, как Шлейхер стал канцлером, он вызвал к себе Грегора Штрассера и предложил ему войти в коалиционное правительство, которое он возглавит. 3 декабря Шлейхер возобновил переговоры со Штрассером. Он обещал Штрассеру пост вице-канцлера и министр-президента Пруссии. При этом Шлейхер рекомендовал Штрассеру действовать без согласования с фюрером.

Надо отдать должное Шлейхеру: он сумел выбрать чрезвычайно благоприятный момент для переговоров со Штрассером – 3 декабря нацисты потерпели ощутимое поражение в Тюрингии: на выборах в ландтаг они потеряли 40 % голосов. Было ясно, что вот-вот они снова станут второстепенной партией правых экстремистов. Да и экономический кризис, на котором так спекулировали нацисты в своей пропаганде, явно шел на убыль. В этой обстановке, казалось, можно было надеяться на успех задуманной Шлейхером интриги.

Однако его расчеты не оправдались, Гитлер действовал более решительно, чем его соперники. Прежде всего он собрал свое непосредственное окружение и запретил Штрассеру вести переговоры со Шлейхером. Вместо него к канцлеру решили послать либо Геринга и Фрика, либо Геринга и Рема. 7 декабря в отеле «Кайзергоф» в Берлине произошел решительный разговор между Гитлером и Штрассером. Гитлер был в такой неопишуемой ярости и закатил такую истерику, что даже ко всему привычный Геринг, как рассказывали очевидцы, был поражен. Один из них писал: «Фюрер бился в конвульсиях и кусал ковер, выкрикивая бессвязные ругательства по адресу «предателя» Штрассера». Вполне возможно, что на сей раз его бешенство было непритворным. Он обвинял Штрассера в том, что тот хочет захватить руководство в партии, поколебать «единство», устроить раскол. Своим публичным скандалом Гитлер поставил Штрассера перед необходимостью каких-то действий. Либо Штрассер должен был оказать сопротивление, опираясь на своих сторонников, либо уйти в отставку. И то и другое было на руку Гитлеру – к 1933 году никакая серьезная оппозиция руководству фюрера в НСДАП была невозможна, ибо Гитлер

буквально «пронизал» партийный аппарат своими людьми и подорвал влияние Штрассера. Следовательно, спровоцировав Штрассера на открытое выступление, Гитлер получил возможность быстро расправиться с ним.

Видимо, Штрассер это понял. Придя к себе в отель, он написал Гитлеру письмо, в котором просил освободить его от всех постов. После этого он уехал из Берлина в Мюнхен, а оттуда в Италию. Он считал, что гнев фюрера поостынет и тогда ему снова удастся занять свое место в партии. Но Гитлер отнюдь не собирался отказываться от первоначального сценария «дела Штрассера». Во-первых, перспектива сговора Штрассера со Шлейхером напугала его не на шутку. Во-вторых, перед лицом поражений нацистов на выборах ему нужен был какой-то козел отпущения – «враг единства», «оппозиционер», на которого можно было свалить вину за все. И Штрассер стал этим козлом отпущения. «Предательство! Предательство! Предательство!» – записал Геббельс в своем дневнике. На следующий день после отъезда Штрассера организационный отдел НСДАП, которым руководил Штрассер, был расчленен, и функции Штрассера переданы Лею, Геббельсу и Дарре. 9 декабря Гитлер созвал совещание нацистских гаулейтеров и предложил им подписать специальный документ, предававший Штрассера анафеме. Когда Федер заколебался, ему сказали, что он либо подпишет, либо будет изгнан из НСДАП. Федер подписал. После этого каждый из нацистских бонз в отдельности заверял Гитлера в своей преданности. Предательский акт Гитлера по отношению к Штрассеру был не только истолкован как предательство Штрассера по отношению к нацистской партии, но и изображен как огромная победа Гитлера и его курса. В дневнике «От «Кайзергофа» до имперской канцелярии», в котором Геббельс излагал версию прихода Гитлера к власти, ставшую после 1933 года, так сказать, официальной, говорилось: «Вся партия сплотила свои ряды вокруг фюрера с еще невиданной преданностью».

Уже 15 декабря Гитлер подкрепил свой триумф новым организационным мероприятием: в НСДАП был создан «партийный комитет» для контроля и координации работы всех низовых нацистских организаций. Во главе комитета стал Гесс, начальник канцелярии Гитлера, «коричневая мышь» или, точнее, «коричневая тень» фюрера. После этого все крупные нацистские функционеры разъехались по городам и селам Германии, где на специально созванных митингах разоблачали Штрассера и разъясняли, какой новой победы добился фюрер, задушив крамолу и сплотив НСДАП.

Однако если внутрипартийные дела нацистов были урегулированы быстро и решительно, то их политические перспективы с каждым днем ухудшались. В это время громадное большинство нацистов полагало, что только чудо может спасти НСДАП от окончательного поражения. И это «чудо» совершилось без всяких на то усилий со стороны Гитлера. «Устроителями» его были те силы, которые стояли за спиной нацистской партии.

15 декабря новый канцлер Шлейхер обратился по радио к населению Германии с программой, которая мало чем отличалась от программы Брюнинга. Тяжесть экономических трудностей Шлейхер пытался переложить на плечи трудящихся. В то же время самый факт обращения к народу не понравился промышленникам. Кроме того, низвергнутый Папен решил объединить силы против Шлейхера и поступить с новым канцлером так же, как незадолго до этого Шлейхер поступил с ним.

Политику Папена называли в Германии «политикой с черного хода», т. е. мелким политиканством. В январе 1933 года проводить ее было легче, чем когда бы то ни было. Ибо президент, вокруг которого плелись интриги, боялся разоблачений в связи с аферой «восточная помощь». Кратко говоря, афера заключалась в том, что огромные ассигнования различных кабинетов для помощи разорившимся помещикам Восточной Германии были прикарманены кучкой политиканов, группировавшихся вокруг президента. Сведущие люди утверждали, что и самому Гинденбургу и его сыну Оскару фон Гинденбургу перепали крупные куши.⁴² Поэтому президент был покладист как никогда.

⁴² В августе 1933 года Гинденбург присоединил к своим владениям 5 тыс. моргенов необлагаемых налогом

Одновременно Папен продолжал переговоры и с Гитлером. 17 января он устроил встречу Гитлера с Гугенбергом, главой Немецкой национальной партии. 22 января произошла еще одна встреча, в которой принимали участие Гитлер, Геринг, Фрик, Пален, Мейснер (начальник канцелярии Гинденбурга) и сын президента Оскар Гинденбург. На этой встрече Гитлер выложил свой козырь перед Оскаром Гинденбургом – он пригрозил ему разоблачениями в связи с «восточной помощью». «На обратном пути, – писал Мейснер, – Оскар фон Гинденбург был непривычно тих. Он произнес всего несколько слов: «Теперь нам уже ничто не поможет. Нацистов придется взять в правительство». 27 января Гитлер встретился с Гугенбергом. А в последующие три дня интриги вокруг канцлерского кресла вступили в свою последнюю фазу. Запутавшиеся в собственных хитростях, ослепленные алчностью и соперничеством немецкие буржуазные политики пошли на роковой шаг – вручили власть Гитлеру.

В этот решающий час коммунисты вновь обратились к социал-демократам, призвав их мобилизовать рабочий класс на отпор нацистам. В воззвании ЦК КППГ указывалось: «Новый кабинет (Гитлера. – Авт.) является кабинетом открытой фашистской диктатуры, а создание его представляет собой грубое и циничное объявление войны трудящимся, немецкому рабочему классу». Но призыв КППГ не нашел отклика у руководства СДПГ.

Чем все это кончилось, мы знаем.

* * *

Так выглядела в самом суммарном и схематичном виде политическая обстановка в Германии, с одной стороны, и интриги, которые велись в самых верхах немецкого общества – в президентском дворце и резиденциях предшественников Гитлера на посту канцлера – Папена и Шлейхера, – с другой.

Поправление верхов, о котором мы говорили выше, помогло нацистскому фюреру договориться с действительными властителями Германии, т. е. сделать то, чего он так упорно добивался с начала своей карьеры.

Но для того чтобы стать, как говорят немцы, «годными для салона», т. е. мало-мальски «приличными», и получить мандат на власть от истинных хозяев немецкого общества, надо было обладать реальной силой и влиянием в стране.

Тактика Гитлера накануне прихода к власти

В многочисленных исследованиях о Гитлере и гитлеризме, вышедших в Западной Германии и за ее пределами, очень большое внимание уделяется массовой пропаганде, которую нацисты вели перед приходом к власти. Иными словами, тому, как они проводили все выборные кампании, которые следовали одна за другой в начале роковых тридцатых годов. Действительно, пропаганда нацистской партии благодаря усилиям самого Гитлера и благодаря невероятной энергии таких людей, как Геббельс, достигла небывалого размаха. Это была уже даже не пропаганда, а разнузданная самореклама, ошеломлявшая своей въедливостью, хвастливостью и вездесущностью. Непрерывная цепь скандалов, «зальных» и уличных побоищ, парадов, митингов, факельных шествий оглушала и терроризировала массы. К тому же гитлеровцы использовали в своей пропаганде приемы, которые были для немецкого избирателя новинкой. Каждый избирательный округ «обрабатывался» специально, вплоть до самого захолустного местечка. Стены домов были заклеены огромными плакатами, «плакатами-обоями», как их называли немцы. Каждая пустяковая деталь этой пропаганды-рекламы продумывалась с небывалой тщательностью. Так, Отто Штрассер вспоминает в своей книге «Гитлер и я», опубликованной в 1948 году, что Геббельс

земель. А в 1934 году Оскар Гинденбург был произведен в чин генерал-майора. Так Гитлер расплатился за услуги, оказанные ему семьей Гинденбург.

очень долго размышлял над тем, какой цвет ему выбрать для печатания нацистских лозунгов, и в конце концов остановился на нестерпимо багровом, на цвете, который до того использовала немецкая уголовная полиция, объявляя всегерманский розыск особо опасных преступников.

Повсюду демонстрировались специальные пропагандистские фильмы. Избиратели получали по почте патефонные пластинки с речами фюрера. Каждый из нацистских бонз разъезжал по стране и произносил сотни речей. Для Гитлера был нанят даже самолет (опять-таки новинка!). Полеты фюрера были в свою очередь разрекламированы Геббельсом и получили громкое название: «Гитлер над Германией».

Никакая другая партия не могла сравниться с нацистами и в беззастенчивости пропагандистских методов. Некоторые пропагандистские кампании, проводимые в те годы НСДАП, были просто травлей отдельных лиц. Для примера сошлемся на травлю вице-полицей-президента Берлина доктора Бернгарда Вейса. Вейс был еврей и потому Геббельс избрал его своей основной мишенью. Кампанию, которую он вел против этого человека, в прошлом офицера, иначе чем хулиганской не назовешь. Особенно она усилилась в 1932 году. Еженедельные статьи в «Ангриффе», листовки и даже специальная брошюра «Книга об Исидоре» (так Геббельс прозвал Бернгарда Вейса) были столь грязные, что впоследствии другой нацист Дарре, враждовавший с Геббельсом, сказал, что Геббельс залил своим «гноем» Вейса. Клевете и оскорблениям подвергались и другие противники Гитлера. А веймарское государство, буквально «прошитое» в эти годы реакцией, не могло и не хотело их защитить. Суды приговаривали Геббельса, Штрейхера и других пропагандистов Гитлера к пустяковым штрафам, и они похвалялись тем, какую великолепную рекламу эти суды создают нацистской партии.

Однако неправильно было бы придавать нацистской пропаганде слишком уж всеобъемлющее значение. Широко распространенное мнение о том, что Гитлер «завоевал» немцев своей пропагандой, в первую очередь пропагандой, призывавшей покончить с Версальским договором, – неправильно. В этом смысле историки на Западе не вполне точно оценивают обстановку. Против несправедливого Версальского договора выступали не только гитлеровцы, но и широкие массы прогрессивно настроенных немцев. Борьба против Версаля отнюдь не была «находкой» нацистов. В 1930, 1931 и 1932 годах пропаганду, основанную на «глупости Версаля» (выражение историка Калова), вели не только нацисты. Как нетрудно догадаться, Гитлер не имел также никакого позитивного плана для прекращения кризиса. Свои рецепты по борьбе с застоём производства были у всех буржуазных партий Германии. «Специфические слабости Веймарской конституции», по определению того же Калова, не могли стать гвоздевым номером предвыборных платформ нацистов. Ведь эту конституцию они формально даже не отменили, когда пришли к власти...

Словом, все не так-то просто. Недаром многие весьма квалифицированные историки, изучающие документы и речи гитлеровцев начала тридцатых годов, становятся в тупик. Они не могут понять, каковы же были основные линии пропаганды фашистского фюрера. И в этом нет ничего удивительного. Ибо основной линией Гитлера было как раз отсутствие таковой. Это не значит, конечно, что у будущего фашистского диктатора не было общих постоянных лозунгов. Таких лозунгов у него было два – антикоммунизм и борьба против «мирового еврейства». Но эти лозунги не являлись столь уж действенными, как это принято думать сейчас. Для того чтобы привить миллионам немцев крайний шовинизм, патологическую ненависть к другим народам и воинствующий антикоммунизм, Гитлеру понадобилось захватить власть и создать машину тотального «перевоспитания» и террора. В тридцатых годах нужны были и другие лозунги, больше подходившие к тогдашнему умонастроению людей. И эти лозунги нацисты давали строго применительно к той прослойке населения, в которой они в каждый данный момент вели агитацию. Здесь повторилось то же, что было на заре создания национал-социалистской партии во время составления программы. Программа эта была программой «для всех»: каждый мог из нее вычитать то, чего жаждала его душа. Неважно, что выполнить такую программу не была бы

в состоянии ни одна политическая партия. Гитлеровская программа заведомо не была рассчитана на выполнение. Так же как не были рассчитаны на выполнение предвыборные обещания НСДАП. Как раз в этом и заключалось колумбово яйцо фашистской пропаганды. Как раз в этом и был сознательный и циничный расчет нацистов...

Фактически в тридцатых годах у Гитлера имелась не одна предвыборная платформа, а множество. Для крестьян, для рабочих, для мелких буржуа, для молодежи, для стариков, для крупных капиталистов, для аграриев, для военной касты.

В уже упомянутых воспоминаниях Отто Штрассера есть любопытное наблюдение: он рассказывает об ораторском даре Гитлера. Слушать начало его речи, утверждал Штрассер, было мучением. Он запинался, с трудом выдавливал из себя слова, останавливался на каждом шагу, произносил бессвязные фразы. Но в середине выступления происходил перелом: «...казалось, он впитывает (в оригинале «всасывает») в себя восприятия и эмоции своих слушателей и сам приходит в экстаз». Умение «всасывать» эмоции различных слоев общества и оформлять их в виде броских политических лозунгов сослужило весьма большую службу нацистам. А то обстоятельство, что партия нацистов была не партией в обычном смысле слова, а военизированной когортой, где не существовало критики, где царил абсолютное повиновение, очень помогало «многопрограммности» НСДАП. Ведь только фюрер понимал «идею»⁴³ и полностью знал конечную цель борьбы. Рядовой нацист просто не мог спросить, почему в одной аудитории Гитлер говорит одно, а в другой противоположное.

Итак, у нацистов была не одна платформа, а множество.

Программу для крестьян составил Вальтер Дарре. Основной тезис Дарре заключался в том, что «крестьянство является жизненным источником нордической расы». Лесть Дарре по адресу «зажиточного крестьянина», облеченная в наукообразную форму, имела в годы кризиса успех. В программе Дарре – Гитлера (она была написана Дарре, а подписана Гитлером) крестьянам в случае прихода нацистов к власти обещались государственные кредиты, уменьшение налогов, высокие пошлины для импорта продовольствия. (Программа Дарре – Гитлера была обнародована в мае 1930 года).

Сговор Гитлера с промышленниками, о котором мы расскажем несколько ниже, не мешал его пропаганде среди рабочих, главным образом молодых, которые из-за кризиса так и остались безработными и не вступили ни в профсоюзы, ни в другие организации рабочего класса.

В этом смысле очень характерно, что единственное обращение нацистов по радио до их прихода к власти, рассчитанное на самую широкую аудиторию, было резко антикапиталистическим. Произнес его не Гитлер, и не Гиммлер, и не Геринг, которые были в это время заняты «большой игрой» – установлением контактов с промышленными магнатами Германии, а Грегор Штрассер, с которым Гитлер, как мы уже знаем, разругался в самый канун прихода к власти. Но средний немец, слушавший эту речь, не знал о сваре внутри НСДАП. Он знал совсем другое: Штрассер был вторым человеком в партии, И Штрассер произнес страстную речь «в защиту трудового люда Германии». 14 июля 1932 года, когда Гитлер уже почти договорился с крупнейшими промышленниками и банкирами Германии, Штрассер кричал по радио: «Народ протестует против экономической системы, которая мыслит лишь в категориях денежных купюр, прибылей, дивидендов и которая забыла думать о работе, о созидании. Интересна и значительна у нас в стране огромная антикапиталистическая тяга. Она является естественным протестом против разлагающегося общества и она требует от государства, чтобы оно отстояло свое право на жизнь и покончило с демонами золота капиталистической экономики, с материализмом и со всем образом

⁴³ В разговоре с Отто Штрассером Гитлер сказал: «Вы хотите, стало быть, дать право каждому члену партии решать – остался ли фюрер верен так называемой партийной идее или нет? Но ведь это самая дурная демократия! Для нас фюрер – это и есть идея. И каждый член партии должен делать только одно – повиноваться фюреру. Фюрер – воплощение идеи, только он знает цель...»

мышления, основанным на статистике экспорта и на векселях Рейхсбанка. Народ добивается от государства, чтобы оно снова обеспечило людям честную оплату за честный труд...»

Наконец, нацисты не забывали и пивного завсегдатая – городскую мелкую буржуазию, доведенную в годы кризиса буквально до отчаяния и готовую на все.

Тогда же они пытались привлечь на свою сторону и часть интеллигенции, а именно те слои, которые не нашли себе места в веймарской Германии и в то же время были заражены шовинизмом и антикоммунизмом. И для интеллигенции у них существовала своя программа – нищезанятая программа «героев» и «толпы». Успехи нацистов среди интеллигенции не следует, впрочем, преувеличивать. Подавляющая часть ее, несмотря на лесть и посулы, относилась к фашистам сугубо отрицательно. Однако нашлись и такие, как, к примеру, братья Юнгер (один из которых – Эрнст Юнгер был в большой чести и в ФРГ); они немало помогли Гитлеру, проповедуя антигуманизм, войну и насилие. В какой-то степени произведения Э. Юнгера и служили программой, рассчитанной на деклассированные элементы интеллигенции тридцатых годов в Германии...

Нет сомнения, что тактика Гитлера, его умение приспосабливаться к различным слоям и прослойкам общества, его возведенная в абсолют беспринципность сыграли немалую роль в том, что миллионы людей голосовали за НСДАП. И это надо понять. Надо понять также, что об истинных намерениях немецких фашистов нельзя было судить по их речам и декларациям. Они действовали всегда, а особенно в те годы, когда боролись за избирательные бюллетени, по одному правилу: «Язык дан для того, чтобы скрывать мысли».⁴⁴

Ложь и обман всегда были главным орудием нацистского руководства в борьбе за власть. Ложью было и его утверждение о том, что власть ему передало большинство избирателей. На самом деле нацистской партии никогда не удавалось получить большинства в рейхстаге Веймарской республики.

Заговор промышленников

Исследователь, занимающийся периодом, непосредственно предшествовавшим захвату власти Гитлером, неизбежно наталкивается на ряд «темных мест», на ряд загадок.

Первая загадка. Гинденбург отверг Гитлера как канцлера в те месяцы 1932 года, когда его партия достигла наивысших успехов и когда, казалось, она была в силах завоевать абсолютное большинство голосов. Тот же Гинденбург сделал его канцлером, когда нацисты потеряли два миллиона избирателей, когда, по свидетельству очевидцев, барометр общественного мнения предвещал этой партии «бурю», явное падение влияния на массы.

Вторая загадка. Все попытки склонить Гитлера к компромиссам, к занятию министерского или вице-канцлерского поста (не претендуя пока на пост канцлера), чтобы закрепить избирательные победы партии, наталкивались на решительный отпор. Гитлер тупо повторял: «Все или ничего!» Документы говорят, что многие лица даже в его ближайшем окружении (Г. Штрассер, Геббельс) впадали то в недоумение, то в отчаяние – они не понимали, что случилось с фюрером. На что рассчитывал Гитлер, видя явный спад своего движения?

Третья загадка. Предвыборная пропаганда, которую вел Гитлер, стоила гигантских средств. В дневниках Геббельса этого периода все время встречаются фразы: «Мы на исходе сил», «В кассе нет ни пфеннига». К 1933 году НСДАП, по одним сведениям, задолжала 10–12 миллионов марок, по другим – до 20 миллионов марок. Кто покрыл этот дефицит? Кто вообще субсидировал невиданную по размаху пропаганду нацистов в 1930, 1931 и 1932

⁴⁴ Много лет спустя (5 апреля 1940 года), выступая на секретном совещании представителей немецкой прессы, Геббельс сказал: «До сих пор нам удавалось запутать противника, не раскрывая цели Германии, точно так же, как мы запутали своих политических противников до 1932 года, совершенно не дав заметить им, что наши клятвы в защиту легальности были всего лишь трюком».

годах?

Четвертая загадка не столь, может быть, существенная, но тоже наводящая на размышления. Почему Гитлер после захвата власти так по-разному обошелся со своими конкурентами на канцлерский пост: со Шлейхером и фон Папеном? Шлейхера убил через полгода после «воцарения», фон Папена держал при себе, давая ему важные и почетные посты.⁴⁵

Разгадать все эти загадки – крупные и мелкие – можно только, анализируя ту большую закулисную игру, которую вел Гитлер в начале тридцатых годов. Игру, не имевшую никакого отношения ни к багровым предвыборным плакатам Геббельса, ни к речам Штрассера, громившего «идолов золота», ни к официальной хронике успехов и поражений нацистов. И здесь мы подошли к наиболее сложной и к наименее освещенной до сих пор главе в истории гитлеризма, к главе, которую мы озаглавили «Заговор промышленников».

Факт поддержки нацистов немецкими монополиями зафиксирован в десятках официальных документов. Широко известно о тесных связях верхушки нацистской партии и лично Гитлера с крупнейшими представителями промышленных кругов Германии. Теперь остается только показать, что именно сговор немецких монополистов, поддержанный немецкой военщиной и аграриями, привел Гитлера к власти 30 января 1933 года.

Это важно хотя бы потому, что, пожалуй, наиболее распространенной из всех легенд о Гитлере оказалась легенда о том, как он сел в канцлерское кресло. Согласно ей, Гитлер будто бы получил большинство избирательных бюллетеней, так сказать, всенародное признание, после чего «старый господин» Гинденбург вручил ему от имени народа пост рейхсканцлера.

В действительности все происходило совсем не так. Гинденбург был всего лишь выразителем целей могучих закулисных сил, связанных с финансовой олигархией и военщиной.

Американский обвинитель в Нюрнберге Тэйлор сказал 30 августа 1946 года: «Без совместной работы немецких промышленников и нацистской партии Гитлер и нацисты никогда не захватили бы власть в Германии и не упрочили бы ее...»

В заключении комиссии Килгора (Особый комитет сената США) говорилось:

«1. Неправда, что крупные немецкие промышленники только в последнюю минуту и под давлением примкнули к национал-социализму. Они были с самого начала его восторженными покровителями.

2. Поддержка со стороны крупных промышленников и банкиров сделала возможным для национал-социализма захватить власть».

Таков вывод из огромного множества документов. Он основан на протоколах Нюрнбергского процесса главных военных преступников, на протоколах специальных процессов промышленников в том же Нюрнберге, а также на огромном, частью уже опубликованном, частью еще не опубликованном архивном материале, состоящем главным образом из писем отдельных промышленников своим коллегам, Гинденбургу, начальнику его канцелярии Мейснеру и т. д.

Несмотря на это обилие документов, представители промышленного и финансового капитала до сих пор пытаются скрыть свое участие в преступлениях гитлеризма. Характерно, что в последние дни фашистской империи были уничтожены не архивы гестапо, не служебная переписка нацистских руководителей (к примеру, переписка Кальтенбруннера и Бормана) и даже не личные бумаги гитлеровцев, а приходные книги казначея НСДАП Ксавера Шварца, в которые изо дня в день заносились «пожертвования» немецких

⁴⁵ Для объяснения этой загадки некоторые иностранные журналисты, аккредитованные в 1933 году в Германии, придумали даже весьма сложную романическую историю, согласно которой Шлейхер был любовником Евы Браун и счастливым соперником фюрера. Однако никаких фактов для подтверждения этой версии они привести не могли.

монополистов. Сам Шварц просидел в американской тюрьме с 1945 по 1947 год, но протоколы его допросов опубликованы не были.

Характерно также, что по вопросу об абсолютных суммах субсидий НСДАП нацисты давали крайне сбивчивые и неясные показания. Функ, например, говорил на Нюрнбергском процессе, что рейнско-вестфальская группа промышленников в 1931–1932 гг. дала Гитлеру около миллиона марок. Когда же Функа спросили, сколько всего промышленники дали Гитлеру, он ответил: «Не более нескольких миллионов». Тиссен в своей книге «Я платил Гитлеру» пишет, что «все суммы, которые тяжелая промышленность дала Гитлеру, исчисляются в два миллиона марок». При этом Тиссен утверждает, что только он один подарил Гитлеру миллион марок. Чтобы понять, насколько преуменьшены эти суммы, сошлемся на историка Хальгартена, подсчитавшего, что затраты нацистской партии на последнем этапе перед ее приходом к власти на пропаганду, на СА, на выборные кампании и т. д. составили от 70 до 90 миллионов марок.

Все это не помешало, однако, почти двадцать лет спустя после разгрома нацизма крупному западногерманскому экономисту Вильгельму Тройе написать, что «лишь немногие большие концерны» поспешили установить контакт с Гитлером и нацистской партией. По мнению Тройе, в конце 1932 года старые промышленные династии Рейна и Рура испытывали даже страх перед «гитлеровским тоталитаризмом». А еще почти через 10 лет после Тройе историк Фест писал, что нацисты получили в течение трех лет, с 1930 до 30 января 1933 года, всего около шести миллионов марок. Самое удивительное в этом утверждении заключается в том, что несколькими страницами ниже Фест, ссылаясь на Конрада Хейдена, пишет, что бюджет нацистов в это время достигал не то 70 миллионов марок, не то 90 миллионов марок. «Ведь они содержали 10 тысяч местных организаций (ортсгруппен), разветвленный аппарат функционеров и почти полумиллионную собственную армию, не говоря уже о том, что им пришлось провести за один лишь 1932 год множество дорогостоящих предвыборных кампаний».

Откуда же взялись эти поистине гигантские суммы у «бедных, как церковные мыши», нацистов?

Ни Тройе, ни Фест ответа на это не дают. А между тем ответ может быть только один: самую экстремистскую партию немецкой реакции субсидировал не кто иной, как немецкий капитал.

Уже к 1930 году вокруг Гитлера собрались влиятельные промышленники, которые не только безоговорочно поддерживали, субсидировали и консультировали верхушку нацистской партии, но и активно вербовали сторонников в своей среде. В этот круг входили: Фриц Тиссен, Эмиль Кирддорф, Гугенберг, Зельдте (руководитель «Стального шлема»), Глазе, Вильгельм Кепплер. Именно они подготовили первые результативные выборы нацистов, сентябрьские выборы 1930 года.

Мы ограничимся только одним примером, расскажем об альянсе Гитлер – Гугенберг.

Гугенберг, глава ультрареакционной Немецкой национальной партии, за кулисами которой стояли наиболее правые круги промышленников, заинтересовался Гитлером еще в 1928 году. Сам он был миллионером, в прошлом занимал пост директора крупновского концерна, потом разбогател на инфляции и создал «империю пропаганды». Под его контролем находились десятки газет и информационных агентств, а также крупнейшая в Германии кинофирма «Уфа». В 1928 году Гугенберг возглавил Немецкую национальную партию. Эта партия, так же как и нацисты, имела свою «приватную» армию, уже упоминавшийся «Стальной шлем», главой которого был Франц Зельдте.

Считается, что Гугенберг пошел на сговор с Гитлером потому, что у него не было опоры в массах, и потому, что он переживал трудности внутри партии. Однако первое свидание Гугенберг – Гитлер в берлинском клубе «Немецкий орден» произошло тогда, когда партии Гитлера еще не снились парламентские успехи тридцатых годов. В мае 1928 года НСДАП получила из 31 миллиона голосов всего 810 000 и соответственно-12 мандатов из 608 в рейхстаге. А у понесшей большие потери Немецкой национальной партии было

как-никак 73 мандата. Тем не менее Гугенберг изо всех сил стремился к встрече с Гитлером, а Гитлер делал вид, что он в этой встрече не так уж заинтересован. Чем объясняется столь странный психологический «сдвиг» у Гугенберга, сдвиг, который произошел затем и у десятков крупнейших немецких монополистов?

И тут хочется привести один небольшой эпизод, который, на наш взгляд, проливает свет не только на союз Гугенберга с Гитлером, но и на союзы Гитлера со всеми остальными немецкими промышленниками. В 1929 году Рудольф Гесс, заместитель Гитлера, разъезжал по Германии для сбора средств у промышленных магнатов. На встрече с ними в Гамбурге Гесс молча вынул из портфеля две пачки фотографий. В одной была серия фотографий с демонстрациями трудящихся, в другой – фотографии на тему: «СА маршируют». Гесс роздал фотографии и сказал буквально следующее: «Вы видели, господа, силы разрушения, которые угрожают уничтожить ваши конторы, фабрики, все ваше богатство. Я показал вам также, как создается власть порядка. Мы фанатично стремимся искоренить дух бунта. К сожалению, одного стремления мало, необходимы еще материальные предпосылки. СА – бедны, нацисты – бедны, вся организация – бедна. Откуда придут сапоги, форма, флаги, барабаны, словом, все снаряжение, которое необходимо для сегодняшнего политического стиля, если нет денег? Их должны дать те, кто ими владеет, чтобы в конце концов не потерять того, чем они владеют».

Формула – «Мы даем вам власть порядка, а вы нам деньги, а затем и посты в кабинете министров, а затем и абсолютную власть» – была отнюдь не только ловкой пропагандистской формулой. Как мы уже видели, к началу жестоких потрясений, которые пережила Германия в годы кризиса, у Гитлера действительно была в руках мощная организация, «государство в государстве», готовое в любой момент на тотальную расправу с революционным движением, с «духом бунта...».

Гугенберг сел за стол переговоров с Гитлером, движимый страхом перед коммунизмом и перед всеми левыми силами. Совместная платформа Гитлера – Гугенберга призывала к борьбе с планом Юнга⁴⁶ и с политикой правительства. А единственное условие Гитлера – участие в тех финансовых фондах, которые находились в распоряжении Немецкой национальной партии. Для иезуитской тактики Гитлера характерно, что он назначил своим представителем в этой сделке Грегора Штрассера, считавшегося в НСДАП самым левым. Гитлер заранее обезопасил себя на тот случай, если бы внутри нацистской партии сказали, что фюрер сговаривается с «плутократами». В сентябре 1929 года Гитлер и Гугенберг внесли в рейхстаг проект закона «Против порабощения немецкого народа». В этом проекте Германии предлагалось немедленно отказаться от всех платежей, связанных с репарациями, а также привлечь к ответственности канцлера и кабинет министров за измену родине, если они впредь будут выполнять условия Версальского договора. Проект был отклонен в рейхстаге, и после того, как его вынесли на всенародное голосование, он получил 6 миллионов голосов вместо 21 миллиона, необходимого для принятия закона.

На этом до поры до времени кончился альянс Гитлера с Гугенбергом. Гитлер сумел извлечь из него большие выгоды – газетная империя Гугенберга распространяла все речи фюрера, Штрассер черпал деньги из гигантских фондов Немецкой национальной партии. И кроме того, Гитлер за спиной Гугенберга сговорился со многими промышленниками. Наконец, резкое изменение курса – сделка с теми самыми «врагами», на которых фюрер нападал в своих публичных выступлениях, прошла совершенно безболезненно внутри партии. А это показало, что сколоченный Гитлером нацистский аппарат готов был беспрекословно следовать за своим фюрером, куда бы он его ни повел.

За год с лишним до захвата власти нацистами Гугенберг еще раз попытался сговориться с Гитлером. В октябре 1931 года в небольшом курортном местечке

⁴⁶ План Юнга – второй репарационный план союзных держав для Германии, принятый в 1929 году. Так же как и план Дауэса (1924 год), способствовал проникновению американского капитала в Европу.

Бад-Гарцбург состоялась совместная манифестация двух ультрареакционных партий Германии – Немецкой национальной и национал-социалистской. Манифестация эта получила название Гарцбургского фронта. Реакция возлагала на «фронт» немалые надежды. Гугенберг должен был нейтрализовать Гитлера. Однако Гарцбургский фронт, только возникнув, распался. В то время он уже был не нужен Гитлеру, который действовал под лозунгом «все или ничего».

* * *

После 1930 года основная задача самого Гитлера и близких к нему промышленников заключалась в том, чтобы завоевать большинство промышленников и банкиров. Очень скоро к группе Кирдорфа – Тиссена примкнули Отто Штейнбринк из концерна Фрика, Август Ростерг из концерна «Винтерсхаль», Эрнст и Вальтер Тенгельман, одновременно связанные с концернами «Гельзенкирхенбергверке АГ» и эссенским концерном «Штейн-Колленбергверке». Тогда же в орбиту Гитлера были втянуты крупнейшие банкиры Георг фон Штраус (член правления Немецкого банка) и Яльмар Шахт, произошло это на вечере у Геринга, где присутствовал Гитлер. Во время допроса 20 июля 1945 года американскими властями Шахт сказал, что мысли, которые высказывал Гитлер на этом вечере, он «уже высказывал раньше» (видимо, в публичных речах), но «он был полон энергии и огня». И далее: «Я подумал, что это человек, с которым надо вместе работать».⁴⁷

По совету Шахта Гитлер заменил своего прежнего эксперта по экономике Федерала Вальтера Функа, бывшим редактором «Берлинер берзенцайтунг», тесно связанным со многими влиятельными промышленниками. Для разъяснения взглядов нацистов на экономику был создан специальный бюллетень «Виртшафтсполитишер информатив». Тогда же Гитлер предпринял специальное турне – серию докладов для избранных, в которых он доказывал, что нацистское господство может обеспечить немецкому бизнесу условия для его процветания. «Летом 1931 года, – пишет в своей книге «С Гитлером – к власти» Отто Дитрих, – фюрер внезапно принял в Мюнхене решение: систематически обрабатывать влиятельных в экономике лиц... В последующие месяцы фюрер на своем лимузине объехал всю Германию. Встречи устраивались повсюду: и в столице и в провинции – в первом случае в отеле «Кайзергоф», во втором – на тихих лужайках под открытым небом. Необходима была конспирация, чтобы не давать материала прессе...»

На Нюрнбергском процессе Функ рассказал, как проходила обработка «влиятельных в экономике лиц». «В разговорах с промышленниками, – заявил Функ, – фюрер лично подчеркивал все снова и снова, что он является врагом государственной экономики и так называемого планового хозяйства и что он считает абсолютно необходимым свободное предпринимательство и свободное соревнование, чтобы достичь наилучших результатов».

В конце августа 1931 года Кирдорф пригласил 40 промышленников в свое поместье «Штейнгоф», где Гитлер сделал им доклад. Часть приглашенных посетила после этого Гитлера в «Кайзергофе». Среди них были и Фриц Тиссен, и Эрнст Бранд, и Эрнст Пенсген, и Фриц Шпрингорум. После краха банка Даната к Гитлеру примкнули Любберг (генеральный директор «АГ фюр Феркерсвезен»), Эдмунд Хильгард (член правления двух крупнейших страховых компаний), Курт Шмитт (генеральный директор Штутгартской страховой фирмы), Фридрих Рейнхарт (Коммерческий и частный банк АГ), Отто Христиан Фишер (банк «Марк, Финк и К°»), Эмиль Мейер (Дрезденский банк), Карл Раше (Вестфальский банк в Бохуме, председатель правления. – Август Ростерг). Раше был лично связан с

⁴⁷ 12 декабря 1932 года Шахт писал Гитлеру: «У меня нет ни малейших сомнений, что ход событий может иметь только один конец – Ваше канцлерство... Куда бы ни привела меня в ближайшее время работа, Вы можете рассчитывать на меня как на самого верного помощника». Письмо кончалось словами: «С немецким приветствием глубоко преданный Вам Шахт».

южновестфальскими нацистами.

И тут нужно сразу представить себе, что каждая из перечисленных фамилий была «символом» для тогдашней Германии и что за каждой из них стояли огромные состояния, связи, влияние.

В начале 1932 года Кепплер по указанию Гитлера создал так называемый «кружок промышленников» (официально он числился даже не при Гитлере, а при Гиммлере). В кружок вошли Шахт, Тиссен, Феглер, а несколько позже и банкир Курт фон Шредер (из банка Штейна), Ростерг, Рейнхард, Крогман и др.

Вербовке «фюреров немецкой экономики» (так они назывались в Германии после 1933 года) сопутствовало «очищение» рядов НСДАП от наиболее «левых» элементов. Кроме того, при всех удобных случаях Гитлер публично высказывался по вопросам экономики. Ему надо было во что бы то ни стало убедить немецких бизнесменов в своей лояльности по отношению к ним. Это тем более знаменательно, что раньше он очень не любил разговоров на экономические темы. Даже на прямые вопросы о том, что будет с немецкой экономикой, если нацисты придут к власти в Германии, Гитлер не отвечал. Но в апреле 1930 года довольно неожиданно для его окружения Гитлер высказался совершенно определенно. Поводом для этого послужила позиция Отто Штрассера, который через свою газету в Берлине, а особенно через саксонскую газету «Зексишер беобахтер» поддержал стачку, проводившуюся саксонскими профсоюзами. Узнав об этом, Гитлер пришел в ярость и приказал Мучману, гаулейтеру Саксонии, запретить национал-социалистам участвовать в забастовке, а «Зексишер беобахтер» – печатать статьи в защиту рабочих.

В мае Гитлер явился в Берлин для разговора с Отто Штрассером. Вот что он сказал при первой их беседе: «Нам необходим отбор, необходим слой господ... Раса господ должна знать, что она имеет право повелевать... Не существует никакой экономической, политической и социальной революции – существует только революция расы». На следующий день Гитлер повторил то же, но в гораздо более ясной форме и в присутствии брата Отто – Грегора Штрассера, Макса Амана, Гесса и Кинкеля (одного из сторонников Отто Штрассера). Когда Отто Штрассер сказал, что национал-социалисты должны требовать огосударствления тяжелой промышленности, фюрер закричал: «Это ведь большевизм... Это было бы концом немецкой экономики! Капиталисты выбились наверх благодаря своим способностям, и то, что они этого добились, еще одно доказательство их принадлежности к высшей расе; стало быть, они достойны стоять у руля. А вы хотите поставить на их место бездарные производственные советы или рабочие комитеты... Ни один руководитель экономики этого не потерпит». Когда Штрассер спросил, что Гитлер намерен сделать с заводами Крупна, захватив власть, фюрер, не задумываясь, ответил: «Разумеется, я ничего не трону. Неужели вы считаете, что я сумасшедший, который хочет разрушить немецкую тяжелую промышленность? Только если их деятельность будет противоречить интересам нации, только тогда необходимо будет вмешаться...»

Вскоре после этого разговора Гитлер исключил Отто Штрассера и его сторонников из партии, что также было демонстративным актом – фюрер показал, что в НСДАП не место людям, желающим «разрушить немецкую тяжелую промышленность».⁴⁸

Примерно через полгода у Гитлера появился еще один повод высказаться публично по вопросам экономики. В октябре 1930 года Грегор Штрассер, Федер и Фрик внесли в рейхстаг законопроект, который требовал снижения процентных ставок, безвозмездной экспроприации имущества банкиров и биржевиков и национализации крупных банков. Гитлер сразу же вмешался и заставил взять законопроект обратно.

Тем не менее в начале 1932 года еще не все промышленные магнаты Германии были целиком на стороне нацистов. Некоторых из них пугал явно милитаристский и диктаторский

⁴⁸ Отто Штрассер и его люди вышли из нацистской партии с кличем «Социалисты уходят из НСДАП», что опять-таки было на руку Гитлеру. Штрассер создал свою организацию «Боевой союз революционных национал-социалистов», которая была потом переименована в «Черный фронт».

курс Гитлера, его экстремизм, злобность, необузданность. Но таких было немного. Некоторая часть промышленников до поры до времени выжидала. Вызывалось это, однако, не тем, что нацисты их не устраивали, а тем, что среди самих промышленников шла грызня. Среди выжидавших был и глава концерна «Ферейнигте штальверке» Флик. Он, правда, пожелал в феврале 1932 года встретиться с Гитлером, но после этой встречи принял такое решение – велел субсидировать все реакционные партии, участвовавшие в тот период в предвыборной борьбе, не выделяя особо НСДАП. В ноябре того же года этот концерн дал 100 тысяч марок сторонникам Брюнинга, в июле–120 тысяч сторонникам Шлейхера и 30 тысяч Гугенбергу, в октябре–100 тысяч Папену, 100 тысяч – различным центристским партиям и около 50 тысяч НСДАП.

Однако, повторяем, если среди монополистов Германии еще не было к этому времени полного согласия насчет Гитлера (оно наступило только в конце 1932 года), то большая группа хозяев немецких концернов активно поддерживала и субсидировала его уже в этот период. С января 1930 года по инициативе Кирдорфа, который распоряжался фондами Союза горнорудных и стальных предпринимателей, так называемым «Рурским сокровищем», в пользу НСДАП начали отчисляться по 5 пфеннигов с каждой проданной тонны угля. В год это составляло примерно 6 миллионов марок. Тут надо сказать также, что Гитлера субсидировали не только немецкие монополисты, но и британско-голландский нефтяной король Детердинг (по некоторым сведениям, Детердинг передал нацистам до 1933 года 10 миллионов марок).

Одним из решающих моментов в борьбе Гитлера за власть был его доклад в святая святых промышленных кругов, в Дюссельдорфском индустриальном клубе в «Парк-отеле» 26 января 1932 года. На нем присутствовали триста крупнейших рейнско-рурских магнатов.⁴⁹ Речь фюрера длилась два с половиной часа, в ней он подробно ознакомил своих слушателей с программой партии не только по отношению к крупному капиталу, но и по всем вопросам. В общем и целом дюссельдорфская речь Гитлера была построена по тому же образцу, что и обращение Гесса к промышленникам, о котором мы уже упоминали. Но излагал свои планы и претензии фюрер гораздо определеннее. Он начал с нападок на Брюнинга, но уже очень скоро перешел к угрозе «большевизма», который «потрясает весь мир» и «точно так же может полностью все переменить, как некогда христианство». Далее Гитлер изложил «позитивную программу» НСДАП, выдвинув при этом два тезиса. Первый – установление сильной власти в Германии обеспечит небывалый расцвет германской экономики и откроет путь к мировому господству немецкого капитала. Второй – установление сильной власти обезопасит немецких монополистов от коммунистической угрозы. По первому тезису фюрер развил целую наукообразную теорию, очень понравившуюся промышленникам. «Не немецкая экономика завоевала мир, дав возможность в дальнейшем сформироваться сильному государству, – сказал он, – все было наоборот: государство силы создало предпосылки для позднейшего расцвета экономики». Как явствует из стенограммы, эти слова были встречены возгласами: «Очень правильно!»

Перейдя ко второму тезису, фюрер заговорил почти так же, как на обычном нацистском сборище, но и это пришлось по вкусу его слушателям: «Да, мы приняли непреклонное решение уничтожить марксизм в Германии до последнего корешка... Сегодня мы стоим у поворота судьбы Германии».

Речь Гитлера в Дюссельдорфе имела громадный успех. В книге «С Гитлером – к власти» Отто Дитрих писал: «Речь оказала на промышленников сильное действие, что особенно ясно выявилось во время последующих месяцев борьбы» (имеются в виду президентские выборы 1932 года. – Авт.). Ассигнования на эти выборы сразу же потекли в кассу нацистской партии. 5 января 1932 года, т. е. за двадцать один день до речи в

⁴⁹ Первоначально доклад должен был сделать Функ, но ввиду важности аудитории на трибуну вышел сам Гитлер.

Дюссельдорфе, Геббельс писал в своем дневнике: «Всюду не хватает денег. Раздобыть их трудно, никто не дает нам кредиты». А 8 февраля, т. е. через двенадцать дней после Дюссельдорфа, он пишет: «Финансовое положение изо дня в день исправляется. Финансирование выборной борьбы почти что обеспечено».

Летом – осенью 1932 года борьба промышленников за передачу власти Гитлеру вошла в решающую фазу. «Кружок промышленников» под руководством Кепплера, фактический штаб Гитлера, начал устраивать свои совещания регулярно – в каждую первую пятницу месяца. 20 октября Гитлер встретился с Тиссенем в замке Ландсберг. На этой встрече присутствовали еще несколько крупных промышленников Рура. Ноябрьские выборы 1932 года, столь неудачные для нацистской партии, только подтолкнули немецких промышленных магнатов к решающим действиям – ежи поняли, что медлить нельзя.

Сохранился полный текст секретного обращения промышленников, банкиров и крупных аграриев, направленного Гинденбургу в ноябре 1932 года. Оно подписано двадцатью фамилиями, среди них Шахт, Шредер, Тиссен, Верман, Оппен, Каствль, Ростерг и другие. В обращении говорилось: «...национальное движение нашего народа (национал-социалистская партия. – Авт.) является залогом своеобразного начала эпохи, которая путем преодоления классово-борьбы создаст необходимые предпосылки для возрождения экономики...» И далее: «Передача руководства... кабинету во главе с фюрером крупнейшей национальной партии (опять-таки нацистской партии. – Авт.) уничтожит слабости и ошибки, которые неизбежно сопутствуют массовому движению, и превратит миллионы людей, которые сейчас стоят в стороне, в позитивную силу». В дополнение к этому обращению 21 ноября 1932 года в канцелярию Гинденбурга прибыло еще два послания с тем же требованием сделать Гитлера рейхсканцлером. Первое послание было подписано Фридрихом Рейнгардом, и в нем говорилось, что с ним солидаризируются еще пять крупных промышленников, в том числе Альберт Феглер и Фриц Шпрингорум. Второе было отправлено Феглером.

Через несколько дней в канцелярию президента пришло еще одно письмо, подписанное Бруно Линднером, в котором говорилось: «Наступила... настоятельная необходимость помочь национал-социалистам прийти сейчас к власти, не то будет слишком поздно, ибо коммунизм⁵⁰ уже стучит энергично к нам в дверь».

В эти дни одновременно с обращениями к президенту шли лихорадочные переговоры и переписка между самими промышленниками. Знаменательно, что на частных письмах стоял гриф «Секретно». Вот что писал, например, один из монополистов Шольц другому – Брехту 26 ноября 1932 года: «Почти вся промышленность желает призвать Гитлера, безразлично, на каких условиях. Если еще несколько недель назад они (промышленники. – Авт.) с восторгом поддерживали Папена, то теперь они пришли к заключению, что было бы крупнейшей ошибкой, если бы даже, несмотря на серьезные причины, Гитлеру не поручили сформировать правительство».

Как тут было нацистскому фюреру не повторять: «Все или ничего!», ведь он знал, что большая игра близится к концу и что фаворитом будет именно он.

В последних числах ноября окончательно переметнулся на сторону Гитлера и бывший канцлер Папен, отказавшись от собственных притязаний на канцлерский пост. Теперь интриги, которые он вел, были направлены на скорейшую передачу власти Гитлеру. Учитывая личные связи с Гинденбургом, Папену было поручено выяснить «настроение старого господина и наилучшие способы преодолеть его продолжающееся до сих пор сопротивление» из письма Кепплера Шредеру. В том же письме, датированном 19 декабря 1932 года, Кепплер готовил встречу Шредера с Гитлером для последних переговоров. «Если Вы будете в своем доме в Кельне, – писал Кепплер, главный тайный импресарио

⁵⁰ В оригинале сказано «гримаса коммунизма»: как видно, автор не очень заботился о стиле: не до того было!

Гитлера, Шредеру, – что было бы желательно, то надо подгадать время встречи таким образом, чтобы фюрер мог прибыть к Вам и отбыть в темноте. Хорошо было бы передать в Мюнхен (в «коричневый дом». – Авт.) подробное описание дороги к Вашему дому, ибо совершенно необходимо, чтобы о встрече не стало известно непосвященным». В конце письма говорилось: «Надо пустить в ход все рычаги, чтобы заставить старого господина принять единственно правильное решение...» И далее: «Господин фон Папен окажет величайшую услугу немецкому народу, если сумеет добиться соответствующего решения старого господина».

Даже тон переписки показывает, что мы имеем дело с самым настоящим заговором – заговором промышленной, финансовой и аграрной верхушки Германии. (Письма к Гинденбургу подписывали также крупнейшие аграрии).

Встреча Гитлера со Шредером состоялась в доме последнего 14 января 1933 года, т. е. за 16 дней до того, как нацистам передали власть. Гитлер прибыл на виллу Шредера в сопровождении Гессе и Гимmlера. Но пустили в кабинет Шредера только фюрера. Кроме Шредера, в переговорах участвовали Папен и Кепплер. На этих переговорах была окончательно решена судьба правительства. Программа Гитлера была одобрена Шредером.

На следующий день Папен объехал ряд крупных промышленников и проинформировал их об итогах встречи. Гитлер встретился с Кирдорфом и Тиссенем. На счет нацистов в банке Штейна в Кельне был переведен один миллион марок, видимо, на «мелкие расходы» перед решающим часом...

Чтобы максимально ускорить события и поугатать Гинденбурга, Папен распустил слух о том, что Шлейхер хочет удалить Гинденбурга с помощью рейхсвера (совет пригрозить Гинденбургу удалением был высказан уже в декабрьском письме Кепплера Шредеру). Эта мелкая интрига в сочетании с тем, что, как мы уже говорили выше, президент боялся разоблачений в связи с помощью остэльбским юнкерам («восточной помощью»), окончательно парализовала Гинденбурга.

«Все шло на поразительно примитивном и низком уровне!» – восклицает историк Эберхард Чихон в своей книге «Кто способствовал приходу Гитлера к власти».

30 января крупнейшие представители промышленного и финансового капитала Германии лично явились, чтобы приветствовать своего нового канцлера. Среди них были и Крупп, и Бош, не говоря уже о Шахте, Тиссене, Кепплере.

В 1945 году, находясь в заключении, «пушечный король» Крупп с циничной откровенностью ответил на вопрос корреспондента, почему он и его коллеги поддержали Гитлера в тридцатых годах. «Экономика нуждается в спокойном поступательном развитии, – сказал Крупп, – В результате борьбы между многими немецкими партиями и силами беспорядка (читай: рабочего движения. – Авт.) не существовало возможности для производительной деятельности. Мы – члены семьи Крупп – не идеалисты, а реалисты... у нас создалось впечатление, что Гитлер обеспечит нам необходимое, здоровое развитие. И он действительно сделал это... Нам было необходимо суровое, крепкое руководство». В комментариях это заявление не нуждается. Его прокомментировала сама история, показав, какое «здоровое развитие» было обеспечено Германии и ее экономике.

Пожалуй, еще более откровенно выразил отношение промышленников к Гитлеру в тридцатых годах Вальтер Функ, будущий фашистский министр экономики. На Нюрнбергском процессе Функ показал: «Мои друзья из промышленности были в те дни (речь идет о начале тридцатых годов. – Авт.) убеждены, что НСДАП в не очень далеком будущем придет к власти, должна будет прийти, чтобы предотвратить коммунизм и гражданскую войну».

Примерно то же показал на допросе в июле 1947 года и кельнский банкир Шредер. «Всеобщее стремление ведущих лиц промышленности заключалось в том, – заявил Шредер, – чтобы к власти в Германии пришел сильный фюрер, который мог бы образовать сильное и стабильное правительство. Когда НСДАП 5 ноября 1932 года потерпела свое первое поражение и стало ясно, что ее звезда начала клониться к закату, поддержка со

стороны промышленников стала особенно настоятельной, все они были связаны страхом перед большевизмом и надеждой на то, что национал-социалисты – коль скоро они придут к власти – установят в Германии прочный политический и экономический фундамент». И далее в показаниях Шредера следуют особенно зловещие фразы: «Надо упомянуть в этой связи, что Гитлер проектировал увеличить немецкий вермахт с 100 000 до 300 000 человек». «Было широко известно, что одним из важнейших программных пунктов Гитлера был разрыв Версальского договора и возрождение сильной Германии как в военном, так и в экономическом отношениях».

...Спустя почти пятьдесят лет после того, как промышленные и финансовые магнаты осуществили заговор против демократии в Германии и против мира во всем мире, и через 36 лет после конца войны господа монополисты далеко не так откровенны, как были откровенны дававшие показания Шахт и Крупп, Функ и Шредер в первые годы после поражения Германии. Теперь они или их наследники уверяют, что не знали программу Гитлера во всем ее объеме, не предполагали, что впереди маячат Освенцим и Треблинка и многолетняя опустошительная война... И тут вспоминается протокол допроса бывшего президента Рейхсбанка Яльмара Шахта от 20 июля 1945 года.

«Вопрос. Думаю, что вы очень внимательно прочли «Майн кампф»?

Ответ. Да».

Пусть представители промышленных и банковских династий в Германии не были ни «ясновидящими», ни футурологами, но они были опытными политиками и хорошо знали Гитлера и его фактическую программу. Они знали, что Гитлер был кровожадным тираном, что он призывал расправиться со всеми инакомыслящими, задушить демократию, физически истребить коммунистов и вооружиться до зубов. Они знали, что Гитлер был патологическим антисемитом, что он и его сатрапы не брезговали ничем, даже явной уголовщиной. Эти респектабельные господа не только приняли к сведению и учли, но и скалькулировали, ввели в свои расчеты и планы все это. Именно потому Гитлер устраивал их больше, чем Брюнинг, которого они свергли, больше даже, чем Папен и Шлейхер, которых они вначале посадили в канцлерское кресло, а потом вышвырнули. Не предвидели монополисты только одного – того, что многих из них (далеко не всех!) Гитлер приведет на скамью подсудимых и что в летопись истории они будут занесены (все, без исключения!) как прямые виновники огромной катастрофы, в которую был ввергнут мир.

Гитлер и немецкая военная каста

Картина «большой игры», вернее, заговора, в результате которого правящие круги Германии навязали немецкому народу фашистскую диктатуру, будет неполной, если мы хотя бы бегло не покажем роль военной касты в деле возвышения нацистов и их фюрера.

Гитлер был всегда связан с рейхсвером. Мы уже писали, что его «политическая» карьера началась с того, что он стал осведомителем 2-го баварского пехотного полка. В ядре НСДАП было много профессиональных военных, таких, как Геринг. Выступая на мюнхенском процессе путчистов в 1924 году, Гитлер специально подчеркнул: «Когда я узнал, что в нас стреляла «зеленая полиция», я почувствовал себя счастливым. По крайней мере это не был рейхсвер».

Однако на разных этапах связи нацистов с руководством армии то усиливались, то ослабевали. В 1920 году, когда во главе рейхсвера стал Сект, эти связи сильно ослабели. В 1927 году военное министерство запретило брать в армию членов НСДАП, как рядовых, так и офицеров, мотивируя это тем, что нацисты «поставили своей целью свержение конституционного государственного режима немецкой империи».

В конце двадцатых годов Гитлер начал предпринимать решительные шаги для «завоевания» рейхсвера. В мае 1929 года он произнес в Мюнхене речь на тему «Национал-социализм и рейхсвер». Речь эта была направлена на то, чтобы подорвать доктрину Секта о невмешательстве военных в государственные дела. Приведя в пример

итальянскую военщину, Гитлер риторически восклицал: «В 1922 году итальянская армия не сказала: «Наша единственная задача заботиться о мире и порядке». Вместо этого она сказала: «Наша задача – обеспечить будущее итальянского народа». Далее шел уже знакомый мотив – Гитлер пугал руководство рейхсвера коммунизмом, «Если из-за вашей удивительно аполитичной позиции победят левые, тогда вы сможете написать книгу под названием «Конец немецкого рейхсвера»».

Речь Гитлера была дословно перепечатана в особом выпуске «Фелькишер беобахтер» для армии. После этого Гитлер написал несколько статей в новый ежемесячник нацистов «Дойчер вергайт», учрежденный специально для рейхсвера. В этих статьях он повторил тезисы речи, дополнив их обещанием сразу же после прихода к власти увеличить рейхсвер и вернуть ему ведущие позиции в государстве. Выступления Гитлера были сигналом для усиления нацистской пропаганды в армии.

В 1930 году в Лейпциге состоялся процесс над тремя офицерами рейхсвера – Шерингером, Лудином и Вендтом, которые были связаны с СА и с нацистской партией. Офицеры обвинялись в том, что они вели нацистскую пропаганду в армии и вербовали сторонников НСДАП. Нацист Ганс Франк, выступавший на этом суде в качестве защитника, вызвал в суд Гитлера для дачи свидетельских показаний. Разумеется, процесс стал для фюрера политической трибуной. Однако – особого рода. Подсудимые, ожидавшие услышать речи в свою защиту, были сильно разочарованы. Фюрер начал и кончил уверениями в своей лояльности к армии. «Я всегда защищал ту точку зрения, что любая попытка разлагать рейхсвер – бессмысленна». Под конец он сказал: «Если мы придем к власти, мы позаботимся о том, чтобы из нынешнего рейхсвера выросла мощная массовая армия».

В начале тридцатых годов немецкая военщина, подобно промышленникам и политикам, пустилась на авантюры. Уже при генерале Тренере, который стал к этому времени и министром внутренних дел (совместив этот пост с постом военного министра), фактически не велось никакой борьбы с нацистским влиянием внутри армии. Однако если Тренер занимал еще позицию выжидания и «невмешательства», то его тогдашний союзник генерал Шлейхер, пользовавшийся громадным влиянием в среде высшего офицерства и в ближайшем окружении Гинденбурга, как мы знаем, открыто принял курс на сговор с нацистами.

В 1931 году Шлейхер начал вести переговоры с Ремом и Грегором Штрассером. Предпосылкой для этих переговоров послужила отмена запрета брать в армию в качестве рядовых и офицеров членов НСДАП (январь 1931 года). В ответ на это Гитлер официально запретил штурмовикам участвовать в уличных боях (февраль 1931 года), что было, однако, чистой фикцией, поскольку отряды СА были воспитаны на лозунге: «Кому принадлежит улица, тому принадлежит власть в Германии».

«Двойная» политика еще раз сослужила Гитлеру хорошую службу – функционеры НСДАП и СА знали, что официальные приказы не всегда следует выполнять. Так они и поступали. И ни для кого это не было секретом.

В 1932 году рейхсвер окончательно стал на сторону Гитлера. Обстоятельства, предшествовавшие этому решению, носили довольно драматический характер, и их непосредственным результатом была отставка Тренера, который, хоть и делал уступки нацистам, все же не переступал известных пределов. После отставки Тренера к руководству рейхсвером пришли наиболее авантюристические элементы во главе с интриганом Шлейхером.

Все дело опять-таки началось с СА. В ноябре 1931 года власти в провинции Гессен обнаружили документы, свидетельствующие о том, что в случае образования нацистского правительства СА и НСДАП намерены установить в стране режим террора. Эти документы получили название «боксгеймских документов», поскольку были обнаружены на вилле «Боксгеймергоф». Когда документы опубликовали, Гитлер официально отрекся от них. Аналогичные документы (приказы Рема и соответствующие карты местности) были найдены и в штаб-квартире прусских штурмовиков, а позднее в Померании.

Правительства Пруссии, Баварии и других земель предъявили Тренеру ультиматум – либо он запретит СА, либо они сами начнут действовать. 14 апреля 1932 года был издан приказ о запрещении СА, СС и всех других военных организаций нацистов. В приказе говорилось: «Эти организации представляют собой своего рода частную армию, которая образует государство в государстве и является постоянным источником беспокойства для гражданского населения... Содержать организованные вооруженные силы является исключительно прерогативой государства».

Приказ Тренера был половинчатым. Как хвастливо заявил Геббельс, штурмовики всего лишь «поменяли рубашки»– коричневые на белые. Никаких фактических репрессий против них не предпринималось. Поскольку НСДАП не распустили, штурмовикам было где «переждать» тяжелые времена. Однако и этот половинчатый запрет не понравился части военщины. Генерал Шлейхер все это время не прекращал переговоров с Ремом и с фюрером СА в Берлине графом Гельдорфом. После обнародования приказа Тренера Шлейхер за его спиной договорился с Гинденбургом. Участь Тренера была решена. Против него началась негласная кампания в армии, а также в самом военном министерстве. И дирижировал всем этим его старый друг Шлейхер... История Тренер – Шлейхер была первой, но далеко не последней историей того, как один германский политик «сжирал» другого, расчищая фюреру путь к власти. Сам Шлейхер стал жертвой генерала Бломберга, который перед приходом Гитлера к власти помог нацистам свергнуть Шлейхера...

Роковую роль сыграла верхушка рейхсвера и на самом последнем этапе борьбы Гитлера за власть. Перед тем как Гинденбург назначил «богемского ефрейтора» рейхсканцлером, немецкая военщина прямо сказала свое «да». Накануне последней встречи Гитлера с Гинденбургом одного из руководителей рейхсвера – Бломберга спешно вызвали из Женевы в президентский дворец. Бломберг, который уже давно установил контакт с Гитлером через своего начальника штаба Рейхенау и дивизионного священника Мюллера (в третьем рейхе Мюллер за свои «богоугодные дела» стал имперским епископом), заверил восьмидесятишестилетнего президента, что рейхсвер желает видеть на посту канцлера Гитлера. За это Бломберг стал военным министром. (Что, впрочем, как мы увидим дальше, продолжалось недолго. Пришло время, когда Гитлер расправился и с ним).

В сентябре 1933 года, через 7 месяцев после прихода к власти, Гитлер заявил: «В этот день мы хотим особенно поблагодарить нашу армию, ибо мы точно знаем, что если бы войска не стояли в дни нашей революции (подразумевается захват власти и фашистский террор, последовавший за ним. – Авт.) на нашей стороне, то сегодня мы не стояли бы здесь».

* * *

В книге Курта Бахмана «Правда о Гитлере» показывается, почему рабочий класс Германии, ослабленный годами безработицы, разобщенный непоследовательной политикой социал-демократов, не сумел дать достойного отпора власти имущим в стране и их прямым ставленникам – гитлеровцам. Книга построена в виде диалога между молодым западногерманским гражданином В. Реккертом и К. Бахманом.

«В. Реккерт. В 1920 году рабочий класс, действуя сообща против капповского путча, преградил путь к установлению военной диктатуры. Почему же в период перед 1933 годом не получилось единства действий против нацистов?

К. Бахман. Вновь и вновь КПП предлагала создать фронт единства для борьбы против кризисов и фашизма. Когда возглавлявшееся социал-демократами правительство Пруссии было свергнуто в результате государственного переворота под руководством фон Палена – 20 июля 1932 года, – партия Эрнста Тельмана предложила СДПГ и АДГБ («Всеобщий союз профсоюзов Германии». – Авт.) ответить на это всеобщей забастовкой.

Все последующие предложения о единых действиях правое руководство СДПГ отклоняло. Оно ориентировалось на политику сотрудничества с крупным капиталом, отклоняло внепарламентскую борьбу масс, чтобы не запугать буржуазию. Оно проводило в

парламенте политику «меньшего зла», вместо того чтобы вырабатывать альтернативы против политики кризисов и фашистской опасности. Единству действий особенно препятствовало то, что сами социал-демократические руководители отдавали приказ о применении террора со стороны государственной власти, как это имело место 1 мая 1929 года в Берлине и в Альтонское кровавое воскресенье в июле 1932 года.

В. Реккерт. Это тогда находившаяся под командованием социал-демократов полиция стреляла в мирные демонстрации рабочих...

К. Бахман. Все это очень мешало найти отправные точки для единства действий. Этим объясняются также и такие ошибки КППГ, как неправильный тезис о «социал-фашизме». Но это не мешало ей распознать опасность фашизма для нашего народа, а также для мира в Европе и призывать к антифашистскому единству действий в момент, когда фашизм стоял на пороге.

28 января 1933 года рейхспрезидент П. фон Гинденбург вынудил правительство Шлейхера уйти в отставку и поручил Гитлеру сформировать правительство. Когда 30 января 1933 года КППГ призвала провести всеобщую забастовку, руководство СДПГ потребовало соблюдать спокойствие и дисциплину. Всеобщая забастовка, которой так боялись нацисты и те, кто стоял за ними, не состоялась. И только когда уже было слишком поздно, вожди СДПГ, как, например, Рудольф Брайтшайд, признали необходимость единства действий, слишком поздно, часто только уже в концентрационных лагерях перед лицом террора СС. Для последующего хода нашей истории было роковым то обстоятельство, что не было достигнуто единства действий рабочего класса. Поэтому рабочий класс не смог воспрепятствовать ни приходу фашизма, ни войне».

* * *

История закулисной борьбы и интриг за передачу власти Гитлеру долго оставалась в глубокой тайне. В 1933 году в нее были посвящены лишь единицы: промышленники, часть генералитета. Немецкому народу сообщили только одно – президент Гинденбург сделал канцлером Германии Гитлера... И тут пропагандистская машина нацистов, накаченная деньгами немецких миллионеров, совершила одно из своих «чудес». Волю Гинденбурга и стоявшую за ней волю хозяев Германии она изобразила как волю всех немцев. Для этой цели было инсценировано «народное ликование», всегерманское торжество.

События развивались так. Утром 30 января Гитлер отправился в президентскую канцелярию к Гинденбургу. Стоя у окна отеля «Кайзергоф» – берлинской резиденции Гитлера, Геббельс, Рем, Геринг и другие ждали выхода своего фюрера. Через несколько минут Гитлер появился уже канцлером. Сто метров, которые отделяли дверь президентской канцелярии от дверей отеля, он проехал на машине. Если верить дневнику Геббельса, на глазах у него (Гитлера) стояли слезы.

Теперь дело было за Геббельсом и за другими фюрерами нацистской партии и штурмовиков. И они выполнили свою задачу – согнали тысячи приверженцев из окрестностей Берлина и мобилизовали тысячи людей в самой столице. Весь вечер до глубокой ночи колонны штурмовиков с зажженными факелами шли по улицам Берлина: они появлялись из Тиргартена, проходили через Бранденбургские ворота и, чеканя шаг, двигались по Вильгельмштрассе. Сотни барабанщиков отбивали дробь. Штурмовики орали песню «Хорст Вессель». На тротуарах толпились тысячи людей, издававших вопли восторга. В одном из окон президентской канцелярии стоял Гинденбург, в другом окне – Гитлер. Гитлер ежесекундно выбрасывал руку вперед – приветствовал штурмовиков и толпу «немецким приветствием».

В этот день судьба Германии оказалась в руках кучки авантюристов, представлявших самые агрессивные реакционные круги правящих классов Германии – немецких монополистов, военных, крупных аграриев.

ГЛАВА IV СТРОИТЕЛЬСТВО «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

Гитлер уничтожает республику

Формально Гитлер был лишь пятнадцатым канцлером республики, «легально» получившим мандат от президента как руководитель самой крупной партии в стране. Обыватель мог тешить себя тем, что таких смен канцлеров было едва ли не больше, чем сама Веймарская республика насчитывала лет.

Однако после 30 января 1933 года нацисты фактически совершили государственный переворот. Правящие классы Германии, вручив ключ от государства фашистскому фюреру, санкционировали избиения, поджоги, погромы, массовые убийства, которыми ознаменовалось наступление «эры Гитлера».

Недолго «выдержала» германская буржуазия демократический режим в стране. Всего-навсего 14 лет – с 1919 по 1933 год – просуществовала Веймарская республика – единственная парламентская республика в истории Германии до 1949 года.

Нацистский фюрер до юнца использовал мандат на «легальность», выданный ему верхами Германии. С помощью этого мандата он за несколько недель сокрушил парламентский строй в стране, расправился с сотнями тысяч людей, уничтожил все завоевания демократии. Вот как это происходило.

В понедельник, 30 января 1933 года, в пять часов вечера открылось первое заседание кабинета Гитлера. Это был еще коалиционный кабинет; кроме членов нацистской партии в него входили представители Немецкой национальной партии, в том числе руководитель этой партии Гугенберг. Обе партии располагали в рейхстаге 247 голосами из 608, т. е. не имели абсолютного большинства. Для того чтобы править на парламентской основе, им нужно было договориться с третьей крупной буржуазной партией – «Центром», располагавшим в парламенте 70 мандатами.

Это обстоятельство Гитлер и использовал, чтобы взорвать коалиционный кабинет и избавиться от своих партнеров. Но прежде всего он лицемерно заявил, что будет придерживаться парламентских законов и договорится с «Центром». Одновременно Гитлер дал совсем иные инструкции Герингу, которому было поручено вести переговоры с «Центром». Согласно этим инструкциям, Геринг не должен был допустить вовлечения «Центра» в коалицию. Геринг весьма просто справился с этой задачей: он сразу же объявил все условия «Центра» неприемлемыми.

На следующем заседании кабинета Гитлер заявил, что переговоры с «Центром» кончились неудачей. Придется, мол, просить президента назначить новые выборы в рейхстаг. Встревоженного Гугенберга, понявшего, что он попал в ловушку, Гитлер успокоил тем, что дал торжественное обещание независимо от исхода выборов ничего не менять в составе кабинета. Это была очередная ложная клятва, дабы расчистить дорогу нацистам. Рейхстаг был распущен и новые выборы назначены на 5 марта 1933 года.

Прежде чем сделать следующий шаг – окончательно ликвидировать парламентский режим, Гитлер решил снова заручиться поддержкой германских монополий. 20 февраля в резиденцию президента рейхстага, т. е. Геринга, была приглашена группа промышленных и финансовых тузов Германии: «пушечный король» Крупп, один из королей германской металлургии Феглер, руководитель крупнейшего в Европе электротехнического концерна Бош, член «Совета богов», директор «ИГ Фарбениндурии» Шницлер и другие. Председательствовал на этой встрече виднейший представитель банковского капитала Яльмар Шахт. Из его показаний на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников, а также из документов, обнаруженных в гитлеровских архивах после войны, стало известно, что происходило за плотно закрытыми дверями дворца президента рейхстага.

В отличие от предыдущих встреч с промышленниками, на которых Гитлер выступал

еще в роли просителя, фюрер появился на этом вечере в ореоле власти, придававшем его обещаниям особый вес. Новая встреча имела огромное значение: если в 1932 году речь шла о том, чтобы, по существу, получить санкцию на занятие поста канцлера, то теперь нужно было договориться о завершении планов государственного переворота – установлении неограниченной фашистской диктатуры в стране. Поэтому Гитлер прежде всего стремился убедить собравшихся, что без такой диктатуры капиталистическому строю в Германии грозит катастрофа. «Частнособственническое хозяйство, – заявил он, – не может сохраниться в век демократии, оно мыслимо лишь при том условии, что народ станет сторонником идеи авторитета сильной личности». Затем он обещал своим слушателям выполнить две главные задачи новой власти – уничтожить марксизм и воссоздать вермахт. «Жребий брошен, – сказал он. – Если выборы не принесут желаемого результата, мы добьемся своих целей другими средствами».

По свидетельству Шахта, промышленники были в восторге. Крупп вскочил с места, пожал руку фюреру и от имени всех присутствующих выразил ему благодарность за «исключительно ясное изложение взглядов». Затем Шахт начал обходить гостей – он собирал пожертвования в партийную кассу фашистов.

Итак, санкции промышленников были получены, и касса нацистской партии пополнилась новыми миллионами марок. Однако перед «решающими действиями» необходимо было договориться не только с финансовыми и промышленными тузами, но и с генералами рейхсвера. Тогда еще было далеко до того положения, когда фюрер сам мог диктовать условия руководителям армии. Выступление рейхсвера против антиконституционных действий фашистов, в защиту республики обрекло бы на неудачу все гитлеровские планы.

Решающая встреча с генералами состоялась в штаб-квартире Хаммерштейна (тогдашнего главнокомандующего) 3 февраля. Документ, повествующий об этой встрече, был найден через много лет после Нюрнбергского процесса. Как явствует из записи выступления Гитлера, фюрер был исключительно откровенен с генералами. Он заявил, что намерен раз и навсегда расправиться с парламентским строем и приступить к подготовке войны во имя завоевания «жизненного пространства». «Самое жесткое авторитарное руководство государством. Уничтожение раковой болезни демократии» – тек передает документ слова Гитлера о его планах в области внутренней политики. Далее следуют рассуждения о роли вермахта и о военных намерениях фашистского режима, рассуждения, которые поистине должны были звучать райской музыкой в ушах генералов. «Строительство вермахта, – говорил Гитлер, – является важнейшей предпосылкой достижения нашей цели: возрождения политической мощи». «Вермахт, – продолжал он, – самая важная и самая социалистическая (!) часть государства. Он останется надпартийным учреждением, стоящим вне политики... Никакого слияния армии и СА не произойдет».

Наконец, на этой же встрече Гитлер изложил и свои внешнеполитические губаны. Он заявил, что намерен использовать политическую мощь для «завоевания жизненного пространства на Востоке и беспощадной его германизации». «Самым опасным периодом, – сказал он, – будет время воссоздания вермахта. Тогда и станет ясно, есть ли во Франции настоящие государственные деятели. Если да, они не дадут нам передышки и нападут на нас...»

Мы так подробно остановились на этом раннем документе (цитированные слова Гитлера были произнесены через три дня после захвата власти!) потому, что в нем в наиболее полном виде были изложены почти все истинные планы Гитлера. В открытых же официальных выступлениях Гитлер продолжал в это время клясться в верности легальности и конституции и, разумеется, болтать о мире. Прошло еще целых три года, прежде чем фашистский фюрер окончательно отрекся от условий Версальского договора. Но правящая верхушка Германии – и промышленники и генералы были прекрасно информированы о подлинных намерениях Гитлера. Они знали, на что идут, и тогда, когда вручали ему власть, и тогда, когда санкционировали уничтожение республики.

К концу февраля Гитлер полностью развязал себе руки для бесцеремонной расправы со всеми демократическими установлениями Веймарской республики.

Начал Гитлер расправу с главных классовых противников нацизма – немецких коммунистов. 24 февраля он приказал отрядам штурмовиков разгромить штаб Коммунистической партии Германии – Дом имени Либкнехта. Нацистские налетчики выбили все окна в здании, часть мебели выбросили на улицу, остальную превратили в щепки, избили и арестовали всех присутствовавших в Доме. Штурмовикам активно помогала полиция. Она произвела в здании обыск, но – как и следовало ожидать – ничего «крамольного» не обнаружила. Уверения Геринга, назначенного Гитлером начальником прусской полиции, будто брошюры и некоторые другие пропагандистские материалы, «найденные в подвале здания», доказывают, что КПГ готовила «государственный переворот», были встречены с явным недоверием даже в консервативных кругах, а преступные методы расправы с оппозицией вызвали отвращение у широких слоев населения. Чтобы добиться успеха и создать необходимую психологическую атмосферу перед выборами, необходимо было изобрести нечто более «эффектное» и «сенсационное». Так возник план поджога рейхстага.

Вечер 27 февраля Гитлер провел в квартире Геббельса. В своем дневнике Геббельс нарисовал идиллическую картину происходившего: пили чай, беседовали, слушали пластинки (разумеется, музыку Вагнера); Геббельс явно хотел создать впечатление, будто известие о пожаре рейхстага было полной неожиданностью для него и для Гитлера. Известие это передал по телефону «Путци» Ханфштенгль. «Я счел это явным вымыслом, – лицемерно пишет Геббельс в своем тщательно препарированном перед опубликованием дневнике, – и отказался сообщить об этом фюреру».

В действительности события разыгрывались совсем иначе. Геббельс, как показали материалы Нюрнбергского процесса, ждал сообщения о поджоге. Он тут же передал его Гитлеру, и они на машине помчались к горящему зданию. Там уже были Геринг и шеф прусского гестапо Дильс. Последний рассказал в своей книге, изданной после войны, что Геринг, прибыв к рейхстагу, сразу же воскликнул: «Это начало коммунистического восстания!» Гитлер был вне себя. «Его лицо было багово-красным не то от возбуждения, не то от жары. Он кричал так неистово, что казалось, вот-вот лопнет от натуги». Выкрикивал Гитлер следующее: «Теперь не может быть никакой пощады! Кто станет нам поперек дороги, будет уничтожен! Каждый коммунистический функционер должен быть расстрелян, где бы он ни находился. Не будет пощады и для социал-демократов!»

В 21 час 17 минут к месту пожара прибыли первые полицейские машины. Полиция проникла в рейхстаг и арестовала человека, который бродил по огромному зданию полуголый, потный, со спутанными волосами. Это был голландский подданный Маринус ван дер Люббе.

Дежурный комиссар полиции Вальтер Цирпис уже через несколько минут произвел первый допрос: без запинки ван дер Люббе продиктовал около 60 страниц и каждую страницу скрепил своей подписью. Полицейский чиновник изготовил восемь экземпляров показаний ван дер Люббе, но все эти экземпляры загадочным образом исчезли, не уцелел ни один!

Обербранддиректор Вальтер Темп (высший чин в управлении пожарной охраны) произвел первое расследование на месте. Он обратил внимание на то, что по распоряжению Геринга (президента рейхстага) именно в этот вечер из здания была удалена вся охрана; после 8 часов вечера никто не должен был находиться в помещении, Вальтер Темп был вскоре уволен; кончил он трагически: его задушили «неизвестные лица». Депутат рейхстага от Немецкой национальной партии Эрнст Оберфорен, который решил заняться выяснением обстоятельств поджога и написал об этом подробный отчет (не сохранившийся после войны), был застрелен у своего письменного стола. «Неизвестные лица» не пощадили даже «прорицателя» Эрика Гануссена, пользовавшегося популярностью у некоторых руководящих деятелей «третьего рейха». Дело в том, что за два дня до поджога Гануссен сообщил

довольно большому кругу людей о своем «видении»: по его словам, он узрел огромное здание, охваченное огнем. Это не могло не показаться подозрительным организаторам поджога. Гануссена нашли застреленным в аристократическом берлинском районе Груневальд, где он был частым гостем. Поплатился жизнью и его друг, инженер Георг Боль, который, как полегали, передавал «прорицателю» секретную информацию, которую тот использовал в своей «работе». В Австрии, куда он бежал, Боля настиг штандартенфюрер СА Уль и уложил шестью выстрелами из пистолета. Сам Уль, в свою очередь, был уничтожен 30 июня 1934 года во время расправы со штурмовиками.

На Нюрнбергском процессе два свидетеля подтвердили причастность гитлеровцев к поджогу рейхстага. Один из них – бывший начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер. «Во время обеда по случаю дня рождения фюрера в 1942 году, – показал он, – в ближайшем окружении фюрера речь зашла о здании рейхстага и его художественных достоинствах. Я собственными ушами слышал, как Геринг, вмешавшись в беседу, воскликнул: «Единственный, кто действительно знает рейхстаг, – это я. Ведь я его поджег». При этом он ударил себя ладонью по ноге». К этому показанию Гальдер добавил: «Я сидел поблизости от Гитлера, по правую сторону от него. Я мог ясно и точно различить каждое слово».

Другой свидетель, бывший служащий гестапо, а затем абвера (военной разведки) Гизевиус утверждал, что автором идеи поджога рейхстага был Геббельс. Он показал в Нюрнберге под присягой: «Геббельс вместе с руководителем бригады СА в Берлине Карлом Эрнстом разработал детали поджога... Чтобы проникнуть в рейхстаг, воспользовались подземным ходом, который вел из дворца президента рейхстага (т. е. Геринга. – Авт.) в рейхстаг. Был образован специальный отряд из десяти надежных штурмовиков, и лишь после этого Геббельс посвятил Геринга во все детали плана... с самого начала было договорено, что вина за поджог будет возложена на коммунистов».

Американский обвинитель Джексон спросил свидетеля: «Какова судьба десяти штурмовиков, которые подожгли рейхстаг?» Гизевиус ответил: «Насколько мне известно, никто из них не остался в живых».

Один из штурмовиков, некий Пауль Вашински, по всей вероятности, непосредственно руководивший действиями ван дер Люббе, был ликвидирован еще в 1934 году. Другой, капитан Рербейн, который как-то проболтался, что принимал участие в поджоге, был тут же расстрелян, предводителя отряда Карла Эрнста убрали после того, как в письме к своему начальнику, обергруппенфюреру С А Хейнесу, он намекнул на обстоятельства поджога. Еще один штурмовик – Райль, угодивший за решетку, то ли из чувства мести, то ли по глупости направил отчет о пожаре рейхстага начальнику тюрьмы. Отчет был перехвачен служащим тюрьмы штурмовиком Рейнекингом и отослан в гестапо. Гестаповцы извлекли Райля из тюрьмы, отвезли на машине за город и убили. После этого самого Рейнекинга посадили в концлагерь Дахау и там в конце 1934 года умертвили.

Причастность нацистов к поджогу рейхстага доказана сотнями документов, огромным количеством свидетельских показаний.

Однако в начале шестидесятых годов была опубликована книга Фрица Тобиаса «Пожар рейхстага. Легенда и действительность», в которой автор собрал и, мы бы сказали, препарировал огромный материал с целью доказать... недоказуемое, а именно, что один человек – полубезумный ван дер Люббе, был в состоянии проделать в течение считанных минут титаническую работу по подготовке поджога огромного здания, работу, которая в действительности требовала усилий опытной команды. Несмотря на скрупулезный труд, автор все же не смог опровергнуть исследований, которые до него были проделаны армией криминалистов, журналистов, экспертов, собравших достаточно доказательств того, что организаторами поджога были нацисты. И в подготовке его было замешано немало людей, специально подобранных нацистскими инициаторами этой не имеющей прецедентов в историческом прошлом провокации.

Останавливаясь на версии Тобиаса о том, что ван дер Люббе действовал один, даже

буржуазный историк Фест замечает: «На самом деле остается все же сомнительным, смог ли ван дер Люббе сам в течение нескольких минут создать столь многочисленные и, как оказалось впоследствии, столь эффективные очаги пожара».

Чтобы осуществить поджог огромного здания рейхстага, требовалось много времени и тщательная подготовка, и никто, кроме гитлеровцев, уже находившихся у власти, не мог, разумеется, справиться с такой задачей. Ясно также, что нацисты были заинтересованы в том, чтобы сразу же обезвредить подставное лицо – ван дер Люббе. Мы уже упомянули, что гестапо изъяло все экземпляры первого допроса ван дер Люббе. А затем и самого ван дер Люббе «взяли в работу». Между арестом главного обвиняемого и началом процесса по делу поджога рейхстага прошло семь месяцев. За это время опытные следователи из ведомства Гимmlера соответствующим образом обработали своего «подопечного».

Процесс по делу поджога рейхстага начался 21 сентября 1933 года в Лейпциге. Обвиняемый ван дер Люббе превратился к этому Бременю в полную развалину. На протяжении всех трех месяцев процесса он сидел на скамье подсудимых совершенно безучастный, скорчившись, уронив голову на колени. На вопросы отвечал односложно; «да» или «нет» и только дважды, как бы просыпаясь, поднял голову и пролепетал: «Другие... другие...»

Таково было состояние ван дер Люббе: на нем гестапо впервые испытало, видимо, те методы, которые не раз использовало в дальнейшем, чтобы парализовать волю своих жертв.

Но Лейпцигский процесс не оправдал надежд его организаторов. На нем прозвучал голос человека, имя которого стало символом несгибаемой воли к сопротивлению, мужества и веры в победу над фашизмом, – голос Георгия Димитрова. Гитлеровцы арестовали его вместе с одним немецким и двумя болгарскими коммунистами для того, чтобы превратить суд в Лейпциге в процесс над коммунистической партией. И здесь они потерпели такое позорное фиаско, что Гитлер вспоминал о нем с бешенством до конца своих дней. Георгий Димитров стал истинным обвинителем на процессе, он загнал в тупик и хитроумного министра пропаганды Геббельса и грубого солдафона Геринга, вызванного на процесс в качестве свидетеля. Перед всем миром Димитров разоблачил фактических виновников поджога рейхстага-германски «нацистов».⁵¹

Лейпцигский процесс еще раз показал руководителям «третьего рейха», что даже жалкие остатки формальной демократии могут превратиться в угрозу для их господства. Процесс состоялся в таких условиях, когда нацистский режим еще не вполне сложился. Система террора не пронизала всю государственную и общественную жизнь: как бы горячо ни стремились судьи услужить фюреру, сама процедура судопроизводства, необходимость доказывать вину обвиняемых и приводить приговор в соответствие с кодексом законов не давали им возможности полностью выполнить гитлеровскую волю. Да и само фашистское руководство также не отдавало себе в ту пору ясного отчета в том, что, пока существует гласный суд, гитлеровская система террора будет недостаточно «совершенной».

Одним словом, с точки зрения гитлеровцев, Лейпцигский процесс оказался явно преждевременным. И надо сказать, что нацистское руководство извлекло свои уроки из провала суда. Это был последний гласный политический процесс в нацистской Германии. Что же касается самого Гитлера, то он на всю жизнь сохранил ненависть к суду и к юристам как носителям «вредных идей».

Вспоминая в узком кругу приближенных времена Лейпцигского процесса, Гитлер заявил в 1942 году в «застольной беседе», что полиция действовала, мол, недостаточно

⁵¹ 15 декабря 1980 года, т. е. через 47 лет после Лейпцигского процесса, западноберлинский суд оправдал ван дер Люббе, казненного в 1934 году. В обосновании оправдательного приговора подчеркивается, что ван дер Люббе признан невиновным, поскольку весь процесс был вопиющим «правоизвращением» и «национал-социалистским фарсом». Характерно, что в обосновании оправдательного приговора западногерманские судьи ссылаются также на Г. Димитрова, который, «несмотря на свою компетентность», «был существенно ущемлен в своих процессуальных правах».

быстро. Так, например, ван дер Любое «надо было повесить максимум через три дня после пожара». Все дело испортили юристы. «Они, – сказал Гитлер, – составляют как бы международную клику, как и преступники, но действуют они гораздо менее ловко. Поэтому процесс затянулся на много недель и результаты его были смехотворны». «Я заявляю сегодня открыто и ясно, – сообщил Гитлер в том же году, – что каждый юрист для меня дефективный, а если он еще не стал таким, то со временем обязательно станет». Наконец, фюрер следующим образом сформулировал свое отношение к праву и свободе: «Мы покончили с тем представлением, будто государственно-политическая свобода состоит в том, что каждый может высказывать все, что его душе угодно».

Однако в начале 1933 года такие формулы еще нельзя было произносить вслух. Для этого Германии пришлось пройти немалый путь.

Пожар рейхстага Гитлер использовал в двух планах: во-первых, чтобы добиться от рейхепрезидента Гинденбурга полномочий для отмены законов Веймарской республики о свободе партий и неприкосновенности личности граждан; во-вторых, для развертывания предвыборного террора под флагом «борьбы против коммунизма».

На следующее же утро после пожара Гитлер направился к Гинденбургу. В портфеле у него был проект указа об «охране народа и государства». Указ упразднял важнейшие статьи Веймарской конституции, гарантировавшие демократические свободы граждан. Престарелому президенту Гитлер нарисовал страшную картину «коммунистических козней». Поджог здания парламента он изобразил как последнее звено разветвленного коммунистического заговора, как сигнал к перевороту. Перепуганный генерал-фельдмаршал, уже давно мечтавший о военной диктатуре, без особого сопротивления подписал указ. Статья первая указа давала право правительству вводить любые меры «по ограничению свободы личности и свободы мнений». Правительству разрешалось также ограничивать свободу печати, нарушать тайну переписки и телефонных разговоров, отдавать распоряжения об обысках и конфискации имущества и т. д. и т. п. Фашистский террор был, таким образом, официально узаконен президентом республики, и Гитлер не преминул этим воспользоваться.

Периоду между 28 февраля и 5 марта 1933 года (днем выборов) нацисты присвоили пышное наименование «недели пробудившегося народа». В эту злосчастную неделю хозяевами улицы стали СА и СС. Полиция, по сути дела, была превращена в подсобную организацию нацистской партии и штурмовых отрядов. В Пруссии указом Геринга была образована «вспомогательная полиция» в составе 56 тысяч человек. Из них 25 тысяч являлись штурмовиками и 15 тысяч эсэсовцами.

«Неделя пробудившегося народа» стала неделей зверских расправ; полицейские и штурмовики врываются в квартиры, убивали свои жертвы прямо на улице, избивали всех, кто был известен как противник фюрера.

Свой главный удар гитлеровские банды направили против коммунистов, В общей сложности из 300 тысяч членов Коммунистической партии Германии 150 тысяч были либо убиты, либо арестованы, либо вынуждены покинуть Германию, скрываясь от фашистских палачей.

Нацистским ищейкам удалось напасть на след вождя КПГ Эрнста Тельмана, который вынужден был перейти на нелегальное положение в первые же дни фашистского господства. Тельмана арестовали, бросили в тюрьму и незадолго до крушения фашистского режима, по приказу Гитлера и Гимmlера, умертвили в концлагере Бухенвальд.

Благодаря энергичному и самоотверженному труду юристов ГДР ныне это преступление полностью раскрыто. В распоряжении Объединения юристов ГДР находятся документы, с неопровержимой ясностью обличающие фашистских палачей: доклад Гимmlера, представленный Гитлеру 14 августа 1944 года. В конце листа была обнаружена собственноручная резолюция Гимmlера: «Тельмана казнить».

В статье «Документы обвиняют» (1980 г.) специальный корреспондент «Правды» В. Меньшиков приводит свидетельские показания бывшего узника Бухенвальда Мариана

Цгады, включенного гитлеровцами в «крема торную команду».

«В ту ночь (с 17 на 18 августа 1944 года. – Авт.) вопреки строжайшему запрету эсэсовцев М. Цгада пробрался из барака по вентиляционной шахте во двор крематория. В протоколе его допроса, проведенного 6 ноября 1949 года в Мюнхене, зафиксированы следующие показания: «...я пролежал за грудой шлака до.

9 часов вечера и увидел, как один за другим в крематорий вошли следующие лица: Отто, Ховшульте, Варнштедт, Столпе, адъютант Шмидт, Шидловски и Бергер. Эти люди явно ожидали какой-то транспорт, в 00 часов 10 минут 18 августа Варнштедт и Столпе вышли из крематория и открыли ворота, чтобы впустить большой легковой автомобиль. Из машины вышли трое в штатском, из которых двое вели посредине третьего. Узника я смог увидеть лишь со спины. Он был высокого роста, широкоплечий, с лысиной. Я это заметил, ибо он был без шапки. Тем временем эсэсовцы Бергер, Отто и Ховшульте вышли из крематория и собрались у двери, выходящей во двор. Штатские пропустили узника вперед. И в тот момент, когда он переступил порог, прогремели три выстрела. Вслед за этим эсэсовцы, стоявшие снаружи, и оба штатских направились в крематорий и закрыли за собой дверь. Примерно три минуты спустя прогремел четвертый выстрел. Через 20–25 минут Ховшульте и Отто вышли из крематория. Остальные – чуть позже. Я слышал, как Ховшульте сказал Отто: «А ты знаешь, кто это был?» На что Отто ответил: «Это был вождь коммунистов – Тельман».

Юристы ГДР выяснили также дальнейшую судьбу эсэсовских преступников Отто и Бергера. После 1945 года бывший шарфюрер СС В. Отто был школьным учителем, снял себе уютный домик в нижнерейнском городке Гельден в ФРГ. А бывший обершарфюрер СС А. Бергер после войны руководил депозитной кассой «Ландесцентральбанк Вюртенберг» в Ротвайле (ФРГ).

И это несмотря на то, что по указанию генерального прокурора ГДР документы о совершенных Отто и Бергером преступлениях были давно представлены органам юстиции ФРГ.

В первые после прихода гитлеровцев к власти дни возникла целая сеть концентрационных лагерей и «диких», нигде не зарегистрированных тюрем (нацисты с кощунственной иронией называли их «подвалами героев», так как обычно они помещались в подвалах), где штурмовики уничтожали свои жертвы. Сами нацисты потеряли счет этим местам пыток и казней. Начальник прусского гестапо Дильс описал в своих показаниях в Нюрнберге «дикие» тюрьмы СА, которые были созданы в феврале 1933 года. Вот какую картину наблюдал Дильс в одной из таких тюрем на Гедеминштрассе в Берлине, принадлежавшей берлинскому управлению СА. «Люди, которых мы там увидели, были близки к смерти. До этого их запирали на несколько дней в шкафы, чтобы вырвать у них признания. Что касается допросов, то они начинались с избиений и кончались избиениями; десяток штурмовиков избивали свои жертвы в течение многих часов железными палками, резиновыми дубинками и кнутами... Когда мы вошли в камеру, эти живые скелеты лежали рядами на гнилой соломе, покрытые гнойными ранами. Мы не видели ни одного заключенного, тело которого не было бы с ног до головы испещрено кровоподтеками и ссадинами, свидетельствующими о нечеловеческих избиениях».⁵²

Так выглядела... предвыборная кампания нацистов в начале 1933 года.

Однако Гитлер воздействовал на избирателя не только террором, но и зрелищами и обещаниями.

Берлин и другие немецкие города стали ареной гигантских парадов нацистской партии и ее военизированных отрядов, факельных шествий, в которых принимали участие десятки

⁵² В дальнейшем такие места заключения и пыток были ликвидированы, во-первых, потому, что они выполнили свое назначение. во-вторых, потому, что сами гитлеровцы испугались, как бы аппарат насилия не вышел из их повиновения – уж очень много власти получили рядовые бандиты. Еще оставшиеся в живых узники «диких» тюрем были переведены в официальные места заключения.

тысяч нацистов, демонстраций сторонников Гитлера, собраний и митингов, где выступали главные руководители и пропагандисты нацистской партии – Гитлер и Геринг, Геббельс и Бальдур фон Ширах, Розенберг и Роберт Лей, вождь «Трудового фронта» (нацистских «профсоюзов»).

Гитлер распорядился, чтобы день выборов был объявлен всегерманским праздником, днем «пробудившейся нации». Улицы были увешаны нацистскими флагами. Каждое выступление канцлера сопровождалось восторженным (заранее организованным) ревом толпы, нескончаемыми выкриками в честь фюрера и нацистской партии (по заранее заготовленным шпалкам). Миллионы фотографий Гитлера распространялись в виде открыток, плакатов, листовок. Популярность вождя нацистской партии, казалось, не знала границ.

И все же выборы не дали ожидаемых результатов. Ни террор, ни пропаганда не смогли обеспечить гитлеровцам в ту пору большинства голосов. Пока Германия еще не была полностью отрезана от остального мира и лишена всех источников сколько-нибудь правдивой информации, пока отголоски возмущенного мирового общественного мнения еще проникали в страну, пока еще не были окончательно подавлены разум и самостоятельность мышления граждан, Гитлер не мог стать властителем дум миллионов немцев, не мог превратить большинство нации в бессловесных и бездумных исполнителей своей воли.⁵³

Даже по официальным данным (т. е. учитывая все фальсификации и подтасовки), Гитлер получил на выборах 5 марта 1933 года 17,3 миллиона голосов – примерно на 3 миллиона меньше, чем требовалось, чтобы иметь в рейхстаге абсолютное большинство. Он не набрал даже 50 % голосов. Поэтому все разговоры о том, что фашисты «легально» захватили единоличную власть в Германии, – сплошная фикция. Ведь на выборах в марте 1933 года даже растерзанная фашистами коммунистическая партия, руководители которой истекали кровью в концлагерях, получила почти пять миллионов голосов, а социал-демократическая партия увеличила число голосов (за нее проголосовало около 7,2 миллиона избирателей) и сохранила свое положение второй партии в государстве. Увеличила число голосов и католическая партия «Центр». Чтобы стать диктатором, Гитлер должен был полностью отбросить легальные средства, уничтожить парламент, ликвидировать демократический режим. Для этой цели нацисты представили на утверждение нового парламента так называемый «закон о ликвидации бедственного положения народа и государства».

Но прежде чем провести этот закон через рейхстаг, Гитлер еще раз продемонстрировал свои верноподданнические чувства по отношению к крупным промышленникам и военной касте.

21 марта 1933 года он открыл заседание нового рейхстага не в Берлине, а в старой резиденции прусских королей, традиционном центре германского милитаризма – Потсдаме. Рейхстаг собрался в бывшей гарнизонной церкви, где был похоронен Фридрих II. Дата его созыва также была символической: именно в день 21 марта был открыт в 1871 году первый рейхстаг в объединенной «железным канцлером» Бисмарком Германии. И место и дата созыва первого рейхстага при нацистах должны были подействовать успокоительно на милитаристов всех мастей, внушить «столпам» Германии доверие к Гитлеру. Фюрер хорошо понимал, что он может как хочет издеваться над республиканским строем, топтать парламентские законы, расправляться со сторонниками демократии, но ни в коем случае не должен терять поддержку и доверие тех, кто фактически привел его к власти. Спектакль в Потсдаме, во время которого Гитлер держался относительно скромно, предоставив главную

⁵³ В Германии, пока там существовала многопартийная система, нацистам не удалось добиться большинства голосов избирателей и сформировать правительство на легальных основах. И это несмотря на то, что они монополизировали все средства пропаганды, бросили с концлагеря почти всех активистов коммунистической партии, терроризировали социал-демократическую партию и другие оппозиционные силы, развернули неслыханную по размаху, расходам и пропагандистскому шуму предвыборную кампанию.

роль Гинденбургу, был ловким маневром диктатора. «Я сижу недалеко от Гинденбурга, – записывает Геббельс в свой дневник, – и вижу, что на глазах у него слезы. Все присутствующие встают и торжественно приветствуют престарелого президента и молодого канцлера... Затем раздаются звуки фанфар. Рейхспрезидент стоит на трибуне, в руках у него фельдмаршальский жезл. Он приветствует рейхсвер, отряды СА, СС и «Стального шлема», которые проходят перед ним церемониальным маршем».

С этого дня рейхстаг потерял всякое значение, перестал быть законодательным собранием, в котором в рабочем порядке обсуждались важные государственные проблемы. Правда, Веймарская конституция не была отменена (формально она оставалась в силе до 1945 года) и парламент не был ликвидирован, но и конституция и парламент превратились в чистейшую фикцию. Рейхстаг стал местом парадных манифестаций фашистской партии, его заседания проходили в обстановке показательной приподнятости и были призваны демонстрировать единодушие «представителей народа» с политикой Гитлера, одним словом, это были уже не деловые собрания, а зрелищные мероприятия и относились они не к ведомству президента и канцлера, а к ведомству министра пропаганды Геббельса.

Первая парламентская комедия была разыграна Гитлером 23 марта, через два дня после потсдамской церемонии, когда рейхстаг собрался, чтобы утвердить «закон о ликвидации бедственного положения народа к государства». Этот день также был объявлен днем всегерманского праздника. Улицы были увешаны флагами, на площадях играли оркестры и орали громкоговорители. Вечером должен был состояться грандиозный фейерверк, а ночью – факельное шествие. На площади перед оперой Кролля (ввиду того, что здание рейхстага сгорело, парламент заседал там) собралась огромная толпа – нацистские районные организации направили к зданию оперы наиболее надежных членов партии, штурмовиков и эсэсовцев. Каждый депутат, прежде чем попасть в здание, должен был пройти через узкий коридор, проложенный в толпе: нацистских депутатов встречали приветственными выкриками, оппозиционных – руганью и угрозами. Коммунистов вообще не допустили на заседание. По циничной версии гитлеровцев, их «не удалось найти». В действительности нацистские правители хорошо знали, где находятся коммунисты – почти все депутаты рейхстага от КПГ были брошены в концлагеря. Туда же посадили многих социал-демократических депутатов.

В такой обстановке был поставлен на голосование «закон о ликвидации бедственного положения народа и государства». Голосами одних нацистов этот закон не мог быть утвержден – они не имели, как мы уже говорили, большинства в парламенте. Кроме того, для принятия закона, отменявшего важнейшие статьи конституции, требовалось «квалифицированное большинство», т. е. две трети голосов депутатов рейхстага. Оставалось лишь одно – запугать депутатов, воздействовать на них методом открытого террора. В течение всего заседания в зале был отчетливо слышен рев штурмовиков, скандировавших: «Даешь закон – иначе смерть и кровь!»

И террор оказал свое действие. Никто из депутатов буржуазных партий не осмелился проголосовать против Гитлера. Лишь председатель социал-демократической партии Отто Белье заявил, что депутаты СДПГ будут голосовать против закона. Его выступление прервали истерические выкрики Гитлера: «Звезда Германии восходит, а ваша звезда закатилась! Ваш последний час пробил, я больше не нуждаюсь в ваших голосах!» Нацистские депутаты вскочили с мест, устроили овацию фюреру, и последние слова Вельса потонули в общем вое нацистов. Закон был принят 441 голосом против 94 (голоса социал-демократов).

Вскоре после заседания рейхстага Гитлер сказал тогдашнему гаулейтеру Данцига Раушнингу, что нацисты имели перед своим противником одно главное преимущество: они действовали быстрее его и отбросили прочь все «буржуазные предрассудки» насчет совести и закона, «они считают меня неотесанным и называют варваром. – продолжал он. – Да, мы действительно варвары. Мы хотим быть варварами. Мы считаем это почетным званием». Так сам Гитлер охарактеризовал методы, с помощью которых он захватил власть в Германии.

«Закон о ликвидации бедственного положения народа и государства» содержал всего пять статей. Краткое содержание их можно свести к фактической отмене Веймарской конституции, к провозглашению почти безграничной власти канцлера, т. е. Гитлера. За правительством было окончательно закреплено право принимать законы без санкции парламента (ст. 1). При этом было специально оговорено, что законы, принимаемые правительством, могут не соответствовать конституции (ст. 2). Канцлер получил полномочия сам разрабатывать и вносить в правительство такого рода законы, и они вступал-! в силу на следующий день после их утверждения (ст. 3). Договоры с иностранными государствами не подлежали более ратификации парламентом (ст. 4). Устанавливался и срок действия нового закона, он был введен якобы на четыре года, до 1 апреля 1937 года (ст. 5).

Но и согласно этому «закону», решения фюрера все же нуждались в подтверждении кабинета министров и рейхспрезидента. Поэтому Гитлер прежде всего должен был уничтожить права этих двух инстанций. Нормальная процедура предусматривала, что каждый указ канцлера принимался в кабинете большинством голосов. Однако Гитлер полностью упразднил эту практику – он попросту не ставил на голосование свои указы. А в дальнейшем вообще перестал созывать кабинет министров. Уже 23 апреля 1933 года Геббельс записал в своем дневнике: «Б кабинет авторитет фюрера стал непререкаем. Голосование отменено. Фюрер решает все сам. Все произошло гораздо быстрее, чем мы ожидали».

Прерогативы рейхспрезидента также фактически были сведены на нет. Гинденбург дышал на ладан, ни о каком его активном вмешательстве в дела нацистов не могло быть и речи. Оставалась лишь теоретическая возможность апеллировать к нему. Но вскоре и это последнее препятствие на пути неограниченного господства Гитлера отпало: 2 августа 1934 года Гинденбурга не стало. Уже через час после его смерти нацистское правительство издало указ о слиянии постов президента и канцлера. Гитлер, который в одном лице олицетворял ныне два высших поста в государстве, принял на себя тем самым и другую важнейшую функцию: он стал главнокомандующим вооруженными силами Германии (раньше эту функцию исполнял президент). Тотчас же бывший ефрейтор отдал приказ, чтобы весь личный состав армии принес ему присягу. Текст присяги был изменен – отныне каждый солдат и офицер должен был клясться в верности лично Гитлеру. Уже в день смерти Гинденбурга, 2 августа, армия была приведена к присяге. После того как был устроен референдум по поводу слияния постов президента и канцлера, который, разумеется, принес подавляющее большинство голосов нацистам (хотя и на этот раз было официально признано, что четыре с четвертью миллиона человек проголосовало против), Гитлер получил официальный титул «фюрер и канцлер германской империи».

Политика унификации

Как же строилось гитлеровское государство, на чем оно базировалось?

Основными «принципами» нацистского режима в Германии были безраздельное господство гитлеровской партии, полное подчинение государства и всех его учреждений (местное самоуправление, суд, армия и т. д.) нацистам; изоощренная система пропаганды и социальной демагогии, монополизация средств пропаганды и изоляция масс от всех источников информации, из которых они могли бы почерпнуть правдивые сведения о внутреннем и внешнем положении страны; разветвленный аппарат насилия и террора, создание огромной сети осведомителей, обеспечивавшей жесткий контроль над каждым гражданином, учреждение концлагерей, с которых исчезали десятки тысяч оппозиционно настроенных немцев, введение пыток для расправы с оппозицией и запугивания противников режима.

Передача всей полноты власти в руки нацистской партии происходила в процессе так называемой «унификации политической жизни империи». Лозунг фашистской пропаганды гласил: «одна партия – один рейх – один фюрер». Фактически это означало, что Германия

была отдана во власть нацистской партии, а нацистская партия во власть Гитлера.

Однако установление неограниченного господства Гитлера, установление нацистской тирании отнюдь не значило, что Гитлер и его сообщники проводили некую надгосударственную и надклассовую политику, как это утверждала их пропаганда. «Одна партия» и «один фюрер» были партией и фюрером, осуществлявшими диктатуру самых реакционных элементов германского общества, в первую очередь немецких монополистов.

Об этом было убедительно и ясно сказано на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, который состоялся в Москве в 1935 году. Г. Димитров в своем докладе на конгрессе «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма» вскрыл связь между фашизмом и монополистическим капиталом в капиталистических странах. Димитров указал, что фашизм следует рассматривать как орудие наиболее реакционных, шовинистических и агрессивных элементов финансового капитала. Что касается германского национал-социализма, то он представляя собой наиболее реакционную разновидность фашизма, главного поджигателя мировой войны.

Для установления неограниченной фашистской диктатуры надо было, прежде всего, распустить все ненацистские партии. В Веймарской республике существовало шесть крупных партий (кроме НСДАП): КПП, СДПГ, католическая партия «Центр», Немецкая национальная партия, Немецкая народная партия (либералы) и Немецкая государственная партия. Всего же (считая и мелкие группировки) их насчитывалось свыше тридцати.

Коммунистическая партия была объявлена вне закона еще в первые недели господства Гитлера. После нее настала очередь социал-демократов. 10 мая было конфисковано все имущество партии. Руководство СДПГ сделало жалкую попытку спасти партию. 19 мая состоялось последнее заседание рейхстага, в котором участвовали представители СДПГ; на нем разыгралось унижительное и позорное зрелище: социал-демократические депутаты отдали свои голоса Гитлеру, поддержав его внешнеполитический курс. Через месяц последовал еще один капитулянтский шаг: верхушка СДПГ объявила, что она осуждает антинацистские заявления своих эмигрировавших за границу функционеров, и образовала новый руководящий орган в составе четырех человек. Еще раньше социал-демократические профсоюзы объявили, что они «готовы сотрудничать с новым государством». Но все эти жесты и демонстрации, призванные «умиротворить» нацистов, не имели успеха. 22 июня Гитлер объявил о роспуске социал-демократической партии и ее юношеской организации «Соколы». Помещения СДПГ были заняты полицией и штурмовиками; многих функционеров, еще остававшихся на свободе, бросили в тюрьмы.

Вскоре были ликвидированы еще две партии. После запрещения СДПГ полиция заняла помещения, принадлежавшие Немецкой национальной партии – партнера НСДАП по правительственной коалиции. Все ее местные организации были закрыты, имущество конфисковано. Лидеры ННП поняли «намек»: 27 июня они сообщили о «самороспуске». На следующий день их примеру последовали руководители Немецкой государственной партии.

В начале июля эпидемия «самороспусков» распространилась на все остальные буржуазные партии – при молчаливом одобрении магнатов монополистического капитала. Сошли со сцены сначала Немецкая народная партия и ее филиал – Баварская народная партия, затем партия «Центр», а после них другие более мелкие партии и организации. Гитлер добился своей цели: НСДАП стала единственной политической партией в Германии.

Теперь оставалось расправиться только с профсоюзами – мощной организацией рабочего класса, которая была большой политической силой в веймарской Германии. Нацистская акция против профсоюзов была подготовлена еще 21 апреля 1933 года. Для ее проведения Гитлер образовал «комитет действия» во главе с Робертом Леем. «В основном, – говорилось в циркулярном письме, разосланном в этой связи всем земельным организациям нацистской партии, – акция направлена против Всеобщего немецкого объединения профсоюзов (ВНОП) и Всеобщего свободного объединения служащих. Вопрос о том, какие другие объединения следует причислить к зависимым от ВНОП организациям, имеет право

решать в каждой отдельной земле гаулейтер».

Далее в письме перечислялись профсоюзные центры, которые собирались занять нацисты. «Предлагаем взять под стражу, – говорилось в циркуляре, – всех представителей отраслевых профсоюзов, всех руководителей окружных организаций, всех руководителей филиалов Банка рабочих и служащих (т. е. банка профсоюзов. – Авт.)». Наконец, были определены и исполнители акции: «Для захвата профсоюзных помещений и ареста перечисленных лиц должны быть использованы отряды СА и СС».

Но прежде чем приступить к выполнению этой акции, Гитлер устроил грандиозный отвлекающий маневр: по его указанию с небывалой помпой был отпразднован день 1 мая. Более того, фюрер провозгласил 1 мая «Днем немецкого труда». Со всех концов страны в Берлин прибыли делегации. Улицы были украшены лозунгами; нацисты клялись в своей солидарности с рабочим классом и обещали ему избавление от эксплуатации. На огромном поле в Темпельгофе состоялась демонстрация, которая превзошла по своим масштабам все массовые манифестации, организованные когда-либо ранее нацистами. Накануне первомайских торжеств Гитлер принял делегацию рабочих и заявил им: «Вы сами увидите, как несправедливо утверждение, будто наша революция направлена против рабочих. Совсем наоборот!» Гитлер выступил и на демонстрации. Это была одна из самых его лживых и демагогических речей. Он объявил труд в фашистской Германии почетным делом, льстил рабочим, давал им обещания повысить их роль в государстве, сделать рабочего «самым почетным» гражданином империи.

На следующий день, когда еще не прошел праздничный угар и в ушах сотен тысяч рабочих – участников демонстрации звучали слова и обещания Гитлера, была проведена заключительная акция против профсоюзов. За несколько часов одно из самых важных завоеваний пролетариата – профессиональные объединения рабочих для защиты их прав и интересов были ликвидированы. На месте независимых профсоюзов нацисты создали так называемый «Германский трудовой фронт». Фактически это была нацистская организация, подчинявшаяся государству: согласно уставу «Трудового фронта», утвержденному Гитлером в 1934 году, его глава и все функционеры назначались фюрером и канцлером империи. Руководящие посты, говорилось в уставе, должны по преимуществу занимать члены нацистской партии, члены СА и СС. «Германский трудовой фронт», – указывалось в уставе далее, – является одной из организаций национал-социалистской партии».

Фюрер заявил, что главной задачей новых профсоюзов является не защита индивидуума, а «воспитание народа в нацистском духе». «Трудовой фронт» фашисты рассматривали как важнейший «канал» для связи с массами, как своего рода «педагогическое заведение», где трудящимся вдалбливалась гитлеровская идеология. У профсоюзов было отнято их главное оружие в борьбе с предпринимателями – право забастовки. Гитлер издал указ, согласно которому учреждался специальным институтом «уполномоченных по труду» (назначаемых фюрером), которые должны были «регулировать условия коллективных договоров» и были ответственны за поддержание «трудового мира» на предприятиях. Роберт Лей обратился к предпринимателям с речью, в которой заверил их, что естественному руководителю предприятия, т. е. предпринимателю, будет возвращено «абсолютное господство в своем доме». Промышленники могли быть довольны фюрером! Тот факт, что нацистская партия фактически подчинила себе профсоюзы, усилил их власть.

И наконец, построение «государства фюрера» было завершено упразднением демократических самоуправлений в землях и созданием института «имперских заместников», подчиненных Гитлеру. На должность «имперских заместников» назначались гаулейтеры нацистской партии. Таким образом, государственная и партийная власть слились: в империи и в землях вершителями судеб стали гитлеровские функционеры.

Естественно, что все большие и малые нацистские фюреры назначали на подведомственные им должности себе подобных. У каждого из них были либо родня, либо круг закадычных друзей, собутыльников и единомышленников, жаждавших реального дохода от национал-социалистской «революции». Да и интересы самого фюрера повелевали

ему освобождаться от «бесхребетных», «изнеженных» и часто «расово неполноценных» чиновников. С апреля по июнь 1933 года Гитлер обнародовал три специальных закона о «чистке чиновничества». Увольнению подлежали чиновники еврейского происхождения, а также все, кто симпатизировал «левым партиям» или был известен как «верный республиканец». Под последнюю категорию можно было подвести, по сути дела, любого служащего. Нацистские партийные организации, полиция и гестапо были завалены доносами. На каждого, кто был негоден нацистам или от кого просто хотел избавиться тот или иной фашистский бонза, чтобы освободить «теплое местечко» для своего протеже, легко можно было найти «компрометирующий материал».

Гитлер сам объявил о целях этой кадровой политики. В речи 14 июня 1933 года он сказал, что нацисты должны позаботиться о том, чтобы создать новый слой руководителей, новый «господствующий класс».

Но привести к власти «новый слой фюреров» было еще мало, надо было выработать достаточно надежную форму управления разношерстной массой новоиспеченных бонз, обеспечить их беспрекословное повиновение. Для этого Гитлер ввел сложнейшую иерархию привилегий, которые получил весь руководящий слой нацистского общества, а также небольшая часть рабочего класса, крестьянства, интеллигенции.

Различные круги нацистских верхов пользовались строго дифференцированными привилегиями: так, член нацистской партии имел определенные преимущества по сравнению с беспартийным немцем (при занятии должностей, при поступлении в учебные заведения и т. д.); штурмовик, в свою очередь, был на ступеньку выше простого члена партии – он получал казенный мундир, мог претендовать на более высокие посты в партии, получал вознаграждение за участие в различных акциях СА, у него были свои особые клубы и т. д.; над штурмовиком стоял эсэсовец, он олицетворял собой «высшую расу» среди массы немцев, одевался и питался, как правило, за казенный счет, был «солдатом партии». Такого же рода градацию благ Гитлер установил и среди партийных руководителей различного ранга: блоклейтеров (нацистская партия, как писалось выше, строилась по территориальному признаку: блоклейтер был руководителем местной организации – квартала), ортсфуппенлейтеров, крейслейтеров, гаулейтеров. Каждая из этих должностей была связана с определенными, часто весьма немаловажными привилегиями.

Перемещение из одной привилегированной касты в другую было связано либо с ощутимым улучшением материального положения, либо с чувствительными потерями. «Фюрер дал, фюрер может отнять», – этот тезис упорно вдалбливался в головы членов партии, членов примыкавших к ней организаций и чиновников.

Важную роль в политике НСДАП играли расизм и антисемитизм. Расизм создавал чувство превосходства, ощущение своего «особого» положения в обществе у всех, кто был им заражен (а заражены им были в годы нацизма миллионы немцев). Нацистская пропаганда сумела внушить обывателю, что уже одна принадлежность к «арийской» расе возвышает его над представителями всех других наций. Чистый «ариец» имел существенные привилегии по сравнению с «неарийцем». Он имел право учиться в университетах, посещать театры и кафе и даже (в дальнейшем) покупать товары, которые были дефицитными и считались «предметами роскоши» (во время войны в эту рубрику входил и кофе). Наконец, «арийцам» обещали в будущем власть над всей Европой, над всеми народами мира.

Сразу же после прихода фашистов к власти он, и стали в государственном порядке насаждать антисемитизм. 1 апреля 1933 года был организован сверху а общегерманском масштабе еврейский погром: нацисты объявили бойкот владельцам магазинов, предпринимателям, врачам и адвокатам еврейского происхождения. Бойкот сопровождался уничтожением магазинов, контор и врачебных кабинетов, избиениями и убийствами. В 1935 году антисемитские мероприятия были «кодифицированы». Нюрнбергский съезд нацистской партии (он был официально назван «съездом победивших») принял пресловутые «расовые законы», которые были утверждены рейхстагом 15 и 16 сентября. Законы установили различие между «государственной принадлежностью» и «гражданством». Гражданином

Германии мог стать только «ариец». Ему выдавалось специальное удостоверение – «имперская грамота о гражданстве», подтверждавшая его принадлежность к «высшей расе». Браки между «арийцами» и «неарийцами» были строжайше запрещены. А внебрачное сожитие между представителями «высшей» и «низшей расы» каралось заключением в концлагерь. К этому прибавлялся еще ряд мелких, унижительных предписаний, которые должны были растоптать человеческое достоинство и честь немалой части населения Германии.

Во даже позорные «расовые законы» меркли перед варварской расистской политикой, которую нацисты проводили начиная с 1933 года. Конечная цель Гитлера заключалась в окончательном истреблении «низших рас». И миллионы немцев должны были стать соучастниками этого чудовищного преступления. Каждое антисемитское выступление, бесчестный, трусливый или подлый поступок по отношению к соседу или товарищу по работе, а тем более любое косвенное или прямое участие в погромах, избиениях и в истреблении миллионов собственных граждан и многих миллионов жителей других стран в печах Освенцима, Майданека, Трешлинка связывало немцев с фашистским режимом железными путями общей вины и, следовательно, общей ответственности. А это прямо входило в расчеты Гитлера.

Вчерне процесс создания государственной системы фашизма, системы «третьего рейха» был закончен к июлю 1933 года. С этого времени особенно остро встал вопрос о перестройке нацистской партии, о приспособлении ее к тому положению, когда она из оппозиционной превратилась в господствующую. Как показали события, эта перестройка не прошла безболезненно.

С 1 по 3 июля 1933 года в маленьком «курортном городке Бад-Рейхенхалль проходило совещание высших руководителей СА и СС. На нем Гитлер впервые объявил, что нацистская «революция» в Германии закончена и теперь следует заняться «мирной» работой. Кончилось время, когда штурмовики и эсэсовцы были орудием борьбы против старой власти. Ныне они сами являются орудием власти.

Более подробно на эту же тему фюрер высказался на совещании имперских наместников в Берлине 6 июля. «Революция, – сказал он, – не является перманентным процессом, ее нельзя превратить в постоянное состояние. Надо перевести свободный поток революции в надежное русло эволюции». Гитлер выступил против тех, кто «все время ищет повода, чтобы продлить революцию», и провозгласил главной задачей нацистской партии обеспечение и укрепление тех позиций, которые уже завоеваны. «Партия, – воскликнул он, – теперь стала государством!»

Тождество партии и государства – иными словами, партийного аппарата нацистов и государственных органов – таков был один из главных принципов нацистского учения. Дополнением к этому принципу служила и другая догма: «партия – это фюрер». Таким образом, партийный аппарат НСДАП даже чисто теоретически получал право вмешиваться в управление государством, а Гитлер приобрел неограниченную власть над немецким народом.

Новые задачи нацистской партии были наиболее полно определены фюрером на совещании гаулейтеров в Берлине 2 февраля 1934 года. Став единоличным правителем страны, Гитлер, как уже говорилось выше, задумал перестроить партию по-новому, ведь она уже не была больше единственным орудием его власти. В распоряжении Гитлера теперь оказалось множество средств, при помощи которых он осуществлял свою диктатуру.

Каждому из них следовало отвести определенную роль, разделить их функции.

Фактически партия стала для фюрера орудием воздействия и давления на народ, во-первых, и резервуаром, из которого он черпал кадры для гигантски разросшегося государственного аппарата и различных паразитически-бюрократических «общественных» организаций, без которых была невозможна нацистская диктатура, во-вторых.

С этой точки зрения Гитлер и начал целеустремленно проводить в жизнь задуманную им реконструкцию НСДАП, которая свелась к еще большему «завинчиванию гаек», к еще

большому запугиванию рядовых членов – словом, к искоренению «крамолы» и к новому насаждению принципа фюрерства.⁵⁴ Очередная чистка нацистской партии в новых условиях была неизбежна. Но на этот раз она прошла в весьма своеобразной форме – в виде резни, устроенной Гитлером в июне 1934 года.

30 июня 1934 года

В литературе о Гитлере до сих пор еще дебатруется вопрос: существовала ли вообще в конце июня 1934 года угроза путча штурмовиков, действительно ли оппозиция намеревалась сместить Гитлера и даже, как утверждали нацисты, убить его?

Исследование документов, опубликованных после войны, не оставляет, на наш взгляд, сомнений в том, что ни о каком путче руководители штурмовиков не помышляли и никаких планов убийства Гитлера не имели. Это, конечно, не означает, что не было реальных разногласий между различными группировками в гитлеровской партии, представлявшими нередко разные социальные прослойки или группы населения. Как будет показано ниже, подобного рода противоречия существовали и между штурмовиками – выходцами из разорившихся средних слоев населения, настроенных антимонополистически (включая и значительную часть руководящего состава СА), и официальной нацистской бюрократией, ориентировавшейся на союз с монополистами. Однако организованной попытки свергнуть Гитлера с их стороны не было и быть не могло.

Гизевиус, сотрудник абвера, имевший возможность наблюдать за тем, как Гитлер готовился к расправе над штурмовиками, показал на Нюрнбергском процессе: «Я должен прежде всего сказать, что ремовского путча никогда не существовало... Так называемый «путч» 1934 года состоял в том, что отряды СА в тот день вообще не собирались, а так называемые «государственные изменники» – Рем и Хейнес спали мертвым сном после пьяной оргии в часе езды от Мюнхена; они даже не подозревали, что, по утверждению Гитлера и Геринга, за несколько часов до этого организовали путч». Это описание, безусловно, соответствует фактам. Можно добавить к нему, что некоторые руководители «путча», намеревавшиеся якобы убить Гитлера, умерли от пуль эсэсовцев с возгласом: «Да здравствует фюрер!»

Акция против штурмовиков была хладнокровно подготовлена и проведена Гитлером, Гиммлером, Герингом и Геббельсом как чисто «превентивная мера», преследовавшая одновременно несколько целей.

Во-первых, она должна была сплотить нацистскую партию вокруг фюрера на новом этапе развития гитлеровского государства, «преподать урок» недовольным, всем тем элементам, которые ждали от прихода к власти фюрера чего-то большего, нежели он мог и намерен был дать.

Во-вторых, расправа над «путчистами» должна была успокоить те могущественные закулисные силы, от которых, в конечном счете, как это хорошо понимая Гитлер, в то время зависела судьба нацистской диктатуры и самого диктатора, – немецкие монополии.

В-третьих, эта расправа призвана была обеспечить Гитлеру полную поддержку рейхсвера, который оставался главной опорой милитаристов и к тому времени обладал еще некоторой независимостью. Огромная армия штурмовиков была просто-таки «противопоказана» кадровым военным, видевшим в ней соперника. Ведь в СА оказалось свыше двух миллионов человек, а это было в двадцать раз больше, чем насчитывал в то время рейхсвер.

И в-четвертых, Гитлер избавлялся от Рема, который был одним из немногих

⁵⁴ Уже после прихода к власти Гитлер назвал НСДАП «рыцарским орденом», а Розенберг, подхватив это выражение, заявил, что вся «третья империя» является «немецким орденом государством», наподобие тевтонских рыцарских союзов.

нацистских главарей, «законно» претендовавших на первые роли в государстве и партия. В своих честолюбивых претензиях Рем опирался на мощь штурмовых отрядов. Он был по-настоящему опасен Гитлеру. К тому же в рядах штурмовиков особой популярностью пользовалась социальная демагогия нацистов, которая было явно не к месту после того, как они пришли к власти. А штурмовики этого еще не уразумели, в организациях СА преобладали выходцы из средних слоев, мелкие буржуа, которые, как известно, были главной массовой опорой нацистского движения. И это обстоятельство отразилось на позиции и взглядах руководителей штурмовиков и самого Рема.

О позиции СА в тот период можно судить по двум важнейшим документам: по статье Рема, опубликованной в «теоретическом» органе нацистов «Национал-социалистише монатсхефте» в июне 1933 года, и по его речи перед представителями дипломатического корпуса и иностранными журналистами 18 апреля 1934 года.

В первом из названных документов Рем прямо говорит об особом положении СА в нацистском государстве. «СА и СС (в то время эсэсовские отряды формально еще входили в состав СА. – Авт.) являются краеугольным камнем грядущего национал-социалистского государства. Это их государство, за которое они боролись и которое они будут отстаивать». Здесь же главарь штурмовиков сформулировал ставшее впоследствии известным выражение о «второй революции». «СА и СС не потерпят, – писал он, – чтобы германская революция заснула на полдороге».

В речи перед дипломатическим корпусом Рем сделал особый упор на якобы «социалистические» требования СА. «Мы совершили не просто национальную революцию, – воскликнул он, – а национал-социалистическую, причем мы придаем особый вес слову «социалистическую».

«Социализм» Рема был пережитком старых времен, тех времен, когда псевдосоциалистическая фразеология нужна была Гитлеру, Штрассеру, Рему и К° для привлечения широких масс. С пролетарским социализмом этот «социализм» – смесь казармы, боевого устава и мелкобуржуазной уравниловки, одобренная звонкими фразами о борьбе с плутократией, – ничего общего не имел. Не случайно Гитлер назвал наиболее «социалистическим» учреждением рейха армию Со своей стороны немецкие коммунисты метко окрестили – проповедуемое нацистами псевдосоциалистическое учение социализмом военного мундира».

То была идеология разоряющемуся мелкой буржуазии, которая видела в лице рабочего класса своего главного врага, смертельно боялась «пролетаризации» и вместе с тем, сознавая свою неспособность подняться до уровня классть имущих, т. е. до уровня крупного капитала, была исполнена глухой ненависти к «плутократам» – владельцам больших универсальных магазинов, процветающих банков, гигантских концернов и трестов. Мелкобуржуазно-реакционный «социализм военного мундира», социализм Штрассера и Рема предполагал превращение всей Германии в колоссальный концлагерь, в котором представители среднего сословия имели бы «равные шансы» на то, чтобы стать надсмотрщиками и палачами, прерваться в «высшие сферы» и обогатиться за счет серой и безликой массы простолюдинов, за счет «презренных пролетариев».

Но и эта архиреакционная идеология могла стать опасной для правящих классов. Крупп, Феглер, Флик и другие магнаты капитала мирились с ней лишь до поры до времени. И когда «горячие головы» в нацистской партии стали проводить меры, направленные на то, чтобы удовлетворить ожидания определенных кругов мелкой буржуазии, капиталисты встревожились.

Да и как им было не тревожиться, если некоторые нацистские партийные руководители начали активно вмешиваться в дела бизнеса. Так, Отто Вагнер, заведующий экономическим отделом нацистской партии, пытался диктовать «Объединению немецких работодателей», в котором участвовали представители главных промышленных концернов Германии, негодные крупному капиталу законы. Руководитель нацистского «Боевого союза среднего сословия» Адриан фон Рентельн стал президентом «Объединения торговых палат» и начал

кампанию против крупных универсальных магазинов. Министр сельского хозяйства Вальтер Дарре объявил, что намерен снизить проценты на ссуды, выдаваемые банками, до 2 % в год, чем немало напугал крупных банкиров. Активизировался также Готфрид Федер – автор нацистской программы, содержавшей ряд демагогических требований, направленных против власть имущих.

Гитлер поспешил успокоить промышленников и банкиров. В конце июня 1933 года он призвал в свой кабинет в качестве министра экономики (на место Гутенберга) директора крупнейшего страхового общества Германии «Альянс» доктора Шмитта, надежного человека монополий; Вагнер был уволен и на его место назначен Кепплер, противник Федера и доверенное лицо Крупна. Кепплер был утвержден на посту президента «Имперской промышленной палаты». «Боевой союз среднего сословия» Гитлер вообще распустил. Специальным распоряжением Гесса было запрещено участие членов партии в акциях, направленных против крупных торговцев. Всякие разговоры о снижении процентов на ссуды прекратились. Одновременно Гитлер решительно выступил против лозунга о «второй революции». 11 июля 1933 года министр внутренних дел Фрик разослал циркулярное письмо имперским наместникам,⁵⁵ в котором указывалось: «В своих последних выступлениях перед руководителями СА и имперскими наместниками фюрер ясно указал, что немецкая революция закончена... Важнейшей задачей имперского правительства является теперь укрепить в идеологическом и экономическом отношениях объединенную тотальную власть. Выполнение этой задачи ставится, однако, под величайшую угрозу дальнейшими разговорами о продолжении революции или о второй революции. Тот, кто ведет эти разговоры, должен ясно осознать, что он восстает против фюрера и что с ним соответствующим образом поступят».

Тем не менее разговоры о «второй революции» продолжались. Мероприятия Гитлера, о которых говорилось выше, вызвали озлобление в довольно широких кругах нацистов. Рупором этих кругов и стала верхушка СА во главе с Ремом.

Рам не намеревался складывать оружия. В августе 1933 года он устроил внушительный парад СА на Темпельгофском поле в Берлине и заявил восьмидесяти тысячам штурмовиков: «Тот, кто думает, что задачи СА уже выполнены, должен будет привыкнуть к мысли, что мы еще существуем и намерены остаться на своих постах, чего бы это нам ни стоило». В упомянутом выше выступлении перед дипломатическим корпусом Рем обрушился на «реакционеров», примазавшихся к нацистскому движению, и обещал, что штурмовые отряды выведут МХ всех на чистую воду. «Боец в коричневой рубашке (т. е. штурмовик. – Авт.), – заявил он, – с первых дней маршировал по дороге революции (т. е. подготовки и проведения нацистского переворота. – Авт.), и он ни на шаг не сойдет со своего пути, пока не будет достигнута конечная цель...»

Сильно обострились старые противоречия между СА и рейхсвером. Вот что показал по этому вопросу Геринг на Нюрнбергском процессе: «Главные противоречия между нами и Ремом заключались в следующем: Рем хотел идти более революционным путем; после взятия власти он стремился всеми силами получить в свои руки военное министерство. Это категорически отклонил фюрер».

По замыслам Рема, ведущую роль в вооруженных силах нацистской Германии должны были играть штурмовые отряды. Их он намеревался «слить» с рейхсвером. А поскольку в численном отношении штурмовики намного превосходили рейхсверовцев, главенствующее положение в новой армии заняли бы руководители СА. В феврале 1934 года Рем направил кабинету министров письмо, в котором предложил создать «народную армию» из рейхсвера и СА и образовать специальное министерство, которому были бы подведомственны как армия, так и военизированные отряды, объединения фронтовиков и т. д. Ясно было, что на

⁵⁵ Согласно закону от 7 апреля 1933 года, так называемые имперские наместники стояли во главе всех земель за исключением Пруссии, где сам Гитлер выполнял эти обязанности. Наместникам надлежало следить за соблюдением имперских законов.

пост военного министра Рем прочит самого себя.

Словом, Рем явно покушался на власть кадровых военных в новом рейхе, и руководство рейхсвером не могло не принять свои контрмеры. Оно апеллировало к Гинденбургу. А в марте 1934 года Бломберг направил письмо Гитлеру, в котором обратил его внимание еще и на другой факт: руководство СА создало специальную службу для охраны своих штабов, которая была вооружена винтовками и пулеметами. Это было нарушением соглашения между Гитлером и генералами, согласно которому рейхсвер должен был оставаться единственной вооруженной силой в стране.

Гитлер решительно встал на сторону рейхсвера. Затея Рема была отклонена. Решающие переговоры об урегулировании возникших проблем происходили между Гитлером и генералами рейхсвера на броненосце «Дойчланд» 11 апреля 1934 года. Фюрер поднялся на борт броненосца в Киле по случаю морских маневров. Его сопровождали генерал Бломберг (военный министр), генерал Фрич (главнокомандующий армией) и адмирал Редер (главнокомандующий флотом). Договаривающимся сторонам было ясно, что дни Гинденбурга сочтены и что в связи с этим вскоре встанет вопрос о его преемнике «а посту главы государства и!на посту главнокомандующего вооруженными силами Германии. Все исследователи истории нацистской Германии сходятся на том, что во время встречи на борту броненосца «Дойчланд» состоялся новый сговор Гитлера с генералами; в обмен на обещание отклонить претензии штурмовых отрядов и обеспечить рейхсверу положение единственной вооруженной силы в стране генералы согласились на то, чтобы наследником Гинденбурга стал Гитлер.

Таким образом, решение о радикальных мерах против штурмовиков было принято Гитлером уже в апреле. Однако проходили недели, а фюрер так и не решался нанести удар. Вместе с тем требования СА становились все громче и настойчивей. Поэтому и промышленники и генералы решили оказать дополнительный нажим на фюрера.

Свое недовольство медлительностью Гитлере и активизацией «радикально настроенных элементов» промышленники выразили устами Палена, причем выразили публично и в довольно резкой форме. Это было серьезным предупреждением Гитлеру со стороны крупного капитала. Имеется в виду известное выступление фон Папена в Марбургском университете 17 июня 1934 года.

Папен начал речь в патетическом тоне. Он заявил, что считает своей обязанностью зорко следить за развитием событий в Германии, т. к., по утверждению многих (это было явным намеком на тех, кого он представлял, т. е. на крупных капиталистов), он, Папен, решающим образом содействовал приходу нацистов к власти. Далее Папен указал, что в ходе нацистской «революции» образовалось немало «шлака». «Чуждые духу нацизма силы за рубежом, – сказал Папен, – где с неодобрением относятся к нам, тычут пальцами в этот шлак и рассматривают его как серьезный признак разложения», Папен подчеркнул, что нацистская – «революция» может носить лишь консервативный характер. «Руководство (нацистской партии, – Авт.), – довольно угрожающе заявил он, – обязано следить за тем, чтобы в стране не развернулась вновь под иными знаменами классовая борьба».

Далее Папен прямо коснулся разговоров о «второй революции» и требований огосударствления некоторых отраслей промышленности. «Тот, кто безответственно носит с подобными мыслями, – продолжал он, – должен отдать себе отчет в том, что за «второй волной» легко может последовать третья и что тот, кто угрожает гильотиной, почти наверняка падет ее жертвой... Сейчас много говорят о предстоящей социализации. Но разве мы совершили свою антимарксистскую революцию ради того, чтобы осуществить программу марксизма?»

Наконец, вице-канцлер от имени уполномочивших его монополий поставил Гитлеру определенные условия. «Государство, – сказал он, – должно быть единственной властью в стране... Государство не может длительное время терпеть дуализм власти: от решения вопроса о том, удастся ли преодолеть этот дуализм между партией и государством, зависит будущее нашего народа».

В условиях нацистской диктатуры подобное выступление могло стоить головы «оппозиционеру». Первоначально Гитлер решил, по-видимому, «проучить» Папена. Газета «Франкфуртер цайтунг», поместившая речь Папена, была конфискована, распространение брошюры с текстом речи запрещено. Но вскоре Гитлеру стало ясно, что выступление вице-канцлера состоялось не по его инициативе. 20 июня Папен пришел к Гитлеру и энергично потребовал положить конец деятельности «радикальных элементов» в партии. Между Гитлером и Папеном произошло бурное объяснение. Папен угрожал не только собственной отставкой, но и отставкой еще двух консерваторов – фон Нейрата (министра иностранных дел) и фон Крозигка (министра финансов).

Уже на следующий день, когда Гитлер явился к Гинденбургу, он понял, что Папен действует по согласованию не только с промышленниками, но и с президентом и верхушкой рейхсвера. Присутствовавший на этой встрече Бломберг заявил, что если «неясная ситуация» будет продолжаться, президент введет чрезвычайное положение и передаст всю полноту власти рейхсверу. Через несколько дней, 25 июня, главнокомандующий армией Фрич объявил «боевую тревогу» в войсках. Были отменены все отпуска, солдатам приказали оставаться в казармах. Вслед за тем Рема исключили из «Германского союза офицеров». Это было открытое объявление войны штурмовикам. Фюрер понял, что за Папеном стоят солидные силы и что времени терять нельзя.

Почему же Гитлер в течение двух недель колебался, не проявлял хваленой «тевтонской решительности»?

На наш взгляд, дело заключалось в том, что расправа со штурмовиками была связана с определенным риском, и поэтому ее необходимо было тщательно подготовить. Гитлер лучше, чем кто бы то ни было, зная, что руководство СА на данном этапе не помышляет о государственном перевороте. Но пытаться лишить СА завоеванных позиций, объявить войну штурмовикам было отнюдь не так уж безопасно. Штурмовые отряды являлись единственными вооруженными формированиями партии. На Нюрнбергском процессе Геринг показал, что в подвалах штаб-квартиры СА в Берлине после событий 30 июня 1934 года обнаружили больше пулеметов, чем было у всей прусской полиции. К тому же штурмовики беспрекословно слушались главаря СА Рема. Все это требовало осторожности, секретности, внезапности.

В событиях 30 июня в полной мере проявились коварство и жестокость нацистского диктатора. Резню среди своих сторонников он подготовил с иезуитской хитростью и хладнокровием.

Прежде всего Гитлер усыпил бдительность штурмовиков. Для этой цели он обласкал Рема, сделав вид, будто все разногласия между «ими улажены. Еще в феврале 1934 года фюрер направил Рему необычайно теплое письмо, в котором превозносил его заслуги. «Мне хочется, – писал он, – высказать благодарность тебе, мой дорогой Эрнст Рем, за незабываемые услуги, которые ты оказал национал-социалистскому движению... и объяснить тебе, насколько я благодарен судьбе, что могу назвать такого человека, как ты, моим другом и боевым соратником».

В начале июня Гитлер вызвал Рема к себе и имел с ним пятичасовую беседу. Он заверял его, что не собирается предпринимать никаких акций против СА. Кроме того, он посоветовал Рему предоставить месячный отпуск своим штурмовикам – с 1 июля по 1 августа. Одновременно было договорено, что Гитлер примет участие в совещании высших руководителей СА, которое – было намечено созвать 30 июня в Бад-Висзее, близ Мюнхена. Там и предполагалось окончательно уладить все «недоразумения» между фюрером и Ремом. Как мы увидим дальше, они в этот день были действительно «улажены», но весьма своеобразным способом.

В середине июня состоялась секретная встреча Геббельса с Ремом, во время которой министр пропаганды должен был вновь заверить главу штурмовиков в благосклонности фюрера к его персоне и одновременно выведать намерения Рема. Наконец, в это же время Гитлер встретился с Грегором Штрассером, считавшимся до 1933 года вторым человеком в

нацистском движении. Неожиданно для Штрассера Гитлер предложил ему пост министра экономики. Официально было заявлено, что Штрассер «признал свои ошибки» и что поэтому фюрер вновь доверил ему важный пост. В действительности Гитлер намеревался уничтожить Штрассера и хотел усыпить его подозрения.

С начала июня Гитлер начал втайне готовить отряды палачей, которые должны были осуществить расправу над его бывшими друзьями. Это чрезвычайно «деликатное» дело было поручено рейхсфюреру СС Гиммлеру. Мы уже говорили, что формально отряды СС в 1934 году входили в состав СА, а это значило, что Гиммлер, имперский руководитель СС, подчинялся Рему. Поэтому от Гиммлера требовались сугубая осторожность и конспирация. Чтобы облегчить Гиммлеру его задачу, фюрер неожиданно для всех непосвященных назначил его руководителем прусского гестапо. Теперь он стал более независимым от Рема и вместе с Герингом (министр-президентом Пруссии и начальником прусской полиции) мог подготавливать акцию. Геринг и Гиммлер составили список карателей из особо доверенных эсэсовцев (большинство этих людей впоследствии было тоже ликвидировано).

Йоахим Фест пишет о последних приготовлениях к расправе над руководителями СА: «Режиссерам, державшимся в тени, не хватало лишь одного – мятежа, против которого все их обширные приготовления якобы и были направлены. В действительности же штурмовые отряды вели себя спокойно, часть штурмовиков уже ушла в отпуск, осведомительная деятельность СС, длившаяся неделями, не дала никаких результатов, которые могли бы оправдать кровавую расправу... Пришлось Гиммлеру самому разыграть предусмотренный в сценарии «мятеж» СА».

По Берлину был пущен слух, будто штурмовые отряды собираются развязать новую, «вторую» революцию, что руководители СА отказываются, мол, повиноваться фюреру, что они хотят захватить власть и провозгласить фюрером Рема. В столице начали распространяться самые фантастические рассказы о предательских намерениях штурмовиков.

Лишь после того, как приготовления были полностью завершены, Гитлер приступил к действиям. 29 июня он отправился в Эссен. Официально было заявлено, что фюрер поехал на свадьбу гаулейтера Эссена Тербовена. Фактически, однако, эта поездка преследовала двоякую цель: Гитлер хотел отвлечь внимание Рема от готовившейся резни, а также считал необходимым встретиться с Крупном и Тиссенем, чтобы проинформировать их о предстоящих событиях и вновь получить их благословение. Еще раз подтвердился тот факт, что ни одна из важных политических акций фюрера, даже такая акция, как уничтожение бывших сообщников, не совершалась без предварительного согласования с представителями крупного капитала.

В Эссене собрались основные актеры подготавливаемой кровавой драмы: Гитлер, Геринг, Гиммлер. Роли были распределены. Фюрер взял на себя расправу с Ремом в Бад-Висзее. Геринг и Гиммлер направились в столицу, чтобы руководить расстрелом берлинской верхушки СА. В последнюю минуту к участию в расправе был привлечен и Геббельс – Гитлер не забыл, как решительно и ловко Геббельс в 1926–1927 гг. предал Штрассера и переметнулся на его сторону; было бы «несправедливо» не дать ему достойно завершить начатое дело – застрелить бывшего начальника и покровителя.

Ночь с 29 на 30 июня Гитлер провел в Годесберге, недалеко от Эссена. Сюда он вызвал Геббельса, шефа нацистского отдела печати Отто Дитриха и будущего начальника штаба СА (т. е. преемника Рема) Виктора Лютце, В два часа ночи с близлежащего аэродрома «Хангелер» Гитлер вылетел в Мюнхен.

Там акция против СА уже шла полным ходом. Проводила ее группа особо доверенных лиц, куда входили: бывший барышник и запойный пьяница Кристиан Вебер, многолетний шофер Гитлера Эмиль Морис (впавший в немилость и жаждавший реабилитировать себя), бывший взломщик Йозеф Бертольд и другие. Руководил им, и председатель нацистского партийного суда Бух. Действовать эта группа начала после того, как получила ночью телеграмму Гитлера из Годесберга. По этому сигналу эсэсовцы ворвались в штаб-квартиру

руководителей СА, с которыми они только что вместе бражничали, и арестовали их, Когда Гитлер прибыл в Мюнхен, тамошняя верхушка СА во главе с обергруппенфюрером СА Шнейдхубером уже сидела в надежном месте – в помещении министерства внутренних дел Баварии. Гитлер набросился на Шнейдхубера, сорвал с него погоны, плюнул ему в лицо. Вид у фюрера был страшный: глаза вылезали из орбит, на лоб свисала потная прядь, он захлебывался от крика.

Из Мюнхена Гитлер двинулся в сопровождении большого отряда вооруженных эсэсовцев в Бад-Висзее, где находился Рем и «цвет» СА. «Заговорщики», не подозревавшие, что они по версии Гитлера как раз в это время руководят путчем штурмовиков, лежали в постелях в отеле «Гензльбауэр» и спали мертвым сном. Всю ночь они пьянствовали и развратничали и только под утро разошлись по своим комнатам. Вот как описал Розенберг в своем личном дневнике сцену прибытия Гитлера в Бад-Висзее: «В сопровождении отряда СС фюрер отправился в Висзее и тихо постучал в дверь к Рему. «Разрешите доложить о сообщении из Мюнхена», – сказал он, изменив голос. «Входи! – крикнул Рем, приняв фюрера за своего адъютанта. – Дверь открыта».

Тогда Гитлер распахнул дверь и набросился на лежавшего в постели Рема, схватил его за горло и закричал: «Ты арестован, свинья!»... Сначала Рем не хотел одеваться. Тогда ему бросили в лицо одежду и заставили встать. В соседней комнате гомосексуалист Хейнес лежал со своим мальчиком. Хейнес разревелся: «Мой фюрер, я с ним ничего не делал»... В коридоре фюреру попался вертлявый мужчина с нарумяненными щеками: «Кто вы такой?» «Я слуга господина начальника штаба», – ответил этот приближенный Рема.

...Фюрер приказал собрать «мальчиков» в подвале отеля и всех без исключения перестрелять».

Последние часы гомосексуалиста Рема – «первооткрывателя» Гитлера и его ближайшего сподвижника, всемогущего шефа СА, описал на Нюрнбергском процессе Ганс Франк, баварский министр юстиции, ставший впоследствии «генерал-губернатором» в Польше. «В шесть утра, – показал он, – команды СС доставили к нам (в тюрьму Штадельхейм в Мюнхене. – Авт.) около двухсот штурмовиков... Из препроводилки я узнал, что арестована вся верхушка СА и все начальники отделов центрального штаба СА... За час до полудня привезли и самого Рема, его адъютантов и личную охрану... Я велел открыть его камеру и вошел. Он обрадовался мне и сказал: «Что происходит? Фюрер попал под влияние моих смертельных врагов. Задумал уничтожить СА»... Потом Рем пожал мне руку со словами: «все революции пожирают своих детей».

Рему передали в камеру пистолет, но он отказался покончить жизнь самоубийством. Тогда два эсэсовца подошли к камере, распахнули дверь и открыли огонь: «Мой фюрер! Мой фюрер!» – крикнул Рем перед смертью».

О событиях в Берлине рассказал Гизевиус – также свидетель на Нюрнбергском процессе: «Я лично мог наблюдать, как произошел «путч» в Берлине. О нем ничего не знали ни полиция, ни СА. Один из мнимых главных путчистов, группенфюрер СА Карл Эрнст, за четыре дня до 30 июня не на шутку встревожился из-за распространившихся в Берлине слухов о путче. Он попросил у министра внутренних дел Фрика аудиенцию и заверил его, что штурмовики не помышляют о мятеже. Я сам устроил эту оригинальную встречу, во время которой один из руководителей СА клялся имперскому министру внутренних дел, что СА не собираются устраивать путч. Затем Эрнст отправился отдыхать на остров Мадейру. Его арестовали на пароходе, который еще не успел отплыть, и самолетом доставили в Берлин на расстрел. Я сам видел, как он прибыл на аэродром «Темпельгоф», и меня это весьма удивило, поскольку за несколько часов до этого я прочел в газетах официальное сообщение о казни Эрнста». Последние слова Эрнста перед расстрелом были: «Да здравствует фюрер!»

В Берлине чисткой занимались Геринг и Гиммлер, которые расправились не только с руководителями СА, но и с другими лицами, негодными фюреру. В ночь с 29 на 30 июня и в течение последующего дня вместе со многими штурмовиками были расстреляны также

генерал Шлейхер и его жена, друг Шлейхера и бывший его адъютант фон Бредов, руководитель объединения «Католическое действие» Клаузенер, два близких сотрудника Папена Бозе и Юнг (последний считается автором марбургской речи Папена), фон Лоссов, которому Гитлер так и не простил его уничижительной речи на процессе в связи с «пивным путчем», и многие другие. Вторым человеком в НСДАП Грегор Штрассер был арестован днем 30 июня, препровожден в гестаповскую тюрьму на Принц-Альбрехтштрассе и там казнен.

О последних часах жизни Грегора Штрассера рассказывает в своих воспоминаниях, опубликованных в 1969 году, его брат Отто, который, как мы знаем, порвал с Гитлером еще до 1933 года. При этом Отто Штрассер ссылается на сообщение одного эсэсовца, который, по его словам, служил в штабе СА, а после 1934 года бежал за границу. Имени этого эсэсовца Отто Штрассер не называет. Вот его сообщение:

«Ваш брат был привезен к нам 30 июня и посажен в камеру 16. Все приветствовали его с глубоким уважением и нескрываемым удивлением. Никто не знал, за что он был арестован. Грегор держался спокойно и производил впечатление человека, который покончил все счеты с жизнью. Через некоторое время он попросил дать ему кофе и сигареты. И то и другое было принесено. Потом он прилег на койку, которая стояла справа от двери. Примерно в 16 часов 30 минут прибыли два видных эсэсовца, по-моему, это были Гейдрих и Эйке, в сопровождении двух шарфюреров они подошли к камере 16, в которой лежал ваш брат. Вытащили револьверы и начали стрелять через «глазок» в ничего не подозревавшего Штрассера. Раненый, он вскочил и попытался спрятаться в дальнем углу от пуль. Но тут они открыли дверь и прикончили его».

Казни продолжались весь день 1 июля и ночью с 1 на 2 июля. Чтобы отвлечь внимание от оргии убийств, Гитлер устроил вечером 1 июля пышный прием в саду имперской канцелярии. Во время приема ему приносили сведения о новых расстрелах. В специальной речи, посвященной событиям 30 июня, Гитлер сообщил, что всего было казнено 58 человек и убито «случайно» 19 человек. В изданной в 1935 году в Париже «Белой книге» о событиях 30 июня было поименно названо 116 человек, умерщвленных Гитлерами. Общее число жертв, по сведениям «Белой книги», достигало 401 человека, однако и эти данные, по-видимому, приуменьшены.

Мы подробно остановились на событиях 30 июня потому, что они знаменуют важный этап в становлении кровавой диктатуры фюрера и вместе с тем характеризуют механизм власти, созданный Гитлером. Наподобие того, как движение турбины зависит от доступа к ее лопастям мощных потоков воды, так и колеса государственной и партийной машины Гитлера могли вращаться только при непрерывном и, мы бы сказали, бесперебойном чередовании кровавых событий, катастроф, провокаций, убийств. Поэтому история фашизма и есть история преступлений, а биография Гитлера – биография преступника.

Расправа 30 июня 1934 года была резней среди бандитов, и отнюдь не жалость к жертвам Гитлера, Геринга и Гимmlера – как правило, таким же бандитам – привела в ужас мировую общественность, когда она узнала о событиях «ночи длинных ножей» (этим «романтическим» кодовым названием, взятым из разбойничьего лексикона, нацисты окрестили свои «подвиги» 30 июня). Ее поразили циничное пренебрежение Гитлера всякой законностью, возведение в государственный абсолют практики тайных убийств, открытое возвеличение предательства как добродетели и, наконец, кровожадность нацистского фюрера.

Истребление сотен сторонников Гитлера самим же Гитлером – казалось бы, совершенно бессмысленное – имело свою логику. Оно принесло фюреру весьма ощутимые выгоды.

Акция Гитлера укрепила его позиции в правящем лагере Германии, среди промышленников, банкиров, высшей знати, военных. Многие крупные магнаты, считавшие, что после расправы над штурмовиками кончатся разговоры о «социализации» и «ликвидации процентного рабства», о «второй революции» и т. д., прислали Гитлеру поздравительные телеграммы.

Далее. Гитлер продемонстрировал свое твердое намерение придерживаться соглашения с рейхсвером: это дало ему двойной выигрыш – безоговорочную поддержку рейхсвера и уверенность в том, что он станет наследником Гинденбурга. 1 июля Бломберг отменил «боевую тревогу» в армии и издал приказ, в котором говорилось: «Вермахт как вооруженная стража народа... благодарит фюрера и выражает ему чувство глубокого доверия и преданности». По желанию генералов рейхсвера акцию Гитлера поддержал и президент, находившийся на смертном одре, 2 июля Гинденбург послал такую телеграмму Гитлеру: «Вы спасли германский народ от большой опасности. За это я выражаю Вам свою глубокую благодарность и признательность».

Наконец Гитлер «навел порядок» в нацистской партии. Он показал, что никакой оппозиции, никакого инакомыслия терпеть не намерен. В этом смысле расстрел таких деятелей, как Рем и Штрассер, приобрел прямо-таки символическое значение. Ведь оба они являлись самыми старыми соратниками фюрера. Рем и Грегор Штрассер были единственными руководящими деятелями партии нацистов, с которыми Гитлер был на «ты». После событий 30 июня Розенберг записал в своем дневнике: «Таким образом, первый военный советник фюрера и первый его политический советник нашли свою смерть». Беспощадная расправа с такими людьми должна была особо устрашающе подействовать на всю партию.

* * *

Итак, к середине 1934 года сложилось черне фашистское кастовое государство. Оно представляло собой особую форму государственно-монополистического капитализма, в которой наиболее агрессивные и реакционные силы играли ведущую роль. Поэтому рассмотрение взаимоотношений рейхсканцлера Гитлера с промышленниками в «третьем рейхе» имеет важное значение.

Гитлер и промышленники

Вопрос об отношении Гитлера к германским промышленникам, особенно после 1933 года, является одним из наименее освещенных в литературе о «третьем рейхе» на Западе. Определенным вкладом в исследование этой проблемы можно считать книгу Г. Хальгартена «Гитлер, рейхсвер и промышленность», вышедшую в 1955 году. Однако автор заканчивает свое исследование приходом Гитлера к власти и вне поля его зрения остается весь период нацистского господства. Мысли Хальгартена развивают ряд молодых историков, считающих, что промышленники играли важнейшую роль в финансировании войны, и разделяют с нацизмом вину за агрессию и преступления.

Однако большинство историков в ФРГ стоит на противоположной точке зрения. Одни из них начисто отрицают ответственность германских монополистов за установление власти нацизма и за политику нацистского государства. К таким открытым апологетам промышленников принадлежит Август фон Книрим, бывший член правления и главный юрисконсульт компании «ИГ Фарбениндустри». Еще в 1953 году он выпустил книгу «Нюрнберг. Правовые и моральные проблемы», представляющую собой панегирик промышленным и финансовым тузам Германии. Книрим уверяет, будто ведущие немецкие монополисты вообще ничего общего с политикой Гитлера и с его завоевательскими планами не имели. Примерно ту же точку зрения защищают Вильгельм Тройе и Гюнтер Фреде в книге «Хозяйство и политика. 1933–1945», опубликованной в 1964 году, Эрнст Нольте в известной монографии «Фашизм и его эпоха» утверждает, что политика нацизма определялась «относительно бесклассовым слоем» его руководителей. А вальтер Лакер прямо указывает, что нет, мол, никаких доказательств, что промышленники и банкиры были в состоянии оказывать сколько-нибудь заметное влияние на политику Гитлера на всех этапах его деятельности. Они, мол, только извлекали выгоду из его пребывания у власти.

Более хитрую позицию по этому вопросу занимает группа историков, которая считает, что отношения между Гитлером и промышленниками на протяжении его господства (причем еще задолго до того, как обозначились контуры поражения нацистского рейха) коренным образом менялись. До 1936 года, признают они, действительно существовал союз между промышленниками и Гитлером. В первые годы господства Гитлера, когда Шахт еще стоял во главе министерства экономики, промышленники обладали определенной самостоятельностью и силой при решении важнейших хозяйственных и политических вопросов. Тогда существовала ясно обозначившаяся «гармония интересов» между господствующими силами в нацистской империи – нацистской партией, государственной бюрократией, вермахтом и промышленностью. Эти группы и создали нечто вроде «системы организованного капитализма» в Германии. Однако в 1936 году эта гармония была якобы нарушена по вине Гитлера. В частности, согласно этой версии, Гитлер завладел и хозяйственной жизнью страны, в итоге чего промышленники потеряли свое влияние.

Этот краткий экскурс в область литературы по истории нацизма показывает, что вопрос о взаимоотношениях между Гитлером и промышленниками привлекает большое внимание исследователей. Он по сию пору является предметом широкой дискуссии. Поэтому анализ этой проблемы представляет не только большой исторический, но и политический интерес. Кроме того, освещение ее имеет первостепенное значение для выявления движущих пружин действий фашистского диктатора и скрытых истоков его власти.

Конечно, для полного выяснения этого вопроса потребуется еще не одно исследование. Но имеющиеся источники позволяют, как нам кажется, уже теперь сделать ряд важных выводов.

Многие прослойки в Германии могли с полным основанием считать, что они были обмануты нацистами. Их вина состояла в том, что они поддались фашистской демагогии, поверили обещаниям Гитлера, закрывая глаза на те стороны его «учения», которые с самого начала характеризовали нацизм как явление аморальное и преступное. Когда они прозрели (некоторые раньше, другие позже), то положение их оказалось трагическим, хотя вина их от этого не становится менее тяжелой.

Но все это не относится к промышленникам. Они знали, на что шли, и получили от Гитлера то, чего хотели. Разумеется, их не устраивало поражение, и в последние месяцы существования фашистской империи многие из них пытались покинуть тонущий гитлеровский корабль. Но это был уже просчет, а не трагедия обманутых. Ведь и сам Гитлер не хотел поражения. Теперь же этот просчет большинство адвокатов германских промышленников хотят выдать за трагедию и превратить их из виновников в пострадавших. Всю вину они возлагают на одного Гитлера.

Мерилом выгоды того или иного режима для класса капиталистов является прибыль. Главный вопрос, интересующий богачей, заключается в том, умножил ли тот или иной строй их экономическую мощь или ослабил ее, увеличил ли он ее богатства или уменьшил.

Одного этого критерия достаточно, чтобы определить степень выгодности симбиоза между нацистским аппаратом и промышленниками. До сих пор еще не существует точных подсчетов всей суммы прибылей, полученных немецкими монополиями в годы фашизма. Приходится пользоваться частичными данными и наиболее достоверными оценками. Однако общая картина гигантского обогащения немецких монополистов совершенно ясна. Вот цифры роста доходов, подлежащих налоговому обложению, акционерных обществ (АГ) и обществ с ограниченной ответственностью (ГМБХ) в 1933–1941 гг.

Г	Р
О	С
Д	Л
Ы	Е
	С

	a
	R
	L
	.
	C
	Ö
	L
	-
	E
	V
	C
	Ö
	L
	-
	E
	C
	C
	L
	F
	.
	C
	T
	E
	Ö
	T
	C
	T
	E
	G
	H
	H
	C
	C
	T
	E
	H
19	7
33	1
19	4
38	2
	3
19	6
41	2

Вычисления эти сделаны на основании имперской статистики акционерных обществ, которая публиковалась, к сожалению, лишь до 1941 года. Если же учесть прибыли, полученные в последующие годы, включая прибыли от грабежей оккупированных стран, то получится цифра порядка 100 миллиардов марок. Правда, от 1/4 до 1/3 этой суммы следует отнести к «нормальному» доходу, который использовался в целях расширенного воспроизводства невоенных отраслей промышленности. Но и тогда останется кругленькая сумма в 70 миллиардов марок, которая была прикарманена монополистами.

Ограничимся этими данными и не будем касаться гигантского роста доходов отдельных фирм, игравших решающую роль в нацистском государстве: «Фридрих Крупп АГ», «ИГ Фарбениндустри», «Маннесман АГ», «Сименс», АЭГ, фирм Рехлинга, Флика и др. Именно им достался главный куш в соответствии с той экономической и политической ролью, которую они играли в государстве.

Многие западногерманские историки и экономисты хотят создать впечатление, будто чем больше жирели, увеличивали мощь и влияние эти монополистические спруты в экономической сфере, тем беспомощнее и слабее они становились в области политики. Эта противоречащая здравому смыслу и элементарной логике схема довольно прочно утвердилась в исторической и экономической литературе ФРГ.

Главный аргумент сторонников такой схемы заключается в том, что с укреплением нацистской власти усиливалось вмешательство государства в экономику страны вплоть до того, что государство стало управлять концернами, а нацистский чиновник заменил монополиста. 1936 год сыграл в этом якобы решающую роль, поскольку к тому времени Гитлер, введя четырехлетний план и создав специальное ведомство по осуществлению его, чуть ли не подмял под себя хозяев немецкой индустрии.

Для того чтобы проанализировать этот аргумент, придется подробнее рассмотреть форму и суть реорганизации управления промышленностью, которая была произведена в годы нацизма. И здесь мы хотели бы с самого начала оговориться. Реорганизация отнюдь не была плодом творчества Гитлера и его чиновников, ее подготовили в основном сами монополисты. Цель ее заключалась в том, чтобы создать такую систему управления промышленностью, которая лучше всего отвечала бы интересам промышленников и вместе с тем соответствовала бы политическим задачам нацистского режима. Впрочем, косвенно это признают даже те западногерманские авторы, которые защищают тезис о «непричастности» промышленников к злодеяниям фашизма. Грегор Янсен например, называет систему управления промышленностью «гитлеровским пряником», при помощи которого нацистский диктатор хотел привлечь к себе сердца монополистов. А Вольфганг Биркенфельд утверждает, что эта система представляла собой «остров хотя и ограниченной свободы при диктатуре Гитлера» и даже «последний и единственный остров терпимости в тоталитарном государстве».

Первая существенная реорганизация управления промышленностью (как и другими областями народного хозяйства Германии) произошла на основании известного «закона о подготовке органического построения народного хозяйства», изданного Гитлером 27 февраля 1934 года. Закон предписывал образовать хозяйственные объединения, которые «должны стать единственными представителями соответствующих отраслей хозяйства». Первое сообщение об осуществлении закона вышло 27 ноября 1934 года.

Вся экономика Германии была разделена на имперские группы. Центральное место заняла имперская группа промышленности, единственная, в подчинении которой были еще так называемые «главные группы». Наряду с ней были созданы имперские группы ремесла, торговли, банков, страхования и энергетики. Параллельно с этим сохранялась и территориальная структура в управлении хозяйством. Были образованы хозяйственные округа, которыми управляли «окружные группы».

Мы теперь располагаем документами, позволяющими проследить ход подготовки этой

реорганизации. Из них следует выделить два. Первый – письмо Густава Крупна Гитлеру от 25 апреля 1933 года, т. е. всего через три месяца после захвата власти нацистами. В нем Крупп излагает свои мысли о необходимой, по его мнению, реорганизации как «имперского союза промышленности», так и хозяйственных объединений в целом. Одновременно он передает Гитлеру краткое резюме программных заявлений союза в предыдущие годы, содержащее в принципе те же идеи. Крупп сообщает, что президиум «имперского союза промышленности» на чрезвычайном заседании 6 апреля 1933 года решил поручить ему, как председателю союза, провести реорганизацию. Выражая свою готовность к переговорам с Гитлером на эту тему, Крупп пишет: «Вместе с тем доверительно прошу Вас и имперское правительство оказать мне помощь в деле реорганизации».

В целях реорганизации Крупп сообщает: «...упрощение и рационализация всей системы промышленных объединений... и приведение в соответствие экономических мероприятий, служащих общим интересам нации, с политической целесообразностью». Далее Крупп заявляет: «Политическое развитие Германии полностью соответствует как моим собственным пожеланиям, так и пожеланиям президиума союза». Он просит Гитлера признать его «единственным уполномоченным «союза промышленности» для ведения переговоров с имперским правительством», а также «единственным уполномоченным для решения всех проблем организационного и особенно персонального характера».

Из письма Крупна неопровержимо явствует, что германские промышленники были не «пассивной силой» в деле введения новой системы управления хозяйством, а активными организаторами.

Однако действительно ли учитывались пожелания промышленников при окончательном утверждении новой системы? Другой документ говорит о том, что именно их требования легли в основу законов 1934 года. Мы имеем в виду меморандум хозяйственно-политического отдела «имперского сословия германской промышленности» (так после 1933 года именовался «имперский союз промышленности»), от 13 февраля 1934 года. В нем сообщается, что, согласно просьбе Крупна, президент «имперского сословия» вместе с имперскими комиссарами (уполномоченными Гитлера по некоторым отраслям хозяйства) «провел в жизнь все мероприятия, которые оказались необходимыми для того, чтобы привести в соответствие организацию в целом с государственно-политическими потребностями».

Как говорится далее в документах, президент занялся затем «предварительной работой по подготовке сословной структуры» управления промышленностью. 24 июля 1933 года «имперский союз» после согласования с нацистским министерством экономики издал инструкцию, предписывающую подготовку реорганизации. При сличении гитлеровского закона с проектом «имперского сословия» нетрудно установить, – что они построены на одних и тех же идеях. Из важнейших положений, содержащихся в проекте и вошедших в закон, упомянем сохранение территориального принципа управления промышленностью, введение «принципа фюрерства» (предполагалось, что фюрер «имперского сословия» будет утверждаться специальным приказом министра экономики), признание правительством самостоятельной роли и полномочий «имперского сословия» и его групп, создание центрального органа по управлению всей экономикой, который координировал бы работу различных отраслей промышленности, торговли, ремесла.

Итак, фактом является то, что промышленники сами подготовили реорганизацию 1934 года, обеспечив себе ведущую роль в новой системе. Правда, одновременно разрослись и государственные органы управления хозяйством, в том числе и министерство экономики. Если в 1931 году в нем было всего три отдела, то к 1936 году их стало уже восемь. Штат чиновников увеличился во много раз. Но министерство руководило экономикой в основном через «имперское сословие» и группы, согласовывая в каждом отдельном случае свои решения с руководителями этих органов промышленников. Поэтому совершенно неправильно считать, что новая система была навязана Гитлером промышленникам. Напротив, она обеспечивала наиболее эффективный способ защиты интересов капитала и

узаконивала его ведущую роль в управлении хозяйством. Нельзя отрицать усиления вмешательства государства в экономику страны в период нацистского господства (что является выражением государственно-монополистического характера его социальной структуры), но в то же время следует отметить и обратное явление: усиление вмешательства промышленников во все государственные дела, касавшиеся экономической политики. Новая система сочетала обе эти стороны.

Вторая крупная реорганизация управления экономикой произошла уже во время войны в 1939–1940 гг. Тогда было образовано имперское министерство вооружений и боеприпасов, которое, в свою очередь, создало новые объединения промышленников (в частности, так называемые «ринги»). Новые объединения существовали параллельно со старыми. И в этом параллелизме также был свой смысл с точки зрения интересов промышленников.

Документы говорят, что новая реорганизация была предпринята по прямому требованию промышленников. Деятельность министерства вооружения и боеприпасов протекала – во всяком случае, в первые годы его существования – не только в тесном контакте, но и под непосредственным воздействием объединений промышленников. Когда во главе министерства стал Шпеер, оно превратилось в мощную опору монополистов, так как в лице Шпеера они получили в нацистской верхушке прямого защитника их интересов. Именно Шпеер спас некоторых видных промышленников от расправы гестапо, когда было раскрыто их участие в заговоре 20 июля 1944 года.

Сохранилось письмо Шпеера представителю Гимmlера в ставке фюрера, группенфюреру СС Фегелейну от 20 августа 1944 года, в котором он решительно выступает против привлечения к ответственности ряда крупных промышленников. Речь идет об известных монополистах Феглере, Бюхере, Раше, Мейере и других, фамилии которых были названы одним из руководителей заговора против Гитлера в 1944 году Герделером. «Генерал-директор Феглер, – пишет, в частности, Шпеер, – ...известен своей активной поддержкой военной промышленности и своими ценными советами, которые он давал до самого последнего времени... Тайный советник Бюхер... с огромной энергией всегда выступал за тотальную мобилизацию электропромышленности на нужды вооружения, является моим близким сотрудником, членом моего совета по вооружению». В результате этого заступничества промышленники оказались единственной прослойкой, которая (за редкими исключениями) не подверглась суровой каре гестапо.⁵⁶

Требование создать новый центр по руководству военной промышленностью, который опирался бы на объединения промышленников, было сформулировано, между прочим, в меморандуме, составленном членом правления «ИГ Фарбениндустри» Отто Амброзом для Карла Брахта, заместителя руководителя имперского ведомства промышленного строительства. В меморандуме прямо указывалось: «Необходимо образовать ответственный орган, который решал бы вопросы исследования, планирования, финансирования, а также договорно-правовые проблемы и вопросы контроля над исполнением». Для подготовки такой реорганизации Амброз предложил образовать комиссию, в которую вошли бы ведущие промышленники.

Дальнейшая реорганизация также проходила при активном участии монополистов. Очень важен, с нашей точки зрения, документ, в котором были изложены требования ведущих представителей монополистического капитала на этот счет, а именно протокол совещания, созванного руководителем ведомства военной экономики и вооружения генералом Томасом 18 декабря 1939 года. На совещании присутствовали среди прочих председатель правления концерна «Герман Геринг-верхе» Пауль Плейгер, председатель правления АЭГ Герман Бюхер, член правления компании «Сименс» Рудольф Бинге, Фридрих Флик, Петер Клекнер, Герман Рехлинг, Альфред Крупп (сын тогдашнего

⁵⁶ Из крупных промышленников, замешанных в заговоре 20 июля 1944 года, пострадал лишь один – Венцель-Гейценталь, которого нацисты приговорили к смертной казни.

собственника концерна Густава Круппа) и др. Имеется протокольная запись выступлений всех этих ведущих представителей германской промышленности. Главная тема их – категорическое требование образовать новый центральный орган для руководства военной промышленностью.

Вот, например, выдержка из выступления Бюхера: «Необходимо, прежде всего, создать единое руководство промышленностью. Тогда промышленность, исполненная доброй воли, сможет дать максимальный эффект». Касаясь проблемы экспорта в условиях войны, Бюхер добавил: «Чтобы поощрять экспорт, надо поддерживать инициативу предпринимателей, а не душить ее, как это делается теперь, ненужными регламентациями. Из выступления Бюхера явствует, что промышленники хотели создать на базе нового министерства нечто вроде своего центрального штаба.

Обобщая высказанные на совещании требования промышленников, генерал Томас в заключительном слове заявил: «Подытоживая прения, следует констатировать, что здесь, главным образом, было выражено желание создать четкое и единое руководство, иначе невозможно выполнять требования государства, во всяком случае, выполнять их в срок».

Итак, можно считать установленным, что министерство вооружения и боеприпасов было создано по прямому требованию монополистов. В дальнейшем его функции все больше расширялись. Министерство Шпеера шаг за шагом присваивало себе (прерогативы, которые раньше принадлежали министерству экономики, ведомству военной экономики и вооружения и отчасти также министерству труда. Новое министерство превратилось в главный оплот монополий, через него они осуществляли свою ведущую роль в военной промышленности. Оно опиралось в своей деятельности на имперские объединения промышленников, на главные комитеты, осуществлявшие контроль над отдельными видами военной продукции, и на «ринги», органы, руководившие производственной деятельностью различных отраслей военной промышленности и существовавшие параллельно с имперскими объединениями.

Какую же роль во всей этой системе играло правительственное ведомство по четырехлетнему плану, созданное в 1936 году Гитлером? Оно осуществляло свою деятельность через генеральных уполномоченных, которые в первые годы (1936–1939) следили за переключением промышленности на военные рельсы. Но говорить, что оно выполняло решающие функции по управлению экономикой, не приходится. Поэтому версия о том, что именно в 1936 году Гитлер подчинил себе промышленников, не основательна.

Окончательно вся сложная, неповоротливая, бюрократическая система руководства народным хозяйством «третьего рейха» сложилась только к 1943 году. Его и можно считать кульминационным пунктом процесса сращивания государства с монополиями в Германии.

Вот список лиц, которые возглавляли наиболее важные имперские объединения, главные комитеты и «ринги»:

Имперское объединение железа. Председатель Герман Рехлинг (глава концерна), первый заместитель Альфрид Крупп, второй заместитель Вальтер Роланд («Ферейнигте штальверке»).

Имперское объединение угля. Председатель Пауль Плейгер (глава концерна «Герман Геринг-верке»), первый заместитель Генрих Ниссельман (концерн «Пройсаг»), члены руководства Фридрих Флик, Эрнст Тенгельман, Альфрид Крупп.

Главные комитеты. Вооружения – Артур Тике («Ферейнигте штальверке»); по военному судостроению – Рудольф Блом (концерн «Блом унд Фосс»); по оборудованию самолетов – Ганс Гейне (АЭГ); по средствам связи – Вильгельм Цанген.

«Ринги». Железо – Герман Рехлинг; электротехника – Фридрих Люшен («Сименс») и т. д.

Документами доказано, что роль этих (и других магнатов промышленности отнюдь не ограничивалась исполнением приказов Гитлера (что, кстати, само по себе делало их соучастниками агрессивных, грабительских актов нацистского государства). Так, например, уже в марте 1935 года концерн «ИГ Фарбениндустри» предложил разработать

мобилизационный план для промышленности на случай войны. В меморандуме, адресованном военному министерству, говорилось о необходимости «включить всю промышленность, транспорт, мелкие предприятия и ремесленников, а также сельское хозяйство в рамки всеохватывающей системы военной экономики». Там же говорилось о том, что настало время составить как общий «хозяйственно-мобилизационный» план, так и план для каждого промышленного предприятия.

17 августа 1936 года Рехлинг направил Гитлеру свой известный меморандум, озаглавленный «Предложения для подготовки к войне и их проведение в жизнь». В нем были перечислены конкретные мероприятия, направленные на переключение всего народного хозяйства Германии на военные рельсы.

Интересно сопоставить некоторые мысли, высказанные Рехлингом, с точкой зрения Гитлера, которая была им изложена в меморандуме от 26 августа 1936 года о четырехлетнем плане.

Рехлинг писал: «Вывод из моих соображений таков: война почти неминуема; важен вопрос лишь о том, когда она возникнет... Во всяком случае, мы должны считаться с таким конфликтом и всеми средствами готовиться к нему, ибо война будет борьбой за наше существование».

А вот что писал девять дней спустя Гитлер: «Цель этого меморандума заключается не в том, чтобы заниматься пророчеством относительно срока, когда положение в Европе приведет к открытому кризису. В этих строках я хотел бы выразить свое убеждение в том, что кризиса не миновать, что он наступит и что Германия обязана обеспечить свое существование в этой катастрофе всеми доступными ей средствами».

Нельзя считать такое совпадение случайностью. Нет сомнения, что многие мысли фюрера, а тем более действия нацистской администрации были инспирированы крупными магнатами. Во всяком случае, в свете приведенных выше документов генезис четырехлетнего плана, представлявший собой план подготовки народного хозяйства к войне, выглядит совсем не так, как он изображается в некоторых послевоенных произведениях западногерманских авторов.

Промышленники действовали заодно с Гитлером. Больше того: после начала войны они во многих случаях брали на себя ведущую роль в освоении оккупированных территорий. Документы, имеющиеся в распоряжении историка на этот счет, необозримы. Возьмем хотя бы протокол заседания большого совета «имперской группы промышленности» 3 октября 1940 года, посвященный вопросам создания «европейского хозяйственного пространства». На заседании выступил нацистский функционер Густав Шлюттерер и сказал о роли промышленников: «Господа! Из моих рассуждений насчет этой проблемы вы должны сделать вывод, что мы представляем себе создание большого европейского экономического пространства, в основном, как результат инициативы самих промышленников... То, что мы при этом будем помогать вам и направлять развитие событий – само собой разумеется. Но я хотел бы здесь с особой настойчивостью подчеркнуть, что большое европейское экономическое пространство является делом самих промышленников...» Монополист Вильгельм Цанген заявил в ответ: «Если вы считаете, что это управление («экономическими пространствами» Европы. – Авт.) должно осуществляться без вашего вмешательства в решение экономических проблем, как вы только что об этом сказали, вы, как и до сих пор, будете иметь нашу полную поддержку».

Промышленники играли ведущую роль и в присвоении советских промышленных предприятий, и в грабеже собственности Советского Союза. 29 апреля 1941 года состоялось совещание у Гитлера, посвященное «экономическому освоению» советских территорий после нападения на Советский Союз. На нем был создан специальный «экономический штаб Ольденбург» под руководством генерал-лейтенанта Шуберта. Он делился на пять «хозяйственных инспекций», 23 «хозяйственные команды» и 12 «внешних представительств», которые должны были взять на себя «управление» экономикой оккупированных советских территорий. Во всех этих «инспекциях», «командах» и

«представительствах» хозяйничали крупные монополисты и их уполномоченные. Вот краткая запись итогов заседания статс-секретарей, созванного «экономическим штабом Ольденбург» 2 мая 1941 года: «1. Войну можно будет продолжать лишь в том случае, если на третьем году весь вермахт будет питаться за счет продовольствия из России. 2. Нет сомнения, что при этом миллионы людей в самой России умрут от голода, так как мы выкачаем из страны все, что нам необходимо».

Да, «заслуги» промышленников перед нацистским руководством безмерны. Столь же безмерна их вина перед народами Европы. Что касается «заслуг», то они нашли свое отражение в том, что сам Гитлер и его министры неоднократно отмечали крупных монополистов, публично выражали им свою благодарность, присваивали титул «фюрер имперской промышленности», награждали высокими орденами империи. 5 июня 1943 года Шпеер по поручению Гитлера в берлинском Спортпаласте устроил публичное чествование крупнейших представителей монополистического капитала. «Народ вправе, – сказал он, – знать тех людей, которые совершили огромный трудовой подвиг. Ведущие умы промышленности, такие, как Плейгер, который руководит всей угольной промышленностью, Краух, преобразовавший весь химический сектор в соответствии с нуждами войны, Рехлинг, своей энергией и большим опытом доведший производство железа до рекордного уровня...⁵⁷ в тесном согласии и сотрудничестве с вермахтом завершили этот гигантский труд».

Следовало бы специально отметить роль германских банкиров в создании гитлеровской военной машины и осуществлении нацистской агрессии. Приведем лишь отрывок из допроса Курта фон Шредера, совладельца известного банковского дома Штейна, на Нюрнбергском процессе.

«Вопрос. Имели ли, по вашему мнению, крупные берлинские банки большое влияние и осуществляли ли они контроль над экономической жизнью страны и над германским правительством?

Ответ. Имели даже слишком большое!.. Особенно в последние годы влияние крупных банков на германскую промышленность достигло таких размеров, что вряд ли существовала область промышленного производства, которая не находилась бы под их контролем...

Вопрос. Не оказывали ли крупные банки... огромное воздействие на партию, поскольку партия играла в Германии господствующую роль и в решающей степени контролировала правительство?

Ответ. Они оказывали колоссальное воздействие на партию и правительство. Де-факто крупные банки были тогда вторым правительством».

В книге Франца Неймана «Бегемот. Структура и практика национал-социализма. 1933–1944»,⁵⁸ изданной в 1977 году во Франкфурте-на-Майне, подробно освещается вопрос о взаимоотношениях Гитлера с промышленниками после прихода нацистов к власти. Как автор книги, так и автор послесловия к ней, западногерманский историк Герт Шефер, указывают, что в нацистской Германии наметилась явная тенденция к слиянию власти финансовой олигархии с нацистской партийной бюрократией. «Маленькая группа могущественных монополистов, – пишет Франц Нейман, – все больше сращивалась с группой партийных руководителей, образуя единый блок, который владел как орудиями производства, так и орудиями власти». Симбиоз этот, по мнению Герта Шефера, привел к «единой системе власти и угнетения» в гитлеровской Германии. Промышленники вместе с нацистскими руководителями навязали свою систему всему германскому народу.

⁵⁷ Далее следуют многие фамилии: Вольф, Порше, Тике, Роланд и др.

⁵⁸ Книга немецкого эмигранта Франца Леопольда Неймана была впервые издана на английском языке в США в 1944 году. Написанная по свежим следам, она получила высокую оценку. Историк Э. Френкель называл ее «энциклопедией национал-социализма». Характерно, что этот труд опубликован в ФРГ лишь в 1977 году.

Мы далеки от мысли, что во всех областях и на всех этапах, несмотря на симбиоз, между гитлеровским бюрократическим аппаратом и промышленниками существовали «гармоничные отношения». В правящем лагере нацистской Германии происходила внутренняя борьба, характерная для любой капиталистической страны в эпоху государственно-монополистического капитализма. Созданная система удовлетворяла больше всего представителей самых крупных монополий, членов трехсот семейств, фактически управлявших экономикой Германии. Среди владельцев менее крупных предприятий жесткая регламентация, введенная Гитлером при прямом участии крупных монополий, не пользовалась особыми симпатиями. Были случаи резких столкновений между отдельными промышленниками и руководителями как государственных экономических органов, так и органов самоуправления промышленников. Критику вызывало и то обстоятельство, что в итоге многочисленных реорганизаций возникла гигантская, дорогостоящая, неповоротливая бюрократическая машина, во многих случаях мешавшая производству. В целом эта машина работала с большими издержками. Много времени занимали всякие бюрократические формальности, проверки, писанина, согласование. Но все это отступало на задний план перед задачей создания такой системы, которая подчинила бы всю экономику узкой клике монополистов и нацистских партийных бюрократов и обеспечила бы полную милитаризацию страны.

Прямое несогласие промышленников с Гитлером возникло лишь на последнем этапе войны, когда явственно замаячил призрак разгрома нацизма. А особенно в последние месяцы в связи с так называемым «приказом Нерона» о разрушении всех важных промышленных объектов в районах Германии, откуда вынуждены были отступать германские войска. Приказ этот был издан Гитлером 19 марта 1945 года и прямо покушался на святая святых – собственность крупных монополистов. Осуществить его значило лишить монополии их базы в послевоенное время.

И тут промышленники проявили твердость. Против приказа открыто запротестовал Альберт Шпеер. 29 марта он направил Гитлеру письмо, в котором писал: «Я не могу верить в успех нашего доброго дела, если мы в эти решающие месяцы одновременно будем разрушать основы существования нашего народа... Прошу поэтому, чтобы Вы отказались от этого акта вандализма... Военные удары, обрушившиеся на Германию в последние недели, потрясли ее до основания. Теперь уже не в нашей власти определить, куда повернется судьба».

Насколько нам известно, это – единственный случай, когда крупный нацистский чиновник в письменной форме выразил свое несогласие с фюрером и потребовал от него отмены принятого решения. Такая дерзость могла окончиться лишь одним – смертным приговором. Но министр не был наказан. Гитлер закрыл глаза на его письмо. И Шпеер получил возможность действовать в противовес указанию фюрера, саботируя выполнение его приказа.

Как это делалось? Довольно просто, но ловко. Еще до приказа «Нерон» Шпеер назначил «уполномоченных по делам военной промышленности», которые были наделены чрезвычайными правами. Уполномоченными, например, были назначены в Рейнско-Рурской области Феглер, в Верхней Силезии и так называемом «протекторате Богемия и Моравия» – председатель правления горнорудной компании «Берг унд хюттенверксгезельшафт» и т. д. Район Берлин – Бранденбург Шпеер оставил за собой. В ведение уполномоченных входило, в частности, проведение всех мероприятий по эвакуации и выведению из строя промышленных предприятий. Теперь именно этим уполномоченным Шпеер поручил осуществление приказа Гитлера. В распоряжении министра подчеркивалось: «Полное разрушение самых важных предприятий либо существенных частей их проводится только по моему распоряжению. Эти предприятия будут названы мною в соответствующем документе, который будет передан председателям комиссий или подкомиссий по делам военной промышленности...»

Практически распоряжение Шпеера означало отмену приказа Гитлера, ибо оно

передало дело разрушения крупных предприятий в руки самих промышленников – собственников этих предприятий. Приказ Гитлера так и не был выполнен – промышленники «переиграли» своего фюрера.

Сильнее и хитрее фюрера промышленники оказались и в другом важном вопросе – в деле планирования на послевоенное время. В то время как в 1943–1945 гг. Гитлер продолжал строить проекты создания европейской и даже мировой фашистской империи, крупные промышленники втихомолку лелеяли совсем иные планы – они намеревались сохранить свое господство после поражения Германии, Некий штурмбаннфюрер СС Бакхауз писал 26 августа 1944 года личному референту Гимmlера штандартенфюреру СС Брандту: «Имперский уполномоченный Беренс позавчера был в гостях у доктора Унгевиттера из «имперской группы химии». Унгевиттер рассказал ему о некоторых практических шагах крупных концернов, которые, по моему мнению, являются прямой изменой родине... В частности, Унгевиттер... утверждал, что крупные промышленные фирмы, пренебрегая задачами военного производства, переключаются на мирную продукцию и что ведущие люди в промышленности выступают против фюрера». Ссылаясь далее на беседу одной «старой национал-социалистки» с руководящим деятелем фирмы «Винтерсхалль» Вертманом, Бакхауз продолжал: «Директор Вертман открыто заявил ей, что... промышленники считают войну проигранной и что нынешнее государство рухнет. Поэтому они стремятся уже теперь завязать связи с границей».

Более подробные сведения о работе ведущих монополий в области послевоенного планирования сообщил заместитель председателя «имперской группы сталелитейной промышленности» Шталь группенфюреру СС Олендорфу 13 декабря 1944 года. Он указал, что с согласия Олендорфа «узкий рабочий кружок», в «имперской группе» занялся составлением широкой программы деятельности монополий после войны. Шталь подробно перечислил круг проблем, которыми занимался «рабочий кружок».

В стране, где любое высказывание о возможном поражении каралось смертной казнью, ведущие монополии активно занимались подготовкой программ на случай крушения нацистского рейха, причем органы безопасности были об этом прекрасно информированы. Более того, дело не ограничивалось составлением меморандумов. 10 августа 1944 года в Страсбурге состоялась тайная конференция представителей ведущих монополий, на которой были согласованы послевоенные планы промышленников. На конференции присутствовали представители фирм Крупна, Рехлинга, «Броун-Бовери», «Рейнметалл-Борзиг», Тиссена, Мессершмитта и др. Ораторы прямо говорили о мерах, вытекавших из неизбежного поражения Германии. А в это время нацисты гнали на убой сотни тысяч людей и вводили все новые и новые ограничения и террористические меры в тылу, выдвинув очередной лозунг: «Колеса должны вращаться для победы...»

Некоторые западные исследователи утверждают, что в конце жизни Гитлер мечтал расправиться с промышленниками. В своем логове в Восточной Пруссии он вспомнил вдруг демагогические антимонополистические лозунги ранней поры национал-социалистского движения и пообещал, что если выиграет войну, то лишит власти хозяев «анонимного капитала», владельцев акционерных обществ. «Спекулятивная собственность, – говорил фюрер – всегда отвергалась мною... Анонимные капиталистические общества должны перейти в руки государства». В бессильной злобе, предчувствуя поражение, он клял своих главных покровителей, обвинял их в корысти и властолюбии. Но это были лишь пустые слова. Промышленники уже сбросили его со счетов. Игру своей жизни, которую Гитлер вел во имя интересов всей правящей верхушки Германии, он проиграл. И по замыслам закулисных правителей рейха, которых он вознес и обогатил, отвечать за проигрыш должен был лишь он один. Было от чего прийти в ярость...

ГЛАВА V

АНАТОМИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Гитлеровский аппарат насилия и пропаганды

Урегулировав после 1934 года свои взаимоотношения со «столпами общества» – промышленниками, банкирами, военными, Гитлер получил возможность спокойно, без помех создавать аппарат власти. Этот аппарат «совершенствовался» на протяжении всего существования фашистской империи. Но чтобы получить представление о его основах и эволюции, необходимо вернуться к первым годам гитлеровского господства.

В 1934 году Гитлер воспользовался мнимым «заговором Рема», чтобы узаконить свою личную, подчиненную только ему гвардию охранников и карателей. 20 июля он издал указ, в котором говорилось: «В связи с большими заслугами СС, особенно имея в виду события 30 июня 1934 года, я возвожу их в ранг самостоятельной организации в рамках национал-социалистской партии». Отныне рейхсфюрер СС Гиммлер подчинялся уже не начальнику штаба СА (на этот пост после убийства Рема был назначен совершенно бесцветный Лютце), а лично фюреру. Таким образом, в рамках нацистского государства и нацистской партии была создана организация, ставшая в руках Гитлера главным орудием террора, машиной для истребления сначала сотен и тысяч, а потом и миллионов людей, целых групп населения и народов.

Указу 20 июля 1934 года предшествовали: распоряжение Гесса о том, что рейхсфюреру СС подчиняется вся служба безопасности нацистской партии, иными словами, вся сеть осведомителей и шпионов внутри партии, а также приказ Гитлера о назначении Эйке начальником отрядов «Мертвая голова» и инспектором концлагерей. Благодаря этому СС получили в свое ведение специальные отряды для расправы с противниками нацистского режима и огромную сеть лагерей, в которых содержались сотни тысяч, а впоследствии миллионы людей.

Полномочия рейхсфюрера СС еще более расширились. Указом Гитлера от 17 июля 1936 года Гиммлер был назначен начальником полиции, сохранив при этом звание рейхсфюрера СС. Теперь в его руках сосредоточилась вся полицейская власть в стране. Гиммлер создал два огромных управления: полиции во главе с Далюге и службы безопасности (включавшей и тайную полицию – гестапо) во главе с Гейдрихом. Кроме того, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции – таково было теперь официальное звание Гиммлера – стал членом кабинета, т. е. получил ранг министра.

Вооруженные формирования СС в дальнейшем (к 1936 году) превратились в так называемые «войска СС». Войска СС делились на «особые отряды» и отряды «Мертвая голова». «Особые отряды» представляли собой сначала нацистские полицейские формирования, построенные по образцу армейских и предназначенные для борьбы «на внутреннем фронте». Во время войны (о чем речь будет идти ниже) они использовались и как «ударные», и как карательные войска на фронте. В указе Гитлера от 17 августа 1938 года говорилось: «Особые отряды СС не являются ни частью полиции, ни частью вермахта. Эти вооруженные формирования находятся исключительно в моем ведении». Ясно, следовательно, что речь шла о создании «личной гвардии» Гитлера, о его собственной полиции в полицейском государстве нацистов. Уточнялись также функции отрядов «Мертвая голова». «Отряды «Мертвая голова», – говорилось в указе, – опять-таки не являются ни частью вермахта, ни частью полиции. Это – вооруженные формирования СС, созданные для выполнения специальных задач полицейского характера, которые от случая к случаю будут определяться мною особо». Главной обязанностью отрядов продолжала оставаться охрана концлагерей.⁵⁹

Организация СС стала как бы символом террористического «государства фюрера». Не

⁵⁹ В годы войны они также от случая к случаю использовались в качестве войсковых соединений. Но их главные функции оставались карательными.

случайно поэтому в литературе «третья империя» называется иногда «государством СС».

Нацистская партия и гитлеровский террористический аппарат были неразрывно связаны друг с другом. Однако нацистская партия насчитывала до 7 миллионов человек, а число членов всех нацистских организаций достигало 25 миллионов. Поэтому и над самой партией Гитлер установил надзор, создал органы, которые держали ее в постоянном страхе. Эту задачу выполнял, в основном, огромный штат платных функционеров от блоклейтеров до гаулейтеров. Функционеры проходили особую подготовку, к тому же большинство из них было вооружено. По словам самого Гитлера, в Германии насчитывалось 300 тысяч функционеров и они составляли «резерв фюрера», его глаза и уши в нацистской партии, костяк или, как выражались гитлеровцы, «становой хребет» нацистского движения.

Непосредственно в террористический аппарат Гитлера входили:

Отряды СС – до 1 млн. человек (в годы войны).

Полиция–140 тыс. человек.

Служба безопасности (СД) – до 70 тыс. человек.

Гестапо (тайная полиция) – 40 тыс. человек.

Важную роль в нацистском государстве играли также отряды СА. Правда, после событий 30 июня они перестали быть главной вооруженной силой нацистской партии (эта их функция перешла к СС). Тем не менее Гитлер не распустил СА – в армии штурмовиков все еще насчитывалось от 1,2 до 1,7 миллиона человек. Штурмовики сохранили форму, хотя их лишили оружия. Другие террористические организации нацистов – СС, СД, полиция и т. д. – черпали в СА свои кадры. Таким образом, штурмовики также являлись составной частью террористического аппарата Гитлера.

Не будет преувеличением сказать, что в разное время этот аппарат насчитывал от двух до трех миллионов человек. Такова была «гвардия фюрера», которая осуществляла неусыпный контроль над немцами, служила главной опорой нацистской диктатуры. Мы говорим при этом лишь об органах террора, непосредственно подчиненных нацистскому руководству. Если же взять гитлеровское государство в целом, то к аппарату насилия следует приплюсовать огромный штат чиновников, армию и т. д. Разумеется, и эту составную часть государственной машины Гитлер мог использовать в целях подавления трудящихся и укрепления своей диктатуры.

Но несмотря на неслыханный террор, трудящиеся Германии во главе с самыми последовательными и стойкими антифашистами – коммунистами не складывали оружия. В книге «Правда о Гитлере» К. Бахман пишет:

«...Сопrotивление коммунистов, социал-демократов, католиков и других демократов продолжалось. Различными способами боролись они за свержение Гитлера.

Только за 9 месяцев в 1938–1939 годах, говорилось в гестаповской сводке, арестовано 5606 антифашистов, в числе которых 3212 коммунистов, 498 социал-демократов, 49 членов социалистической рабочей партии и 1847 других противников Гитлера... Это показывает не только размеры террора за короткий отрезок времени, но и размах сопротивления против фашизма. Несмотря на аресты и убийства десятков тысяч коммунистов – в 1939 году 60 процентов их опытных кадров находилось в тюрьмах или было убито, – нацистам не удалось разгромить Коммунистическую партию Германии. Она ни на минуту не прекращала организованную борьбу за демократическую Германию, против гитлеровского фашизма. Если отдельные партийные организации и уничтожались, они возрождались вновь и вновь, хотя условия были очень сложными и суровыми. Поэтому немецкое рабочее движение после второй мировой войны имело – пусть и ослабленную в численном отношении – испытанную революционную партию с большим опытом борьбы за жизненные интересы и будущее нашего народа.

Сообщение гестапо об обстановке от января 1936 года:

«Открытое и охотное сотрудничество общественности в борьбе за ликвидацию коммунизма, которое явно можно было отмечать вплоть до 1935 года, существенно уменьшилось. Об иммунитете против яда марксизма в широких кругах берлинского

населения более не может быть и речи... Вообще же надо сказать, что коммунизм не представляет в настоящее время опасности для существования государства прежде всего благодаря усиленной борьбе против него, проводимой государственными органами, и связанными с ней уничтожением его организаций и арестом его руководящих лиц. Следует, однако, со всей серьезностью указать на то, что, несмотря на все успехи борьбы против организованного коммунизма, вновь ощущается наличие растущей массы отравленных коммунистическими идеями...»

В. Реккерт .⁶⁰ История периода нацистского господства в Германии-это также история героического сопротивления молодежи, прежде всего рабочей молодежи.

Многочисленные битвы развертывались вокруг требований на производстве. Особенно после VII конгресса Коммунистического Интернационала. В 1935 году антифашисты попытались внутри самих фашистских организаций, таких, как «Трудовой фронт» – псевдопрофсоюз нацистов, – в спортивных союзах или в таких нацистских объединениях, как ГЮ – гитлерюгенд, вести политическую работу и дать отпор нацистскому ядовитому влиянию на молодежь. Это было непросто и чревато большими жертвами».

* * *

Совершенно очевидно, что править лишь методами террора нельзя. В «третьем рейхе» была создана особая «духовная атмосфера», атмосфера, при которой миллионы немцев превратились в бездумных исполнителей приказов фюрера, слепо верили ему, молились на него, как на божество. Воля огромной массы людей была парализована, их разум подавлен, зато в них разбудили самые низменные инстинкты и страсти. Толпа была превращена в стадо, народ – в плебс. Это «чудо превращения» могло совершиться лишь при сочетании террора физического с террором идеологическим, при систематической пропагандистской обработке масс в нацистском духе.

Сразу же после прихода к власти Гитлер централизовал пропаганду и полностью подчинил ее своему руководству. 13 марта 1933 года было создано «министерство пропаганды и народного просвещения» во главе с Геббельсом, В ведении Геббельса оказались не только печать и радио. Нацисты зачислили в рубрику «пропаганда» и литературу, и искусство, и общественные науки. Задачей Геббельса было «нацифицировать» все эти области культуры.

Прежде всего была «нацифицирована» печать. Уже в феврале 1933 года гитлеровцы запретили свыше 60 коммунистических и примерно 75 социал-демократических газет и журналов. «Наконец, – хвастался Геббельс в своем дневнике, – мы получили оружие против печати. И теперь выстрелы следуют за выстрелами, запрет за запретом». К апрелю все оппозиционные издания были ликвидированы. Во главе оставшихся газет и журналов стали нацисты, и все эти органы печати превратились фактически в органы НСДАП.

Дальнейшей заботой Геббельса была чистка библиотек и читален от вредного, или, как это называлось у нацистов, «вырождающегося», искусства. Кампания против прогрессивной литературы и науки началась с грандиозного аутодафе. 10 мая 1933 года в Берлине на площади перед университетом был устроен огромный костер из книг. Его начали складывать еще с утра: студенты-нацисты под радостные возгласы толпы лачками таскали из публичных библиотек произведения Маркса и Ленина, Гейне и Стефана Цвейга, Эйнштейна и Спинозы, Томаса Манна и Ремарка и сотен других ученых и писателей. Когда стемнело, организаторы представления подошли к груде книг с горящими факелами и зажгли ее. Толпа студентов и зевак кричала хором: «Гори Гейне!», «Гори Ремарк!», «Гори Хемингуэй!», «Гори Фейхтвангер!» Прямо у костра Геббельс произнес речь: «Студенты и студентки, вы совершили великое символическое деяние... Освященные пламенем этого костра, мы даем

⁶⁰ Собеседник К. Бахмана.

клятву верности рейху, науке и нашему фюреру Адольфу Гитлеру: «Хайль! Хайль! Хайль!»

Одной из основных задач пропаганды было возвеличение Гитлера. Каждому члену нацистской партии вменялось в обязанность иметь у себя в квартире фотографию фюрера. Уже в июне 1933 года в государственных учреждениях было официально введено новое, так называемое «немецкое приветствие» – поднятие правой руки. При этом следовало говорить: «Хайль Гитлер!» В 1934 году было издано распоряжение, согласно которому каждый немец был обязан приветствовать таким же способом нацистские знамена. Все официальные письма должны были заканчиваться словами «Хайль Гитлер!» Каждая семья была обязана иметь флаг с изображением свастики. При этом считалось желательным, чтобы свастика была вышита женой главы семьи. Пример тому показал сам министр пропаганды – свастику на флаге семьи Геббельсов вышила Магда Геббельс.

Можно перечислить еще десятки установлений, определявших, какие почести следовало оказывать фюреру в нацистской партии. Все они являлись частью «системы перевоспитания народа», разработанной Гитлером и его помощниками. В нацистском учебном пособии по государственному праву, изданном в 1934 году, говорилось: «Тоталитарное государство не может покоиться на определенном мировоззрении. Поэтому немецкое государство фюрера должно привить всему народу национал-социалистское мировоззрение. В этом именно состоит задача партии как политического движения». «С точки зрения нашего мировоззрения, – заявил Гитлер в речи на Нюрнбергском партийном съезде в 1935 году, – захват политической власти является лишь предпосылкой для выполнения нашей подлинной миссии». А «миссия» нацистов в идеологической сфере заключалась в том, чтобы воспитать миллионы немцев в духе расовой ненависти, высокомерия и чванства, агрессии и войны.

Первостепенное значение нацисты придавали строгой регламентации всей культурной жизни страны и отбору преданных нацизму кадров – руководителей «идеологии».

В специальном «законе о редакторах» от 4 октября 1933 года перечислялись качества, необходимые для каждого работника печати. В одном из разделов закона, озаглавленном «Допуск к редакторской деятельности», говорилось, что редактором может быть лишь тот, кто: 1) имеет немецкое гражданство, 2) не лишен гражданских прав, 3) является лицом арийского происхождения и не женат на неарийке, 4) обладает необходимыми качествами, которые требуются для выполнения задачи духовного воспитания народа, и т. д. Ясно, что этот закон давал возможность отстранить от должности любого неугодного нацистам человека и гарантировал такой подбор кадров, который превращал газеты в ведомственные листки НСДАП.

Тем не менее на всем протяжении нацистского господства министр пропаганды и сам фюрер осуществляли строгую опеку над газетами и журналами. Они, между прочим, ежедневно передавали бесчисленное количество инструкций главным редакторам газет. Любопытно – привести подборку «запретных тем»,⁶¹ составленную на основе пресс-конференций в министерстве пропаганды и указаний Гитлера, Геббельса и Отто Дитриха (шефа нацистской печати). Строго запрещалось: писать о нищих и о «бедных детях», не говоря при этом об успехах нацистской партии в борьбе с нищенством; упоминать имя Генриха Гейне как автора стихов, музыку к которым написали Шуман и Шуберт, и т. д. и т. д.

Многие указания касались вопроса о том, на какой странице и каким шрифтом помещать то или иное сообщение. Строго регламентировался отдел объявлений. Запрещалось помещать объявления о найме прислуги, в которых говорилось бы, что прислуга требуется для бездетной семьи. Бездетных семей в нацистском рейхе официально не существовало. В траурных объявлениях запрещалось указывать причину смерти, если человек умер в результате операции. Ведь это могло повредить доброй славе нацистской

⁶¹ Подборка относится к 1933 году и взята из книги Гельмута Хейбера «Иозеф Геббельс».

медицины! Мгновенная кара постигла одного из редакторов в городе Липпе, который предложил передать по радио трансляцию футбольного матча Германия – Австрия. Этот матч немецкая команда проиграла и всякие упоминания о нем запрещались, поскольку немецкий спорт «никогда не терпит поражений». И уж совсем сурово обошлись с редактором, поместившим рекламное объявление, которое начиналось словами: «Моя борьба против желудочного недуга...» («Майн кампф», т. е. «Моя борьба» – название книги Гитлера).

Наконец, строжайшим образом запрещалось помещать фотографии Гитлера в очках (он был дальновзорким), а впоследствии с палкой. Это могло «принизить образ» фюрера в глазах масс.

Размеры этой книги не позволяют авторам привести все проскрипционные списки нацистов и все директивы Гитлера, Геббельса и Дитриха германским газетам, но и небольших выдержек из этих директив достаточно, чтобы показать, каких чудовищных масштабов достигла опека печати в Германии, и продемонстрировать «культурный» уровень идеологических надсмотрщиков.

Однако не всегда дело шло так гладко, как этого хотелось фюреру и его министру пропаганды. Так, например, в мае 1935 года нацистская пресса опубликовала сообщение о том, что два берлинских кабаре – «Катакомбы» и «Балаган» – были закрыты и актеры отправлены в концлагерь, ибо позволили себе «неуважительные шутки» по адресу НСДАП и государства. Угодил в концлагерь и популярный конферансье Вернер Финн, разрешивший себе пошутить насчет «возвышения» правой руки (т. е. нацистского приветствия) и «низведения» прав немецкого народа. Один композитор вел «пораженческие разговоры» и был приговорен за это к смерти. На его прошение о помиловании Геббельс со свойственным ему хамством начертал: «Даже если он второй Бетховен, все равно ему следует отрубить голову».

Много хлопот доставило нацистскому руководству так называемое «дело Осецкого». Осецкий был публицистом с мировым именем, редактировавшим в Веймарской республике прогрессивный журнал «Вельтбюне». Бескомпромиссная борьба против фашизма, милитаризма и войны снискала ему широкую популярность. Нацисты бросили Осецкого в концлагерь. Но в 1936 году немецкому антифашисту была присуждена Нобелевская премия за заслуги в борьбе за мир. Во всех странах началась кампания за его освобождение. Нацисты встревожились. Они перевезли смертельно больного литератора в больницу и начали вымогать у него письменное заявление о лояльности. К тем физическим пыткам, которым подвергался Осецкий в тюрьме и в концлагере, добавились пытки моральные. Довольно долго нацисты искали способ заставить Осецкого отказаться от премии. Но вот в дело вмешался сам Гитлер. Он дал указание запретить германским гражданам принимать Нобелевскую премию. Примерно тогда же было объявлено об учреждении «германской национальной премии», которая с тех пор ежегодно и с большой помпой присуждалась нацистским литераторам. Осецкий, не пожелавший идти ни на какие компромиссы, фактически остался пленником нацистов. Он умер в 1938 году в санатории Берлин-Норден.

Известно, что Гитлер считал себя крупным художником и архитектором, знатоком литературы и искусства. «Если бы не было войны, – сообщил он в 1942 году за столом в своей ставке, – я был бы наверняка архитектором, вероятнее всего, одним из лучших, если не самым лучшим архитектором Германии». В графе «профессия» в некоторых анкетах, которые приходилось заполнять фюреру как до 30 января 1933 года, так и после захвата власти, он писал: «профессиональный художник» или «писатель». Поэтому область искусства составляла, увы, особую прерогативу Гитлера, он уделял ей большое внимание в своих высказываниях и в своем законодательстве.

Искусство Гитлер признавал лишь постольку, поскольку оно служило нацистским человеконенавистническим целям, иными словами, воспитывало в соответствующем духе «национал-социалистскую смену». «Германское искусство грядущих десятилетий, – говорил в 1933 году Геббельс, – будет героическим, проникнутым стальной романтикой, лишенным

всякой сентиментальности, оно будет национальным и патетическим». Другой приближенный фюрера Вальтер Функ сформулировал мысли Гитлера о роли культуры следующим образом: «Противник, побежденный на поле политики, перебросил свои вооруженные силы в область культуры. Если вражеские войска, брошенные на поле культуры, встретят там вакуум... то они смогут вновь собраться и в один прекрасный день нанести удар с фланга по политическому могуществу рейха. Поэтому наше движение и наше государство нуждаются в войсках в области культуры точно так же, как в военной и политической областях. Они и здесь нуждаются в офицерах, которые хорошо знают свое ремесло, и им нужны солдаты, которые надежно, верно, мастерски владея оружием, будут служить нашему делу».

Таким образом, культура была для нацистов «полем битвы», а писатели и художники «войском», эдакими идеологическими «снайперами». Других сравнений они не знали! И никакие великие культурные ценности не имели в их глазах значения, если они в какой-то мере мешали утверждению идеологии расизма, антикоммунизма, агрессии. Кредо фашистских «культуртрегеров» было весьма лаконично выражено председателем гитлеровской «имперской палаты по делам литературы» драматургом Йостом: «Когда я слышу слово «культура», мне хочется выхватить револьвер!»

«Нацификация» искусства проводилась в «третьем рейхе» почти теми же методами, что и «пацификация» печати. Гитлер сам определял, что писать и как писать, что изображать на картинах и как изображать, что ваять и как ваять. И горе тому, кто осмеливался нарушать предписания фюрера!

На съезде нацистской партии, который официально именовался «съездом свободы», Гитлер обрушился на всех, кто отступает от нацистских норм в искусстве, следует «враждебным национал-социализму» течениям, превращается в «заик» от культуры и искусства (это было одним из любимых выражений фюрера). Под «заиками» Гитлер понимал всех художников, искусство которых было недоступно его собственному пониманию и не потрафляло вкусам нацистской партийной бюрократии и широких слоев мещан – социальной опоры фашизма.

В «застольных беседах» Гитлер не раз распространялся о том, что национал-социалисты осчастливили немецкий народ, покончив с «вырождающимся» искусством. «При моих посещениях музеев и выставок, – сказал он как-то, – я беспощадно удалял все, что не было совершенно безупречно с художественной точки зрения».

В другой раз он заявил собеседникам: «Благодаря тому, что я всегда решительно стоял на точке зрения: художник, который присылает на выставку дрянь, либо жулик и потому его место в тюрьме, либо сумасшедший и потому должен быть помещен в сумасшедший дом, а если невозможно точно определить, сумасшедший он или жулик, то его следует направить в концлагерь для перевоспитания, чтобы приучить к полезному труду, – именно благодаря этому мои выставки превратились в кошмар для бездарностей». «Актеры и художники, – изрекал он далее, – такие фантазеры, что время от времени им надо грозить пальцем, чтобы вернуть их на почву реальности».

Две крупные акции, проведенные фюрером и его министром пропаганды, должны были наглядно продемонстрировать, что именно нацисты понимали под «хорошим», «безупречным» искусством и – искусством «плохим».

Первая из них – устройство постоянной выставки германского искусства в специально сооруженном для этой цели здании в Мюнхене. Отбор картин для выставки производил сам фюрер. Ему ассистировали его личный фотограф Гофман, которого художники прозвали «клоуном от искусства», и директор музея Кольб – типичный бюрократ и подхалим, усердно поддакивавший фюреру. Ни одного художника к этому «священнодействию» не допустили, чем особенно хвастался Гитлер в тех же – «застольных беседах». По его словам, из десяти-двенадцати тысяч картин, поступивших на конкурс, «высокая комиссия» отобрала всего тысячу двести. В дальнейшем отбор продолжался ежегодно из новых поступлений. Даже Геббельс не всегда мог угодить фюреру. Люди из окружения министра пропаганды

рассказывали, что каждый раз, когда Геббельсу надо было отбирать картины в отсутствие Гитлера, он бился в истерику, боясь, что не попадет вконец вкусу своего властелина.

В центре любой нацистской экспозиции неизменно красовалась фигура самого Гитлера. Десятки гитлеровских скульптур, монументов, портретов, а также картин, посвященных торжественным датам, сборищам и встречам с участием фюрера, украшали стены огромных залов «Дома германского искусства» в Мюнхене. Тут же (но в значительно меньшем количестве и меньшего формата) висели портреты Геринга, Гимmlера, Геббельса и других фюреров.

Главной темой остальных картин и скульптур был, по выражению Гитлера, «нордический человек», человек «новой Германии»: рабочий, неизменно улыбающийся во весь рот или углубленный в работу; восторженный и воодушевленный оптимист, германский воин, ежеминутно готовый умереть за фюрера; физкультурник с тщательно «вычерченной» мускулатурой – его изображение могло служить наглядным пособием для студентов-медиков; женщина – полногрудая и белокурая, «целестремленно смотрящая вдаль», часто с младенцем у груди – символ смирения и плодородия. В большой чести у Гитлера были также огромные исторические полотна, на которых с удручающим однообразием изображались различные битвы и полководцы, начиная от Арминия. Все произведения на выставках в нацистской Германии, по сути дела, служили лишь иллюстрацией к высказываниям Гитлера, к учебникам по истории и «расоведению». С искусством они ничего общего не имели.

Вторая «культурная» акция была придумана Геббельсом и горячо встречена Гитлером. В 1937 году нацистскому министру пропаганды пришла в голову мысль устроить выставку «вырождающегося» искусства. Картины для выставки отбирали из произведений импрессионистов и современных художников. Всего на выставке были представлены 736 картин, включая полотна Ренуара, Гогена, Ван Гога, Либермана и др. Геббельс снабдил картины специальными табличками: «Так душевнобольные видят природу», или «Музейные крысы называли это германским искусством», или «Немецкий крестьянин глазами евреев» и т. д. Толпа зрителей (ее подобрали так же тщательно, как и картины) громко гоготала над выставленными произведениями и поносила художников. Однако выставку пришлось скоро закрыть: когда доступ стал свободным, население проявило «нездоровый интерес» к «нездоровым» художникам, число посетителей непрерывно росло и Геббельс понял, что он просчитался.

С «вырождающимся» искусством начали расправляться втихомолку. В мае 1937 года Гитлер подписал закон о конфискации всех подобных произведений. На основании этого закона из музеев было изъято 13 тысяч картин и скульптур. Гитлер поручил специальной комиссии во главе с Геббельсом продать конфискованные картины за границу, чтобы выручить за них валюту; картины, которые не удалось сразу продать, подлежали уничтожению. 20 марта 1939 года во дворе главного управления пожарной охраны Берлина было устроено аутодафе из произведений искусства: в тот день нацисты сожгли около пяти тысяч картин и рисунков.

Не только искусство, но и наука подлежала «нацификации», хотя в сфере технических наук главари «третьего рейха» действовали более осторожно – техника нужна была им для вооружения. Себя лично Гитлер считал великим ученым. Он был убежден, что сведущ во всех науках, и не стеснялся высказывать самые сумасбродные идеи. Так, например, он заявил, что рак вызывается пищевым отравлением, что кратеры на Луне образовались в результате ее столкновения с другими «маленькими лунами», что за 10 тысяч лет до нашего летосчисления произошло столкновение Луны с Землей, что конструкция велосипеда соответствует «законам природы», а конструкция воздушного шара – «противоестественна» и т. д. и т. п.

После 1933 года Гитлер провел чистку во всех университетах и научно-исследовательских институтах. Чувствительный удар по германской науке нанесла «аризация» учебных заведений и научных учреждений.

Сотни ученых эмигрировали. Некоторые пошли на компромисс со своей совестью, причем среди них было немало известных. Эти ученые публично признали нацистскую расовую теорию и нацистскую доктрину, согласно которой все достигнутое человечеством в области культуры и науки было сначала создано «арийцами».

Другие народы, исходя из этой доктрины, занимались либо подражанием, либо плагиатом. Гитлер говорил, к примеру, что американская техника создана немцами, что арийцы дали государственность русским, что Англия выигрывала войны, потому что воевала «немецкой кровью», что в Ломбардии до сих пор еще чувствуется «арийский дух», что... христианство создано немцами, поскольку Христос – «ариец» (это «открытие» подхватили все нацистские издания).

Однако бредовую расовую теорию, как это ни прискорбно, распространяли не только Гитлер и его чиновники, но и некоторые люди науки. Так, например, физик лауреат Нобелевской премии Филипп Ленард опубликовал в 1936 году статью под характерным заглавием «Германская физика», в которой утверждал, что «арийская физика или физика нордического человека» определила развитие этой отрасли науки во всем мире. «Если народы других стран, – писал он, – ...создали научные ценности подобного типа... как немецкий народ, то только потому, что у них на том или ином отрезке преобладал нордический элемент». Довольно скоро после прихода Гитлера к власти один из новых деканов математического факультета произнес вступительную лекцию на тему «Математика – нордическая наука». Лауреат Нобелевской премии Ханнес Штарк хвалил «кадровую политику» нацистов, которая освободила Германию от «расово чуждых ученых», и «доказывал», что арийской биологии принадлежит приоритет во всех крупных научных открытиях.

Биологию, кстати сказать, в нацистском государстве «опекал» Розенберг. Он, между прочим, создал специальный институт биологии и расовой науки, Он же сформулировал одну из основных «научных» догм нацизма, согласно которой «мировоззрение национал-социализма должно пронизывать все науки». Особенно «пронизывало» оно историю. На собрании сотрудников «имперского института истории новой Германии» Вальтер Функ заявил, что история человечества есть история арийской расы и что новый институт должен превратиться в «генеральный штаб германской науки», который распространит этот нацистский тезис во всем мире.

Писателей, художников, ученых, которые служили нацистскому режиму, Гитлер осыпал милостями: давал им множество привилегий, а зачастую и прямых денежных подачек. Так, например, актерам Вольфгангу Либенэйнеру и Гансу Церлетту было «отвалено» по 30 тысяч марок, Фейту Харлану (постановщику антисемитской картины «Еврей Зюсс») – 40 тысяч марок, Карлу Фрелиху (мужу любовницы Геббельса Лиды Баровой) и Эмилю Яннингсу – по 60 тысяч марок и т. д. Писателей Гитлер освободил от «неприятностей», связанных с существованием литературной критики; – критика была попросту запрещена как не соответствующая «нордическому духу».

Подкуп, запугивания и открытый террор⁶² принесли свои плоды – литература, искусство и в значительной степени наука были превращены в составную часть нацистской пропаганды, в орудие оболванивания масс и воспитания их в нацистском духе.

Итак, первой задачей Гитлера было создание и укрепление нацистского аппарата насилия и аппарата пропаганды. Но этим отнюдь не исчерпывались внутривластные цели диктатора. Он хорошо понимал, что его власть будет непрочной до тех пор, пока ему не удастся создать некую тотальную идеологию, систему духовного господства нацизма над немецким народом.

В конечном итоге эта система должна была привести к добровольному подчинению

⁶² Сотни лучших представителей немецкой интеллигенции томились в концлагерях, десятки были уничтожены.

всех членов «народной общности» воле фюрера. Такая «добровольность» была куда более прочной основой власти, чем въедливая пропаганда, полицейские распоряжения и страх.

«Тотальная идеология» Гитлера

Среди факторов, обусловивших живучесть нацистского строя, идеология гитлеризма играла одну из главных ролей и вне этой идеологии невозможно понять ни силу воздействия самого Гитлера, ни опасность возрождения нацизма.

Однако на эту сторону вопроса западные исследователи почти не обращают внимания. Для большинства из них Гитлер – «демоническая личность», которая была наделена «гипнотической силой» и таким образом навязывала свою волю германскому народу. Эта теория очень опасна, поскольку рассматривает феномен гитлеризма вне рамок рационального.

Для раскрытия природы нацизма большое значение имеет анализ составных элементов его идеологии.⁶³

С помощью этой идеологии гитлеровцы пытались изменить саму систему мышления, логику и моральные критерии цивилизованных народов, в первую очередь немецкого народа. При этом фюрер действовал весьма хитро и коварно. Он понимал, что восстать против всего человеческого опыта и многовекового воспитания, объявив прежние нормы морали недействительными, – дело безнадежное. Способ Гитлера был иным – он их подменял, причем подменял постепенно, превратив в конце концов в свою противоположность, т. е. уничтожив. Можно говорить при этом об известной эскалации такого процесса подмены. Результат его заключался в том, что среди населения в значительной мере было вовсе утеряно понимание его истинного бесправного положения и аморальности политики и действий фюрера.

Не касаясь содержания гитлеровских идеологических доктрин, следует проиллюстрировать на нескольких примерах тактику Гитлера, при помощи которой его доктрины постепенно внедрялись в сознание масс.

10 ноября 1938 года фюрер изложил свою политику в речи перед представителями прессы. Текст этой речи держался в строжайшем секрете. Гитлер утверждал, что народ следует подготавливать постепенно к восприятию нацистских «истин». «Лишь обстоятельства вынудили меня, – сказал он, – в течение десятилетий говорить почти исключительно о мире. Только путем постоянного подчеркивания воли к миру и мирных намерений можно было шаг за шагом вернуть германскому народу свободу...» Теперь перед пропагандой, по его словам, стоят еще более сложные задачи – вернуть народу веру в победу: «Его (народ. – Авт.) надо; воспитать в абсолютной, упрямой, автоматической вере в то, что в конце концов мы добьемся всего, что нам необходимо».

В 1940 году Геббельс перед избранной аудиторией нацистских журналистов заявил: «Если кто-нибудь спросит нас, как вы представляете себе новую Европу, мы скажем, что не знаем этого. Конечно, у нас есть свои представления. Но если их выразить словами, то это умножит ряды наших врагов... Мы говорим сегодня «жизненное пространство». Каждый может под этим подразумевать, что хочет. То, чего мы сами хотим, мы раскроем лишь тогда, когда настанет время».

И наконец, нам хотелось бы сослаться еще на одно высказывание приближенного Гитлера, который, может быть, больше всех был посвящен в его истинные планы, – на речь Гимmlера по поводу так называемого «окончательного решения» еврейского вопроса.

⁶³ Конечно, было бы упрощением считать, что все эти элементы сложились сразу. Гитлер проделал определенную эволюцию не только как политик, но, если можно так выразиться, и как идеолог. Основы его мировоззрения были, как мы указывали, изложены еще в «Майн кампф». В конечном счете все последующие «наслоения» не изменили в принципе взгляды фюрера. Но с точки зрения тактической они имели огромное значение.

«Теперь вы знаете, в чем дело, – сказал он в кругу высших руководителей СС, – но должны это пока держать в секрете. Может быть, в более поздние времена надо будет сказать об этом германскому народу».

Итак, Гитлер понимал, что сообщить сразу сущность нацистской политики и идеологии, обнажить их цели, назвав все своими именами, нельзя. Подмену категорий морали, совести, права нацистскими доктринами он совершал, сообразуясь с обстановкой и степенью фашизации общественной и политической жизни страны.

Каков же «идейный багаж» Гитлера, который был призван стать «идейным багажом» миллионов немцев?

Можно ограничиться рассмотрением лишь некоторых «основополагающих идей», денно и нощно вдалбливаемых в головы немцев в нацистской Германии. Они отнюдь не равноценны, но, на наш взгляд, играли в своей совокупности решающую роль в низведении «морального облика» наиболее рьяных приверженцев фюрера до уровня варваров и палачей.

Первая из них – доктрина, провозглашавшая право на абсолютное господство фюрера над всем немецким народом и над каждым немцем в отдельности. Эта доктрина неразрывно связана с расовой теорией.

Расовая теория была действенным оружием в руках Гитлера. И главным образом антисемитизм. В беседе с Раушнинггом Гитлер сказал как-то, что «не будь в Германии евреев, их следовало бы выдумать», что антисемитизм – это «самое сильное оружие в моем пропагандистском арсенале».

Провозглашение евреев врагами нации служило для нацистов, как и для других реакционных правителей во все времена и эпохи, средством отвлечения народа от его истинных нужд и бед. Курт Бахман пишет в своей книге: «У антисемитизма постоянно была функция размывать классовые позиции, скрывать истинные причины общественных противоречий. «Расовая теория», по которой люди другого происхождения или иного цвета кожи являются неполноценными, ставит на место классовой борьбы миф о расе, крови, расизме».

Еще до сих пор критика расовой теории в западной литературе ведется несколько однобоко. Исследователи и публицисты совершенно справедливо обращают внимание на то, что главная ее цель заключалась в покорении других народов, в установлении системы рабства со всей Европе, при которой немцы играли бы роль хозяев и надсмотрщиков. Но наряду с этим расовая теория выполняла также внутривнутриполитические функции – она была направлена на порабощение большей части самого немецкого народа и на утверждение безраздельного господства Гитлера. В речи перед выпускниками офицерских школ в 1939 году, на которую мы уже ссылались, он делит весь немецкий народ на две неравные части – на громадное большинство, которое состоит либо из «нечистых арийских элементов», либо из «арийцев», лишенных «признаков господ», и на меньшинство – «чистых арийцев», да к тому еще наделенных качествами господ. Только последний слой имеет право на власть в стране. Остальные представляют собой, по выражению Гитлера, «женственный элемент», который только и жаждет подчиниться руководству «мужского элемента», т. е. «арийцев-господ». «Громадное большинство (немецкого народа. – Авт.), – говорил Гитлер, – не принадлежит к слою «арийцев-господ». Оно противостоит «нордически-господскому» элементу и составляет, я бы сказал, женственный элемент, обладает типично женственными качествами... Оно, подобно женщине, всегда мечтает о том, чтобы найти мужчину, который мог бы стать абсолютным господином ее жизни».

Гитлер развивает и далее эту свою идею и говорит о том, что точно так же, как женщина сопротивляется тому, чтобы ею овладел мужчина, так и большинство ненордических элементов в народе сопротивляется власти «арийцев-господ». Но «естественный закон» берет верх как тут, так и там: «мужской элемент» становится господствующим. «Те же самые немцы, – говорил Гитлер, – которые смеялись над нашими слабосильными буржуазными партийными руководителями... теперь в слепом повиновении маршируют в наших рядах. И они будут маршировать с нами до тех пор, пока наш

руководящий слой сохранит абсолютно господские и тем самым нордические черты».

Итак, господство меньшинства «нордических людей» над громадным большинством народа. Но как же определить принадлежность того или иного немца к «нордическому элементу»? Это может сделать, по логике нацистов, лишь прирожденный фюрер. «Выход в том, – вещал Гитлер, – чтобы произвести отбор фюреров». А произвести его может только самый верховный из верховных фюреров – нацистский диктатор. Только ему дано знать, кто пригоден и кто непригоден принадлежать к слою «арийцев-господ».

«Теоретические» откровения Гитлера всегда преследовали сугубо практическую цель. Фюрер неоднократно призывал к тому, чтобы «теория» служила практике.

В самом деле, присмотримся поближе к практическим последствиям разделения немецкого общества на «нордическо-господский» и «аморфно-женственный» элементы.

Прежде всего, такое разделение дало возможность произвести полную смену господствующего государственно-бюрократического слоя, создать свою привилегированную касту руководителей. Возвышение и низведение до уровня «руководимого» (т. е., по существу, слуги) целиком и полностью зависело от произвола фюреров. Ибо сами определения «нордически-господский» или «аморфно-женственный» были сугубо произвольными. Тем более, что почти все нацистские фюреры, включая самого Гитлера, Геббельса, Гимmlера, Розенберга, Штрейхера и многих других, по своим внешним и «анкетным» данным были далеки от трафаретного представления о «нордическом человеке».⁶⁴

Нацистское государство, как и любое другое буржуазное государство, было разделено на типичные для капиталистической системы классы и прослойки – монополистов и рабочих, крестьян и интеллигенции, ремесленников и коммерсантов, имущих и неимущих, эксплуататоров и эксплуатируемых. И вот наряду с этим естественным для капиталистической страны классовым расслоением Гитлер ввел новый принцип разделения общества, который как бы стоял над классами. Это было удобно в двояком смысле: с одной стороны, отвлекало народ от реальных противоречий, характерных для капиталистического общества, и тем самым от реальных врагов; с другой стороны, ставило фигуру фюрера выше общества, иными словами, позволяло легализовать господство невежественной, беспринципной и жестокой шайки нацистских головорезов, причисленных к слою «арийцев-господ».

Если перевести «теоретические» упражнения Гитлера на язык сухих цифр, то получится довольно внушительный итог. В речи перед обитателями ээсовской «орденской школы» в Зонтхофене (одного из гимmlеровских «интернатов») в 1937 году Гитлер заявил, что в нацистские организации вовлечены уже 25 миллионов немцев. А слой фюреров составил к этому времени 30 тысяч человек.

Итак, «фюреры выше народа». Не фюреры существуют для народа, а народ существует для того, чтобы возвеличивать фюреров, и дать им возможность осуществлять свои предначертания. И поэтому опять-таки вполне логично (с точки зрения Гитлера), что тогда, когда рухнули все планы и мечты фюреров, виновниками оказались не они, а народ, который не сумел их поддержать и понять. «В одном вопросе я тверд и холоден как лед, – сказал Гитлер накануне самоубийства, – если германский народ не готов бороться до конца за свое самосохранение, тем хуже – пусть он исчезнет с лица земли».

Что касается расовой теории в целом, то она, как уже сказано, должна была служить обоснованием права Гитлера и нацистской Германии господствовать над всеми другими государствами. Расовая теория давала не только чувство превосходства сравнительно узкому слою фюреров, причисленных к «арийскому» ядру внутри страны, но и нордической или

⁶⁴ Правда, Гимmlер одно время пытался выработать какие-то критерии для определения «арийцев-господ». Но эти критерии действовали только для узкой сферы – отрядов СС и к непосредственному выдвижению на государственные и партийные посты отношения не имели; даже в самих отрядах СС они становились все более необязательными и неопределенными, так как на практике оказались неосуществимыми.

«арийской расе» в целом. Эта последняя сторона достаточно подробно исследована во множестве книг, и в настоящей работе хотелось бы обратить внимание лишь на логическую цепь рассуждений, которыми Гитлер и его «пророки» обосновывали право на мировое господство «арийской расы».

Во главу угла Гитлер поставил тезис: раса превыше всего! Во имя интересов расы (повсюду речь у него идет, разумеется, об «арийской расе») все дозволено, можно и должно всем пренебрегать. «Над гуманистическим мировоззрением, – говорил он в речи в Зонтхофене, – сегодня одерживает победу понимание крови и расы... Это – всепобеждающая идея, которая, как могучая волна, прокатывается по миру».

Второе звено в цепи рассуждений Гитлера на ту же тему – тезис о том, что главным средоточием «арийской расы» является Германия и именно это дает ей право претендовать на особую роль в мире. Как выразился Гиммлер, разъясняя мысли фюрера о расовой теории в германской академии права, Германия – «сердце и мозг Европы, центр создающей арийской расы».

А раз так, то все остальные народы не только играют по отношению к Германии второстепенную роль, но неизбежно должны попасть к ней в подчинение. Высшая раса, утверждал Гитлер, всегда права в отношении низшей расы. Она выполняет некую историческую миссию, подчиняя себе страны, населенные другими расами, и уничтожая их как неполноценные. Если же высшая раса забудет свой долг, уклонится от возложенной на нее миссии, то она сама будет уничтожена.

Гитлер пытался вывести некий всеобщий закон «борьбы рас», согласно которому все развитие человечества будто бы определяется постепенным выдвиганием на руководящую роль в мире «арийской расы». Кульминационный пункт этого развития наступит тогда когда Германия, «центр арийской расы-созидателя», завоюет весь земной шар.

С предельной откровенностью эти мысли высказал Бальдур фон Ширах на совещании верхушки гитлерюгенда в 1937 году. Он призвал участников совещания готовиться к тому времени, когда осуществится «повеление истории» и «арийская раса» станет хозяином в мире. «Мы должны будем перейти к такой системе воспитания, – говорил он, – которая сделала бы нашу молодежь способной осуществлять господство над миром. Ибо для нашего народа мы не признаем никаких ограничений в развитии этой идеи. Нельзя говорить, что мы удовлетворимся тем, что хорошо устроимся на нашем пространстве. Нельзя сказать нашему народу: надо чем-то ограничиться. Если мы теперь это говорим, то только из политических соображений. Наша цель – руководство миром».

Логический вывод из всех этих рассуждений о роли «арийской расы» и ее исторической миссии – один: для того чтобы ускорить процесс возвышения «арийской расы», подтолкнуть историю, не надо останавливаться ни перед какими средствами. Чем скорее будут уничтожены «низшие расы» и чем быстрее Германия добьется руководящего положения, тем лучше. Для этого нельзя жалеть патронов. Из области теоретических рассуждений мы, таким образом, автоматически попадаем в область практики: истребления «низших рас», порабощения «неполноценных» народов. А к чему это привело, хорошо известно. К неслыханному истреблению миллионов людей разных национальностей. Так, в годы нацизма на «фабриках смерти», в концлагерях, были уничтожены шесть миллионов евреев, официально объявленных, согласно нюрнбергским законам, «низшей расой». Такая же участь постигла и другие народы, в первую очередь славянские.

Непосредственные исполнители всей этой варварской программы геноцида были изображены гитлеровцами не более и не менее как «чернорабочими истории» (выражение Гиммлера). Личный врач Гиммлера Керстен рассказал в своих мемуарах о беседе с рейхсфюрером СС, во время которой он, Керстен, спросил Гиммлера, не испытывает ли тот угрызений совести при исполнении своих «тяжких обязанностей». На что этот лицемер ответил: «Нельзя рассматривать эти вещи столь мелко, только с точки зрения собственного «я». Надо всегда иметь в виду германскую расу в целом. Кто-то должен принести себя в жертву, и этот человек не имеет права думать о себе».

В речи перед высшими руководителями СС в Познани в 1943 году Гиммлер призвал к тому, чтобы жалеть эсэсовцев, занимающихся массовыми карательными акциями, т. е. истреблением людей «низшей расы». «Я должен сказать вам, – отметил он, – что видеть все это омерзительно и ужасно. Карательная акция всегда будет вызывать самые тяжелые переживания у наших людей. Тем не менее они никогда не должны проявлять слабость, они должны стиснув зубы делать свое дело».⁶⁵

Мы коснулись двух «основополагающих идей» нацистского мировоззрения – расовой теории и теории абсолютного фюрерства. Попытались также проанализировать практическое предназначение этих идей и формы их государственно-политического воплощения. Попробуем проделать то же самое и в отношении третьей доктрины нацизма, вытекающей в известной мере из первых двух и являющейся их продолжением. Мы имеем в виду культ силы, Он был производным от расовой теории. В «борьбе рас», согласно теории Гитлера, выживает и побеждает наиболее сильная. Он утверждал: «Природа учит нас: если внимательно присмотреться к явлениям и процессам, происходящим в ней, то будет ясно – в мире господствует принцип естественного отбора – сильный побеждает, а слабый погибает...»⁶⁶

Отсюда Гитлер делал вывод, что единственно правильный образ мышления и единственно правильная «логика» – это та, которая ведет к умножению силы. «Быть арийцем, – сказал он в уже упоминавшейся речи в Зонтхофене, – значит ясно видеть; ясно видеть – значит мыслить и действовать логично; действовать логично – значит действовать целесообразно, а целесообразно я действую лишь тогда, когда добиваюсь такого состояния народа, которое делает его сильным».

А как можно сделать германский народ сильным? По-видимому, только одним: приобретением «жизненного пространства». Здесь фашистский культ силы тесно переплетался с теорией «жизненного пространства», изложенной в общей форме еще в «Майн кампф»; законченный вид эта теория приобрела в 1936 году, когда в повестку дня стал вопрос о практических выводах из этой теории – непосредственной подготовке к развязыванию мировой войны. Мы имеем в виду, прежде всего, пресловутый меморандум Гитлера о задачах четырехлетнего плана. Меморандум был написан в августе 1936 года (разумеется, в течение всего периода господства Гитлера он держался в строжайшем секрете) и был основан на таких главных, исходных «теоретических» положениях: Германия «перенаселена и не может прокормить себя собственными силами». «Окончательное решение этой проблемы может быть найдено лишь на пути расширения жизненного пространства». И, разумеется, только одним способом – силой. Отсюда Гитлер и сделал ряд практических выводов, сводившихся к тому, чтобы за четыре года подготовить Германию к войне.

Теорию «жизненного пространства» Гитлер использовал с целью обоснования бешеного перевооружения Германии и как средство запугивания обывателя. В выступлении перед «молодой сменой» СС в 1937 году он говорил на этот счет: «Невозможно обеспечить наш народ питанием на сколько-нибудь длительный срок на площади в 470 тысяч или даже 570 тысяч квадратных километров... Нельзя вечно мириться с этим... недостатком

⁶⁵ Какой-то «сердобольный» высший полицейский чиновник в Польше издал даже специальный приказ, в котором вменял в обязанность всем органам полиции проявлять особую чуткость и заботу о людях, проводящих массовые карательные акции, «учитывая их (палачей. – Авт.) тяжелое физическое состояние» после таких акций.

⁶⁶ Нетрудно найти «гносеологические» корни этих слов. Вообще вся гитлеровская теория о том, что выживают только сильные и что перед лицом природы слабый всегда неправ, есть весьма примитивное изложение социал-дарвинизма, представители которого пытались вывести из дарвиновского учения общественные и социальные закономерности. Кстати говоря, эти теории имели хождлые и среди реакционной части немецкой социал-демократии.

пространства, ибо это поведет к гибели нашего народа».

Мы знаем теперь, что на площади, составляющей чуть более половины территории бывшего нацистского рейха, т. е. на нынешней территории ФРГ, сравнительно высокий жизненный уровень обеспечивают себе примерно столько же немцев, сколько их жило в довоенной Германии.⁶⁷ Теория «жизненного пространства», равно как и все остальные нацистские теории, разоблачена перед всем немецким народом. Однако в то время угроза голодной смерти, которую нарисовал Гитлер, служила мощным средством пропаганды ненависти к другим народам и подготовки страны к войне. Гитлер добился в значительной мере того, о чем он говорил в одном из своих выступлений перед работниками прессы: «Представить события в таком свете, чтобы внутренний голос самого народа постепенно начал призывать к применению силы».

Вся цепь рассуждений Гитлера о роли силы в разрешении жизненно важных задач германского народа должна была подвести массы немцев к двум основным выводам. Во-первых, к необходимости превратить Германию в военный лагерь. Эту свою цель Гитлер раскрыл лишь в 1937 году в той же секретной речи в Зонтхофене. «Тогда наконец, – воскликнул он, – возникнет то «государство вооруженного народа», которое всегда стояло перед моим внутренним взором!» «Государство вооруженного народа»... не только потому, что каждый с юных лет и до преклонного возраста будет носить оружие, но и потому, что «народ будет внутренне готов пустить в ход это оружие». Во-вторых, к осознанию правомерности агрессии против любой страны, и главным образом, конечно, против Советского Союза, где Гитлер искал основное «жизненное пространство» для германского империализма. В 1939 году в речи на совещании в имперской канцелярии, на котором был дан приказ готовить вторжение в Польшу, Гитлер сформулировал этот вывод чрезвычайно лаконично и категорично: «Надо отказаться от идеи о том, что решать проблемы можно лишь применяясь к обстоятельствам. Необходимо приспособить обстоятельства к нашим требованиям. Без вторжения в чужие государства и присвоения чужой собственности это теперь уже невозможно».

Мы видим, весь ход рассуждений Гитлера о «жизненном пространстве» и силе подводит к совершенно практическим целям нацистской политики – подготовке к агрессии. Так Гитлер понимал единство теории и практики.

Гитлеру на всем протяжении его пути сильно мешали правовые установления и правовое сознание людей – как в международном плане, так и во внутривластном. Ликвидировать эти установления и искоренить все правовые нормы в сознании масс было одной из важных целей нацистов. Только так их власть могла стать действительно абсолютной, только так могли быть разрушены все преграды к установлению системы разбоя и произвола в международных отношениях.

Вот потому-то идея устарелости права, негодности любых правовых норм, которые могли бы ограничить волю фюрера, также является одной из центральных «основополагающих идей» Гитлера. При ее анализе попытаемся раскрыть и «систему мышления», с помощью которой она обосновывалась, и ее практические, т. е. политические, цели.

Если говорить о «системе мышления», то она в применении к культу бесправия основывалась на двух главных догмах, тесно взаимосвязанных: на уже разобранный тезисе о «фюрерстве» (фюрер превыше всего) и на иезуитской идее о том, что цель оправдывает средства, что фашизм как идеология выше права.

Сугубо практически этот тезис толковался так: для установления господства германского империализма над миром все средства хороши, а каждый, кто не согласен с этой целью, автоматически должен быть отнесен к стану врагов и не имеет права пользоваться

⁶⁷ Территория бывшего германского рейха в границах 1937 года составляла 470 тысяч кв. км, нынешняя территория ФРГ равна 248 тысячам кв. км. В нацистской Германии в 1939 году проживало 69,3 миллиона человек, а число жителей ФРГ составляло в 1977 году 59,5 миллиона человек.

защитой закона. Огромную роль в утверждении тезиса «цель оправдывает средства» сыграл антикоммунизм. В конечном итоге слово «коммунист» стало синонимом понятия «врага нации», самого худшего из худших преступников, подлежащих безусловному истреблению.

Все первые законы Гитлера, отменившие конституционные права и создавшие предпосылки для установления системы нацистского беззакония в стране, были приняты под предлогом «борьбы с коммунизмом». Коммунистическое мировоззрение квалифицировалось чуть ли не как уголовное преступление. Но это являлось лишь первым шагом для искоренения представителей всех взглядов, не согласующихся со взглядами фюрера. Вслед за коммунистами вне закона были поставлены социал-демократы, либералы и просто люди демократических воззрений. Нацисты сумели хорошо использовать антикоммунистическую истерию, охватившую не только правящие классы Германии, но и других капиталистических стран; под видом борьбы с «мировым коммунизмом» они творили все свои беззакония – создавали первые концлагеря, пытали людей, казнили неугодных Гитлеру деятелей без суда и следствия. Эта практика – под тем же антикоммунистическим предлогом, перенесенная за пределы Германии, – привела ко всем тем зверствам и ужасам, которыми сопровождалась нацистская агрессия.

Фиксируя внимание читателей на «основополагающих идеях» Гитлера и раскрывая систему его мышления и логику, мы отнюдь не считаем, будто здесь сколько-нибудь исчерпаны показ и разоблачение нацистской идеологии. Однако ясно одно: она играла большую роль в одурманивании миллионов немцев и в подготовке Германии к грабительской войне.

* * *

Нацистская партия, террористический аппарат и наисовременнейшие средства массовой пропаганды, полностью поставленные на службу варварской идеологии нацизма, – таковы были «три кита», на которых покоился гитлеровский рейх. Понадобились всего лишь три года (1933–1936), чтобы, как выражался Гитлер, «вчерне» построить «коричневую империю». Всего три года, и Германию нельзя было узнать. Она превратилась в колоссальную казарму, где хозяином оказался прусский ефрейтор австрийского происхождения. Жестокий и коварный солдафон, хитрый, целеустремленный и фанатичный политик.

ГЛАВА VI НАВСТРЕЧУ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Основы нацистской дипломатии

В зените славы Гитлер любил хвастаться тем, что он выполнил все внешнеполитические обещания, которые дал немцам еще на заре своей карьеры в двадцатых годах. И в самом деле, проследивая милитаристские акции Гитлера – от ликвидации отдельных статей Версальского договора до завоевания более половины Европы, удивляешься, с какой последовательностью ему удалось провести в жизнь первую часть программы, сформулированной в «Майн кампф».

Если взгляды фюрера на развитие общества можно определить как самый примитивный и вульгарный социальный дарвинизм, то его воззрения в области внешней политики сложились под сильным влиянием геополитиков. Основателями «учения» геополитиков считаются Фридрих Ратцель и Рудольф Челлен. Первый из них издал свои основные труды еще в конце прошлого века: «Политическую географию» в 1887 году и «Антропогеографию» в 1891 году. Главное произведение второго – «Великие державы современности» – вышло в самый канун первой мировой войны – в 1914 году. В

националистических кругах Германии и Австрии эти труды в начале века и в первые годы после войны 1914–1918 гг. пользовались большой популярностью. Биографы сообщают, что Гитлер еще в юности увлекался геополитикой и был знаком с выводами Ратцеля и Челлена; правда, их он черпал так же, как и выводы Других теоретиков, не из самих сочинений основоположников модной «науки» (для чтения толстых трактатов геополитиков ему не хватало ни усидчивости, ни необходимого культурного уровня), а из популярных брошюр эпигонов геополитики, которые распространялись тогда массовыми тиражами в Вене и Мюнхене.

Из учения геополитиков фюрер заимствовал прежде всего теорию «жизненного пространства». О ее значении для нацистской идеологии уже было сказано. Сейчас осталось только рассмотреть конкретное применение теории к области внешней политики. В «Майн кампф» Гитлер писал: «Внешняя политика национального государства имеет своей целью обеспечить существование объединенной в государстве расы посредством создания здорового, жизненного и естественного соотношения между числом и ростом населения, с одной стороны, и величиной и качеством пространства – с другой... Только достаточно обширное пространство на земле может обеспечить народу свободу существования».

Всю историю человечества Гитлер свел к истории борьбы за «жизненное пространство». Борьба эта, как он утверждал, всегда носила и неизбежно должна носить жестокий, кровопролитный характер. «Сегодня я руководствуюсь здравым пониманием того, – писал он, – что утерянные области... можно вернуть себе только остро отточенным мечом, иными словами, только путем кровавой борьбы».

Однако Гитлер не просто перенял, но и «усовершенствовал» учение геополитиков. Право на сформулированную выше «геополитическую пропорцию» между числом населения и размером пространства, на котором оно проживает, он признавал лишь за одним немецким народом, за «арийской расой». Сочетание геополитики с нацистской расовой теорией придавало учению Ратцеля и Челлена особо агрессивный характер и составило суть нацистской внешнеполитической доктрины.

Весь опыт истории и элементарное знание социальных условий и предпосылок развития общества в корне опровергали выводы нацистских геополитиков. Но научная достоверность меньше всего интересовала Гитлера. Он искал нечто совсем иное – доходчивый и эффективный способ обоснования политики захватнических войн. И именно это он нашел в теории «жизненного пространства». Не случайно для шовинистов различных мастей она остается и поныне наиболее удобным прикрытием их агрессивных устремлений и планов.

В «Майн кампф» сформулирована, однако, не только исходная внешнеполитическая концепция агрессивных кругов Германии, но и их непосредственная цель, стратегия и тактика.

Что касается непосредственной цели, то она определена в сочинении Гитлера как «собрание немецких земель», образование в центре Европы мощного рейха, германского «костяка», состоящего не только из собственно Германии, но и из всех территорий, населенных немецкими меньшинствами или народами, причисленными нацистами к «немецкой культуре». Немецкая «национальная» внешняя политика, вещал Гитлер, начнет с того, чем кончил четыреста лет назад Карл V, она сколотит германский рейх в исторических его границах. Цель этой политики, продолжал он, подчинить германскому руководству Голландию, Бельгию, Северную Францию, Эльзас и Лотарингию, Люксембург, Швейцарию, Австрию, Чехословакию, часть Югославии и Румынии и прибалтийские страны. Необходимо создать, писал он, «единый блок из ста миллионов немцев» для проведения истинно немецкой политики в Европе.

Но созданием «германской империи» отнюдь не ограничивались честолюбивые планы фюрера. После этого, согласно его доктрине, должен был наступить новый этап – завоевание «жизненного пространства» за счет «ненемецких» территорий.

Гитлер не только воспринял, но и сделал центром своей внешнеполитической

программы старую политику германского империализма – политику «дранг нах Остен», т. е. экспансию на Восток. Но в его «учении», слившись с теорией «жизненного пространства», она приобрела особо воинственный характер.

На Западе Гитлер намеревался, прежде всего, уничтожить силы, которые были способны воспрепятствовать его экспансионистской политике и завоеванию господствующих позиций в континентальной части Европы. Такой силой Гитлер считал в первую голову Францию. «Смертельным врагом Германии остается Франция, ее гегемония в Европе должна быть уничтожена», – писал он в «Майн кампф». Но борьба с Францией, по замыслам Гитлера, являлась лишь подготовительным этапом для дальнейшей агрессии. «В уничтожении Франции, – писал он, – Германия должна видеть только средство для того, чтобы обеспечить немецкому народу расширение границ в другом месте» (т. е. на Востоке. – Авт.).

В антифранцузской политике Гитлер рекомендовал опираться на союз с традиционными соперниками Франции. «В Европе в обозримое сейчас время для Германии могут существовать лишь два союзника, – писал он, – Англия и Италия». Однако, по его планам, союз с англичанами и итальянцами опять-таки следовало подчинить основным целям германской агрессии, которые включали в себя расправу с... англичанами и итальянцами. Правда, Гитлер не собирался уничтожать Англию и Италию. Англию он хотел лишить наиболее прибыльных колоний и, сделав подвассальным государством, поручить ей наблюдение за остальным колониальным миром. Италии была уготована роль главного германского стража в бассейне Средиземного моря. Обе страны, а также Финляндию, Швецию, Норвегию и Испанию Гитлер рассматривал как «вспомогательные государства», которые под руководством «немецкой расы господ» призваны поддерживать «железный порядок» в Европе. И наконец, все эти планы агрессии венчал еще один «тотальный план» – план установления «мировой нацистской империи». Лишь таким путем, лицемерно утверждал Гитлер, «человечество добьется... победы пацифистской идеи», т. е. уничтожения войн (поскольку немцам уже не за что будет воевать! – Авт.). «Тот, кто искренне добивается победы пацифизма, – продолжал демагогически разглагольствовать Гитлер, – должен всеми средствами содействовать завоеванию мира немцами».

Подытоживая все сказанное, мы видим, что стратегический план Гитлера, изложенный в «Майн кампф», состоял из трех основных ступеней: 1. Уничтожение Франции. Союз с Англией и Италией и создание тем самым предпосылок для завоевания «жизненного пространства» на Востоке. 2. Уничтожение СССР, завоевание гегемонии в континентальной части Европы и создание необходимых условий для войны с Англией. 3. Уничтожение Англии и завоевание обширных колониальных пространств, создание предпосылок для осуществления планов мирового господства «германо-арийской» расы.

Из всего вышесказанного ясно: внешнеполитические цели Гитлера целиком и полностью соответствовали надеждам и чаяниям агрессивных кругов монополистического капитала и реакционной военщины.

Но в условиях поверженной в прах Германии двадцатых годов, Германии с безнадежно расстроеной экономикой и с безудержной инфляцией, проекты фюрера должны были показаться громадному большинству политиков, журналистов – одним словом, всем тем, кто формировал тогда общественное мнение в стране, – бредом сумасшедшего. Точно так же отнеслась к внешнеполитическим планам Гитлера и европейская общественность.

Широким кругам, не испытавшим ужасов второй мировой войны, трудно было поверить в ту пору, что порождения фантазии Гитлера могут и впрямь стать программой одной из культурнейших стран мира. Не верили они в это и тогда, когда, по сути дела, было уже слишком поздно: в первые годы после того, как Гитлер стал фюрером германской империи. Многие, очень многие не только в Германии, но и за ее пределами еще утешали себя тем, что дикие нацистские лозунги периода борьбы за власть были для Гитлера лишь средством добраться до канцлерского кресла. Были и такие, кто считал: власть сделает сего деятеля более «разумным». Но и этой иллюзии суждено было вскоре рассеяться. В первые

два года правления Гитлера могло показаться, впрочем, что события оправдывают точку зрения легковверных политиков Запада. В эти годы Гитлер говорил немало слов и совершал некоторые акции, которые, на первый взгляд, шли вразрез с внешнеполитической программой, сформулированной в «Майн кампф». Без учета этого обстоятельства трудно понять многие действия западноевропейских политиков и общую настроенность европейского общественного мнения.

Гитлер начал свое правление шумной кампанией под лозунгом «Германия хочет мира». «Миролюбие» нового правительства подчеркивалось уже в первом воззвании кабинета Гитлера от 30 января 1933 года. С развернутой внешнеполитической программой новый канцлер выступил перед всем миром несколько позже: в мае 1933 года. Эта речь Гитлера в рейхстаге произвела сенсацию, поскольку по тону и аргументации звучала как призыв к миру, как стопроцентный пацифизм. «Никакая европейская война, – говорил Гитлер, – не могла бы изменить к лучшему нынешнее неудовлетворительное положение вещей... Наоборот, успех политики насильственных решений в Европе мог бы лишь усилить нарушение европейского равновесия и создать узел новых противоречий и конфликтов в будущем». Гитлер апеллировал к классовому сознанию европейской буржуазии, предупреждая ее о неизбежных социальных последствиях новой войны. «В конечном счете такое безумие привело бы к краху современного общественного и государственного порядка. Европу захлестнул бы коммунистический хаос...» Гитлер заявил, что Германия будет уважать национальные права других народов и желает жить с ними в мире и согласии. Новое правительство откажется от всех видов оружия, если другие народы пойдут на разоружение. «Оно (правительство. – Авт.) убеждено, – патетически воскликнул Гитлер под бурные аплодисменты своего лжепарламента, – что сегодня может существовать лишь одна задача – обеспечение мира во всем мире».

В дальнейшем Гитлер неоднократно повторял миролюбивые декларации. В выступлении по радио в мае 1933 года (в связи с выборами в Данциге, вызвавшими большое беспокойство в мире из-за беспардонного вмешательства нацистов во внутренние дела «свободного города») он заявил буквально следующее: «Национал-социализм не добивается никакого изменения границ за счет других народов... Мы не хотим войны. Мы никогда не будем пытаться подчинить себе чужие народы». Несколькими месяцами позже в интервью корреспонденту английской газеты «Дейли мейл» Уорду Прейсу Гитлер вновь выступил как горячий пацифист. Он ссылаясь при этом на собственный опыт фронтовика и с пафосом восклицал: «Никто здесь не хочет войны!.. Неужели вы думаете, что мы растим нашу молодежь только для того, чтобы опять потерять ее на полях войны?» А в другом интервью корреспонденту французской газеты «Матэн» Гитлер уверял, что он навсегда отказался от Эльзаса и Лотарингии и сообщил немецкому народу об этом своем решении.

Наконец, нельзя пройти мимо «знаменитой» речи Гитлера 21 мая 1935 года, на которую фюрер впоследствии неоднократно ссылаясь как на свидетельство своего миролюбия. Речь эта являлась кульминационным пунктом пропагандистской «мирной кампании» и одновременно знаменовала ее конец. Дело в том, что эту свою речь Гитлер произнес через несколько дней после введения всеобщей воинской повинности в Германии и замены рейхсвера вермахтом, иными словами, сотысячного войска сильнейшей массовой армией. В ту пору Гитлер боялся контрмер Англии и Франции и лгал направо и налево. Зато, когда обнаружилось, что его игра выиграна и что создание новой военной машины, машины истребления и войн, прошло безнаказанно, тон фюрера резко изменился. «Мирная кампания» кончилась.

В упомянутой речи Гитлер сделал ловкий тактический ход: он предложил всем странам заключить с нацистской Германией пакты о ненападении. Общественность была сбита с толку. Одновременно Гитлер провозгласил, что отныне у Германии нет никаких претензий к другим державам. Под конец он заявил: «Тот, кто поднимает сегодня в Европе факел войны, хочет ввергнуть ее в хаос...»

В исторической литературе гитлеровская внешняя политика с 1933 по 1935 год

получила наименование политики «мнимого миролюбия». Насколько умело Гитлер проводил ее, видно из того, что ему удалось убедить в своей искренности двух таких опытных и хитрых государственных деятелей, как известный лейбористский лидер Лэнсбери и бывший премьер-министр Англии либерал Ллойд-Джордж. Лэнсбери нанес визит Гитлеру и имел с ним беседу о возможностях «мирного перераспределения» источников сырья на земном шаре. Беседа лейбориста с обер-фашистом была использована нацистской пропагандой для шумной рекламы «мирных устремлений» гитлеровского режима. Ллойд-Джордж пошел еще дальше, он несколько раз публично выступал в защиту нацистских требований, заверяя общественное мнение, будто Гитлер добивается лишь «равноправия» Германии.

Из всего вышесказанного видно, что уже с самых первых дней своего правления Гитлер не останавливался перед наглой ложью. Конечно, у каждой империи были свои секреты, и искусство дипломатии в буржуазном обществе давно уже определяется умением скрывать подлинные замыслы и обманывать как врага, так и партнера. Но никогда еще разрыв между словами и делами, между обещаниями и истинными намерениями не был столь велик, как в практике нацистской Германии. Гитлер доказал, что в XX веке фашистский диктатор практически вообще не связан ни словом, ни честью, ни обещаниями, ни программой. Обязательства и договоры для него «клячки бумаги». Он может совершить любой «поворот» в течение любого наикратчайшего срока. Бесконтрольность и страх являются его оружием, забывчивость и легковёрность – его союзником. Ссылка на общественное мнение и народ у такого «сверхчеловека» может вызвать лишь презрение. «Большинство народа, – писал Геббельс, передавая сокровенные мысли фюрера, – всегда было глупым и грубым и никогда не имело цели. Оно охотно дает обманывать себя фантазерам и политическим жонглерам». Именно этими «убеждениями» и руководствовался Гитлер в области внешней политики (так же, впрочем, как и во внутренней) и в области обработки общественного мнения Запада.

Что же творилось в годы «мнимого мира» за внешнеполитическими кулисами «коричневой империи»?

Документы, касающиеся закулисной стороны внешней политики Гитлера в эти первые годы, довольно скудны: фюрер был тогда еще слишком робок, чтобы выкладывать без стеснения даже в узком кругу свои намерения; он еще не вкусил по-настоящему от плода безграничной власти и чувство безнаказанности еще не полностью овладело им.

Тем большую ценность представляют собой некоторые протоколы заседаний гитлеровского кабинета от 1933 года, заседаний, на которых фюрер был более откровенен, чем обычно. Так, например, на заседании в апреле были даны установки, которые во многом объясняют поведение нацистов в первые два года их правления. Доклад на этом заседании сделал министр иностранных дел Нейрат; кабинет лишь «принял к сведению» его довольно откровенную декларацию, которая, несомненно, была заранее согласована с Гитлером. Говоря о линии поведения на ближайшие месяцы, Нейрат заявил: «Территориальные ревизии границ мы можем поставить в порядок дня лишь после того, как укрепим в военном, политическом и финансовом отношениях. До тех пор мы должны довольствоваться эффективной пропагандой, в основу которой следует положить 14 пунктов Вильсона... Нашей главной целью остается изменение границ на Востоке. Речь может идти лишь о тотальном решении этого вопроса, промежуточные и частичные решения следует исключить».

Итак, лозунг гитлеровцев гласил: с территориальными требованиями необходимо повременить, пока не будет создана военная сила, а тогда уже следует приступить к «тотальному» решению – главным образом на Востоке. Что касается времени выжидания, то его рекомендовалось заполнить мирной болтовней в вильсоновском духе. Памятуя о программе, изложенной в «Майн кампф», Нейрат подчеркивал, что правительство должно взять курс на союз с Англией и Италией. Заканчивал он свой доклад следующими словами: «Наш конечный вывод сводится к тому, что следует избегать внешнеполитических конфликтов до тех пор, пока мы полностью не окрепли. На первых порах мы сосредоточим

свои усилия на экономических вопросах (имеется в виду создание военной экономики. – Авт.), с тем чтобы любой ценой избежать военных осложнений, с которыми мы сейчас не в состоянии справиться... Нам следует поэтому не допускать каких-либо провокационных акций и добиваться тесного сотрудничества с Англией и Италией».

Другое важное заседание кабинета, посвященное внешнеполитическим вопросам, состоялось уже в октябре 1933 года, за два дня до выхода Германии из Лиги наций. Эта первая крупная внешнеполитическая акция фюрера, предпринятая еще с одобрения Гинденбурга, имела целью развязать руки нацистскому правительству в деле перевооружения Германии. Гитлер довольно ловко избрал время для своего шага: полный тупик в переговорах о разоружении, которые велись тогда в Женеве. Объявив о том, что в создавшихся условиях Германия не может больше возлагать надежды на успех женеvских переговоров, Гитлер сообщил о решении германского правительства действовать на свой страх и риск. И далее он потребовал признания «равноправия» Германии в области внешней политики.

Заседания, на которых обсуждался вопрос о выходе Германии из Лиги наций, продолжались много часов вечером 13 и утром 14 октября. Дело в том, что Гитлер затеял первую серьезную авантюру и приступил к ней не без робости – он явно боялся решительных контрдействий со стороны Франции и Англии. Дальнейшее участие в переговорах по разоружению, а тем более подписание конвенции, предложенной Англией, объявил он своему кабинету, ограничило бы свободу действий Германии. Особенно пугало Гитлера то, что конвенция предусматривала контроль над вооружениями. «Германия не может позволить себе роскошь подписать такой договор, – заявил он. – Поэтому необходимо провалить проект и взорвать тем самым всю конференцию по разоружению. При создавшихся обстоятельствах мы должны решиться на какие-то действия. Путь переговоров сейчас закрыт». Гитлер предложил покинуть конференцию и выйти из Лиги наций. «В нынешнем положении, – продолжал он, – каша позиция может быть усилена тем, что мы одновременно... распустим рейхстаг, назначим новые выборы и призовем народ путем референдума высказаться за миролюбивую политику правительства. Этими мерами мы лишим остальной мир возможности обвинить Германию в проведении агрессивной политики. Такое поведение даст нам, кроме того, возможность привлечь внимание мира к совершенно иным событиям». К этому Гитлер добавил фразу, которая в его устах звучала весьма странно и которую в дальнейшем ему уже не приходилось повторять. «Имперский канцлер просит (!) членов имперского правительства согласиться с предложенными мерами».

Конечно, в приведенном отрывке язык фюрера еще не столь откровенен. Ведь карьера Гитлера как диктатора только-только началась! Но ход мыслей, направленность политики, мотивы действий проступают и здесь уже достаточно отчетливо. Цель предложенной акции по взрыву конференции и по выходу из Лиги наций ясна: неограниченное и быстрое перевооружение Германии. Предельно ясны и мотивы первого большого спектакля – референдума, организованного после прихода к власти: отвлечь внимание мировой общественности от подготовки к агрессивной войне и от кровавых расправ внутри страны. Единственное, чего боялся Гитлер, это того, что западные страны разгадают его довольно нехитрую тактику и призовут Германию к порядку. На заседании кабинета он предупреждал, что следует ожидать санкций со стороны Англии и Франции, и призывал членов кабинета «не терять головы» (сам он, по-видимому, все же порядочно струсил), Фюрер боялся, что его акция не пройдет гладко. Только так можно объяснить отданный Бломбергом по указанию Гитлера приказ армии. В приказе говорилось: «В первую очередь следует ждать оккупации некоторых немецких территорий». «Имперское правительство... – было написано далее, – независимо от шансов на успех окажет вооруженное сопротивление местного масштаба».

Уже значительно позже, в ноябре 1939 года, Гитлер вспоминал в кругу своих генералов: «В ходе внутренней реорганизации (рейха. – Авт.) я поставил перед собой еще одну задачу: освободить Германию от международных обязательств. При этом должны быть

особенно выделены два события: выход из Лиги наций и срыв конференции по разоружению. Принять эти решения оказалось тяжело. Число пророков, предсказывавших, что они приведут к оккупации Рейнской области, было велико, число верующих – очень незначительно. Я провел свои решения, опираясь на народ, который весь непоколебимо стоял за меня. После этого последовал приказ о перевооружении».

Уступчивость Запада объяснялась, конечно, отнюдь не только его легковёрностью. Поистине олимпийское спокойствие, которое проявили в это время западноевропейские политики, было вызвано их желанием руками Гитлера расправиться с коммунизмом, натравить нацистов на Советский Союз. Англию и Францию привлекал антикоммунизм фюрера, и, надо сказать, Гитлер ловко использовал эту ахиллесову пяту своих весьма коварных, умудренных опытом противников. И все же легкость, с какой западные державы фактически санкционировали агрессивные акции гитлеровского правительства, неизменно вызвала удивление Гитлера и рождала в нем нечто вроде чувства презрения к государственным мужам западноевропейских стран. Ведь он-то хорошо знал, что создание вермахта было обращено не только против Востока, но и против Запада. В порыве откровенности Гитлер сказал в кругу видных военных еще в феврале 1933 года: «Самым опасным для нас временем будет период создания вермахта. Вот когда мы узнаем, есть ли во Франции государственные деятели. Если есть, они не дадут нам времени и нападут на нас сами...»

Увы, опыт показал, что государственных деятелей, понимавших всю меру фашистской опасности, не оказалось ни во Франции, ни в Англии. Ослепленные антикоммунизмом, они предоставили Гитлеру «карт-бланш». Перевооружение Германии фюрер осуществил без всякого сопротивления со стороны Запада.

Агрессор набирает силу

Приказ о перевооружении последовал почти сразу же после выхода Германии из Лиги наций. Гитлер дал указание увеличить за год, т. е. к октябрю 1934 года, численный состав армии втрое – со ста до трехсот тысяч. Спустя шесть месяцев он решил пойти еще дальше: оповестил тогдашнего начальника генерального штаба Людвиг Бек о том, что не позже 1 апреля 1935 года аннулирует все военные ограничения Версальского договора и введет всеобщую воинскую повинность.⁶⁸

В то же время в Германии в широких масштабах началась милитаризация экономики. Перед промышленностью были поставлены две задачи: создать достаточное количество оружия, причем новейшего образца, для снабжения массовой, многомиллионной армии и обеспечить максимальную независимость Германии от ввоза стратегического сырья и топлива, особенно бензина и каучука.

Во время процесса Круппа и заправил «ИГ Фарбениндустри», состоявшегося в американской зоне оккупации после второй мировой войны, выяснились некоторые любопытные детали практики перевооружения. Так, например, Крупп заявил, что большинство пушек, которые гитлеровская армия применила на полях сражения в 1939–1941 гг. до нападения на Советский Союз, было произведено уже в конце 1933 года. Концерн «ИГ Фарбениндустри» получил в 1933 году задание довести за три года производство синтетического бензина до 300 тысяч тонн в год. К этому времени концерн справился и с другой задачей, поставленной перед ним Гитлером и потребовавшей огромных затрат, – изготовил синтетический каучук (так называемый «буна»).

В начале 1934 года Гитлер приказал приступить к строительству двух линкоров

⁶⁸ По Версальскому договору Германия имела право держать всего лишь сотысячную армию, формируемую на основе добровольности, ей не разрешалось создавать свои военно-воздушный и подводный флоты, свой генштаб и военные академии, а ее военно-морские силы должны были состоять из строго ограниченного количества судов лимитированного тоннажа.

водоизмещением в 25 тысяч тонн каждый – такой тоннаж линкоров в два с половиной раза превосходил разрешенный Германии по условиям Версальского договора. Одновременно в Германию были доставлены по частям 12 подводных лодок, тайно построенных на верфях Испании и Финляндии; фюрер велел до 1935 года хранить их в разобранном виде. Но в дальнейшем подводные лодки строились уже немецкими фирмами в самой Германии.

В начале 1934 года нацистский совет обороны утвердил огромный список предприятий (включая мелкие и мельчайшие), которые должны были перейти на военное производство.

Военная промышленность быстро набирала темпы – производство оружия росло не по дням, а по часам, и вместе с ним росли баснословные прибыли концернов. Монополистам не на что было жаловаться: Гитлер выполнял и перевыполнял свои обещания. Доходы концерна Круппа, например, за два года «мнимого миролюбия» почти удвоились (они составляли в 1933 году 118 миллионов марок, а в 1935 году – 232 миллиона марок); за следующее пятилетие, т. е. до 1940 года, они выросли еще почти в два раза (до 421 миллиона марок). Чистая прибыль концерна «Ферейнигте штальверке» возросла почти в четыре раза (с 6,2 до 21 миллиона марок).

Когда гросс-адмирал морского флота Редер в беседе с Гитлером выразил свою озабоченность в связи с тем, что новая программа увеличения флота потребует мобилизации огромных средств, фюрер быстро успокоил адмирала. «В крайнем случае, – записал Редер слова Гитлера, – он даст распоряжение Лею предоставить 120–150 миллионов марок из средств «Трудового фронта». «Эти средства, – добавил он цинично, – в конечном итоге все равно пойдут на пользу рабочим». Разгромив и ограбив профсоюзы, Гитлер не остановился перед тем, чтобы за счет профсоюзов финансировать рост вооружений!

Конечно, наиболее сложной была на первых порах проблема финансирования гигантской военной программы. Но здесь на помощь фюреру пришел «финансовый гений», т. е. «гений» темных финансовых махинаций Яльмар Шахт. В своей ставке в Растенбурге в 1942 году Гитлер с большим удовольствием вспоминал о финансовых аферах того времени. «Шахт понял, – сообщил он своим слушателям за обеденным столом, – что без миллиардных сумм любая политика германского перевооружения будет выглядеть смешной. Когда речь шла о суммах, до 8 миллиардов марок, он никогда не отказывал в содействии... И он обнаруживал редкостный ум, когда надо было кого-либо перехитрить (вместо слова «перехитрить» Гитлер употребил нецензурное выражение. – Авт.). Благодаря своей непревзойденной способности обманывать он был просто незаменим». И далее Гитлер поведал об одном из самых грандиозных финансовых мошенничеств Шахта: по его совету германское правительство обесценило ценные бумаги Германии (акции, государственные обязательства), хранившиеся в банках других стран. Затем оно тайно скупило эти бумаги по курсу 12–18 процентов номинальной стоимости и вновь продало внутри Германии за настоящую цену. Прибыль от этой махинации составила 80 и более процентов: Гитлер «заработал» на афере с ценными бумагами свыше 250 миллионов марок.

Но в конце концов даже Шахт «пресытился» головокружительными финансовыми трюками Гитлера и ушел в отставку сначала с поста министра экономики, а потом и президента Рейхсбанка. Гитлер оказался куда более «масштабным» и бессовестным обманщиком, нежели Шахт. Вопреки советам всех финансовых экспертов, предсказывавших экономическую катастрофу «третьего рейха», фюрер беззастенчиво увеличивал государственный долг, выколачивая средства для перевооружения. Он играл ва-банк. Вот некоторые цифры, дающие представление об этой аванюре: задолженность Германии составила в конце 1932 года 8,5 миллиарда марок, в 1939 году – 47,3 миллиарда марок (т. е. выросла почти в 6 раз!), а к концу войны – 387 миллиардов марок. Расходы на вооружение за первые два года правления Гитлера достигли около 6 миллиардов марок, а в одном лишь 1938 финансовом году выросли до 18,4 миллиарда марок. Это составило 58 процентов всех бюджетных расходов Германии.

Мало-мальски сведущим экономистам было ясно, что Германия идет к финансовой катастрофе. Они не учли лишь одного – Гитлер шел к ней сознательно. Перед ним маячила

ясная цель – война, а война, говорил он себе, все «спишет». Повторяем, это была сознательная «политика на грани катастрофы» и затрагивала она отнюдь не только финансы, но и всю государственную жизнь в целом.

Вот каким образом сам Гитлер сформулировал «принципы» этой беспрецедентной политики в одной из своих «застольных бесед». «Точно так же, как в тот период (имеется в виду 1932 год, канун захвата власти) я подписывал долговые обязательства национал-социалистской партии, полностью сознавая, что если борьба НСДАП не увенчается успехом, все мы погибли, так и сегодня я подписываю долговые обязательства Германии, твердо веря в нашу победу и будучи убежден, что если мы не выиграем войну, все и так пойдет прахом, и что в этом случае, чем больше долгов, тем лучше».

Эти слова – целая программа, установка всей жизни. Их можно было бы назвать исповедью свержавантюриста, но и такое определение звучит слабо. История видела немало отчаянных авантюристов-политиков. Но в какой-то степени все они оставались государственными деятелями в общепринятом смысле слова: они не переходили той грани, когда сама судьба нации становилась разменной монетой в безнадежной азартной игре. Гитлер вышел за эту грань, и говорить о нем как о государственном деятеле в общепринятом смысле слова трудно...

Создание военной промышленности и массовой армии было лишь одной стороной милитаризации Германии. Другая сторона заключалась в воспитании народа в духе агрессии.

Огромную роль в подготовке Германии к войне сыграла пропаганда запугивания и ненависти, т. е. пропаганда, которая пугала обывателя мнимыми планами и намерениями «врагов фатерланда» и старалась разжечь ненависть немцев к этим «врагам».

Мы уже говорили, что Германия была отрезана от всех зарубежных источников информации, изолирована от остального мира. Это существенно облегчало задачу Гитлера. К тому же фюрер сразу провел резкую грань между пропагандой, направленной на за границу, и внутренней пропагандой. Разрыв между ними стал поистине вопиющим: Берлин передавал по одной программе, рассчитанной на за границу, самые миролюбивые и дружественные высказывания, например, о Франции. И в тот же день немецкое радио внутри страны изрыгало Дикую брань и инсинуации по адресу той же Франции. Особенно разительным этот разрыв стал в годы заигрывания с Польшей (1934–1938). Официально Польша объявлялась «лучшим другом и союзником» Германии, а в это время пропаганда, рассчитанная на рейх, вела яростную шовинистическую антипольскую кампанию, изображала поляков «недочеловеками», подлежащими уничтожению. До такого виртуозного «разделения труда» между пропагандистами, обслуживающими за границу, и пропагандистами, работавшими на внутренний рынок, до Гитлера никто еще не додумывался.

Но лживая пропаганда была отнюдь не единственным средством одурачивания народа. С первых же дней прихода к власти Гитлер поставил себе целью превратить немцев в соучастников всех его агрессивных акций и авантур. Фюрера и народ, по его замыслам, должно было связывать нечто вроде «общности преступлений» и в области внешней политики. Свои мысли на этот счет Гитлер изложил в речи на секретном совещании гаулейтеров в Берлине в феврале 1934 года. «Именно в области внешней политики важно, – поучал он своих сатрапов, – чтобы весь народ действовал как бы под гипнозом и безоговорочно поддерживал свое руководство; необходимо, чтобы вся нация по-спортивному, страстно следила за борьбой; это необходимо, ибо, если вся нация участвует в борьбе, она ответственна и за проигрыш. Если же нация ни в чем не заинтересована, то проигрывают лишь руководители. В первом случае гнев народа падет на противников, во втором – на фюреров».

Одним из средств привлечения «интереса» немцев к гитлеровской внешней политике, в том смысле, как это понимал Гитлер, были нацистские референдумы – народные опросы. Первый из них состоялся, как уже говорилось выше, в ноябре 1933 года: на голосование был поставлен вопрос, одобряет или нет избиратель выход Германии из Лиги наций и ее отказ

участвовать в конференции по разоружению. В референдуме участвовало 96 процентов избирателей. 95 процентов из них «одобрили» акцию Гитлера.

Миллионы немцев – часть насильно, а часть добровольно – были вовлечены таким образом в гитлеровские авантюры, стали как бы соучастниками его политики. Первый референдум послужил и другой цели – с его помощью гестапо «подобрало» последних активных противников Гитлера. Очень многие из тех, кто, несмотря на террор, имел мужество проголосовать против нацистов, жестоко поплатились за это, а так называемый «средний немец» раз и навсегда понял, что во время «выборов» и «референдумов» надо держать ухо востро. С тех пор многочисленные референдумы приносили неизменный успех фюреру даже тогда, когда они проходили не на германской территории. Так, например, в январе 1935 года в Сааре 90 процентов избирателей проголосовали за присоединение к рейху; в марте 1938 года в Австрии референдум легализовал захват суверенного австрийского государства нацистами. Общественное мнение Запада это каждый раз сбивало с толку. Тем более, что общественное мнение в своей оценке Гитлера исходило из совершенно неверной посылки. Любую акцию нацистов оно воспринимало всерьез, как принципиальный шаг; в действительности эти акции были всего-навсего бессовестными маневрами в политике агрессии. Никаких принципов у Гитлера не было, если не считать «принципом» иезуитскую формулу: цель оправдывает средства.

Впервые Гитлер сверг западный мир в шоковое состояние в январе 1934 года, объявив о германо-польском соглашении о ненападении. Автор «Майн кампф», злейший враг поляков, равно как и всех славян, которых он причислял к «низшим расам», ярый проповедник восстановления границ 1914 года (включавших в состав Германии обширные польские территории) и идеолог «похода на Восток», сам протянул руку Польше. На такой шаг не мог в свое время решиться даже Густав Штресеман, который, будучи немецким националистом, считал, что примирение с Польшей невозможно, поскольку Германия не должна отказываться от территорий, принадлежавших ей до первой мировой войны. А Гитлер выступил с речью и во всеуслышание заявил, что Германия и Польша соседи вот уже более тысячи лет, что двум государствам от этого не уйти и что поэтому отношения между ними «следует строить таким образом, чтобы извлечь из них наибольшую пользу для обеих наций». Тем самым Гитлер дал нечто вроде гарантии дальнейшего существования Польши в пределах ее тогдашних границ.

Очень многие люди на Западе восприняли это как отказ от программы «Майн кампф». В том числе тогдашние государственные руководители Польши – Пилсудский и Бек. Подгоняемые чувством животной ненависти к Советскому Союзу и страхом перед коммунизмом, они готовы были продать даже самому дьяволу. Польские политики тешили себя мыслью, что они вместе с гитлеровцами образовали нечто вроде «оси Варшава–Берлин», направленной против Советского Союза.

Кульминационным пунктом позорной политики польских лидеров следует считать 1935 год, когда Геринг посетил Варшаву, а министр иностранных дел Польши Бек – Берлин. В коммюнике, опубликованном по случаю поездки Бека, говорилось о «далеко идущем согласии» между двумя государствами. Так реакционные правители Польши вступили на тот путь, который всего через четыре года привел к оккупации Польши гитлеровскими войсками и к уничтожению шести миллионов польских граждан.

Но в тот, 1934 год Гитлер сладко улыбался польским государственным деятелям, скрепившим своей подписью пакт о ненападении, и не жалел слов для восхваления германо-польского «примирения». Ведь фюрер хорошо знал, как много он выигрывает от этого «примирения». Он мог теперь еще усилить кампанию «миролюбия», отвлекавшую общественность Запада от перевооружения рейха, нанести сильнейший удар версальской системе союзов и посеять семена раздора между Польшей и Францией, т. е. странами, которым непосредственно угрожали гитлеровцы. Наконец, усилить на Западе позицию тех, кто хотел проводить политику «умиротворения» нацизма, кто считал, будто нацистскую агрессию можно направить в «нужном» направлении – лишь против Советского Союза. Нет

сомнения, что от германо-польского договора 1934 года вела прямая дорога к мюнхенскому договору 1938 года.

Итак, Гитлер приспособил к своим целям дипломатию: договоры, пакты, переговоры. Но в том же 1934 году произошли события, которые показали, что и на международной арене нацисты действовали не только дипломатическими, но и откровенно бандитскими методами. Эти события – убийства трех крупных государственных деятелей – австрийского канцлера Дольфуса, югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту. Совершенно очевидно, что за спиной наемных убийц Дольфуса, Александра и Барту стоял нацистский фюрер.

Вечер 25 июля 1934 года Гитлер провел в Байрейте – там проходил традиционный вагнеровский фестиваль. Шла опера Вагнера «Золото Рейна». Гитлер сидел в ложе вместе с Фриделинд Вагнер, внучкой композитора. «После представления, – вспоминала она впоследствии, – фюрер казался чрезвычайно взволнованным и озабоченным». Во время спектакля к нему все время подходили адъютанты Брюкнер и Шауб и шепотом сообщали какие-то «неприятные сведения». Речь шла о нацистском путче в Австрии, сигналом для которого должно было послужить убийство Дольфуса. Покушение удалось, но путч провалился. Встревоженный событиями Муссолини перебросил войска к австрийской границе, создалась угроза военного конфликта между Гитлером и его главным союзником в Европе – дуче. Надо было срочно выпутываться из скандала. Не успел кончиться спектакль, как фюрер вскочил и направился... в ресторан. «Мне обязательно надо показаться там хоть на час, – сказал он своим адъютантам, – иначе люди подумают, что я замешан в этой истории».

Подробности убийства Дольфуса впервые всплыли на Нюрнбергском процессе, но некоторые детали выяснились только в 1963–1964 гг., когда в Чехословакии были обнаружены так называемые «документы Черного озера» (гестаповские архивы, которые нацистские чиновники утопили в 1945 году).

Убийство Дольфуса и нацистский путч в Австрии были запланированы Гитлером за шесть с половиной недель до того, как разыгрались сами эти события. Акцию поручили 89-му австрийскому батальону СС. Днем 25 июля батальон в составе 154 человек проник в резиденцию канцлера – дворец Меттерниха, разоружил охрану и рассредоточился. Восемь эсэсовцев ворвались в кабинет Дольфуса. За несколько часов до этих событий канцлера предупредили о готовящемся путче, но он не поверил и остался во дворце. Теперь Дольфус пытался спастись бегством. Убийцы настигли его в коридоре. Эсэсовец Отто Планета дважды выстрелил в канцлера; раненого Дольфуса схватили, бросили на диван и закрыли чехлом от мебели. А убийцы-эсэсовцы сели покурить, наблюдая, как Дольфус истекает кровью.

Однако за пределами дворца путч проходил не так, как ожидали нацисты. Правда, гитлеровцам удалось занять центральную радиостанцию и передать в эфир сообщение о том, что кабинет Дольфуса низложен, а главой правительства назначен австрийский нацист Антон Ринтелен. Но они упустили из виду, что в распоряжении правительства остались другие радиостанции, через которые власти проинформировали население о событиях. Вскоре полиция обезоружила путчистов, Многие из них предстали перед судом, и семеро, включая Планету, были приговорены к смертной казни. Мятеж в Австрии на этот раз удалось подавить.

Гитлер дал сигнал к отбою. Официальное немецкое агентство ДНЕ, успевшее передать приветствие путчистам, уже в полночь 25 июля огласило соболезнование австрийскому правительству по поводу «жестокое убийства». Эсэсовских бандитов, бежавших через границу, Гитлер велел выдать Австрии, одновременно он отозвал германского посла в Вене и сместил своего «инспектора по австрийским делам» Хабихта. Новым послом в Вену назначили бывшего вице-канцлера, католика фон Папена.

Конец этой истории разыгрался уже в 1938 году после оккупации Австрии. Фюрер велел повесить на здании, где был размещен батальон СС, мемориальную доску,

прославлявшую «подвиг» тех, кого ДНБ несколько лет назад назвало «жестокими убийцами». Он сам пришел к их могилам и возложил венок. Теперь уже Гитлеру незачем было скрывать свои симпатии к убийцам Дольфуса и причастность к путчу. Возможно также, что фюрер сделал этот жест, чтобы заглушить неприятные воспоминания об июльских событиях 1934 года. Ведь после провала путча он так испугался, что встретил отбывавшего в Вену Папена словами: «Господин Папен, мы стоим перед новым Сараево».

Второй террористический акт – убийство Барту и короля Александра в Марселе 9 октября 1934 года – оказался, если воспользоваться бандитским словарем нацистов, куда более «чисто сработанным». Он был организован по приказу фюрера службой безопасности, возглавлявшейся тогда Гейдрихом, и абвером и получил условное наименование операция «Тевтонский меч». Но непосредственными исполнителями приказа являлись не немцы, а югославские нацисты, сторонники хорватского «фюрера» Анте Павелича. Получив в Берлине инструкции, деньги и оружие, они в начале октября отправились в Марсель, куда должны были прибыть с официальным визитом югославский король Александр и представителе французского правительства для встречи короля – министр иностранных дел Франции Луи Барту. В ту минуту, когда оба государственных деятеля шли к машине по улице Каннебьер, убийцы, спрятавшиеся около здания биржи, открыли по ним огонь. Король Александр и Барту были смертельно ранены. Убийц схватили и впоследствии казнили. Но имена подлинных организаторов покушения так и остались неизвестными.

Кровавая марсельская драма имела тяжелые последствия для европейской политики. Барту был автором плана «восточного Локарно» – союза восточноевропейских государств, который должен был гарантировать неприкосновенность их границ. Советское правительство горячо поддерживало этот план, и в случае его осуществления он мог бы стать серьезным препятствием на пути развязывания гитлеровской агрессии. После убийства Барту план «восточного Локарно» положили под сукно. Преемником Барту оказался человек, который стал в дальнейшем главным гитлеровским агентом во Франции, а после крушения рейха кончил жизнь на виселице как предатель. Это был Пьер Лаваль.

В целом гитлеровская внешняя политика оказалась до поры до времени плодотворной для нацистов и их покровителей – немецких монополистов. Общественность была убаюкана шквалом миролюбивых речей и фарсом германо-польского примирения. На оппозицию внутри страны надели намордник, население Германии было задавлено, втиснуто в железный обруч нацистской «народной общности», оболванено и ослеплено мнимыми успехами режима. Противники Гитлера вовне оказались разобщенными – «политика умиротворения» парализовала все сколько-нибудь серьезные попытки коллективного сопротивления ползучей фашистской агрессии. В этой обстановке Гитлер решился еще на одну, уже более крупную акцию – на односторонний отказ от военных и внешнеполитических ограничений Версальского договора. Провел он ее за 1935–1936 гг.

Конец Версаля

Первым шагом на этом пути, как уже сказано ранее, было создание вермахта и введение всеобщей воинской повинности.

Операцию по отказу от Версальского договора Гитлер держал в строжайшем секрете до 16 марта 1935 года. Неделю, предшествовавшую публикации новых законов, он провел в Берхтесгадене: таким образом, ничто, казалось бы, не предвещало политических сенсаций. Впоследствии даже фельдмаршал Манштейн жаловался, что он и генерал фон Витцлебен, в то время командующий берлинским военным округом, узнали о введении всеобщей воинской повинности только из газет. Манштейн добавил к этому, что цифра в 36 дивизий, которую Гитлер назвал в законе о восстановлении армии, не была согласована с генеральным штабом. По его словам, эту цифру Гитлер взял с потолка. 18 марта Розенберг записал в своем дневнике: «Фюрер принял решение внезапно. Однако, как он сообщил нам вечером 16 марта, он не спал до этого целых десять ночей, потому что продумывал

всевозможные варианты».

День 16 марта был выбран не случайно. Это была суббота, а Гитлер считал субботу «счастливым днем». Кроме того, 16 марта – историческая дата, в этот день в 1813 году прусский король призвал немцев выступить против Наполеона (об этом намеренном «совпадении» Гитлер специально упомянул в разговоре с Розенбергом). Наконец, на следующий день, 17 марта, должна была состояться церемония по случаю дня павших героев, ежегодно отмечавшегося в Германии. Гитлер был суеверен, любил символику и пышные спектакли. И он уже возомнил себя великим политиком, деяния которого заносятся в скрижали истории. Все это определило его выбор. День героев он отметил на этот раз с большой помпой. Вот что рассказал об этом празднике в своей уже упоминавшейся книге бывший корреспондент американской радиовещательной компании Уильям Ширер, присутствовавший на церемонии в Берлине: «Рядом с Гитлером сидел Макензен, единственный оставшийся в живых генерал-фельдмаршал кайзеровской армии, он был облачен в роскошный гусарский мундир. На сцене (церемония происходила в здании государственной оперы. – Авт.) в ярком свете прожекторов стояли неподвижные, как мраморные изваяния, молодые офицеры с военными знаменами рейха. На занавесе позади них горело огромное серебристо-черное изображение Железного креста. Официально церемония была посвящена памяти жертв войны 1914–1918 гг., фактически она превратилась в торжество по поводу конца Версаля и возрождения германского вермахта».

Гитлера заботило только одно – реакция заграницы. Но уже после приема послов Англии и Франции (аудиенция послам была дана, чтобы проинформировать их о новых мероприятиях германского правительства) он совершенно успокоился и с торжеством сказал Розенбергу: «По поведению послов я, как старый практик, сразу понял, что наш авторитет растет. Франсуа-Понсе (французский посол. – Авт.) под конец отвесил мне поклон чуть ли не до земли. После того как я оповестил англичанина (имеется в виду английский посол Фипс. – Авт.), он сказал: «Именно об этом мы и хотели вести переговоры». Выслушав, Розенберг ответил: «Если бы у французов хватило ума, Париж послал бы бомбардировщики». Но фюрер сказал беспечно: «Ничего, все обойдется».

Да, Гитлер имел основания считать, что «все обойдется». Правда, в середине апреля представители Англии, Франции и Италии собрались в итальянском городе Стресе и заявили официальный протест против односторонних действий Германии. Они подтвердили свои гарантии целостности Австрии и свою верность Локарнскому пакту (о неприкосновенности границ, установленных Версальским договором на Западе. – Авт.). Одновременно Совет Лиги наций осудил акцию Гитлера и назначил очередную подкомиссию для изучения вопроса о применении санкций. Но все это были слова. На деле «фронт Стрезы» оказался весьма непрочным. Италия все теснее связывала свою судьбу с нацистской Германией: военные авантюры, в которые она влезла, окончательно приковали ее к колеснице фюрера. Начало итальянской агрессии в Абиссинии было с восторгом встречено Гитлером. После того как фюрер полностью поддержал итальянский фашизм, участие Италии в антигерманском «фронте» превратилось в чистейшую фикцию.

В это же время и Англия по доброй воле показала, что она считает декларацию, принятую в Стресе, пустой бумажкой. За спиной своих союзников она начала переговоры с Гитлером о двустороннем морском соглашении. Этим переговорам суждено было стать важнейшей вехой в истории мюнхенской политики. Они продемонстрировали готовность западных держав заключить любую сделку с Гитлером.

18 июня мир, к своему удивлению, узнал, что Англия, так сказать, по собственной инициативе подтолкнула Гитлера на увеличение военно-морских сил, да еще в таких масштабах, которые даже не снились Германии, Английский премьер заявил, что в целях улаживания «мирным путем» спорных вопросов Великобритания «готова признать право Германии на морские вооружения в определенных размерах». Размеры эти и были зафиксированы в англо-германском морском соглашении 1935 года.

Внешне дело выглядело так: Германия получила разрешение на строительство флота,

который по надводным кораблям составлял несколько более трети английского, а по подводным лодкам был ему равен. Фактически, однако, договор развязывал руки Гитлеру для создания мощнейших военно-морских сил, которые он вскоре использовал для борьбы с самой Англией. Заключив соглашение, Германия сразу приступила к строительству 4 линкоров, 21 крейсера, 64 эсминцев и большого количества подводных лодок. Несмотря на то, что немецкие судостроители из всех сил старались осуществить эту программу, она так и не была полностью выполнена до начала войны. Но и построенного Гитлером флота оказалось достаточно, чтобы создать смертельную угрозу английским военно-морским силам.

Когда Гитлер приступил к переговорам с англичанами, у него в кармане уже лежал план очередной агрессивной акции, которая должна была окончательно разрушить версальскую систему и уничтожить последние препоны на пути неограниченного перевооружения Германии. 12 мая 1935 года, за пять недель до начала англо-германских морских переговоров, Гитлер приказал Бломбергу подготовить план оккупации демилитаризованной Рейнской зоны (по условиям Версальского договора Германия не имела права держать в этой примыкающей к Франции зоне войска и создавать там военные объекты. Условия эти были подтверждены локарнскими соглашениями 1925 года, причем любое их нарушение квалифицировалось как акт агрессии и должно было повлечь за собой коллективные ответные меры). План получил условное название «Учение» и был настолько засекречен, что Бломберг не разрешал перепечатывать его на машинке; экземпляр, хранившийся у него в сейфе, был написан от руки. Правда, осуществить этот план Гитлер смог лишь в марте 1936 года: до этого он успел дважды выступить с речами, в которых клялся, что не намерен предпринимать никаких шагов для изменения статус-кво. Но план уже был готов. И речи фюрер произносил только для того, чтобы одурачить мировое общественное мнение. Так выглядела на практике новая «нордическая дипломатия».

7 марта 1936 года германские войска вступили в Рейнскую зону.

Эта операция Гитлера по сравнению с его предыдущими агрессивными акциями имела некоторые важные особенности. Она носила открыто военный характер; впервые фюрер двинул войска, но именно в военном отношении операция была на редкость плохо подготовлена. Первый призыв в вермахт прошел всего за несколько месяцев до этого и в Германии еще почти не было резерва обученных солдат. Фюреру удалось наскрести для своего похода... всего-навсего одну дивизию.

Гитлер проводил военную операцию в обстановке, когда у него, по сути дела, не было никаких союзников (так называемый «Антикоминтерновский пакт» между Германией, Италией и Японией был заключен позже и как раз благодаря тому, что фюрер достиг успеха в Рейнской области). В то же время внешнеполитические позиции Франции, которой в первую очередь угрожало занятие демилитаризованной зоны, были весьма благоприятны – незадолго до вторжения нацистов, в феврале 1936 года, вступил в действие франко-советский пакт о взаимной помощи (после ратификации его Французским парламентом). К тому же Франция в тот период далеко превосходила Германию по боеспособности. Согласно оценке тогдашнего французского посла в Берлине Франсуа-Понсе, она могла бы выставить против Германии 90 дивизий.

Вот почему, когда рано утром 7 марта первые три немецких батальона перешли границу демилитаризованной зоны, фюрер волновался и трусил, как никогда раньше. Вспоминая эти дни, он говорил: «Сорок восемь часов, последовавших за вступлением в Рейнскую область, были самым напряженным периодом моей жизни. Если бы французы двинулись в Рейнскую область, нам пришлось бы с позором отступить, потому что силы, которыми мы располагали, были недостаточны, чтобы оказать даже слабое сопротивление».

Не меньше трусил и немецкий генеральный штаб. Бломберг запасся приказом, повелевавшим войскам немедленно отступить, если они натолкнутся на вооруженное сопротивление французов. Когда генерал Гамелен придвинул к границам 13 французских дивизий, в генштабе в Берлине разразилась форменная паника. Бломберг потребовал, чтобы

фюрер дал войскам приказ об отступлении, но фюрер привык блефовать и поступил соответственно: велел выждать до тех пор, пока французы не вступят в непосредственное соприкосновение с немцами. Однако дивизии Гамелена остались стоять у франко-германской границы, в Рейнскую зону они так и не вступили. «Господи, как я рад, что дело прошло гладко, – сказал после этого бледный как смерть фюрер своим генералам. – Да, поистине мир принадлежит смелым!» А позже, оценивая возможные последствия провала своей авантюры, он признал: «Отступление означало бы тогда для меня катастрофу».

Когда этот инцидент всплыл на Нюрнбергском процессе, обвиняемые из числа генералов также подтвердили, что сопротивление французов свело бы на нет планы Гитлера в самом их зародыше. Фельдмаршал Кейтель заявил: «Они (французы. – Авт.) могли бы нас вышвырнуть в два счета, и я лично ничуть не был бы удивлен. Но после того как Гитлер увидел, что все сходит ему с рук... вот тогда-то одна акция и стала следовать за другой». Генерал-полковник Йодль также признал: «Откровенно говоря, нам было не по себе, мы чувствовали себя примерно так, как чувствует себя игрок в рулетку, поставивший все свое состояние на «красное» или на «черное». И добавил: «Я должен только засвидетельствовать, что нас могла буквально сдунуть французская армия прикрытия».

Очень скоро стало ясно, что Гитлер выиграл свою игру. Франция пошла по тому же пути, на какой вступила Англия вскоре после того, как фюрер ввел всеобщую воинскую повинность. Вместо того чтобы действовать, французские политики затеяли переговоры с Гитлером. Фюрер вновь убедился, что со стороны Запада его планам ничто не угрожает, хотя планы эти самым непосредственным образом угрожали Западу. И тогда он приступил к осуществлению самой грандиозной авантюры своей жизни – к подготовке войны во имя установления господства Германии над Европой и над миром. И окончательно уверовал в свою «великую миссию», в то, что ему предназначено судьбой создать империю, равной которой не знала история, стать фюрером всех «народов» и преобразовать мир так, чтобы наша планета служила нацистским господам и тем самым раздувшимся от спеси и крови хозяевам этих господ – немецким банкирам и генералам, юнкерам, заводчикам и бюрократам. Этот жуткий глобальный план мог родиться только в голове фанатика с маниакальными идеями. Но маниакальные идеи ценились в нацистском рейхе превыше разума и здравого смысла. «Тот, у кого нет достаточно фантазии, – заявил Гитлер в январе 1936 года на десятилетнем юбилее нацистской студенческой организации, – в конечном счете ничего не добьется». В этой же речи фюрер продемонстрировал и ту одержимость, ту фанатическую веру в свое предназначение, которая всегда так сильно «убеждала» его слушателей. «Мои молодые друзья! – воскликнул он. – Я не знаю, почему поступаю так, а не иначе, знаю лишь, что должен так поступать. Я следую внутреннему голосу, тому же внутреннему приказу, которому некогда повиновался Арминий из племени херусков, когда он впервые решил создать некое единое целое из нижнесаксонских племен!»

Напомним, что это был 1936 год. В жизни нацистского тирана он сыграл большую роль: именно в этот год Гитлер наметил себе нечто вроде контрольного срока Для начала похода во имя завоевания мировой империи – не более четырех лет! За эти четыре года он намеревался сделать многое, очень многое. И прежде всего создать самую мощную в мире армию и самую мощную военную промышленность.

В августе 1936 года Гитлер направил руководителям «третьего рейха» подробный меморандум с изложением своих планов (кстати, то была единственная записка, составленная Гитлером за все время его канцлерства). В этом документе излагался целый комплекс проблем, связанный с программой завоевания европейского и мирового господства. В новых условиях, т. е. в условиях подготовки к мировой войне, Гитлер пытался вооружить НСДАП и всю страну новыми «идеями» и установками. Наряду с речью Гитлера перед узким кругом гражданских и военных руководителей Германии в ноябре 1937 года (о ней будет сказано ниже) меморандум 1936 года относится, на наш взгляд, к самым важным нацистским документам. Исходный пункт его – все та же теория «жизненного

пространства». «Мы перенаселены, – заявлял Гитлер, – и на собственной базе не можем обеспечить себе пропитание».

Мировое разделение труда, при котором между странами происходит постоянный и интенсивный обмен различными видами продукции – промышленной и сельскохозяйственной, – Гитлер полностью игнорировал. Выход он видел в другом – в политике завоеваний. «Окончательное решение, – говорилось в меморандуме, – может быть достигнуто лишь путем расширения жизненного пространства, т. е. сырьевой и продовольственной базы нашего народа. Цель политического руководства – обеспечить выполнение этой задачи в надлежащее время».

Раз положение таково, то главная обязанность фюрера – подготовиться к неизбежной схватке. «В этих строках я хочу выразить свое убеждение, что кризиса миновать нельзя – он неминуем – и что обязанность Германии всеми доступными средствами обеспечить себе существование перед лицом катастрофы». Далее Гитлер сформулировал задачу, ради обоснования которой и был написан весь меморандум: «Превратить германские вооруженные силы в сильнейшую армию мира по всем статьям – и по обученности, и по мобильности, и по оснащенности, и в первую очередь по идеологическому воспитанию». «Перед лицом этой задачи все остальные потребности, – писал Гитлер, – безусловно отодвигаются на задний план».

За этой преамбулой следовала конкретная часть программы. В числе главных ее пунктов значилось: «Самыми ускоренными темпами решить проблему производства синтетического бензина, наладить массовое производство искусственного каучука», причем «все разговоры о том, что новый способ еще недостаточно изучен, прекратить». Предлагалось также увеличить производство стали. Что касается внутривнутриполитических дел, то и их Гитлер не обошел молчанием. Он пообещал ввести смертную казнь за «экономический саботаж». Заканчивался меморандум следующими знаменательными словами: «Итак, я ставлю следующие задачи: 1) Германская армия через четыре года должна быть приведена в боевую готовность. 2) Германская экономика через четыре года должна быть готова к войне».

Уже осенью 1936 года вступил в действие пресловутый «четырёхлетний план» развития немецкой экономики. Разумеется, геббельсовская пропаганда представляла его как мирный, человеколюбивый план, призванный якобы улучшить жизнь «маленького человека», как важное «народное» мероприятие нацистского режима. В действительности то была программа подготовки к агрессии. И на это не раз указывали немецкие коммунисты.

Уполномоченным по четырёхлетнему плану Гитлер назначил Германа Геринга. Именно Геринг провозгласил знаменитый лозунг: «Пушки вместо масла». Лозунг этот довольно точно определял экономическую политику нацизма: вся жизнь в Германии, все производство было подчинено одной цели – подготовке к войне. В 1939 году, когда гитлеровская программа (с некоторым опережением) оказалась выполненной, генерал Томас, начальник отдела военной экономики в военном министерстве (а затем после реорганизации в верховном командовании вермахта), заявил в своем секретном докладе для чиновников министерства иностранных дел: «История знает немного примеров, когда государство в мирный период сознательно и систематически сконцентрировало бы все свои экономические усилия на удовлетворении военных потребностей».

На одном из первых заседаний штаба уполномоченного по четырёхлетнему плану Геринг сформулировал главные цели плана следующим образом: «Министр-президент (Геринг. – Авт.) считает своей задачей добиться того, чтобы через четыре года вся германская экономика была готова к войне».

В условиях капитализма истинные последствия гонки вооружений зачастую обнаруживаются лишь спустя довольно долгое время. Непосредственными результатами ее может быть кажущееся процветание, поскольку милитаризация дает определенные стимулы капиталистическому производству, помогает смягчить безработицу. Эту сторону политики милитаризации Гитлер сумел использовать чрезвычайно искусно. Нацистская пропаганда

изображала военные мероприятия гитлеровского режима как «великий поворот» в экономике страны, как верное лекарство от кризисов и экономических спадов.

В качестве примера можно сослаться на одно из первых и наиболее известных начинаний Гитлера еще до принятия четырехлетнего плана – на сооружение автострад. Уже в сентябре 1933 года фюрер появился на строительной площадке около Франкфурта-на-Майне. Фотографию Гитлера с лопатой в руках распространили по всей Германии. Автострады были объявлены «великой национал-социалистской стройкой». О ходе работ сообщалось почти ежедневно в течение многих лет. За три года, до сентября 1936 года, нацисты проложили тысячу километров автострад, а за один лишь последующий год – еще тысячу. Ускорение строительства в 1936 году было прямо связано с подготовкой к войне, ведь с самого начала автострады были задуманы как стратегические дороги для переброски войск к восточным границам рейха – именно туда вели «дороги фюрера», как вскоре начали именовать автострады. Строя автострады, Гитлер в то же время форсировал расширение железнодорожной сети – все с той же стратегической целью.

Пристальное внимание гитлеровцев было направлено на увеличение рождаемости – многодетные семьи всячески поощрялись. Весьма цинично высказался на этот счет Гиммлер в германской академии права в октябре 1936 года: «Если бы нам, например, удалось увеличить рождаемость на сто тысяч детей в год, то, с солдатской точки зрения, это означало бы: из ста тысяч около сорока тысяч будут детьми мужского пола и лет через восемнадцать у нас прибавлялось бы сорок тысяч потенциальных пехотинцев ежегодно».

Разумеется, от населения истинные цели этих и подобных программ тщательно скрывались.

Успеху гитлеровской пропаганды способствовал тот факт, что безработица – главный бич трудящихся в годы кризиса – стала сходить на нет. Экономическая обстановка во всем мире изменилась. Мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 году и не имевший себе равных в истории капитализма, кончился как раз накануне прихода нацистов к власти. Во всех капиталистических странах наблюдалось оживление экономики, кое-где даже подъем.

Однако циклическое оживление экономики в Германии изображалось нацистами как достижение фашистского режима, как результат четырехлетнего плана и всевозможных мероприятий Гитлера. На самом деле эти мероприятия привели только к одному – к перестройке всего немецкого хозяйства на военный лад.

Чтобы повысить пропагандистский эффект от некоторого подъема в стране, Гитлер мобилизовал дополнительные средства и провел ряд мер в социальной области. Большие суммы для этой цели он получил от монополий. Ведь для них, как справедливо заметил один из буржуазных биографов Гитлера, эти суммы составляли жалкую долю колоссально возросших прибылей.

Другим источником дополнительных средств была политика «аризации». «Знаменитый» погром 9 ноября 1938 года (нацисты назвали его «хрустальная ночь»⁶⁹) был своеобразным сигналом к скорейшему завершению «аризации», т. е. передачи еврейской собственности «арийским владельцам». На Нюрнбергском процессе было доказано, что решение о проведении этой акции было принято Гитлером и Геббельсом за ужином по случаю годовщины мюнхенского путча. Во время погрома нацисты сожгли и разрушили 177 синагог, разгромили 7500 магазинов, расправились с десятками тысяч невинных людей. Через три дня – 12 ноября состоялось совещание у Геринга, посвященное итогам «хрустальной ночи». На этом совещании Геринг заявил: «Важно следующее: решение принято, и я настоятельно прошу, чтобы вслед за ним последовали все необходимые мероприятия для полной аризации экономики». От этой «аризации» гитлеровскому

⁶⁹ На следующее утро после этого погрома улицы Берлина и других городов были покрыты «ковром» из витринных осколков. Отсюда и «поэтичное» название «хрустальная ночь».

государству перепал изрядный куш. Имущество и капиталы еврейских владельцев Геринг приказал передавать государству, самим же владельцам назначать определенную «пенсию» в качестве возмещения за потерянную собственность.⁷⁰

С «хрустальной ночи» началась одна из самых позорных страниц нацистского режима – геноцид, сперва внутри страны, а в военные годы и на оккупированных нацистской Германией территориях. В ноябре 1978 года прогрессивная общественность ГДР и ФРГ – в ГДР Объединение еврейских общин, Комитеты борцов Сопротивления и другие организации – отмечала сорокалетие со дня «хрустальной ночи». В своих выступлениях в ГДР представители общественности говорили, что в Германской Демократической Республике навсегда искоренен расизм и антисемитизм и что правосудие сурово покарало нацистских военных преступников. К сожалению, в ФРГ до сих пор еще на авансцене политической жизни появляются иногда те, кто в свое время нагрел руки на еврейских погромах.

Политика «аризации» привела к созданию крупных состояний для части финансовой олигархии, ныне правящей Западной Германией. Достаточно указать, например, на промышленную империю семьи Рис. Основатель династии Фриц Рис был до 1933 года мелким промышленником, на предприятии которого трудились всего 120 рабочих и служащих. В результате «аризации» ряда фирм его концерн разросся и насчитывал до 10 тысяч рабочих и служащих. Этому способствовало и то, что в 1933 году Рис вступил в нацистскую партию, а с 1936 года активно сотрудничал с гестапо. Теперь «группа Риса» принадлежит к самым крупным монополиям в ФРГ. Кроме того, Рис заседает в правлении одного из трех мощнейших банков ФРГ – «Коммерцбанк». В 1967 году он был награжден правительством ФРГ Большим федеральным крестом за заслуги. Темное прошлое Риса и ряда других западногерманских монополистов, нажившихся на «аризации», разоблачил известный западногерманский писатель Энгельман в своей книге «Большой федеральный крест за заслуги».

Среди видных руководителей западногерманской экономики, сколотивших капиталы путем «присоединения» к своим компаниям «аризированных» нацистами фирм, значатся Ганс Иоахим Гетц, член наблюдательного совета «Дойче банк» и руководитель компании «Пеликан», в прошлом гауптштурмфюрер СС и деятель нацистской администрации на оккупированных вермахтом «восточных территориях»; Эбергард Тауберт, руководитель личного бюро Фрица Риса, в прошлом штурм-фюрер СС и начальник правового отдела городского комитета нацистской партии в Берлине; Рудольф Тисман, один из руководителей мощного западногерманского Концерна «Хортен», в прошлом видный деятель так называемой «зарубежной организации» нацистской партии, и многие другие.

Однако вернемся к 1938 году и к «социальной программе» Гитлера. Кроме уже перечисленных источников, финансирование этой программы шло за счет непосредственных сборов (и поборов) среди населения. Наибольшего размаха достигла так называемая «зимняя помощь». Она проводилась под демагогическим лозунгом: «Никто не должен мерзнуть, никто не должен голодать». Сотни тысяч сборщиков обходили дома и квартиры, «прочесывали» толпу во время митингов, собраний, концертов, театральных представлений.

⁷⁰ Но этим отнюдь не исчерпывались «выгоды аризации». К государству перешла не вся еврейская собственность. Значительная часть ее попала в руки частных лиц. При этом новыми владельцами предприятий и магазинов стали либо нацисты, либо угодные нацистам люди. К тому же образовалось большое количество «вакантных мест», особенно в таких профессиях, как адвокатская, врачебная, журналистская, преподавательская и т. д., не говоря уже о том, что погромы разорили и погубили огромное число ремесленников. На политике «аризации» выгадали, следовательно, не только крупные предприниматели и нацистские бонзы, но и представители городской мелкой буржуазии, определенная часть интеллигенции, не считая уголовного сброда – самих погромщиков, которые занимались прямым грабежом. На упомянутом совещании у Геринга было сообщено, что при разгроме ювелирного магазина на Унтер-ден-Линден в Берлине пропали драгоценности стоимостью в 1,7 миллиона марок, в другом случае был полностью разграблен магазин мехов. В общей сложности ущерб, нанесенный магазинам в «хрустальную ночь», оценивался на этом совещании в 25 миллионов марок.

В Германии не было ни одного человека, который мог бы уклониться от пожертвований в фонд «зимней помощи». О размерах сумм, полученных таким путем, может дать представление тот факт, что уже зимой 1933/34 г. нацисты собрали в фонд «зимней помощи» 354 миллиона марок.

Мировой экономический кризис миновал. Число безработных в Германии, которое еще зимой 1933/34 г, составляло свыше 4 миллионов, сократилось в 1937 году до одного миллиона.

Все это помогло Гитлеру провести некоторые меры, давшие новую пищу разнузданной социальной демагогии нацистов.

Ни один диктаторский строй не может держаться только на штыках. Он должен искать опоры в массах, предоставляя им какие-то материальные стимулы, поддерживая среди достаточно широких слоев населения убеждение, будто они выигрывают от существования данного режима. Каждая буржуазная диктатура по-своему решает вопрос о том, как выкроить материальные подачки массам – то ли за счет грабежа определенной части населения, то ли за счет хищнического разбазаривания государственных ресурсов по принципу «после нас – хоть потоп», то ли, наконец, за счет нездорового подстегивания экономики военными заказами в надежде на то, что война откроет новые возможности и для пополнения государственной казны, и для личного обогащения граждан путем грабежа чужих народов. Нацистская диктатура использовала все пути, хотя, разумеется, последний из них, военный, был наиболее важен.

Конечно, если взять не показную сторону дела, не отдельные мероприятия нацистского режима, а всю сумму факторов, определяющих жизненный уровень народа, то окажется, что немецкий рабочий меньше всего ощутил благоприятные последствия нового экономического подъема. При демократическом режиме он мог бы, по примеру своих французских собратьев по классу, добиться значительно более высокого уровня жизни. Гитлеровское государство зажало рабочего в тиски – оно вытягивало из него последние соки, интенсифицируя труд, и лишало его возможности бороться за увеличение заработной платы: в нацистской Германии она была ниже, чем в любой другой развитой капиталистической стране.

Вот что пишет по этому поводу К. Бахман: «...мы, коммунисты, ни на одно мгновение не забываем, что фашизм не только идеологически и политически обманул массы, но и насколько можно выпотрошил их и в финансовом плане. Готовностью многих простых людей принести жертвы фашисты бессовестным образом злоупотребили под предлогом того, что их деньги пойдут на благо великого и святого дела. Кроме того, нацистские главари раздували специальные кампании пожертвований...»

Франц Нейман в уже упомянутой книге «Бегемот» пишет по поводу порабощения нацистской партией германского рабочего класса: «Путь от провозглашения предприятия «общностью коллектива» до превращения его в подобие концентрационного лагеря был кратким и прямолинейным. Все шаги и мероприятия на этом пути были неминуемы с тех пор, как нацисты уничтожили рабочее движение. Одновременно они создавали предпосылки для экспансионистской войны».

Однако до поры до времени изоляция Германии от внешнего мира и нацистский террор закрыли перед рабочими возможность сравнивать свое положение с положением рабочих в других странах, сопоставлять свои заработки с прибылями нацистских магнатов и думать о своей судьбе. Трудящиеся оказались безоружными перед натиском социальной демагогии фашистов. И вопреки элементарному здравому смыслу «распропагандированному» обывателю действительно стало казаться, будто фюрер осчастливил Германию. «Немец – самый счастливый человек в мире» – гласил гитлеровский лозунг. И многие этому лозунгу верили.

Гитлер раскрывает карты

В 1936 году как во внутренней, так и во внешней политике Гитлера наступил этап

непосредственной подготовки к войне. После принятия четырехлетнего плана перестройка всей жизни страны на военный лад чрезвычайно ускорилась. В то же время на внешней арене окончательно сложилась коалиция агрессивных держав во главе с гитлеровской Германией. Усилия фашистской Дипломатии были направлены на то, чтобы укрепить союз с Италией и Японией, превратить их в орудие своей политики развязывания войны. Германия оказала Италии решающую помощь в захватнической войне против Абиссинии. Летом 1936 года Абиссиния была присоединена к империи Муссолини. Вслед за тем Гитлер вовлек дуче в новую авантюру – Германия и Италия осуществили интервенцию в Испании, предоставив вооружение и войска Франко.

В октябре 1936 года, после того как итальянский министр иностранных дел Чиано посетил Берлин, возникла так называемая «ось Берлин – Рим»: оба правительства согласились координировать свою внешнюю политику и действовать совместно при всех важных обстоятельствах. Месяц спустя, 25 ноября 1936 года, был заключен пресловутый «Антикоминтерновский пакт» между Японией и Германией. В дополнительном секретном протоколе, подписанном в тот же день, но ставшем известным лишь после второй мировой войны, обе державы обязались проводить согласованную политику по отношению к Советскому Союзу. Ясно, следовательно, что с самого начала речь шла о военно-политическом сговоре двух держав, направленном против СССР, хотя его инициаторы пытались придать ему в целях маскировки чисто идеологический характер. 6 ноября 1937 года к «Антикоминтерновскому пакту» присоединилась Италия. Возник «треугольник Рим – Берлин – Токио».

Однако с точки зрения Гитлера в этой расстановке имелся чувствительный пробел: Англия так и не определила окончательно свою позицию и не стала союзницей Германии, о чем мечтал Гитлер еще в «Майн кампф». И тут надо сказать, что фюрер, как и во многих других случаях, оказался рабом собственной схемы – до конца жизни он продолжал надеяться, что англичане рано или поздно перейдут на его сторону. Гарантией такого оборота событий он считал антикоммунизм и именно на этом строил свои расчеты, имея в виду если не союз, то благожелательный нейтралитет Англии в войне. Справедливости ради надо отметить, что политика Англии давала ему более чем достаточно оснований для таких надежд.

В тот роковой 1937 год, когда у Гитлера окончательно созрел план будущих захватов, когда определилась и конкретная схема агрессии и очередность ударов, большое воздействие на поведение фюрера оказал один сравнительно малоизвестный, но исключительно важный, на наш взгляд, факт, связанный как раз с англо-германскими взаимоотношениями.

Мы имеем в виду визит лорда Галифакса к Гитлеру в ноябре 1937 года и высказывания Галифакса о позиции Англии. Запись беседы Гитлера с Галифаксом была найдена в архивах германского МИДа. На папке стоял гриф: «Секретное государственное дело».

Галифакс начал свою беседу с того, что подчеркнул важность соглашения между Германией и Англией «для всей европейской цивилизации», и выразил уверенность в том, что «существующие ныне недоразумения вполне могут быть улажены». Затем он указал на то, что некоторые церковные, а также лейбористские круги в Англии относятся критически к политике Германии, и заявил буквально следующее: «Несмотря на эти затруднения, он (Галифакс. – Авт.) и другие члены английского правительства сознают, что фюрер осуществил великое дело не только для Германии: благодаря уничтожению большевизма в собственной стране он преградил ему дорогу в Западной Европе, вследствие чего Германия по праву может считаться бастионом Запада в борьбе против большевизма...»

В ответ на эти слова Гитлер «выразил свое удовлетворение по поводу откровенного и широкого обмена мнениями с Галифаксом и заявил, что он безоговорочно солидаризируется с только что обрисованными целями германской политики».

Даже если предположить, что лорд Галифакс не намеревался дать согласие на акции Гитлера против Советского Союза (а тем самым на поход в восточном направлении), то и тогда, учитывая планы Гитлера и место, которое занимали англо-германские отношения в

этих планах, циничные похвалы Галифакса могли иметь лишь одно последствие: они подталкивали Гитлера к открытой агрессии! Ведь Гитлеру дали ясно понять, что Англия не станет вмешиваться в его действия до той поры, пока они будут направлены на развязывание войны против СССР.

Такова была обстановка, когда Гитлер решил раскрыть карты и дать возможность более широкому кругу лиц заглянуть в его планы на ближайшее будущее. Это произошло в ноябре 1937 года во время совещания в имперской канцелярии, на котором присутствовали военный министр Бломберг, главнокомандующий армией Фрич, главнокомандующий авиацией Геринг, министр иностранных дел фон Нейрат и полковник Хосбах, исполнявший обязанности секретаря. Он-то и вел запись выступления Гитлера, которое, как мы уже говорили выше, относится к ключевым документам нацистской внешней политики. Сам фюрер придавал своей речи огромное значение: это видно хотя бы по тому, что он просил рассматривать ее «как завещание в случае смерти».

Гитлер сообщил, что намерен не позже чем через 6–7 лет осуществить программу, намеченную в «Майн кампф»: обеспечить Германию достаточным «жизненным пространством» путем завоевания чужих земель. «Неизменное решение фюрера, если он доживет до тех лет, – разрешить проблему пространства для Германии не позже 1943–1944 гг.», – говорится в записи Хосбаха. Мотивировал это свое заявление Гитлер следующим образом: «Вооружение армии, военного флота и авиации, а также обучение офицерского корпуса следует считать более или менее законченным. Техническое оснащение армии находится на современном уровне, в случае дальнейшего выжидания возникнет угроза, что оно устареет... Резервы можно черпать лишь из текущих призывов, приток более пожилых контингентов не предвидится». Таким образом, Гитлер считал, что Германия готова к войне. Дело лишь в том, чтобы выбрать подходящий момент и определить направление первых ударов.

В намеченной Гитлером программе годы сорок третий-сорок четвертый обозначены как крайний срок, да к тому же как срок окончательного разрешения проблемы «жизненного пространства». Однако Гитлер оговаривался, что начало действий может наступить и раньше, хотя при одном неременном условии: Франция должна быть «нейтрализована», ее необходимо лишить возможности выступить против Германии. При своем тогдашнем умонастроении Гитлер видел две возможности «нейтрализации» Франции: либо в самой этой стране возникнет острый внутривнутриполитический кризис, либо она будет вовлечена в войну с третьими державами. Тогда нацистский фюрер еще не мог предвидеть, что Францию парализует самоубийственная мюнхенская политика.

Итак, Гитлер наметил срок для начала «большой войны» – год, когда Франция тем или иным путем будет выведена из строя. На том же совещании фюрер определил и очередность немецкой агрессии. «Для улучшения нашего военно-политического положения, – сказал он, – мы должны прежде всего уничтожить Чехословакию и одновременно Австрию». Уже тогда он понял, что западные державы не будут препятствовать этому, «фюрер выразил уверенность, – читаем мы в записях Хосбаха, – что, по всей вероятности, Англия, а предположительно и Франция втихомолку уже примирились с потерей Чехословакии». Со стороны Италии он также не предвидел возражений. «Фюрер не думает о каких-либо военных соглашениях с Италией, он хочет самостоятельно, воспользовавшись единственной в своем роде, неповторимой ситуацией, начать военный поход против Чехословакии, причем нападение на Чехословакию будет молниеносным», – так передает слова Гитлера протокол.

В протоколе мы находим и указание на то, что захват Чехословакии фюрер не собирался откладывать в долгий ящик – он запланировал его на 1938 год. Вот как появилась эта дата. Некоторым слушателям Гитлера его «прогнозы» по поводу Франции показались довольно-таки фантастическими – там явно не пахло гражданской войной, не предполагалось также, что Франция будет воевать с другими крупными европейскими державами, т. е. с Англией и Италией. И вот министр иностранных дел Нейрат, набравшись храбрости, заметил, что, насколько ему известно, в Европе в ближайшем будущем не предвидится

итало-франко-английского военного конфликта. На это Гитлер с присущим ему апломбом ответил: «Такая ситуация возникнет летом 1938 года». Мы знаем теперь, что ситуация в 1938 году оказалась совершенно иной. И тем не менее Гитлер выдержал намеченный срок. Он воспользовался параличом французской политики, наступившим, правда, не вследствие конфликта Франции с другими державами, а в результате мюнхенского курса.

С таким парадоксом мы столкнемся еще не раз. Гитлер очень часто оказывался лжепророком в самых элементарных вопросах, но при этом планы его не претерпевали изменений. И не только это. В глазах сообщников и обывателей он, несмотря на явные просчеты, продолжал оставаться непогрешимым фюрером, схемы, прогнозы и пророчества которого не нарушались. А это, в свою очередь, толкало его на заведомо авантюристические гангстерские действия, которые именно в силу своей полной неожиданности и несообразности имели успех в той конкретно-исторической обстановке, когда нацисты готовили и проводили свои разбойничьи захваты.

Уже 5 ноября 1937 года, т. е. в день выступления Гитлера, Йодль – тогда он был всего-навсего полковником и начальником отдела территориальной обороны в военном министерстве – записал в своем дневнике: «Мысли (фюрера. – Авт.) фиксировать на бумаге и включать в оперативные приказы». А восемь дней спустя он писал: «Фюрер одобрил доклад о военных мерах, вытекающих из его намерений, изложенных 5.XI, и новый вариант «Зеленого плана». «Зеленый план» был планом захвата Чехословакии. Авантюризм нового плана виден из подсчетов Бломберга, сделанных тогда же: боеприпасов, имевшихся в распоряжении немецкой армии, хватило бы лишь на 10–15 дней боевых действий!

В декабре 1937 года фюрер одобрил «Зеленый план», который стал программой действий вермахта. В «Зеленом плане» говорилось: «Как только Германия будет полностью готова к войне, возникнут все предпосылки для нападения на Чехословакию и тем самым для решения проблемы германского пространства... А если нежелание Англии участвовать в общеевропейской войне и ее незаинтересованность в центральноевропейских проблемах... приведут к тому, что у Германии в конфликте с Чехословакией, по всей вероятности, не будет никаких противников, кроме России, то «Зеленый план» необходимо осуществить еще до того, как Германия будет полностью готова к войне».

Итак, свою политику агрессии в Европе Гитлер прямо связывал с позицией Англии. Последние его колебания рассеял Риббентроп, который отправился в Лондон в качестве чрезвычайного посла и полномочного министра. В январе 1938 года Риббентроп прислал докладную записку из Лондона с грифом – «Запись для фюрера, строго доверительно! Передать в руки самого фюрера!»: «Из-за локальных центральноевропейских споров, даже если они приведут к значительному усилению Германии, Англия, по моему мнению, не пойдет на риск войны, которая угрожала бы существованию ее империи... Решающее значение в этой связи имеет быстрота, с которой конфликт в Центральной Европе может быть доведен до победоносного конца. Я твердо уверен, что при нашем молниеносном успехе Запад не станет вмешиваться».

Это было именно то, что хотел услышать Гитлер. Теперь он решил, что руки у него развязаны. Но прежде чем приступить к программе агрессии, Гитлер задумал реорганизовать вермахт таким образом, чтобы он стал слепым орудием его политики. Методы, с помощью которых была проведена реорганизация армии, весьма ярко характеризуют «стиль» Гитлера.

Приняв решение устранить двух высших военачальников фашистской империи – военного министра Бломберга и главнокомандующего армией Фрича, фюрер прибег к помощи... полиции и гестапо, у которых хранились специальные досье на всех крупных деятелей рейха. Расчет был очень прост. Скомпрометировав и оклеветав своих генералов, Гитлер мог уволить их в отставку, не вступая в конфликт с вермахтом. Вся «операция» прошла как по маслу. Что касается Бломберга, который, как мы видели выше, приложил немало сил, чтобы посадить Гитлера в канцлерское кресло, то ему подсунули некую Эрику Грун – смазливую секретаршу из министерства Геринга. А как только чопорный генерал обвенчался с Эрикой (свадьба прошла очень пышно – сам Гитлер был свидетелем жениха),

полиция пустила в ход документы, из которых явствовало, что Эрика Грун была проституткой, зарегистрированной в семи крупных немецких городах. Генералы были шокированы и потребовали, чтобы Гитлер устранил Бломберга. А фюреру только того и надо было – он вообще задумал ликвидировать военное министерство, которое довольно самостоятельно руководило армией в мирное время и мешало «пацификации».

Фрич также с самого начала не внушал доверия фюреру и даже раздражал его. Фрич был близким сотрудником бывшего главнокомандующего рейхсвером Секта, предостерегавшего немецкую военщину от конфликта с Россией и к тому еще «виноватого» в подавлении «пивного путча» 1923 года. Люди, подобные Фричу, должны были относиться к бывшему ефрейтору и рейхсверовскому шпику иронически и не очень-то скрывали это. Словом, Фрича надо было опорочить любой ценой. И как по мановению волшебной палочки, гестапо представило Гитлеру сенсационный материал: Фрича уличили... в гомосексуализме. В подвалах гестапо нашелся человек, который готов был на очной ставке в присутствии самого фюрера под присягой показать, что почтенный генерал – развратник.

Несколько недель подряд вся верхушка рейха была занята перебиванием грязного белья двух высших военных сановников империи. Гестапо мобилизовало целую армию проституток, которые обзванивали генералов и поздравляли их с «тем, что одна из их товарок попала в круг военной знати». Гитлер вел бесконечные разговоры с генералами, читал мораль своему военному министру Бломбергу и разыгрывал сцены возмущения при очной ставке Фрича с субъектом, нанятым гестапо.⁷¹

По иронии судьбы в аморальной нацистской империи, верхушка которой предавалась самым темным порокам, для устранения неудобных фюреру генералов не нашлось иного повода, как обвинение их в... аморальности. Под этим предлогом были уволены Бломберг и Фрич. И Гитлер получил возможность провести самую радикальную в истории германского милитаризма перестройку армии. Два старейших учреждения – военное министерство и генеральный штаб вооруженных сил – были вообще ликвидированы. Вместо них фюрер создал верховное командование вооруженных сил (ОКВ), которое было непосредственно подчинено самому Гитлеру. Начальником штаба ОКВ был назначен рабски преданный фюреру Вильгельм Кейтель, прозванный «клакейтель» самими же немецкими генералами. Внутри ОКВ было образовано нечто вроде личного штаба Гитлера, штаб оперативного руководства во главе с Йодлем. Эти высшие военные органы планировали и организовывали агрессии. Вполне закономерно поэтому, что их начальники Кейтель и Йодль кончили жизнь на виселице по приговору Нюрнбергского военного трибунала.

Лишь после перестройки командования вермахта (о ней было объявлено 4 февраля 1938 года) Гитлер приступил к непосредственному осуществлению планов захвата Австрии и Чехословакии.

Эти первые акты агрессии были, как известно, подготовлены дипломатическим путем и осуществлены без введения в бой вооруженных сил. их можно назвать кульминационными пунктами деятельности Гитлера как «дипломата», если, конечно, этот термин применим к тем из ряда вон выходящим методам шантажа, блефа и запугивания, которыми пользовался нацистский диктатор. Подробности беззастенчивых политических и дипломатических маневров Гитлера, жертвами которых оказались два суверенных государства в Центральной Европе, стали известны лишь после второй мировой войны. Они, между прочим, характеризуют и личность Гитлера, и приемы фашистской политики и дипломатии.

Политика захватов в действии

⁷¹ После того как Фрича сняли, стало известно, что субъект «спутал» генерала Фрича с каким-то безвестным гомосексуалистом Фриче. Но, разумеется, ни Гиммлер, организовавший эту акцию, ни более мелкие чиновники гестапо, сострелявшие «дело Фрича», не пострадали.

«Случай Отто» – так назвал Гитлер операцию по захвату Австрии. Осуществление ее было назначено на 12 марта 1938 года. В этот день германские войска должны были перейти границу с Австрией и оккупировать страну, «если, – как говорилось в приказе Гитлера, изданном накануне, – иные средства не приведут к цели». Под «иными средствами» подразумевались грубый нажим, угрозы и давление на австрийских политиков, с тем чтобы вынудить их к капитуляции.

«Случай Отто» начался с «обработки» канцлера Шушнига, которого 12 февраля 1938 года пригласили в резиденцию Гитлера Берхтесгаден вместе с его министром иностранных дел Гвидо Шмидтом. По приказу Гитлера на переговоры явились также высшие чины фашистской армии. О том, как проходили переговоры, рассказано в дневнике Йодля: «Кейтель с генералами фон Рейхенау и Шперле в Оберзальцберге. На Шушнига и Шмидта оказывают самое сильное политическое и военное давление».

В 1942 году гаулейтер Каринтии (Каринтия – часть Австрии, включенная после аншлюса в состав рейха) Фридрих Райнер красочно описал в речи перед руководителями своей области («гау»), до какого плачевного состояния Гитлер довел Шушнига: «Тогдашнее состояние Шушнига вообще трудно себе представить. Фюрер толкал его, дергал, кричал на него. Шушниг был заядлым курильщиком. Мы знали о нем буквально все, «плоть до интимных подробностей, знали стиль его жизни, знали, что он выкуривает 60 сигарет в день. Поэтому фюрер запретил ему курить. Риббентроп сказал мне, что он даже пожалел Шушнига». Шушниг стоял перед фюрером держа руки по швам и лепетал «так точно». А распоясавшийся Гитлер, упиваясь своей властью, оскорблял и запугивал его. «Я мог бы с таким же правом, как вы, и даже с гораздо большим правом, называть себя австрийцем, – вспоминал Шушниг слова Гитлера в своих мемуарах, – ...и я заявляю, что намерен разрешить так называемый австрийский вопрос любым способом. Мне достаточно отдать приказ, и спектакль на границе будет закончен в два счета. Вы понимаете, надеюсь, что не сумеете задержать меня даже на полчаса. Возможно, через ночь я буду уже в Вене. Как весенний ураган. Тогда вам несдобровать».

Таков был стиль «беседы» германского канцлера с австрийским канцлером во время переговоров в Оберзальцберге. Впервые Гитлер предстал перед иностранным государственным деятелем в своем истинном обличье – до сих пор он слыл вежливым и предупредительным дипломатом. Впрочем, мир в тот период так и не узнал, что в действительности творилось за дверями гитлеровской резиденции. Через месяц после встречи с фюрером Шушниг был арестован и просидел в фашистском концлагере до окончания войны!

Вернемся, однако, к переговорам Гитлера с Шушнигом и Шмидтом 12 февраля 1938 года. Первая часть переговоров закончилась тем, что фюрер предъявил австрийскому канцлеру следующие требования: нацистский ставленник Зейсс-Инкварт должен стать министром, главой полиции и службы безопасности; все арестованные нацисты (включая убийц Дольфуса) должны быть освобождены; австрийская нацистская партия должна быть включена в правительственную коалицию «Отечественный фронт» и т. д. После короткого перерыва Шушниг объявил, что готов подписать соглашение; он просил только, чтобы австрийскому правительству дали три дня перед тем, как оно окончательно примет условия Гитлера. Но фюрер требовал, чтобы Шушниг ответил немедленно. Он распахнул дверь и заорал: «Кейтель!» И тут же грубо бросил Шушнигу: «Вас я позову потом!» Это был самый неприкрытый шантаж. Когда Кейтель в своей генеральской форме вошел в кабинет Гитлера (генеральская форма была главным средством запугивания австрийского канцлера), он не заметил и следа той бури, которая только что бушевала там. «Посидите, – спокойно сказал ему Гитлер, – пусть канцлер поговорит со своим министром. Никаких дел у меня к вам нет!»

На Нюрнбергском процессе выступил в качестве свидетеля обвинения участник этой встречи, бывший министр иностранных дел Австрии Гвидо Шмидт. Американский обвинитель Додд спросил его: «Вы помните, что Шушниг сказал вам после возвращения в Вену? Сказал он, что ему стало страшно, когда Гитлер позвал Кейтеля?» Шмидт ответил:

«Да... нам было страшно. Канцлер считал, что нас, по всей вероятности, вообще не выпустят, если переговоры закончатся неудачей».

Через полчаса после того, как раздался грозный выкрик «Кейтель!», Шушниг скрепил своей подписью соглашение, которое, по сути дела, означало капитуляцию Австрии перед Гитлером.

Но включение нацистов в австрийское правительство и подчинение полиции ставленникам Гитлера было лишь первым шагом по пути полного уничтожения австрийского государства. Нажим Гитлера на Австрию все усиливался. 13 марта австрийские политики решили провести народный референдум по вопросу о сохранении независимости Австрии. Было ясно, что подавляющее большинство австрийцев выскажется против аншлюса. Тогда Гитлер потребовал отмены референдума. Правительство Австрии, которое после капитуляции в Берхтесгадене послушно следовало указаниям немцев, согласилось. И тут Гитлер решил нанести последний удар. Он заявил, что желает видеть в канцлерском кресле не Шушнига, а оголтелого нациста Зейсс-Инкварта. «В противном случае, – гласила телеграмма, полученная в тот день Зейсс-Инквартом из Берлина, – германские войска вторгнутся в Австрию». Шушниг и на этот раз готов был сдаться.

Однако президент Австрии Миклас медлил. Австрийские правящие круги не могли не понять, что их заставляют подписать смертный приговор государственной самостоятельности Австрии. Миклас не желал назначать Зейсс-Инкварта канцлером.

Тогда все началось сначала: угрозы Гитлера, «дипломатический» нажим, провокационные вылазки нацистской «пятой колонны», клятвенное обещание фюрера не посягать на независимость Австрии. Сперва вышел из игры Шушниг, заявив, что его правительство сложило с себя полномочия. По указанию из Берлина Зейсс-Инкварт объявил, что лично он продолжает выполнять свои функции министра и начальника полиции. 11 марта около девяти часов утра Геринг позвонил из своей резиденции специальному уполномоченному гитлеровцев в Вене Кепплеру. Запись этого разговора сохранилась в архивах министерства авиации. И она наглядно показывает, с какой наглостью фашистская Германия провела пресловутый аншлюс, который изображался как добровольное воссоединение «младших австрийских братьев» с немцами рейха.

«Геринг. ...Главное сейчас, чтобы Зейсс-Инкварт овладел всем правительством, занял радиостанцию и т. д. А теперь слушайте меня внимательно... Пусть Зейсс-Инкварт пришлет сюда телеграмму следующего содержания, записывайте: «Временное австрийское правительство, которое видит свою задачу в том, чтобы восстановить в стране спокойствие и порядок, обращается к германскому правительству с настоятельной просьбой оказать ему содействие в выполнении этой задачи и помочь избежать кровопролития. С этой целью оно просит как можно скорее прислать немецкие войска».

Кепплер. По улицам маршируют отряды СА и СС, но в городе очень спокойно.

Геринг. Прошу внимания: Зейсс-Инкварт должен закрыть границы, чтобы никто не мог переправить из страны собственность...

Кепплер. Слушаюсь.

Геринг. ...должен образовать временное правительство. И скажите ему, что в крайнем случае он может и не посылать телеграмму; пусть скажет: «Согласен!» Вот и все. А вы позвоните либо по телефону фюрера, либо по моему. Итак, всего хорошего. Хайль Гитлер!»

Телеграмма с просьбой о посылке войск так и не была отправлена. Но в официальном сообщении о переходе германскими войсками государственной границы Австрии она все равно фигурировала. В сообщении говорилось, что войска вступили в страну «в соответствии с просьбой австрийского правительства». Произошло это 11–12 марта 1938 года. В этот день австрийское государство перестало существовать.

Австрия стала первой страной, захваченной Гитлером. Споры нет, правящие круги этой страны – набожные ханжи и реакционные политиканы, по сути дела, отдали государство на растерзание нацистам. Что же касается австрийского народа, то он пережил жестокую трагедию. Преданный своими политиками, покинутый Западом, он оказался беззащитным

перед лицом агрессии.

Характерно, что в дни австрийских событий фюрера больше всего тревожила не реакция Англии и Франции – в их лояльности он был уверен, – а поведение Италии. Он еще помнил, что в 1934 году Муссолини перебросил войска к австрийской границе, дав понять, что не потерпит германского господства в соседнем с Италией государстве. На этот раз, однако, дуче вел себя совсем иначе. Италия уже не могла «бунтовать» против своего главного союзника. Теперь Муссолини сам стал членом шайки, возглавляемой Гитлером, той шайки фашистских или фашиствующих политиков, которые плели заговоры против мира. Дуче превратился в сообщника Гитлера по «Антикоминтерновскому пакту», по интервенции в Испании. И поэтому, когда новый посол Гитлера в Риме принц Филипп Гессенский известил Муссолини о намерениях Гитлера, тот выразил свое полное одобрение. И эту радостную весть поздно вечером 11 марта Филипп Гессенский сообщил Гитлеру. Фюрер был настолько потрясен, что воскликнул: «Передайте, что я по-настоящему, искренне благодарен ему и никогда, никогда этого не забуду!»

Этот возглас показывает не только тот отчаянный страх, который Гитлер испытывал, совершая первые акты агрессии, но и тот «стиль», который он ввел в мировую политику. Для него не существовало ни государственных, ни народных интересов, ни законов дипломатии и морали, ни силы традиций, для него существовало только одно – интриги и вражда или, наоборот, Дружба и сговоры отдельных личностей, которые стояли, по его мнению, над народами и могли по своему произволу вершить судьбами мира. И, следуя этому новому «стилю», Гитлер, прибыв в Австрию, послал из своего родного города Линца телеграмму дуче: «Муссолини, я никогда этого не забуду!»

Вначале Гитлер предполагал, что после присоединения Австрии придется выждать довольно долгое время, прежде чем можно будет приступить к следующему акту агрессии – захвату Чехословакии. Как явствует из дневника Йодля, фюрер говорил ему, что с подготовкой вторжения в Чехословакию не следует спешить, сперва надо, мол, «переварить» Австрию. Но уже через несколько недель, увидев, что захват Австрии прошел более чем безнаказанно и не вызвал у правящих кругов Англии и Франции даже малейшего сопротивления, он изменил свое мнение. В такой обстановке медлить не стоило. Через два с половиной месяца после аншлюса Гитлер подписал «Зеленый план», наметив захват Чехословакии на 1 октября 1938 года.

О чем думал Гитлер, когда писал в преамбуле «Зеленого плана» о необходимости создания «благоприятной ситуации» для захвата Чехословакии нацистской Германией? Свет на это проливает беседа между фюрером и Кейтелем в апреле 1938 года. Результаты беседы были зафиксированы в специальной инструкции: «Основные предпосылки «Зеленого плана». В разделе «политические предпосылки» рассматривались три возможных варианта: вариант первый – «внезапное военное нападение» без всякого повода и юридического обоснования. Он отвергался, поскольку грозил вызвать возмущение мировой общественности. Вариант второй – «острый дипломатический конфликт», в результате которого возникнет война. Вариант третий – «молниеносные действия в связи с каким-либо инцидентом» (например, с убийством немецкого посла и враждебной антигерманской демонстрацией). Гитлер утвердил два последних варианта.

План его действий был ясен: обострение дипломатических отношений и попытки спровоцировать инциденты, которые могли бы считаться поводом для войны. Исходя из этого плана, служба безопасности (СД) начала готовить соответствующий инцидент – убийство немецкого посла в Праге. Одновременно Берлин дал указание активизироваться «пятой колонне» – партии судетских немцев, возглавляемой Генлейном. Гитлер лично проинструктировал Генлейна, приказав все время увеличивать свои требования, отвергать всякие компромиссы и стараться создать невыносимую обстановку в Судетской области. Эта обстановка и должна была оправдать «вмешательство рейха». В то же время во всей Германии была развернута яростная античешская кампания. С каждым днем страсти накалялись. Гитлер стянул войска к германо-чехословацкой границе.

Но и на этот раз дело не дошло до военного вторжения. Политика умиротворения Гитлера и подталкивания его агрессии на Восток, в направлении Советского Союза, дала фюреру возможность одержать еще один бескровный триумф – захватить сперва Судеты, а потом и всю Чехословакию.

Вот как разворачивались события: в мае 1938 года состоялась встреча Генлейна с Гитлером и Риббентропом; после нее положение в Судетской области настолько обострилось, что в Лондоне решили вмешаться. 12 мая Генлейна пригласили в Лондон, но по пути в английскую столицу он сделал остановку в Берлине и получил инструкции от Риббентропа: «Господин Генлейн будет отрицать, что он действует по указанию Берлина... чтобы ослабить те английские круги, которые еще сегодня считают необходимым поддерживать это государственное образование (т. е. Чехословакию. – Авт.)», – говорилось в протоколе переговоров между Генлейном и Риббентропом.

14 мая, возвращаясь из Лондона, Генлейн снова оказался в Германии, уже в Берхтесгадене – резиденции Гитлера. Фюрер приказал Генлейну форсировать события в Судетской области, где дело и так дошло до вооруженных столкновений между нацистами-генлейновцами и чехословацкой армией. Казалось, вот-вот в Судеты вступят немецкие войска.

Однако на сей раз фюреру пришлось пойти на попятную. 20 мая чехословацкое правительство объявило о частичной мобилизации. Было ясно, что оно окажет вооруженное сопротивление агрессору и что Англии и Франции не удастся отговорить его от решительных действий. «Майский кризис» грозил перерасти в войну в невыгодных для Гитлера условиях. Фюрер забил отбой. По его указанию Риббентроп заверил чехословацкого посла в Берлине в том, что Германия не имеет никаких агрессивных намерений в отношении Чехословакии. Кризис был ликвидирован.

Но Гитлер сумел извлечь из него один важный урок: он понял, что Англия не прочь предать чехословацкое государство. Немецкий посол в Лондоне Дирксен сообщил, что британское правительство, хотя и знало о намерении Франции прийти в мае на помощь Чехословакии, «тщательно избегало всякого намека на то, что Великобритания будет действовать таким же образом». От позиции Англии зависела судьба Чехословакии и мира в Европе.⁷²

После майских событий фюрер несколько дней просидел взаперти в Берхтесгадене. Когда он вновь появился в Берлине, его решение созрело: провести акцию против Чехословакии, не считаясь больше с возможностью вмешательства Англии и Франции.

Лето 1938 года прошло в лихорадочной подготовке к задуманной операции. К сентябрю германские войска сосредоточились у границ Чехословакии: всего Гитлер мобилизовал 39 дивизий. В то же время на западных границах рейха стояло только лишь 5 дивизий. Гитлер был твердо уверен, что воевать на Западе ему не придется.

Закончив военные приготовления, фюрер дал сигнал к новым провокациям. Генлейну было приказано прервать всякие переговоры с чехословацким правительством о мирном урегулировании в Судетской области. Генлейновские головорезы перешли в наступление: организовали вооруженный путч. Тогда чехословацкое правительство объявило чрезвычайное положение и ввело в Судетскую область войска. Уже через два дня все пришло в норму, ибо оказалось, что подавляющее большинство населения к путчу непричастно. Генлейну пришлось удирать за границу. Он обосновался в Баварии, близ города Байрейта, и организовал так называемый «Судето-германский легион», состоявший

⁷² Уильям Ширер, имевший возможность следить за всеми событиями в самом их эпицентре, в Берлине, пишет в своей книге: «Находясь в Берлине, я с этого момента не мог уже избавиться от впечатления, что, если Чемберлен ясно и недвусмысленно сказал бы тогда, что Англия вмешается, т. е. поступит так, как она в конце концов поступила, когда дело коснулось Польши, Гитлер никогда не пошел бы на авантюру, вызвавшую вторую мировую войну. Изучение германских секретных документов неопровержимо подтвердило, что мое впечатление было правильным».

из судетских эсэсовцев, уголовников и прочего сброда. Задача легиона состояла в том, чтобы провоцировать пограничные инциденты. Во время одного из таких инцидентов генлейновцы ворвались на чехословацкую территорию и даже заняли два города.

Взоры всего мира были обращены к Лондону и Парижу – поддержат ли они своего чехословацкого партнера в столь критический момент? Но английский премьер уже принял решение: Чехословакию принесли в жертву антисоветским планам английских «умиротворителей». В разгар сентябрьского кризиса в газете «Тайме» появилась печально знаменитая статья, в которой чехословацкому правительству рекомендовалось отказаться от Судетской области, чтобы стать «однородным в национальном отношении государством». Гитлер знал, что статья отражает настроения английского премьера. А неделю спустя он получил подтверждение и от самого Чемберлена. 14 сентября в Берлин пришла телеграмма британского премьер-министра, которая повергла в удивление весь мир: «В связи с критическим положением, – писал Чемберлен, – я готов немедленно приехать к вам, чтобы попытаться найти мирное решение. Согласен прибыть самолетом и готов к выезду завтра же».

Позднее Гитлер сказал, что он был «совершенно ошеломлен» такой телеграммой.

Чемберлен прилетел в Мюнхен 15 сентября и проследовал оттуда поездом в Берхтесгаден. Поездка и встреча английского премьера была продумана до мельчайших деталей. За те три часа, что Чемберлен ехал из Мюнхена в Берхтесгаден, он увидел из окна вагона десятки длинных эшелонов с военными грузами, специально сформированных для устрашения английского премьер-министра. На вокзал Гитлер не явился – он ждал английского премьера у входа в свою резиденцию, причем на верхней ступеньке лестницы. Принял он его в том же огромном кабинете, в каком за несколько месяцев до этого напуганный до смерти Шушниг подписал фактическую капитуляцию Австрии.

С первых же слов Гитлер перешел в наступление. В записи беседы, которую вел переводчик Гитлера Шмидт, говорится: «Он сказал, что ему 49 лет и что он хочет, если Германии суждено быть вовлеченной в мировую войну из-за Чехословакии, провести страну через этот кризис, будучи еще в расцвете сил... Он готов взять на себя риск войны любого масштаба – л даже риск мировой войны».

Тон Гитлера был так резок и ультимативен, что Чемберлен почувствовал себя вынужденным прервать его. Но по существу высказываемых Гитлером требований у Чемберлена возражений не было. «Что касается меня лично, – сказал он Гитлеру, – я могу лишь заявить, что признаю принцип отделения Судетской области от Чехословакии». Под конец британский премьер попросил у Гитлера несколько дней отсрочки – он хотел согласовать условия сговора с Францией и заставить Чехословакию принять их. Гитлер милостиво согласился.

В последующую неделю требования Гитлера обсуждались с Прагой и Парижем. С Парижем у Чемберлена трудностей не возникло. Даладье и Бонне (министр иностранных дел) проявили не меньше усердия в деле расчленения Чехословакии, чем Чемберлен и Галифакс. 18 сентября в Лондоне было состряпано совместное англо-французское предложение отторгнуть от Чехословакии Судетскую область. Ни Чемберлен, ни Даладье и не подумали привлечь к переговорам представителей чехословацкого правительства.

Куда труднее было заставить Чехословакию подписать документ, согласно которому часть ее территории отдавалась Гитлеру. Вначале чехословацкое правительство отвергло «предложение» Англии и Франции. Но тогда правительства этих стран проявили твердость, которой им так не доставало в разговорах с Гитлером: английский посол в Праге Ньютон и французский посол де Лакруа глубокой ночью 20 сентября прибыли в президентский дворец, подняли с постели президента Бенеша и передали ему заявление правительств двух стран о том, что они отказываются от всякой поддержки Чехословакии в случае войны с Германией, если Чехословакия не примет условий Гитлера.

22 сентября Чемберлен вновь сел в самолет и с вестью о капитуляции Чехословакии прибыл в Бад-Годесберг, где состоялась его вторая встреча с Гитлером. Беседа началась с

пространного монолога Чемберлена: английский премьер долго разъяснял Гитлеру, какие трудности ему пришлось преодолеть, чтобы получить согласие на немецкие требования. Было ясно, что он ждал похвал фюрера. Но похвал не последовало. Это объяснялось вот чем: Гитлер, как он признавался позднее в разговорах со своими приближенными, был крайне удивлен покладистостью Англии и Франции и пассивностью Чехословакии. Выслушав Чемберлена, он даже переспросил: «Правильно ли я понял, правительства Англии, Франции и Чехословакии согласны уступить Судетскую область Германии?» Чемберлен с улыбкой ответил: «Да!»

И тут Гитлер, что называется, перестроился на ходу, благо ему не требовалось ни с кем ничего согласовывать, и разыграл сцену, которая вызвала у английского премьера чуть ли не нервный шок. В момент, когда, казалось, торг закончен и соглашение уже достигнуто, Гитлер объявил сделанные уступки недостаточными. Фюрер как бы испытывал, до каких пределов может дойти терпение западных держав, их готовность оказать поддержку агрессивным требованиям Германии. «Ввиду нового развития событий, – холодно сказал Гитлер Чемберлену, – я уже больше не могу согласиться с предложенным решением».

Гитлер правильно рассчитал: Чемберлен оказался в западне – пути назад у него не было, ведь он уже предал своего партнера Чехословакию и дважды совершил унижительное паломничество в резиденцию фюрера. Не мог же он вернуться в Лондон с пустыми руками. Это-то британский премьер и попытался объяснить Гитлеру, уже в тоне мольбы. «Его лицо, – повествует Шмидт, – стало багрово-красным от обиды и досады». И далее в протоколе Шмидта говорится: «Он (Чемберлен. – Авт.) с полным правом может заявить, что фюрер получил от него все, что требовал. Для того чтобы добиться этого, он поставил на карту свою политическую карьеру... Уже теперь его обвиняют в Англии в том, что он продал и предал Чехословакию, капитулировав перед диктатором: сегодня утром, когда он уезжал из Лондона, его буквально освистали».

Но эти «жалкие слова» премьера страны, которую когда-то называли «гордым Альбионом», не разжалобили Гитлера. Они лишь показали, что его удар был рассчитан правильно и попал в цель. Гитлер остался тверд и потребовал, чтобы Англия и Франция согласились на немедленную оккупацию Судетской области Чехословакии немецкими войсками, после чего передал английскому премьеру карту с нанесенными на ней Районами, о которых раньше вообще не шла речь. Чемберлен покинул Гитлера в глубоком унынии.

На следующий день, однако, он явился к нему вновь получил от фашистского диктатора меморандум, в котором были сформулированы новые нацистские требования. В документе говорилось, что отход чехословацких войск должен начаться 26 сентября в 6 часов утра и закончиться 28 сентября. «Так ведь это ультиматум!» – воскликнул Чемберлен. Гитлер ответил: «Почему? На документе не написано «ультиматум», там написано «меморандум».

В конце концов английский премьер и нацистский диктатор все же договорились; Гитлер изменил только дату ввода немецких войск на чехословацкую территорию – вместо 28 сентября поставил 1 октября. Мы знаем, что именно это число фигурировало в «Зеленом плане». Первоначальную дату 28 сентября Гитлер наметил, так сказать, с запасом, заранее рассчитав, что он изменит ее, создав видимость уступки. И Чемберлен вновь капитулировал: согласился с еще более наглыми требованиями. Осталось только оформить сделку в виде международного соглашения.

Вернувшись в Лондон, Чемберлен начал согласовывать с Чехословакией условия нового годесбергского сговора. Это оказалось не так уж просто, Чехословацкое правительство не решилось вслед за первой капитуляцией объявлять о новом поражении. Тем более, что по условиям годесбергской сделки Чехословакия должна была столь поспешно увести свои войска, что это походило на позорное бегство. Срок гитлеровского ультиматума – 1 октября – оказался под угрозой. В Чехословакии прошла мобилизация. В армию был призван один миллион человек. К тому же, как мы увидим далее, твердая позиция Советского Союза являлась гарантией того, что гитлеровская военная авантюра

потерпела бы провал.

Словом, международно-политические обстоятельства не способствовали осуществлению планов Гитлера. И Гитлер почувствовал это. 27 сентября он направил послание Чемберлену, в котором предложил провести новые переговоры для уточнения «деталей соглашения». Это было явным отступлением. Фюрер уже не настаивал на дате, указанной в меморандуме. Радость Чемберлена не знала границ. Он ответил, что готов немедленно прибыть в Берлин и вести переговоры с Гитлером и представителями Чехословакии, а если фюрер пожелает, то и с представителями Франции и Италии. Одновременно британский премьер направил телеграмму Муссолини, в которой просил поддержать английские предложения и принять участие в предполагаемой конференции.

Маневр Гитлера полностью удался. 28 сентября Муссолини позвонил послу Италии в Берлине Аттолико и велел срочно связаться с Гитлером. «Передайте фюреру, – говорилось в записи этого телефонного разговора, – что британское правительство просило меня посредничать в судетском вопросе. Разногласия минимальные... Конечно, он будет решать сам, но скажите ему, что я за то, чтобы принять предложение англичан».

Красный от возбуждения, Аттолико помчался в резиденцию канцлера. В нарушение всякого протокола он крикнул Гитлеру уже издалека: «Важная весть от дуче!» Гитлер выслушал посла и, не задумываясь, ответил: «Передайте дуче, что я принимаю его совет».

Мюнхенская конференция, проходившая 29–30 сентября в баварской столице, должна была всего-навсего скрепить условия сговора, достигнутого ранее. Из немецкой протокольной записи конференции явствует, что Чемберлен и Даладье безоговорочно соглашались со всеми требованиями Гитлера.

30 сентября в час ночи мюнхенское соглашение подписали Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладье. Представители Чехословакии находились в соседней комнате – по настоянию Гитлера их не допустили на конференцию. Когда все было кончено, Чемберлен и Даладье просто в порядке информации сообщили им результаты сделки.

В исторической литературе на Западе до сих пор распространяется легенда, будто мюнхенский сговор 1938 года об отторжении Судетской области от Чехословакии был законным соглашением, неким компромиссом, достигнутым на международно-правовой основе между четырьмя крупнейшими европейскими державами: Англией, Францией, Германией и Италией. Согласно этой легенде, посредническую роль при достижении компромисса принял на себя Муссолини. Мол, именно он обратился к правительствам трех держав с предложением созвать международную конференцию для Решения «чехословацкого спора» мирным путем.

В действительности мюнхенское соглашение предьявляло собой не что иное, как противозаконный сговор, был сговор между двумя главными действующими лицами: Гитлером и Чемберленом, Посредническая роль Муссолини – миф. Предложение Муссолини организовать совещание четырех держав в Мюнхене последовало лишь после того, как состоялся обмен телеграммами между Гитлером и английским премьер-министром, предreshавший созыв конференции. 27 сентября 1938 года Гитлер телеграфировал Чемберлену, что предлагает переговоры с целью «уточнить» сделку, заключенную между ними за пять дней до этого в Годесберге, сделку о присоединении Судетской области к гитлеровскому рейху. А на следующий день английский премьер ответил, что готов прибыть в Германию и провести совещание по вопросу об окончательном оформлении годесбергской сделки на четырехсторонней основе, т. е. с участием не только Англии и Германии, но также Франции и Италии.

Что же касается «посреднического плана» Муссолини, который был представлен конференции как рабочий документ и положен в основу переговоров, то он был заранее составлен в Берлине. Как стало известно из воспоминаний все того же Шмидта, поздно вечером 28 сентября 1938 года по указанию фюрера «план Муссолини» был составлен Герингом, Нейратом и Вейцеккером. Затем Шмидт перевел его на французский язык и передал итальянскому послу в Берлине Аттолико. Тот, в свою очередь, продиктовал

французский текст по телефону в Рим. И за несколько минут до того, как Муссолини сел в поезд, направлявшийся в Мюнхен, ему вручили текст этого плана...

Итак, не международное соглашение, а сговор. Для истории четкое разделение этих двух понятий имеет немалое значение. Конференция никаких «рабочих функций» не выполняла. Она лишь оформила тайную сделку, достигнутую ранее. Актеры этой драмы даже не сочли нужным соблюсти элементарные правила камуфляжа. Чешские представители, которых поздно ночью 30 сентября пригласили в зал заседаний, чтобы ознакомить со сделкой, сообщили в Прагу:

«Чемберлен непрерывно звал и не обнаруживал никаких признаков смущения... Господин Даладье явно находился в состоянии растерянности... Леже (генеральный секретарь МИДа Франции. – Авт.) заметил, что четыре государственных мужа не располагают временем, и определенно заявил, что никакого нашего ответа они не ждут, ибо считают план принятым».

Описанной сцене предшествовал эпизод, смахивавший на фарс. Когда участники сговора сели за стол, чтобы подписать соглашение, в чернильнице не оказалось чернил. Все происходило в такой спешке, что забыли не только о соблюдении протокола, но даже о чернилах...

Неблаговидную роль в эти поистине трагические не только для чехословацкого народа, но и для всей Европы дни сыграло и правительство Эдуарда Бенеша. Дважды в стране объявлялась мобилизация и дважды отменялась. Между тем сопротивление Чехословакии отнюдь не было бы безнадежным, как уверяли ее мнимые друзья. Ведь на неоднократные запросы чехословацкого правительства о позиции Советского Союза в создавшейся ситуации Советское правительство неизменно отвечало, что готово выполнить свой союзнический долг при любых, условиях. Сомнений в намерениях СССР ни у кого не могло быть. В этой связи следует вспомнить личное обращение Бенеша к Советскому правительству 19 сентября. В нем были поставлены следующие вопросы:

1. Окажет ли СССР, согласно договору, немедленную и действенную помощь Чехословакии, если Франция будет ей верной и также окажет помощь? 2. Поможет ли Советский Союз Чехословакии как член Лиги наций на основании статей 16 и 17, предусматривавших военные санкции против агрессора?

Советское правительство дало положительный ответ на оба эти вопроса. Более того, через руководителя Коммунистической партии Чехословакии Клемента Готвальда президенту Бенешу было передано, что Советский Союз готов оказать военную помощь и без Франции, если чехословацкое правительство этого пожелает. Итак, Советский Союз был готов оказать помощь, даже если Франция не захочет вступить за Чехословакию. Но, конечно, при условии, что сама Чехословакия будет защищаться и попросит помощи. Этот факт признал и Бенеш в 1939 году в беседе с дочерью Томаса Манна.

Не ограничившись устными заверениями, Советский Союз продвинул к своей западной границе 30 стрелковых дивизий, привел в боевую готовность авиацию и танковые части. Только в двух военных округах – Белорусском и Киевском – было сосредоточено 296 бомбардировщиков и 302 истребителя. Аналогичные мероприятия были проведены в системе противовоздушной обороны. Позднее в боевую готовность были приведены еще десятки стрелковых и кавалерийских дивизий, другие соединения и части. Однако правительство Бенеша – Годжи так и не обратилось к СССР за помощью. Оно предпочло капитулировать, а не сопротивляться.

Знали ли руководители западных стран, на что идут, подписывая мюнхенское соглашение? В своих секретных высказываниях они совершенно недвусмысленно отзывались об агрессивных целях Гитлера, но народам преподносилось иное. Так, французский премьер Даладье, готовя Мюнхен, уверял французскую общественность, будто он «умиротворит» фюрера и направит его на путь мира. Одновременно в доверительном разговоре с дипломатами 25 сентября 1938 года Даладье признал, что целью Гитлера является «захват Чехословакии силой, ее порабощение, а впоследствии

установление своего господства в Европе». Однако, вернувшись в Париж после подписания соглашения, Даладье выступил в роли «миротворца» и сумел одурачить немалую часть обывателей. В Париже ему устроили триумфальную встречу. Но, как свидетельствует французская журналистка Женестьева Табуи, увидев ликующую толпу, Даладье пробормотал: «Глупцы, они не знают, чему аплодируют...»

Один из самых ярких английских «мюнхенцев», Сэмюэль Хор, в своих послевоенных воспоминаниях пишет: «Было бы неверно утверждать, будто наша слабость в военном отношении явилась главной причиной мюнхенского соглашения». Да, это поистине так. Легенда о военной слабости западных стран должна была служить лишь прикрытием для коварных политических целей мюнхенской политики. В действительности армии двух стран-союзниц – Франции и Чехословакии – превосходили вдвое по численности немецкие войска того времени. А ведь этим странам была обеспечена поддержка Советского Союза и многих других миролюбивых государств!

В августе 1938 года из-за несогласия с установками Гитлера подал в отставку начальник генерального штаба армии Бек. Вокруг Бека сгруппировалась сильная оппозиция, считавшая, что немецкая военная каста должна бороться с авантюристической политикой Гитлера любыми средствами, вплоть до государственного переворота. Эта позиция профессиональных военных объяснялась, разумеется, не их пацифизмом, а просто трезвой оценкой обстановки. Оппозиция связалась с английским правительством. Проинформировав его о намерениях Гитлера и сообщив об оперативных планах нацистского руководства, она завершила британский кабинет в том, что если Англия останется твердой, Гитлер отступит. И это было действительно так! Однако британский кабинет не внял советам Бека. Он остался «твердым». Но не в отпоре Гитлеру, а в проведении мюнхенской политики, имевшей лишь одну цель – натравить Гитлера на Советский Союз.

Американский посол в Москве Дэвис сообщил секретарю президента Рузвельта: «Россия может сыграть значительную роль в деле защиты международного мира. Однако создается впечатление, что демократические страны Европы преднамеренно помогают фашистам в их попытках полностью изолировать эту великую державу от остального мира, и в особенности от Франции и Англии. Печально, но факт».

Этой же точки зрения придерживался видный английский историк Уилер-Беннет, находившийся в сентябре 1938 года в Чехословакии. Он писал: «За всеобщим желанием мира и за «приспособлением» к Гитлеру скрывалась в те дни – если не в мыслях самого Чемберлена, то по крайней мере в мыслях некоторых его советников – тайная надежда на то, что германскую экспансию удастся направить на Восток, где она со временем столкнется с Советской Россией».

Вот почему неправильно называть мюнхенскую сделку политикой «умиротворения» Гитлера. Это была политика поощрения разбойничьих планов нацистского фюрера. Речь шла о сознательном сговоре, в котором разменной монетой служили территория и население одной из культурнейших европейских стран. Договаривающиеся стороны прекрасно знали, каков объект сделки. Империалистические державы хотели преодолеть собственные противоречия за счет Советского Союза, за счет организации агрессии против него. Невдомек тогда было ни Чемберлену, ни Даладье, что эта политика коварных интриг и предательства станет одновременно политикой крушения европейского мира, политикой национальной катастрофы для западных стран.

Так западные державы выдали Гитлеру Чехословакию, и фюрер не преминул воспользоваться возможностями, которые предоставило ему мюнхенское соглашение. Уже спустя три недели после Мюнхена он подписал план оккупации всей Чехии. 21 октября 1938 года Гитлер велел подготовить немецкую армию для «ликвидации остатка Чехии и занятия Мемельской области» (района литовского города Клайпеды, граничившего с бывшей Восточной Пруссией). В приказе говорилось, что «организация, эшелонирование и степень готовности войск должны быть рассчитаны на нападение, с тем чтобы предотвратить всякую возможность отпора. Целью является быстрая оккупация Чехии и изоляция ее от Словакии».

После отторжения Судетской области в Чехословакии было создано профашистское марионеточное правительство во главе с президентом Гахой. Страну ослабляло и словацкое сепаратистское движение, субсидируемое из Берлина. В переговорах со словацкими сепаратистами (Дурчански и Мах), которые состоялись в резиденции Геринга, гитлеровский рейхсмаршал прямо заявил: «Стремление Словакии отделиться надо всячески приветствовать. Чехия без Словакии будет отдана нам на милость».

В начале 1939 года Гитлер решил, что время для «поглощения» Чехии созрело. Эту операцию он намеревался провести по «австрийскому образцу» – путем «соглашения» с правительством.

Чехословацких лидеров вызвали в Берлин. Вечером 15 марта должна была состояться встреча с Гитлером. Но фюрер принял их лишь ночью – в 1.15. Кроме него, во встрече принимали участие Геринг и Кейтель. Президент Гаха пролепетал, что правительство, мол, просит оставить чехам «право на национальное существование». В ответ на это Гитлер сухо сообщил, что он приказал войскам перейти границу Чехословакии днем 16 марта и что после оккупации намерен включить страну в состав германского рейха. Монолог фюрера перевел все тот же неутомимый Шмидт, он же рассказал о реакции «гостей»: «Гаха и Хвалковский (министр иностранных дел), – записал Шмидт, – буквально окаменели в своих креслах. Только по глазам было видно, что они – живые существа».

Опомнившись, Гаха заявил, что считает в создавшейся ситуации сопротивление безнадежным, но не знает, как довести это до сведения чехословацкой армии. Гитлер только и ждал подобного заявления. Он сказал, что единственный выход – подписать соглашение, в котором говорилось бы, что чехословацкое правительство вручает судьбу страны фюреру. «В противном случае, – добавил он, – я вижу лишь один исход – уничтожение Чехословакии».

После этого Гаха и Хвалковский поступили в распоряжение Геринга и Риббентропа, которые должны были заставить их подписать заранее подготовленные документы. Эту сцену, ссылаясь на свидетельства очевидцев, описал французский посол в Берлине Кулондр: «Геринг и Риббентроп были безжалостны. Они в буквальном смысле слова гоняли Гаху и Хвалковского вокруг стола, на котором лежали документы, вкладывая им в руки перо, и непрерывно повторяли, что если те откажутся поставить свою подпись, Прага через полчаса будет лежать в развалинах».

Но этим дело не ограничилось. Воспользовавшись тем, что Гаха пожаловался на сердечную слабость, Геринг вызвал лейб-медика Гитлера Морелля и велел тому сделать инъекцию чехословацкому президенту. Иозеф Климент, бывший политический референт Гахи, дал после войны письменные показания о своем разговоре с Гахой в отеле «Адлон» после его возвращения от Гитлера: «Гаха подтвердил, что во время переговоров с Гитлером ему была сделана инъекция, хотя он и протестовал...»

«Дипломатические» методы Гитлера принесли свои плоды. В 3 часа 55 минут Гаха и Хвалковский подписали требуемые документы. Чехословакия была расчленена и на ее территории были созданы так называемый «протекторат Богемия и Моравия» и сепаратное «Словацкое государство».

Хотелось бы закончить эту главу описанием эпизода, происшедшего уже в 1942 году. Он очень ярко показывает «стиль» дипломатии Гитлера и одновременно цену предательства и капитуляции. В июне 1942 года, после убийства в Праге Гейдриха (бывшего начальника тайной полиции и службы безопасности – СД, а с 1942 года имперского наместника Богемии и Моравии), Гитлер вновь имел разговор с Гахой. Он сказал, что, если в Чехии будут продолжаться выступления против немцев, он распорядится выселить всех чехов из страны. «Для нас, уже переселивших миллионы немцев,⁷³ – добавил он цинично, – такая мера не

⁷³ Речь идет о так называемых «фольксдойче» – гражданах «немецкой национальности, переселенных в Германию из других стран.

представляет никаких трудностей». Это не было пустой угрозой. По указанию Гитлера Гиммлер уже начал подготавливать поголовную высылку чехов. Остолбеневший Гаха спросил Гитлера, может ли он использовать это сообщение для того, чтобы воздействовать на чехов. Гитлер разрешил. «Чешские господа, – сказал он, вспоминая в ставке свой разговор с Гахой, – настолько хорошо поняли меня, что свою политику они с тех пор полностью подчинили принципу истребления всех бенешевских элементов и пресечения бенешевских интриг. Они поняли, что в борьбе за сохранение самого существования чешского народа не может быть нейтральных и что необходимо избавиться от всех, кто занимает позицию «ни да, ни нет».

ГЛАВА VII В БОРЬБЕ ЗА МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО

Гитлер развязывает мировую войну

Оккупация Чехословакии означала конец определенного этапа. Этапа, характеризовавшегося сравнительно «мирными» средствами в захватнической политике Гитлера. Правда, в арсенал этих средств входили ложные клятвы и шантаж, покушения и убийства, пограничные инциденты и подрывная деятельность «пятых колонн». Но в ту пору все они были исчерпаны. Любой дальнейший шаг по пути агрессии должен был неминуемо привести к войне.

Есть немало свидетельств, подтверждающих, что Гитлер сознавал это и сам. Так, например, на совещании в августе 1939 года он сказал: «Создание Великогермании было большим успехом с политической, но не с военной точки зрения, ибо мы достигли его в результате блефа, примененного политическими руководителями».

К весне 1939 года время блефа миновало. Наступила пора военных решений. Как выразился Гитлер на том же совещании, предстояло «испробовать войска». И добавил, что предпочел бы сделать это «локальным способом». Итак, фюрер желал провести «настоящую» военную операцию, но всего лишь... локального характера.

В нацистском календаре захватов уже значилась очередная жертва: Польша. Подготовка к операции против Польши началась еще осенью 1938 года; тогда же были сформулированы требования к польскому правительству: предполагалось вынудить его дать согласие на присоединение «вольного города» Данцига (Гданьска) к Германии и на предоставление экстерриториальных (не контролируемых польскими властями) дорог – железной и шоссейной – через «польский коридор» для связи с Восточной Пруссией. Впервые эти требования были выдвинуты в октябре того же года во время беседы Риббентропа с послом Польши в Берлине Липским. Согласно польской записи этой беседы, гитлеровский министр иностранных дел выставил еще одно важное условие для дальнейшего польско-германского сотрудничества: проведение «совместной политики, направленной против России, на базе «Антикоминтерновского пакта».

Правительство Рыдз-Смиглы, продолжавшее линию Пилсудского, лебезило перед нацистами и усматривало в предложениях Риббентропа зондаж с целью прощупать готовность Польши к дальнейшим «мирным» уступкам. Но как ни покладисты были польские политики, они все же понимали, что Польша не может принять требования Гитлера, ибо, приняв их, она теряет свою самостоятельность. Правители Польши отказались вести с Германией переговоры на основе выдвинутых Риббентропом предложений.

Свои истинные замыслы в связи с Данцигом фюрер раскрыл на совещании с генералами 23 мая 1939 года. «В действительности, – сказал он, – речь идет не о Данциге. Речь идет об обеспечении жизненного пространства Германии на Востоке...» Данциг (Гданьск) был для Гитлера всего лишь пробным шаром, предлогом для того, чтобы начать кампанию против польского государства, которое он намеревался превратить в «жизненное

пространство» германской «расы господ».

Таким образом, новую актуальность «данцигская проблема» приобрела тогда, когда Гитлер решил приступить к реализации своего плана агрессии против Польши. Если осенью и зимой Риббентроп еще разговаривал с реакционными польскими политиками в дружеском тоне, в духе польско-германского пакта 1934 года, то сейчас язык немецких дипломатов изменился коренным образом. Они уже ничего не обсуждали, они ставили ультиматумы. 21 марта Риббентроп вызвал Липского и сообщил ему, что Германия настаивает на своих требованиях о Данциге и экстерриториальных коммуникациях в Восточную Пруссию и считает, что эти вопросы надо срочно урегулировать. На новый демарш Риббентропа Варшава ответила отрицательно; тогда гитлеровский министр начал угрожать Польше: он многозначительно сказал польскому послу, что отказ «другого государства» (т. е. Чехословакии. – Авт.) на предложение о «мирном урегулировании» уже привел к печальным последствиям.

На сей раз Варшава встревожилась не на шутку. Польский министр иностранных дел Бек заявил германскому послу, что правительство Польши будет рассматривать любую попытку Германии изменить статут «вольного города» Данцига как агрессию, направленную против Польши.

Забеспокоилась не только Варшава, но и Лондон. Английские правящие круги считали, что Гитлер получил достаточно крупный аванс по договору (никем не зафиксированному, но достаточно ясному для каждой из действующих сторон), согласно которому агрессия Германии будет направлена не против Запада, а против Советского Союза. Необходимо было внушить нацистскому диктатору, что любая его дальнейшая акция, не согласованная с Западом, встретит решительный отпор.

31 марта 1939 года Чемберлен предпринял решающий шаг, который должен был, по его замыслу, заставить Гитлера либо приступить к организации «крестового похода» против коммунизма, либо отказаться от всяких дальнейших планов завоеваний в Европе и начать переговоры с западными странами о выработке устраивающего их статус-кво на европейском континенте. В этот день, 31 марта, английское правительство заявило, что оно дает военные гарантии Польше в случае агрессии со стороны Германии. К Англии присоединилась Франция. Такие же гарантии обе страны предоставили в дальнейшем Румынии и Греции.

В Европе создалась вполне определенная ситуация: чтобы не столкнуться с Англией и Францией, Гитлеру оставался лишь один путь – путь на СССР. И Чемберлен сказал об этом без всяких обиняков в своей речи в Бирмингеме в марте 1939 года. Как раз в это время Гитлер праздновал свою очередную победу – захват литовского города Клайпеды, который фашистские геополитики считали немецким городом и упорно именовали Мемелем. Приехав 23 марта в Клайпеду, Гитлер встретил там уполномоченного Чемберлена. «Когда я был в Мемеле, – вспоминал он впоследствии, – Чемберлен через посредника передал мне, что он полностью понимает необходимость урегулировать этот вопрос (т. е. захват Клайпеды. – Авт.) именно теперь, хотя и не может сказать об этом открыто». Такое заявление, сделанное через шесть дней после бирмингемской речи, означало, что английский премьер решил напомнить и подтвердить условия, при которых будет считаться, что агрессия Гитлера направлена не против союзников Англии в Европе, а против СССР. Захват Клайпеды воспринимался в Лондоне именно как такого рода акция и не вызывал никаких протестов.

По свидетельству начальника абвера (военной разведки Германии) адмирала Канариса, сообщение о том, что Англия предоставила гарантии Польше, вызвало у Гитлера приступ ярости. Он забегал по своему огромному кабинету в имперской канцелярии, ругая Чемберлена. Всю жизнь фюрер блефовал и теперь он воспринял гарантии Англии как блеф, как пустую угрозу, как демонстрацию, направленную против него лично. Он никак не мог поверить (и не верил до самого начала войны), что Англия будет воевать с Германией из-за Данцига.

Первой реакцией Гитлера на британские гарантии был его приказ о форсировании

военных приготовлений против Польши. 3 апреля появился набросок оперативного плана нападения на Польшу («Белый план»). В нем было написано: «Политическое руководство считает своей задачей... по возможности изолировать Польшу, т. е. ограничить войну кампанией против Польши». Далее Гитлер предупреждал, что антипольскую акцию «никоим образом не следует рассматривать как подготовку конфликта с нашими западными противниками».

В дальнейшем этот тезис повторялся во всех документах. Даже в канун нападения на Польшу Гитлер считал, что Запад скорее всего не выступит в ее защиту. На совещании 22 августа, специально посвященном Польше, фюрер заявил: «Теперь стало еще более вероятным, что Запад не вмешается. Поэтому мы должны с железной выдержкой взять на себя риск», Гитлер вспомнил дни Мюнхена, когда тоже казалось, что Англия и Франция вот-вот выступят в защиту Чехословакии. «Наши противники – жалкие людишки, – изрек Гитлер на том же совещании. – Я убедился в этом в Мюнхене». В соответствии со своим заявлением фюрер и действовал, Прежде всего он попытался успокоить «жалких людишек», уверяя их, что политика Германии не преследует никаких целей, кроме антисоветских.

11 августа, за три недели до нападения на Польшу, Гитлер принял верховного комиссара Лиги наций, швейцарского профессора Буркхарда и сказал ему: «Я ничего не хочу от Запада ни сегодня, ни завтра... Все намерения, которые приписывают мне на этот счет, – досужие вымыслы. Но я должен иметь свободу рук на Востоке». И чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что имеет в виду Гитлер под «свободой рук», он сказал, уже прощаясь с Буркхардом: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп, чтобы понять это, я буду вынужден добиться соглашения с Россией, разбить Запад, а затем, после его поражения, собрав все силы, двинуться на Россию».

В общем плане гитлеровской агрессии захват Польши служил одновременно и угрозой Западу и первым этапом антисоветского похода.

Сохранились свидетельства, показывающие, что некоторое время Гитлер колебался, где нанести первый удар – на Востоке или на Западе.

Еще в мае 1939 года он говорил; «Конфликт с Польшей– начиная от нападения на Польшу – может быть успешно доведен до конца лишь в том случае, если Запад останется вне игры. А если это невозможно, лучше уж напасть сперва на Запад и ликвидировать Польшу одновременно».

Однако к августу мнение фюрера изменилось, На совещании 22 августа он заявил: «Мне было с самого начала ясно, что конфликт с Польшей неизбежен. И я принял соответствующее решение еще весной. Но тогда я считал, что сперва выступлю против Запада, а потом уже против Востока... Этот заманчивый план оказался, однако, невыполнимым, так как с тех пор многое изменилось».

Колебания Гитлера, связанные с тем, что он не знал, где ему нанести первый удар, никак не отразились на подготовке войны с Польшей. Ведь в любом случае нацисты намеревались уничтожить польское государство.

В августе 1939 года военные приготовления были закончены. Гитлер назначил даже день и час нападения.

* * *

Советские публикации последних лет содержат большой материал, позволяющий подробно проследить гитлеровские дипломатические маневры, предшествовавшие заключению советско-германского договора от 23 августа 1939 года.

Впервые Гитлер начал выяснять возможности подписания пакта о ненападении в первых числах мая 1939 года. 5 мая заместитель заведующего отделом печати МИД Германии Браун фон Штумм повел зондирующий разговор с поверенным в делах СССР в Берлине Г. А. Астаховым. Он обратил внимание советского дипломата на то, что тон германской прессы по отношению к Советскому Союзу изменился и что это следует

расценивать как поворот политики Германии в вопросе взаимоотношений с СССР. Советский поверенный в делах заявил, что это скорее свидетельствует о сугубо временном тактическом маневре.

На следующий день, 6 мая, как писал в своих мемуарах советник германского посольства в Москве Г. Хильгер, Гитлер потребовал от посольства информацию о предполагаемой позиции Советского Союза в случае предложения с германской стороны о коренном улучшении советско-германских отношений. Хильгер был вызван в Германию, где 10 мая предстал перед Гитлером в Мюнхене. Фюрер поставил вопрос: будет ли Сталин готов при известных условиях идти на соглашение с Германией? Гитлер дал инструкцию прощупать такую возможность в Москве.

В дальнейшем в зондирование, согласно инструкции Гитлера, активно включилось германское посольство в Советском Союзе; посол фон дер Шуленбург получил полномочия начать переговоры об улучшении советско-германских отношений в Москве. 20 мая он был принят Молотовым.

В разговоре с советским народным комиссаром иностранных дел Шуленбург поставил вопрос о возможности заключения торгового соглашения между Советским Союзом и Германией, для чего германская сторона готова была направить в Москву своего уполномоченного по вопросам торговли со странами Восточной Европы, высокопоставленного чиновника МИД Германии Шнурре. В связи с тогдашним состоянием советско-германских отношений Молотов выразил сомнение в целесообразности таких переговоров. Месяц спустя, 26 июня, сам Шнурре возобновил разговор на эту тему в Берлине. В беседе с Астаховым он заявил, что необходимо улучшить и экономические, и политические отношения между Советским Союзом и Германией, и выразил некоторое недовольство тем, что советский нарком иностранных дел не откликается на попытки с немецкой стороны вести переговоры по этим вопросам. 28 июня посол Шуленбург уже прямо обратился с соответствующим предложением к народному комиссару иностранных дел: в беседе с Молотовым он заявил, что германское правительство предлагает не только нормализовать отношения с Советским Союзом, но и решительно улучшить их. Посол подчеркнул, что это заявление он делает по поручению Риббентропа и что оно одобрено Гитлером. 3 августа Шуленбург повторил свое предложение. Одновременно Риббентроп в Берлине сделал подобное же предложение в разговоре с Астаховым. 14 августа последовала телеграмма Риббентропа Шуленбургу, уполномочившая его начать переговоры о поездке Риббентропа в Москву для встречи с советскими руководителями. 20 августа сам фюрер направил телеграмму Советскому правительству, в которой уточнил миссию Риббентропа – заключить между Советским Союзом и Германией договор о ненападении.

Эта краткая хроника событий убедительно показывает, что инициатива заключения договора о ненападении исходила от германского правительства. Советское правительство относилось к этой инициативе чрезвычайно настороженно, сознавая, что за ней скрывается расчет Гитлера. Ни на минуту не сомневаясь в истинных намерениях Гитлера, Советское правительство прилагало новые усилия для того, чтобы прийти к соглашению с западными державами о создании общего фронта миролюбивых государств в борьбе с гитлеровской агрессией. Однако ненависть к Советскому Союзу в правящих кругах Англии и Франции оказалась сильнее чувства самозащиты. Хотя много грозных признаков говорило о том, что политика поощрения Гитлера может обернуться против самих ее инициаторов на Западе, лидеры Англии и Франции слепо продолжали следовать по роковому пути. Они упорно отказывались от заключения соглашения с Советским Союзом о мерах по отпору агрессии. Московские переговоры военных делегаций трех стран – СССР, Англии и Франции – зашли в тупик. 7 августа был отозван на родину глава английской миссии Стрэнг; представителям Советского Союза было заявлено, что у него «более срочные дела» в Лондоне, Английские и французские делегаты, по сути дела, бойкотировали любые предложения, внесенные советской стороной. Это особенно ярко обнаружилось в ходе переговоров, которые велись на протяжении трех дней – 15–17 августа; тогда Запад отверг новые предложения Советского

Союза, направленные на решение спорных вопросов. Стало совершенно очевидным, что западные державы не хотят никакого соглашения с Советским Союзом.

В этих условиях Советское правительство сочло возможным дать согласие на приезд Риббентропа в Москву и на заключение советско-германского договора о ненападении. Это было сделано в ответ на вторичную телеграмму Риббентропа, полученную 21 августа. 23 августа советско-германский договор о ненападении был подписан.

Советский Союз почти на два года обеспечил себе передышку, которую смог использовать для укрепления своей обороноспособности. Для западных же держав советско-германский пакт о ненападении означал полный провал их расчетов на то, что им удастся изолировать СССР и вынудить вести войну против гитлеровской Германии один на один.

Западные страны стали жертвами собственных интриг: хитроумный план, рассчитанный на то, чтобы самим остаться в стороне от войны, «над схваткой», заняв позицию «арбитров» и «наблюдателей», оказался битым. В высказываниях крупных военных деятелей «третьего рейха» в гот период явно сквозит чувство злорадства по поводу провала политики Англии и Франции, а главное – чувство облегчения: трезвые немецкие военные очень боялись войны с Советской Россией.

Однако такой оборот событий не устраивал многих влиятельных политиков не только в западных странах, но и в самом нацистском рейхе. Курс последних никогда не менялся – они хотели вести войну против СССР в союзе с западными державами. Сам Гитлер колебался. Он все еще считал возможным уладить «польский вопрос» (т. е. захват Польши) без военного конфликта с Англией и Францией. Под влиянием этих настроений он и решил отсрочить день нападения на Польшу с 26 августа на 1 сентября. Это тем более знаменательно, что фюреру не терпелось ввести в бой свои войска. На уже упомянутом совещании 22 августа он воскликнул: «Теперь я бсюсь только одного: как бы в последний момент какая-нибудь свинья не вмешалась и не испортила все дело!»

Несколько дней передышки были целиком заняты новыми сугубо секретными переговорами между правительствами Англии и Германии о возможном створе за счет очередной жертвы Гитлера – Польши. Уже самый метод ведения этих переговоров характеризует гитлеровскую дипломатию: от имени германского правительства их вело «честное лицо», да к тому еще не гражданин Германии, а шведский подданный, знакомый Геринга, Биргер Далерус. На первый взгляд это странно, на самом же деле закономерно. В условиях нацистской диктатуры важнейшие внешнеполитические вопросы (в том числе и самый кардинальный вопрос о войне и мире) решались зачастую неожиданно и причудливо: на тайных встречах каких-то мелких субъектов, на ночных совещаниях узкой кучки посвященных, на секретных рандеву «третьих лиц» и т. д. и т. п.

Итак, ничем не примечательный шведский банковский служащий оказался на несколько дней в фокусе мировой политики. Правда, о его деятельности мировое общественное мнение узнало значительно позже, уже после окончания войны: миссия Далеруса носила совершенно секретный характер. Нет сомнения, однако, что и в Берлине и в Лондоне за его переговорами следили затаив дыхание.

Далерус отправился в Лондон 25 августа с поручением от Гитлера и Геринга; он должен был заверить английское правительство в миролюбии Германии по отношению к Англии. Вернулся он на следующий день с письмом Галифакса Герингу, в котором, как видно, предлагалось урегулировать «польский вопрос». Важность письма настолько очевидна, что оно навряд ли могло быть просто «утеряно» в результате небрежного хранения. Вероятней всего, послание Галифакса Герингу было либо уничтожено сознательно, либо до сих пор хранится в сейфе у тех, в чьи руки оно попало после войны. Дело в том, что письмо содержало, по-видимому, очень широкую программу сотрудничества между Гитлером и британским правительством, программу, которая могла бы еще больше скомпрометировать английских политиков предвоенного периода. Это предположение подтверждается и реакцией Геринга. Несмотря на то, что Далерус вручил рейхсмаршалу

письмо глубокой ночью, он, не мешкая ни секунды, отправился вместе с Далерусом к Гитлеру и велел немедленно разбудить его.

Гитлер ознакомился с письмом и пришел в большое возбуждение, он начал бегать по комнате и выкрикивать бессвязные фразы. Вот как описывает Далерус эту ночную сцену: «Внезапно он (Гитлер. – Авт.) остановился на середине комнаты и постоял там некоторое время, уставившись в потолок. Голос его понизился: он производил впечатление сумасшедшего. Отрывисто он произнес такую фразу: «Если начнется война, я буду строить подводные лодки, буду строить подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки...» Слова его становились все более невнятными; в конце концов я уже ничего не мог разобрать. Потом он взял себя в руки, голос его окреп, и он начал кричать; он кричал так громко, будто произносил речь перед большой аудиторией: «Я буду строить самолеты, строить самолеты, самолеты, самолеты и уничтожу своих противников». В эту минуту он походил на персонаж фантазмагии, а не на нормального человека. Я с удивлением смотрел на него, потом взглянул на Геринга, но на Геринга все это не произвело ни малейшего впечатления».

В эту ночь Гитлер сформулировал условия нового примирения с Англией: она должна помочь Германии аннексировать Данциг и «польский коридор» и заключить соглашение с рейхом о предоставлении ему колоний; в ответ на это Германия гарантирует новые границы Польши, обязуется участвовать в защите Британской империи и готова заключить союз с Англией.

Для Англии условия Гитлера были абсолютно неприемлемы: в обмен на совершенно реальные территориальные приобретения Гитлер раздавал обещания, цену которым англичане уже хорошо знали. Тем не менее, когда Далерус прибыл в Лондон вторично (27 августа), его выслушали с большим вниманием и он добился ощутимого успеха. Чемберлен в принципе согласился на союз с Германией, но поставил одно условие: урегулировать конфликт с Польшей путем прямых двусторонних переговоров между польским и германским правительствами. Кроме того, Лондон потребовал, чтобы новые польские границы были гарантированы не только Германией, но и другими державами. Далерус доложил обо всем этом Герингу поздно вечером 27 августа, и Геринг тут же связался с Гитлером. Фюрер оказался на редкость уступчивым, он заявил, что готов вести на такой основе переговоры. Далерус поспешил в английское посольство и, хотя было уже 2 часа ночи, разбудил английского поверенного в делах – посол Гендерсон находился в это время в Лондоне, он должен был вернуться на следующий день с официальным ответом английского правительства на предложение Германии.

Уже утром 29 августа Гендерсон, только что приехавший из Лондона, встретился с Гитлером и подтвердил английские предложения. Все дело упиралось, таким образом, в прямые польско-германские переговоры. Но Гитлер, дав формальное согласие на переговоры, добивался совсем иного: полной капитуляции Польши. Он потребовал, чтобы уже 30 августа, т. е. на следующий день, в Берлин прибыл представитель польского правительства и подписал протокол о присоединении Данцига и части «польского коридора» к Германии. Это был, в сущности, ультиматум. Смысл его заключался в том, чтобы превратить переговоры в пустую формальность, заставить Польшу безоговорочно сдать. На такие условия Польша, естественно, не могла пойти, и 30 августа Далерус в четвертый раз отправился в Лондон, чтобы как-то уладить этот спор. Однако судьба Польши была предрешена. Гитлер не желал отступать. Переговоры Далеруса в Лондоне вновь убедили его в том, что правители Англии жаждут соглашения с нацистами, а Польшу поддерживают крайне неохотно, лишь «для вида». Фюрер по-прежнему верил в то, что «польский поход» может пройти так же безнаказанно, как все его предыдущие акты агрессии. Во всяком случае, он считал, что «нить, ведущую в Лондон», сможет восстановить в любое время. В таком настроении он и подписал свой «приказ № 1» – первый из бесчисленных приказов, посредством которых руководил войсками в период второй мировой войны.

Еще на совещании 22 августа Гитлер с необычайным Цинизмом выразил свою

военно-политическую доктрину. В записи его выступления сказано: «...цель: уничтожение Польши. Ликвидация ее живой силы. Нам следует стремиться не к достижению определенных рубежей, а к уничтожению врага; для этого необходимо находить все новые и новые пути. Средства – безразличны. Победителя никогда не спрашивают, были ли его действия законны. Речь должна идти не о том, чтобы право было на нашей стороне, а исключительно лишь о победе...»

Да, Гитлер сразу же отбросил все соображения, основанные на таких «старомодных» понятиях, как право, закон, этика, гуманность. Он начал свою первую «настоящую» войну с чудовищной провокации, не имевшей, пожалуй, себе равных в истории войн.

Пытаясь создать повод для войны с Польшей, геббельсовская пропаганда развернула широкую кампанию о польских «зверствах». Дезинформационная служба нацистов поставляла немецким газетам десятки вымышленных историй о притеснениях и убийствах немцев в западных воеводствах Польши.

Однако непосредственным поводом для развязывания войны должна была послужить инсценировка нападения польских солдат на гражданские объекты на территории Германии. Сама эта идея принадлежала Гитлеру, разработка же плана операции и осуществление были поручены Гиммлеру и главе абвера Канарису.

Операция делилась на две части: занятие эсэсовцами, переодетыми в польские мундиры, немецкой радиостанции в Глейвице, недалеко от польско-германской границы, и инсценировка нападения на немецкие пограничные посты со стороны Польши солдатами абвера (под руководством опытных эсэсовцев), также одетыми в форму польской армии. Одновременно отряды абвера под видом польских военнослужащих должны были проникнуть в глубь территории Польши, организовать там акты саботажа и занять поселки и города еще до подхода регулярных немецких войск. Таков был поистине дьявольский план фюрера.

Для пущего правдоподобия требовались жертвы, но это отнюдь не смутило устроителей глейвицкой провокации. Начальник гестапо Мюллер приказал отобрать несколько заключенных в концлагерях – их-то эсэсовцы и собирались убить «на месте».

Правда о «польском нападении» на радиостанцию в Глейвице обнаружилась на процессе в Нюрнберге. Непосредственный исполнитель этой акции Альфред Хельмут Науйокс дал свои показания Международному военному трибуналу: «Между 25 и 31 августа я посетил Генриха Мюллера, главу гестапо, который находился в это время вблизи города Оппельна. Он и некий Мельхорн обсудили в моем присутствии план организации пограничного инцидента, смысл которого состоял в том, чтобы инсценировать нападение поляков на немцев... Для этого следовало предоставить в мое распоряжение исполнителей – немцев численностью около роты. Мюллер сказал также, что он направит мне человек 12–13 приговоренных к смерти преступников, которых оденут в польскую форму; этих людей следует убить и оставить на месте инцидента, чтобы создано впечатление, будто они уничтожены в ходе перестрелки. Для верности преступникам будут заранее сделаны смертельные инъекции – врача пришлет Гейдрих, а уж потом мы должны изрешетить их пулями. После окончания всей операции Мюллер намеревался собрать на «поле боя» представителей прессы и свидетелей, в присутствии которых власти будут составлять полицейский протокол».

Далее в показаниях Науйокса говорится и о самой провокации: «31 августа днем Гейдрих передал по телефону пароль и сказал, что операция должна начаться в 8.00 вечера того же дня. Кроме того, Гейдрих велел связаться с Мюллером». От Мюллера Науйокс получил труп неизвестного человека⁷⁴ и положил его у входа в здание радиостанции. «Никаких пулевых ранений, – говорил Науйокс далее, – я не обнаружил, но лицо

⁷⁴ Очевидно, в последнюю минуту режиссеры глейвицкой провокации решили удовлетвориться только одной мнимой «жертвой».

преступника было вымазано кровью. Он был одет в гражданское платье. Мы заняли, как было приказано, радиостанцию и передали в эфир речь минуты на три-четыре. Операция сопровождалась несколькими выстрелами из пистолетов в воздух».

Одновременно начали действовать подрывные команды Канариса. За четыре дня до объявления войны они перешли границу и заняли предусмотренные планом операции позиции на территории Польши, маскируясь под польских военнослужащих. В обширной биографии шефа абвера, написанной западногерманским журналистом, специалистом по делам разведки Гейнцем Хёне и выпущенной в ФРГ в 1976 году, приводятся дополнительные материалы, проливающие свет на эту мало исследованную до сих пор акцию абвера. Канарис выделил для нее абверовцев, которые поступили в ведение офицеров СС. Один отряд под командованием оберштурмбаннфюрера Хельвига был переброшен через границу с заданием напасть с польской территории на пограничное немецкое местечко Хохлинден, другой отряд – им командовал оберфюрер СС Раше – должен был опять-таки с польской территории занять дом лесника на немецкой стороне в районе Питчена, наконец, третьему отряду штандартенфюрера СС Труммлера была предназначена роль «защитника» Хохлиндена; между «нападающим» отрядом Хельвига и «защищающимся» отрядом Труммлера должно было разыгаться «сражение». Германская пропаганда намеревалась использовать этот «инцидент» для разжигания антипольских настроений и обоснования «акции возмездия» с немецкой стороны.

Отряды абвера под руководством эсэсовцев выполнили поставленные перед ними задачи. Один из отрядов – Труммлера – за четыре дня до объявления войны занял стратегически важный пункт – вокзал в польском городе Мосина, который и удерживал до подхода немецких войск. Гейнц Хёне замечает по этому поводу, что рапорт о занятии вокзала был, в сущности, «первой военной сводкой второй мировой войны».

Агрессия против Польши

Так была сфабрикована провокация, послужившая поводом для нападения на Польшу, а в дальнейшем приведшая к развязыванию самой кровопролитной и страшной войны из всех, какие пережило человечество. 1 сентября 1939 года на рассвете немецкие войска перешли границу Польши.

Военные действия уже начались, а Гитлер все еще носился с мыслью договориться с Англией. Оптимизм его в этом вопросе питался тем, что на протяжении 48 часов Лондон никак не реагировал на новый акт немецкой агрессии. Только 3 сентября английский посол Гендерсон передал через переводчика Шмидта ультиматум Англии немецкому правительству. Для Гитлера это было большим ударом. Вот как описывает Шмидт реакцию фюрера: «Я встал на некотором расстоянии от Гитлера и начал медленно переводить ультиматум британского правительства. Когда я кончил, воцарилась мертвая тишина... Гитлер окаменел, взгляд его был устремлен прямо перед собой... Он сидел совершенно молча, не шевелясь. Только спустя некоторое время – оно показалось мне вечностью – Гитлер обратился к Риббентропу, который замер у окна: «Что же теперь будет?» – сердито спросил он у своего министра иностранных дел...

Выйдя из кабинета Гитлера, Шмидт столкнулся с Герингом, который сказал: «Да смилуются небеса над нами, если мы проиграем эту войну».

Вслед за английским ультиматумом Гитлер получил ультиматум Франции. Когда их срок истек, Англия и Франция официально объявили, что находятся в состоянии войны с Германией.

Чувство страха и растерянности прошло у руководителей «третьего рейха» очень быстро. Уже к концу второй недели после начала войны польская армия фактически перестала существовать как организованная сила.

Весь поход продолжался 18 дней. Гитлер отмечал первую из своих блицпобед. 6 октября он прибыл в Варшаву и принял там парад войск.

Используя гигантское превосходство в авиации и живой силе, нацистские войска за несколько дней продвинулись к жизненным центрам Польши, оставляя на своем пути сожженные города. С зверской жестокостью они расправлялись с гражданским населением, сея ужас и смерть, дезорганизуя тыл. Мир увидел воочию нацистские методы ведения войны, понял, что несет нацистская оккупация.

Всеми действиями немецких войск руководил лично Гитлер, вначале из салон-вагона бронированного поезда, прибывшего на станцию Гоголин, потом из постоянной штаб-квартиры, которую он разместил в роскошном отеле на польском морском курорте Сопоте. Только в начале октября фюрер вернулся в Берлин.

Еще до войны с Польшей Гитлер в общих чертах наметил принципы нацистской оккупационной политики на Востоке. После захвата Польши он их развил и детализировал. Оккупационная доктрина немецких фашистов, сложившаяся к тому времени, воистину поражает своей неслыханной жестокостью. Гитлер заявил, что намеревается истребить большую часть населения Польши, а остальных поляков низвести до уровня рабов немецкой «расы господ». И эта программа была разработана в центре Европы в XX веке!

Детализированные планы в отношении Польши Гитлер изложил на совещании с Кейтелем в октябре 1939 года: «Задача нашей администрации, – сказал он, – заключается не в том, чтобы превратить Польшу в образцовую провинцию или в образцовое государство в немецком понимании этого слова, и не в том, чтобы оздоровить страну в политическом и финансовом отношениях. Мы должны помешать польской интеллигенции вновь стать руководящей силой. В стране необходимо поддерживать низкий жизненный уровень; мы хотим лишь одного – черпать оттуда рабочую силу... Нельзя допускать образования очагов национальной жизни... Все начатки какой-либо консолидации польского общества надо пресекать. Пусть в стране царит хаос. Местные власти обязаны создать предпосылки для того, чтобы очистить территорию рейха⁷⁵ от поляков и евреев. Сотрудничество с новыми областями (Познань и Западная Пруссия) дозволено лишь для проведения акций по переселению».

Что касается акции по переселению, то это была в действительности акция по уничтожению. Гитлер поручил ее лично рейхсфюреру СС, и проводилась она в строго секретном порядке. По приказу фюрера Гиммлер создал специальные отряды эсэсовцев, которые уничтожали «неугодные элементы». Под эту категорию попадали не только участники Сопротивления и партизаны, но и широкие слои интеллигенции (согласно списку, составленному службой безопасности, в соответствии с директивой Гитлера лишить Польшу «руководящего национального ядра»), а также неработоспособные и больные, «непослушные» и «ленивые» и т. д. Руководствуясь девизом «чем меньше поляков, тем лучше», гитлеровцы до конца войны истребили 6 миллионов польских граждан – почти одну треть взрослого населения страны!

На территории Польши была создана целая сеть концлагерей, в которых люди истреблялись всевозможными способами: голодом, непосильным трудом, расстрелами, ядовитыми газами. Самую большую известность приобрел лагерь в Освенциме: в нем было умерщвлено около четырех миллионов человек. Подготовка к этой акции была начата сразу же после захвата Польши. 21 сентября руководитель имперской службы безопасности Гейдрих разослал всем начальникам особых отрядов СС (так называемые «айнзацtrupпен»), которым и было поручено массовое истребление людей) циркулярное письмо о мерах по осуществлению «конечной цели». «Конечная цель» – так стыдливо называлась в гитлеровской Германии программа поголовного уничтожения лиц еврейской национальности. В письме предписывалось сначала сконцентрировать все еврейское население в нескольких пунктах: «...следует установить как можно меньше таких пунктов

⁷⁵ Речь идет о польских территориях, которые были насильственно присоединены к Германии, – о Познани и Западной Пруссии.

концентрации, – говорилось в этом чудовищном документе, написанном обычным суконным канцелярским языком, – чтобы облегчить последующие акции. Необходимо также обратить внимание на то, чтобы города, которые будут избраны в качестве центров сосредоточения, являлись железнодорожными узлами или же находились на железнодорожных магистралях». Под «последующими акциями» понимались отправка в концлагеря и умерщвление в газовых камерах.

Само польское государство должно было исчезнуть с лица земли. Сперва, как уже говорилось выше, Гитлер отторгнул от Польши обширные земли на западе и присоединил их к рейху. Остальная часть Польши, по приказу Гитлера от 12 октября, получила название «генерал-губернаторства». Статус его долгое время не был точно определен. Официально «генерал-губернаторство» называлось «присоединенной землей». Но в конце концов Гитлер отбросил и этот последний фиговый листок. 2 августа 1940 года было объявлено, что «генерал-губернаторство» является составной частью германской империи.

Однако вернемся к событиям дипломатической и военной истории того времени.

После быстрой победы над Польшей нацистская пропаганда провозгласила Гитлера «самым великим полководцем всех времен и народов». И фюрер окончательно уверовал в свою непогрешимость не только в политических, но и в военных вопросах.

Как же обстояло дело в действительности? Чем объяснялся молниеносный успех первой крупной военной акции Гитлера в Европе? Был ли он закономерен с точки зрения тогдашней военно-политической ситуации?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо проанализировать обстановку, сложившуюся в капиталистической Европе, и политику отдельных держав в эти роковые для Европы и всего человечества дни.

Спору нет, германские вооруженные силы были полностью отмобилизованы и приведены в боевую готовность, а сама Германия являлась одной из крупнейших индустриальных держав мира. И при всем том гитлеровский рейх еще не был готов в то время к войне одновременно на двух фронтах – против Польши на Востоке и против объединенных сил Франции и Англии на Западе. Противники Германии, вместе взятые, далеко превосходили ее. Действуя согласованно и решительно, они могли бы быстро поставить Гитлера на колени. При тогдашнем соотношении сил ни один мало-мальски здравомыслящий немецкий политик не мог взять на себя риск войны. Это мог сделать лишь отчаянный авантюрист и вместе с тем дилетант.

Гитлер развязал войну в твердой надежде на то, что западные державы вообще не станут вмешиваться в его «сепаратный конфликт» с Польшей. Надежда эта не сбылась, и тем самым, казалось бы, рухнуло все здание гитлеровской политики захватов. Если рассматривать события со всемирно-исторической точки зрения, то судьба фашистской империи была предрешена в сентябре 1939 года. Уже этот явный просчет Гитлера должен был привести Германию к скорой катастрофе. И если катастрофы не последовало, то «повинен» в этом отнюдь не Гитлер, а западные державы, которые, дав гарантии Польше и обязавшись оказать ей немедленную помощь против германской агрессии, продолжали проводить свою старую политику оттяжек и недомолвок.

По условиям франко-польского военного соглашения от мая 1939 года Франция обязалась на третий день после объявления всеобщей мобилизации начать военные действия против Германии, а на пятнадцатый день перейти в наступление своими главными силами. Начальник генерального штаба французской армии генерал Гамелен сообщил заместителю начальника генерального штаба Польши, что Франция бросит против Германии от 35 до 40 дивизий.

На деле оказалось, однако, что на третий день Франция решила лишь на то, чтобы объявить войну Германии, а на пятнадцатый французы не только не перешли в генеральное наступление, но вообще занялись разработкой планов длительной позиционной войны под прикрытием «линии Мажино» – той самой хваленой оборонительной линии, которая, по мнению французского генерального штаба, делала Францию неуязвимой для немецких

войск.

Что касается англичан, то они и не думали об активном участии в войне во имя защиты польских интересов. К 15 октября, когда военные действия в Польше были уже давно закончены, Великобритания направила на континент всего только четыре дивизии – около 158 тысяч человек. «Боевое соприкосновение» английских войск произошло лишь 9 декабря – в этот день во время разведывательной операции погиб первый английский солдат.

Гитлер провел свой поход против Польши, уповавшей на гарантию двух великих держав – Англии и Франции, без всяких помех. Естественно, что война в этих условиях должна была кончиться победой Германии, хотя польские войска дрались храбро, с большим упорством и ожесточением.

Вот как оценивал тогдашнее положение известный английский военный историк генерал Фуллер: «Самая сильная армия в мире (французская), против которой стояло не более 26 немецких дивизий,⁷⁶ спокойно отсиживалась за укреплениями из стали и бетона, в то время как ее храбрый до донкихотства союзник был уничтожен».

На Нюрнбергском процессе ведущие немецкие генералы единодушно заявляли, что германский успех можно было объяснить лишь бездеятельностью западных союзников Польши. Генерал Гальдер сказал, например: «Наш успех в Польше стал возможен только благодаря тому, что мы почти полностью оголили наши западные границы. Если бы французы правильно оценили обстановку... они могли бы форсировать Рейн и мы не были бы в состоянии помешать им». Еще более определенно высказался ближайший помощник Гитлера генерал Йодль: «Если мы не потерпели крах еще в 1939 году, то объясняется это лишь тем, что во время польского похода примерно 100 французских и английских дивизий, дислоцированных на Западе, пребывали в полном бездействии, хотя им противостояли всего лишь 23 немецкие дивизии».

«Полководческий гений» Гитлера состоял в том, что он пренебрегал элементарнейшими мерами предосторожности, которыми ни один военачальник и политик пренебрегать не вправе, если он хочет обеспечить себе прочную победу. Но только самые проницательные люди в Германии понимали уже тогда, что в конце концов азартная игра Гитлера кончится полным банкротством. В глазах же миллионов немцев, оболваненных геббельсовской пропагандой, Гитлер вновь добился триумфа. И немалую роль в этом сыграл тот факт, что разгром Польши еще более усилил в западных странах тенденцию к пассивному отсиживанию.

Были ли у западных держав свои продуманные в деталях и согласованные планы военных действий против гитлеровской Германии? Если и были, то они, во всяком случае, не предусматривали никаких наступательных операций, никаких действий, направленных на разгром врага, хотя Англия и Франция превосходили в тот период «третий рейх» и в людях, и в промышленном, и в военном потенциалах. Более того, усилия правящих кругов этих двух стран были направлены на то, чтобы избегать всякого рода мер, которые могли бы быть истолкованы Германией как подготовка к наступлению. Так, например, Франция специально обратилась к Англии с просьбой, чтобы английские самолеты... воздерживались от бомбардировки Рура, промышленного центра Германии. Франция боялась, что это вызовет «нежелательную» ответную реакцию со стороны Гитлера. А ведь разрушение рурских заводов с воздуха могло бы существенно ослабить промышленную и военную мощь нацистов.

На западном фронте наступило полное затишье до той минуты, пока сам Гитлер не решил, что настало время действовать. Это многомесячное «противостояние» двух армий в первый год второй мировой войны получило наименование «странная война» или даже «смешная война». Да, положение создалось действительно странное. Но в этой странности,

⁷⁶ Фуллер, как явствует из показаний Йодля, переоценил силу германских войск. В действительности Гитлер оставил на границах с Францией всего 23 дивизии.

весьма выгодной для Гитлера, ибо она позволяла ему без помех закончить войну в Польше, а затем спокойно передислоцировать войска и подготовиться к очередному прыжку, на Запад, – в этой, повторяем, странности были заложены основы новой победы нацистов и нового, еще более серьезного поражения их западных противников.

Концепция «отсиживания», по всей вероятности, исходила из того предположения, что западным странам удастся переждать, пока Германия не нападет на СССР. Но история наказала политиков, пытавшихся построить свое благополучие на чужой беде. Западные державы, которые даже в тот период, когда война стала непреложным фактом, хотели занять позицию «третьей радующейся стороны», в скором времени испытали на себе все ужасы нацистского вторжения. Нечестная и беспринципная политика в конечном счете обернулась против тех, кто ее проводил.

О своем намерении напасть на Запад Гитлер объявил уже примерно через неделю после разгрома Польши на совещании генералов 27 сентября. О ходе совещания стало известно из дневника Гальдера. Гитлер сразу же выдвинул аргумент, против которого трудно было возразить: в создавшемся положении «время являлось союзником западных держав», оно работало против нацистской Германии. Поэтому, заявил он, удар по Англии и Франции следует нанести как можно скорее. «Решающее значение имеют англичане, – сказал Гитлер. – Необходимо, во всяком случае, чтобы наступление против Франции было подготовлено немедленно».

Подробное обоснование своего плана Гитлер дал в меморандуме от 9 октября. Меморандум окончательно определил направление очередного главного удара германских вооруженных сил. «Военная цель Германии, – указывал фюрер, – заключается в том, чтобы раз и навсегда уничтожить Запад как военный фактор...» Правда, в пропагандистских целях эту задачу, добавлял Гитлер, следует скрывать «самым тщательным образом». Надо, чтобы одни лишь «избранные» знали истинные намерения Германии.

На следующий день, 10 октября, Гитлер подписал так называемый «приказ № 6» – о подготовке военной операции против Франции. В нем был определен и стратегический план: наступление предполагалось вести на северном фланге Западного фронта через Бельгию и Голландию. В приказе содержался специальный пункт о мерах по дезинформации противника: пропагандистские органы должны были представить переброску войск из Польши на Запад как «меру предосторожности» в связи с концентрацией французских войск для защиты Бельгии и Голландии.

В конце сентября 1939 года Гитлер наметил даже дату начала наступления – 12 ноября. Однако в октябре произошло событие, которое повергло в изумление дипломатический мир и до сих пор служит предметом споров и догадок в буржуазной исторической литературе: нацистский фюрер выступил с речью, в которой предложил созвать мирную конференцию и немедленно заключить мир. В документе, составленном Гитлером уже в самом конце его кровавого пути, в так называемом политическом завещании, фашистский диктатор привел эту свою речь как доказательство миролюбия «третьего рейха».

В действительности речь Гитлера 6 октября 1939 года была чистой демагогией. Фюрер ни словом не упомянул в ней о причине возникновения войны, об оккупации Австрии и Чехословакии, о расправе над Польшей. Зато он очень красочно изображал ужасы предстоящих сражений, если не будет заключен мир, «умолял» руководителей западных стран «одуматься» и не жертвовать жизнью, сотен тысяч молодых людей – «цвета нации» во имя «бессмысленной войны» и т. д. И все это говорил человек, который еще за несколько дней до этого не только отдал приказ о нападении на Францию, но и определил точную дату начала военных действий!

В чем был смысл маневра Гитлера? Прежде всего, разумеется, в том, чтобы сбить с толку немецкое общественное мнение и показать собственному народу, будто война навязана ему противниками Германии. Иностранные журналисты, работавшие в тот период в Берлине, сообщали, что на улицах и площадях столицы собирались толпы людей, которые выражали свой восторг по поводу «великодушия» и «мудрости» фюрера и поздравляли друг

друга с окончанием войны, так как были уверены, что Англия примет предложения Гитлера.

Но в этой демагогической демонстрации «великодушия» был еще и второй, и притом, на наш взгляд, более важный расчет: она должна была укрепить позицию тех элементов в Англии и во Франции, которые продолжали делать ставку на сговор с Гитлером для совместной войны против Советского Союза. Гитлер не без основания полагал, что его «мирная акция» уж, во всяком случае, приведет к тому, что тактика выжидания и пассивности окончательно возьмет верх в правительствах двух западных стран и что подготовленный удар будет для них, таким образом, полной неожиданностью. Ведь еще 2 октября посол Италии Аттолико передал немцам секретное донесение итальянского посла в Париже, где говорилось, что на заседании французского кабинета большинство высказалось за мирные переговоры с Германией!

Некоторые историки в Англии, США и ФРГ гадают ныне: были ли намерения Гитлера искренними или нет? Не следовало ли принять предложения нацистского диктатора? Эти историки явно пренебрегают фактами. Уже сама хронология действий Гитлера, о которой говорилось выше, свидетельствует о демагогическом, фальшивом характере его речи. Это был просто дешевый трюк. Но многие на Западе поверили в него – позиции мюнхенцев во Франции и Англии укрепились.

Что же касается самого Гитлера, то «мирные предложения» ни на один час не задержали его военных приготовлений. Правда, срок начала военных действий против Франции пришлось изменить – в дальнейшем его переносили не менее 14 раз! – но решение атаковать всеми Доступными силами западных противников осталось неизменным и подготовка к выполнению этого решения принимала все более широкие масштабы.

Вермахт в Западной Европе

Прежде чем приступить непосредственно к операциям против Франции, Гитлер предпринял обходной маневр, повергший в немалое смятение английских и французских стратегов. Он решил провести наступательные операции против двух маленьких стран – Дании и Норвегии, чтобы создать там свои базы и тем самым – дополнительную угрозу английскому флоту, нейтрализовав в известной степени английское морское превосходство в Северном и Балтийском морях. Это превосходство, в частности, угрожало поставкам в Германию шведской руды, от которой в значительной мере зависела работа германской металлургической промышленности. (В 1940 году Германия должна была получить из Швеции 11,5 миллиона тонн руды, что покрывало более 80 % ее потребностей в руде). Предложение провести операцию исходило от главнокомандующего военно-морским флотом Редера. Впервые оно обсуждалось на совещании у Гитлера в октябре 1939 года. Но тогда фюрер еще не решался на такое расширение зоны военных действий, боялся отвлекать силы от главной операции против Франции. Однако Гитлера ждал, так сказать, приятный сюрприз. С ним связались через Канариса и Розенберга, в ту пору руководителя внешнеполитического отдела НСДАП, норвежские фашисты во главе с Квислингом, председателем партии Национальное единение и бывшим военным министром Норвегии. С 14 по 18 декабря 1939 года фюрер трижды принял Квислинга, и тот изложил ему детальный план государственного переворота в Норвегии, приуроченного ко дню вторжения немецких войск. По-видимому, именно в результате этих переговоров Гитлер и переменял свое решение. Он избрал новый вариант агрессии, согласно которому немецкие вооруженные силы должны были действовать вместе с норвежской «пятой колонной». При таком варианте для проведения операции требовался минимум войск.

После бесед с Квислингом Гитлер вызвал к себе генерала Фалькенхорста, поручил ему подготовиться к захвату Норвегии и Дании и сообщил, что выделил для этой цели... пять дивизий. Пять дивизий для оккупации двух стран! Фалькенхорст страшно растерялся и попросил несколько дней на размышление. Но Гитлер приказал ему представить план

операции уже через несколько часов.⁷⁷ Говорят, у Фалькенхорста не было даже соответствующих военных карт, он купил в магазине популярный туристский справочник «Бедекер» и по нему якобы составил план, который вручил Гитлеру точно в срок.

Через несколько дней фюрер издал приказ об утверждении плана «Везерюбунг» («учение Везер»), предусматривавший захват Норвегии и Дании. Для проведения плана «Везерюбунг», говорилось в приказе, должны быть выделены по возможности малочисленные силы, их слабость необходимо компенсировать смелостью и неожиданностью действий. В начале апреля 1940 года последовало дополнение к плану, в котором конкретно фиксировались день и час нападения: 9 апреля, 5.15.

Гитлер знал, что успех операции зависит от фактора внезапности. Поэтому свое решение напасть на Норвегию и Данию он скрыл даже от Муссолини, хотя и встретился с ним в Альпах на перевале Бреннер в марте 1940 года. А вообще говоря, сохранять операцию в секрете было не так уж трудно, ведь в ней участвовало совсем немного войсковых соединений. Основные силы немецкой армии продолжали концентрироваться на западных границах Германии для войны против Франции.

Вместе с тем фюрер сознавал, что он шел на большой риск. И дело заключалось не только в том, что неудача операции означала бы потерю престижа накануне решающих действий. Важнее было другое – Германия рисковала почти всем своим флотом, который должен был участвовать в захвате Норвегии. Если бы нацистские военные суда, которые вышли 9 апреля на рассвете из немецких портов, наткнулись на превосходящие силы англичан (а это было вполне возможно, поскольку англичане обладали абсолютным превосходством на море), то судьба немецкого флота была бы решена.

Но англичане были застигнуты врасплох. В один из важных моментов войны отказала хваленая британская разведка – Интеллидженс сервис, да и английская стратегия тоже. За всю операцию немецкий флот потерял лишь одно транспортное судно; никакого морского сражения вообще не было, если не считать короткой перестрелки между немецким крейсером «Хиппер» и несколькими английскими судами. Англичане упустили единственный в своем роде шанс нанести решающий удар по немецкому флоту.

Гитлеровская тактика внезапности принесла свои плоды. За короткое время нацисты заняли основные стратегические пункты в Норвегии – Осло, Берген, Тронхейм, Ставангер, Нарвик. Фашистские отряды Квислинга оказали действенную помощь интервентам. Правда, им не удалось заполучить в свои руки ни короля, ни норвежское правительство – они эмигрировали в Англию. Но опорой захватчиков стали не только многочисленные агенты из «пятой колонны», но и старый административный аппарат; с 1942 года правительство возглавил Квислинг, который начал верой и правдой служить Гитлеру.

9 апреля немецкие войска оккупировали также Данию, не встретив особого сопротивления. Согласно официальной версии нацистской пропаганды, Дания и Норвегия были захвачены для укрепления «северного фланга» Германии. Норвегия и Дания, которые вообще не имели никакого отношения к конфликту между гитлеровской Германией, Англией и Францией, оказались первыми жертвами нацистской агрессии, направленной непосредственно против Западной Европы.

В операции против Норвегии и Дании Гитлер вновь вел себя как игрок, который идет ва-банк. Он поставил на карту очень многое (как мы уже говорили выше, судьбу германского флота). Силы, которыми он располагал, были ничтожны, резервы вообще отсутствовали.

Однако в нацистской игре были и свои «сильные» стороны – она ошеломляла противников, ставила их перед неожиданными решениями, к которым они не были подготовлены, позволяла Гитлеру удерживать инициативу в своих руках. До определенного

⁷⁷ Разговор Гитлера с Фалькенхорстом состоялся 20 февраля 1940 года за несколько минут до начала совещания, посвященного обсуждению военной обстановки; такие совещания Гитлер проводил в своей ставке ежедневно ровно в 12 часов. Время, которое он дал Фалькенхорсту на «размышление», истекало в 5 часов пополудни.

момента эти обстоятельства являлись залогом военных успехов нацистов. Однако тем суровее оказалось «пробуждение» в тот день и час, когда гитлеровские средства – блеф, внезапность, беззастенчивость – себя исчерпали, а жестокость и террор на захваченных территориях обернулись не только всеобщей ненавистью, но и массовым движением Соппротивления против оккупантов как на востоке Европы, так и на западе.

Но все вышесказанное пришло много позднее. После операции на северном фланге Гитлер сразу же стал форсировать подготовку к нападению на Францию, чтобы ворваться в эту страну, так сказать, в «ореоле славы».

Между оккупацией Норвегии и Дании и началом военных действий против Франции прошел ровно месяц. За это время Гитлер окончательно завершил перегруппировку сил, вызванную новым стратегическим планом войны против Франции. Новый план имел те же отличительные черты, что и план «Везерюбунг»; он был рассчитан на внезапность и предусматривал нанесение основного удара не там, где его ждал противник.

Первоначальный план похода против Франции был выдержан, так сказать, в традиционно немецком духе. Главное наступление, как мы уже писали, немецкие войска должны были предпринять на севере – через Голландию и Бельгию. В центре предполагалось совершить лишь отвлекающий маневр. По существу, это был вариант знаменитого «плана Шлиффена», который лег в основу операций немецких милитаристов в 1914 году.

Франко-германская граница была надежно прикрыта «линией Мажино». Лишь на участке Арденн не существовало столь густой цепи наземных и подземных укреплений: это объяснялось тем, что он считался непроходимым для немецких танков – местность в Арденнах гористая, а главное, очень лесистая.

Впервые мысль отойти от старой схемы «Желтого плана» (так была названа операция против Франции) зародилась в голове офицера, начальника штаба группы армий «А» (которой командовал генерал Рундштедт) Эриха Манштейна. Долгое время он никак не мог пробиться к Гитлеру. Потом все же преодолел этот барьер. Манштейн предлагал нанести главный удар через Арденны на Седан, а затем продвинуться к берегу Ла-Манша, разрезав вооруженные силы Франции надвое и окружив их основную группировку, сосредоточенную на границах с Бельгией. Согласно гитлеровскому плану, операции немецких войск на северном фланге должны были явиться лишь отвлекающим маневром; их назначение сводилось к сковыванию основных сил французов.

Решающий разговор Манштейна с Гитлером произошел на обеде, который Гитлер дал в честь группы генералов, назначенных на посты командующих корпусами. Гитлер сразу уверовал в идею Манштейна, более того, он настолько проникся ею, что начал выдавать план Манштейна за свой собственный (этот грех случался с Гитлером не раз!). Уже 24 февраля был издан приказ, в котором говорилось об изменении установок при наступлении на Францию. Вслед за тем и началась перегруппировка сил, которая была временно задержана в связи с операцией против Норвегии и Дании. Однако к началу мая Гитлер завершил перегруппировку и назначил дату нападения: 10 мая 1940 года.

Операция против Франции была первой крупной военной кампанией Гитлера, в которой участвовали основные силы воюющих сторон – Франции и Германии. Планирование операции, история возникновения и утверждения окончательного ее варианта, роль Гитлера во всех перипетиях, связанных с принятием этого варианта, – все это очень характерно для его действий.

Мы уже коснулись истории смены первоначального плана генерального штаба, так называемого плана «Гельб» («Желтого плана»), вариантом, предложенным Манштейном и присвоенным Гитлером. Смена эта характеризует отличие установок определенной части генералитета от установки фюрера. Генералитет планировал операцию против Франции как военную кампанию с целью выведения из строя французских войск, а Гитлеру нужна была «тотальная победа», уничтожение Франции. Манштейн настроился на эту «волну», он сумел лучше других угадать намерения фюрера именно в плане превращения военной кампании в тотальную войну, какую проповедовал фюрер. Поэтому его план был принят Гитлером

вопреки воле генерального штаба.

После войны генералы вермахта пытались «переиначить» историю и представить события так, будто именно генеральный штаб настаивал на изменении плана «Гельб» и на принятии варианта Манштейна. Цель подобного «исправления» истории в том, чтобы представить победу над Францией делом рук руководства вермахта. В действительности же Гитлер в данном случае, как и неоднократно впоследствии, вопреки мнению большинства генералов, находившихся на руководящих постах в генеральном штабе и в ОКБ, принял то решение, которое наиболее подходило к его способу ведения войны и к его стратегическим и политическим целям.

Советский историк В. И. Дашичев в двухтомном исследовании «Банкротство стратегии германского фашизма» пишет: «Анализ фактов показывает, что творцом первых вариантов плана «Гельб» и рьяным приверженцем нанесения главного удара северным крылом немецкой группировки был германский генеральный штаб. Именно он на протяжении пяти месяцев, с октября 1939 года по февраль 1940 года, навязывал Гитлеру и ОКБ свои решения в духе старых идей Шлиффена».

Решение отвергнуть план генерального штаба и утвердить новый, противоположный вариант операции было еще одной и, возможно, решающей победой Гитлера над военной верхушкой и генералитетом в целом. Успех операции против Франции сделал его окончательно глухим ко всяким возражениям. Отныне генералы стали всего-навсего послушными исполнителями воли фюрера.

Против Франции было сосредоточено 89 дивизий, еще 47 дивизий находились в резерве. Немцы начали наступать на северном фланге против Бельгии и Голландии 10 мая 1940 года. Впервые были в широком масштабе применены авиадесантные войска. Десантники захватили важнейшие опорные пункты бельгийской и голландской оборонительных систем, в том числе и знаменитый бельгийский форт Эбен-Эмаэль, считавшийся неприступным.

После четырех дней упорных боев французское командование было по-прежнему уверено, что именно в районе бельгийской и голландской границ действуют главные силы немцев. В приказе Гитлера № 11, датированном 14 мая, читаем: «Ход наступления до настоящего времени свидетельствует о том, что противник своевременно не разгадал основную идею наших операций. Он все еще сосредоточивает крупные силы на линии Намюр – Антверпен и пренебрегает участком перед группой армий «А».

А между тем на этом участке в районе Ахена и реки Мозель были стянуты 45 немецких дивизий, в том числе 7 моторизованных и 3 танковые дивизии. Они быстро захватили Арденны, вышли к реке Маас и с ходу форсировали ее. Теперь перед ними открылась северофранцузская низменность, и фашистские моторизованные колонны покатались к берегам Ла-Манша, почти не встречая сопротивления. 17 мая Гальдер записал в своем дневнике: «Фюрер страшно нервничает. Он ошеломлен собственным успехом, боится использовать до конца наши шансы, охотнее всего наложил бы на нас узду». 20 мая немецкие части достигли города Абвиль у устья реки Соммы. Французская армия оказалась разрезанной на две части. Голландские и бельгийские вооруженные силы капитулировали. Английский экспедиционный корпус был прижат к морю в районе Дюнкерка. Но ему удалось избежать уничтожения: неожиданно даже для многих генералов Гитлер приказал танковым частям Гудериана прекратить наступление. Это произошло 24 мая.

Причины решения Гитлера до сих пор горячо дебатуются в исторической литературе.

Бывшие гитлеровские генералы, стремясь доказать свою военную непогрешимость, после войны широко пустили в ход версию о том, что единоличную ответственность за «стоп-приказ» от 24 мая, остановивший наступление немецких танков под Дюнкерком, несет Гитлер. Этим приказом фашистский фюрер якобы чуть ли не сознательно спас британский экспедиционный корпус и части французских войск в районе Дюнкерка. Действительно, с конца мая по начало июня 1940 года под носом у немцев была проведена эвакуация с полей

Фландрии союзной группировки численностью в 338 тысяч человек, группировки, припертой к морю наступающими танковыми силами вермахта. Это случилось тогда, когда немецкие танки находились всего в 20 километрах от Дюнкерка и победа над союзниками казалась обеспеченной.

Поведение Гитлера в дни Дюнкерка объясняется большинством немецких генералов в их мемуарах тем, что он хотел своим приказом «умиротворить» англичан и побудить их заключить мир с Германией. Однако последние материалы, особенно документы гитлеровского командования, рисующие действия руководителей вермахта в мае – июне 1940 года, ставят под сомнение эту версию.

24 мая, когда немецкие танковые войска приводили себя в боевую готовность, ожидая нового наступления на рубежах Бетюн, Гранвиль, Лан в каких-нибудь двух десятках километров от Дюнкерка, в штабе командующего группой армий «А» Рундштедта в Шарлевиле состоялось экстренное совещание: туда прибыл Гитлер в сопровождении Йодля. На этом совещании командование группой армий «А» высказало серьезные опасения по поводу дальнейшего продвижения танковых войск в сторону Дюнкерка. Танковые силы нуждались в передышке, а главное, в подтягивании резервов и подвозе горючего. Пойти на ослабление танковых ударных частей, бросив их против превосходящих сил союзников, сосредоточенных на узком пространстве, значило поставить под удар планы полного сокрушения Франции. В дневнике боевых действий группы армий «А» есть запись о совещании в Шарлевиле. В ней указывается, что Гитлер согласился с мнением командования о необходимости сохранить танковые войска для последующих операций, а стало быть, и с тем, чтобы задержать мобильные войсковые соединения на достигнутых рубежах – Бетюн, Гранвиль, Лан. В соответствии с этим мнением генералов был издан «стоп-приказ» от 24 мая. В данном случае о «единоличном решении» Гитлера говорить не приходится.

Правда, группе генералов (Рундштедт, Кейтель, Йодль), настаивавших на издании такого приказа, противостояла другая группа (во главе с Браухичем и Гальдером), выступавшая за продолжение наступления на Дюнкерк. Однако генеральские свары, как мы увидим далее, были обычным явлением в ставке Гитлера. В данном случае он стал на сторону группы Рундштедта – Кейтеля – Йодля.

Советский историк В. И. Дашичев, на наш взгляд, убедительно опроверг одну из легенд, возникшую после второй мировой войны, легенду о Дюнкерке, о том, что Гитлер якобы пренебрег легкой победой из-за пиетета перед Англией. У Гитлера на уме в то время было лишь одно: скорее добиться тотальной победы над Францией и, сокрушив ее, вынудить Англию, заключить мир. Упустить эту цель ради рискованной операции против экспедиционных сил союзников во Фландрии, исход которой Далеко не был ясен, он не хотел.

После успехов гитлеровских войск на центральном и северном участках фронта судьба Франции была решена. 14 июня гитлеровские войска вступили в Париж и 22 июня Франция капитулировала. Весь поход против Франции продолжался шесть недель.

В задачу данной книги не входит анализ тех причин, которые привели к поражению Франции: их корни заложены в мюнхенской политике «умиротворения» Гитлера, в политике капитулянтства перед нацистским агрессором. С этой точки зрения можно согласиться с выводом, который сделал Черчилль в своих мемуарах: Франция была побеждена еще до начала военных действий против нее. Французские мюнхенцы воевать против Гитлера никогда серьезно не собирались. Еще 1 сентября 1939 года, в день нападения на Польшу, один из депутатов во французском парламенте уверял: главный враг Франции, мол, не Гитлер, а Советский Союз и коммунисты! А за считанные дни до того, как кованый сапог гитлеровских оккупантов начал топтать улицы и площади французской столицы, французский буржуазный историк Эдуард Дрио так иронически изложил кредо французских реакционеров: «Вот моя политическая мечта в этом благодатном 1940 году. Даладьё и Чемберлен отдают Гитлеру Россию до Владивостока, а Гитлер по-хорошему отдает Англии Ганновер и разрешает восстановить Рейнскую конфедерацию под протекторатом Франции –

тут уж все будут довольны». Легкий налет иронии в словах Дрио не меняет сути: с точки зрения французских реакционеров-мюнхенцев, Гитлер получил бы отпущение грехов, если бы направил свою агрессию против Советского Союза и если бы «по-хорошему» согласовывал свои планы и действия с планами Запада.

Воевать с таким настроением против крупнейшей армии Европы означало с самого начала лишить себя шансов на успех. Компьен был логическим продолжением Мюнхена. Поэтому правы те историки, которые в военном успехе Гитлера видят прежде всего поражение близорукого, капитулянтского курса западных держав.

Но как бы то ни было – Гитлер праздновал победу. Он лично прибыл в Компьен, чтобы присутствовать при подписании капитуляции. И разыграл там очередное пропагандистское шоу, на которые был такой мастер. Дело в том, что именно в Компьенском лесу за 22 года до этого главнокомандующий союзными войсками маршал Фош в салон-вагоне специального поезда принял капитуляцию кайзеровской Германии. Салон-вагон так и остался в Компьене, его превратили в музей. Кроме того, в ознаменование победы Франции в лесу была установлена гранитная плита с надписью: «Здесь 11 ноября 1918 года была сломлена преступная гордыня германской империи, побежденной свободными народами, которые она пыталась поработить». В этот-то Компьенский лес и прибыли нацистские победители во главе с Гитлером. Вот как описывает сцену капитуляции один из ее очевидцев, историк Уильям Ширер: «Гитлер читает надпись и Геринг тоже. Все ее читают. Молча стоят они в свете июньского солнца. Я нахожусь от них на расстоянии пятидесяти метров и наблюдаю за лицом Гитлера через бинокль. На его лице сменяются чувства гнева, ненависти, злорадства и величайшего триумфа». Затем Гитлер подходит к бывшему салон-вагону Фоша и садится в кресло, в котором двадцать два года назад сидел французский маршал. Воистину Гитлер разыгрывает самый знаменательный спектакль своей жизни. Он позирует для грядущих поколений, ибо как никогда уверен в том, что создал «тысячелетний рейх». Если бы кто-нибудь сказал тогда фюреру, что не пройдет и пяти лет, как он будет, подобно затравленному зверю, метаться в своем последнем подземном убежище, а весь его «тысячелетний рейх» превратится в развалины, он бы, наверное, вполне искренне счел этого человека сумасшедшим. В ту пору Гитлер, так же как и многие его подданные, считал свою власть незыблемой, а свою империю непобедимой.

Правда, на пути полного господства над Западной Европой стояло одно «досадное» и в какой-то степени даже неожиданное для Гитлера препятствие: английское островное государство с разветвленной в то время системой доминионов и колоний, иными словами, Британская империя, давний соперник и конкурент Германии в борьбе за власть и влияние в Европе.

23 июня, т. е. всего через день после капитуляции Франции, глава британского правительства Уинстон Черчилль подтвердил в парламенте решимость Великобритании продолжать войну с Германией до победы над врагом – самым опасным, жестоким и безжалостным, с каким она когда-либо встречалась. Решение Черчилля было выражением исконных имперских интересов правящих классов Великобритании и вместе с тем соответствовало воле и чаяниям английского народа, мужественно вставшего на борьбу за независимость и суверенитет.

Поведение фашистской Германии в отношении Англии с июля по сентябрь 1940 года длительное время оставалось для исследователей одной из наиболее загадочных страниц истории второй мировой войны. Загадочность объяснялась тем, что цели нацистов в данном вопросе оказались крайне туманными. Гитлер впал в совершенно не свойственные ему колебания и нерешительность. Это неожиданное для фашистского диктатора состояние объяснялось как военными, так и политическими причинами и было связано с общей концепцией гитлеровского руководства и командования.

По сути дела, фюрер оказался перед необходимостью четко определить очередность и основные направления в его борьбе за мировое господство. А это значило, что надо выбрать объекты дальнейших ударов вермахта, исходя из генеральной концепции всей военной

кампании.

Логика военных действий вермахта не оставляла сомнений в том, что следующей жертвой агрессии должна стать Великобритания. В гитлеровском генеральном штабе не сомневались поэтому в том, что целью новой кампании будет сокрушение Англии, прыжок через Ла-Манш, ликвидация последнего оплота противников Гитлера в Западной Европе. Именно эту кампанию и начало подготавливать германское командование. Ей было присвоено кодовое название «Морской лев».

В памятной записке генерала Йодля от 30 июня 1940 года, имеющей принципиальное значение для понимания дальнейших намерений вермахта, говорилось, что, если не удастся склонить англичан к миру с помощью политических средств, необходимо будет сломить их волю к сопротивлению «насилиями». Притом «насилиями» (то есть вторжение в Англию) рассматривалось как крайняя мера, поскольку и Гитлер и Йодль были убеждены в том, что с разгромом Франции война на Западе практически кончена и что стоит сделать Англии предложение о мирном урегулировании, подкрепленное психологическим и военным давлением, как она уступит и пойдет на мир. И тогда Гитлеру откроется путь для осуществления главного пункта «генерального плана» – установления мирового господства, путь к сокрушению Советского Союза, уничтожению первого в мире социалистического государства и порабощению народов, населяющих огромные пространства советской земли.

Исходя из этого своего «генерального плана», Гитлер начал вчерне разрабатывать операцию «Морской лев» с явной оглядкой на предстоящую гораздо более трудную и более важную кампанию – нападение на Советский Союз. Поэтому подготовка к операции «Морской лев» с самого начала велась вяло. Любые аргументы, говорившие о сложностях операции, о необходимости завоевания господства на море для успешного ее исхода (что явно было не под силу гитлеровской Германии), охотно подхватывались Гитлером и служили поводом для бесконечных отсрочек начала военных действий против Англии.

Анализируя поведение Гитлера в эти месяцы, связанные с подготовкой операции «Морской лев», Иоахим Фест пишет: «В итоге можно прийти к следующему выводу: не исключено также, что Гитлер никогда не принимал всерьез планы вторжения в Англию и хотел лишь использовать эту возможность в психологической войне против Англии».

Правда, по настоянию командования военно-морского флота начались определенные военные приготовления для осуществления операции. 15 ноября 1939 года адмирал Редер приказал своему штабу изучить шансы на успех в случае десантной операции и высадки на Британские острова. В результате в конце ноября Редеру была представлена докладная записка, в которой указывалось, что высадка войск на британское побережье может быть осуществлена лишь при определенных условиях: уничтожении вражеской береговой обороны, которой должен предшествовать полный разгром военно-воздушных сил противника. Причем не только Англии, но и ее союзников. Ясно, что выполнить эти условия было, по сути дела, невозможно. Гитлер все больше терял интерес к операции, приготовления к ней были отложены и, наконец, последовало распоряжение от 12 октября 1940 года о том, что приготовления к вторжению в Англию должны вестись до весны 1941 года лишь с целью политического и психологического давления на Великобританию. Это означало, что Гитлер от плана «Морской лев» отказался.

План «Барбаросса»

Теперь все помыслы Гитлера были вновь обращены на Восток. Здесь возвышался могучий бастион, преграждавший нацистам путь к европейскому господству, – Советский Союз. Со слепой одержимостью маньяка Гитлер на всех парах двинулся к последнему акту кровавой драмы фашизма.

Когда началась подготовка к агрессии против Советского Союза? Вопрос этот отнюдь не праздный. На Западе до сих пор еще можно услышать версию, будто нападение на СССР Гитлер предпринял только после того, как «разуверился» в прочности советско-германского

пакта, с целью «опередить» Советский Союз. Сторонники этой версии относят решение Гитлера вторгнуться в СССР на осень 1940 года, а некоторые – даже на начало 1941 года.

Однако в шестидесятых годах стали известны материалы, которые решительно опровергают подобные домыслы. В 1962 году вышла в свет книга бывшего заместителя начальника штаба оперативного руководства вермахта генерала Варлимонта; в ней рассказывалось о не известных до тех пор деталях подготовки фашистского вторжения в СССР. Примерно в это же время впервые стал доступен широкому кругу исследователей дневник бывшего начальника генерального штаба германских сухопутных сил генерала Гальдера. В дневнике день за днем описаны действия военных руководителей нацистского рейха и самого фюрера.

Вызревание плана нападения на Советский Союз, главные этапы эволюции этого плана и мероприятия по его осуществлению раскрыты в книгах Л. А. Безыменского «Особая папка «Барбаросса» и «Разгаданные загадки третьего рейха». В них содержатся ценные материалы, почерпнутые автором из первоисточников, и важные обобщения, касающиеся «русской кампании» Гитлера.

Как свидетельствует Варлимонт, Гитлер дал первое задание составить «план операций на Востоке» еще весной 1940 года, т. е. до нападения на Францию, и примерно через полгода после того, как был подписан советско-германский пакт. Иными словами, кампанию во Франции Гитлер уже тогда рассматривал лишь как прелюдию к гигантской битве за покорение народов Советского Союза.

Дальнейшую эволюцию «восточного плана» Гитлера мы можем проследить по дневнику Гальдера.

30 июня 1940 года, спустя неделю после капитуляции Франции, Гальдеру сообщил заместитель министра иностранных дел Вейцеккер, что взоры фюрера обращены на Восток, именно здесь он намерен нанести новый удар. Через несколько дней вопрос был поставлен конкретно. В разговоре с офицерами генерального штаба 3 июля Гальдер отметил, что «восточная проблема» стала главенствующей с точки зрения стратегического планирования. «Основным содержанием последней (т. е. восточной проблемы. – Авт.), – читаем мы в дневнике, – является: как нанести решающий удар России, чтобы заставить ее признать господствующую роль Германии в Европе». В последующие две-три недели была сделана первая наброски «оперативного плана» нападения на СССР. 22 июля 1940 года о ней доложили фюреру. «Русская проблема, – пишет Гальдер, – будет разрешена в наступлении». 29 июля начальник штаба оперативного руководства вермахта Йодль созвал совещание, на котором сообщил, что Гитлер хочет начать операции против России в мае 1941 года. Йодль поручил сотрудникам своего штаба разработать проект приказа Гитлера о передислокации войск и о создании плацдарма для нападения на СССР в западной Польше.

А два дня спустя на совещании в ставке Гитлер развернул перед фашистским генералитетом беспримерный по наглости план «сокрушения России»: «Если Россия будет разбита, у Англии пропадет последняя надежда. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: на основании этого Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года».

Как явствует из дневника Гальдера, тогда же, летом 1940 года, была начата переброска войск с Запада на Восток. 1 сентября на совещании в Берлине офицеры оперативного отдела генерального штаба Хойзингер и Фейерабенд представили план передислокации войск и «идею плана стягивания сил на Востоке для операции против России». Эти наброски легли в основу гитлеровского приказа об операции «Барбаросса» («приказа № 21», изданного 18 декабря 1940 года). Гитлер хвастливо заявлял, что намерен «еще до конца войны с Англией быстро сокрушить Советскую Россию». Все приготовления к агрессии против СССР фашистские главарь намеревались закончить к 15 мая 1941 года.

Одновременно Гитлер предпринял ряд мер, чтобы замаскировать свои военные приготовления.

Дезинформационная деятельность нацистского военного командования шла по

нескольким направлениям. Гитлер скрывал смысл и масштабы переброски немецких войск на Восток от собственных союзников (нацисты боялись, что через союзников их тайны просочатся в западные страны и в СССР). Союзникам Германии, по указанию Гитлера, сообщалось, что речь идет о «превентивных мерах» для «охраны границ» перед большой операцией против Англии.

Фюрер пытался также дезинформировать СССР и нейтральные государства. По его указанию в разговорах с представителями нейтральных стран и особенно с советскими представителями следовало намекать, на то, что передвижения войск предприняты с целью... обмануть британскую разведку накануне вторжения в Англию, создать у нее впечатление, будто Германия не намерена нападать на британские острова, а готовит акцию против СССР. В действительности же эти передвижения, мол, лишь блеф. С той же целью дезинформации накануне нападения на СССР Гитлер приказал резко усилить активность немецкого воздушного флота против Англии.

А между тем приготовления к агрессии на Востоке шли полным ходом. Их вели и различные политические, административные, хозяйственные органы «третьего рейха».

20 апреля 1941 года Гитлер назначил Альфреда Розенберга «уполномоченным по изучению проблем восточноевропейского пространства». С помощью большого штата сотрудников Розенберг начал разрабатывать инструкции для будущих «завоевателей России». Об интенсивной деятельности Розенберга и его штаба свидетельствует «продукция», которую они выпускали: 23 апреля – меморандум о функциях и задачах управления восточноевропейским пространством; 7 мая – инструкция для будущего имперского комиссара Украины; 8 мая – инструкция для будущего имперского комиссара «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия); 8 мая – инструкция для имперского комиссара всех оккупированных территорий на Востоке. Словом, нацистские фюреры спешно делили шкуру неубитого медведя.

После нападения гитлеровской Германии на СССР в так называемом «штабе Розенберга», а также в подчиненном ему «восточном министерстве» работало несколько тысяч человек; одновременно с нацистским вермахтом в советские города и села вступили уполномоченные Розенберга, грабившие и опустошавшие оккупированные районы. А по пятам нацистских солдат и «уполномоченных» шли представители крупнейших германских концернов. Немецкие монополии образовали два центральных органа для ограбления оккупированных территорий Советского Союза: «Центральное объединение по торговле с Востоком» и «Объединение по заготовкам на Востоке». Кроме того, каждый крупный концерн основал свои филиалы на землях, занятых оккупантами: «Маннесман – Украина АГ», филиал «Украина» компании Круппа, «Герман Геринг – железо и сталь АГ» и т. д.

Решив начать агрессию против СССР, Гитлер продолжал политику, которую он сформулировал еще в «Майн кампф». Война на Западе была для него всего лишь эпизодом. А то, что этот «эпизод» означал порабощение многих европейских стран на севере и западе Европы, то, что он стоил жизни миллионам граждан, нимало не смущало фюрера. По-видимому, он действительно верил в то, что европейские народы примирятся с рабством, а их правители забудут старые «недоразумения» и вступят в альянс со своим поработителем. Главные надежды в этом направлении Гитлер опять-таки связывал с Англией. И не только Гитлер, но и все его окружение. Нет ничего удивительного поэтому в таком, казалось бы, удивительном факте, как полет Гесса в Англию. В мае 1941 года, в разгар войны с Англией, заместитель фюрера Гесс сел в одноместный самолет и отправился в Великобританию, чтобы вступить в переговоры с английским правительством. Гесс улетел 10 мая, и уже 11 мая английское радио передало, что он приземлился в Англии. Но граждан «третьего рейха», которые вслух говорили о бегстве Гесса, забирали в гестапо как «Распространителей вражеской пропаганды». 11 мая о полете Гесса сообщили лишь гаулейтерам, причем на Документе, который вручался им в этой связи, стоял гриф «совершенно секретно». Только 12 мая было передано сообщение следующего содержания:

«Партийный товарищ Гесс, которому фюрер по причине прогрессирующего уже много

лет заболевания строжайше запретил всякого рода полеты, не так давно нарушил этот приказ и вновь завладел самолетом. В субботу 10 мая... партийный товарищ Гесс опять ушел в полет, из которого он не вернулся до сих пор. Письмо, оставленное им, настолько сумбурно, что, к сожалению, показывает следы душевного расстройства, которые заставляют опасаться, что партийный товарищ Гесс стал жертвой умопомешательства...»

Составитель «Застольных бесед» Гитлера Генри Пиккер в 1942 году во время своего пребывания в ставке фюрера пытался выяснить обстоятельства полета Гесса и реакцию фюрера. Вот что он записал 27 марта 1942 года: «О полете своего заместителя Гесса в Шотландию Гитлер узнал, когда сидел за ужином вместе с Герингом и Риббентропом... Первое сообщение об этом он продиктовал сразу же. На следующий день фюрер прочитал английские отклики о полете и, переговорив с Герингом, Борманом и Риббентропом, составил более подробный текст коммюнике, в котором полет Гесса объяснялся тем, что тот уже давно страдал болезнью, отразившейся на его психике... Примечательно, что Гитлер категорически отказывался привлечь к ответственности семью Гесса и что он приказал доставлять жене Гесса его письма из Англии... Интересно, что, просматривая эти письма, я не смог обнаружить у их автора следов душевной болезни. Вместе с тем фюрер решительно отклонял все ходатайства освободить из-под ареста лиц, посвященных в замыслы Гесса, хотя Борман регулярно передавал эти ходатайства Гитлеру».

Из сообщения Пиккера явствует, что Гитлер проявлял заинтересованность в миссии Гесса и возлагал на нее определенные надежды. Он не стал предавать анафеме Гесса, не объявил его «врагом» нацистского государства, как Рема или Грегора Штрассера, а «всего-навсего» приказал считать сумасшедшим. Надо полагать, что если бы Гесс добился успеха, его чествовали бы как национального героя.

Однако, как известно, миссия Гесса не удалась. Англия не пошла на сговор с нацистской Германией. Впрочем, и после неудачи Гесса Гитлер продолжал рассчитывать на дружбу с Западом. Он полагал, что, когда фашистские орды нападут на СССР, западные политики забудут все его, Гитлера, прошлые «прегрешения» и заключат с ним мир.

...Попробуем представить себе, что творилось в нацистской столице в те лихорадочные июньские дни. По описаниям многочисленных очевидцев, Берлин в начале июня 1941 года походил на встревоженный муравейник. Во всех правительственных зданиях свет горел далеко за полночь. Тяжелые «хорьхи», «майбахи» и «мерседесы» – машины, на которых разъезжала высшая гитлеровская знать, так и сновали по улицам. Берлин заполнили военные. По ночам стоял гул от танков, бронетранспортеров и других военных машин, двигавшихся бесконечной вереницей в неизвестном для жителей столицы направлении.

Город был наводнен самыми невероятными слухами: одни говорили, что опять готовится «ночь длинных ножей», расправа с «врагами рейха», другие считали, что фюрер стягивает войска для решающего «прыжка через Ла-Манш» (т. е. готовит оккупацию Британских островов), третьи многозначительно указывали на Восток – здесь, по их мнению, ожидался новый удар нацистского «бронированного кулака».

Для большинства иностранных журналистов уже тогда было ясно, что Гитлер замышляет новую агрессию на Востоке. Однако слухи о том, что сначала нацисты намерены вторгнуться в Великобританию, упорно держались. И вот 11 июня произошло сенсационное событие: в этот день был конфискован тираж центрального органа НСДАП «Фелькишер беобахтер». Причина конфискации стала известной: в номере, как показал просмотр тех экземпляров, которые не успело изъять гестапо, была напечатана заметка о том, что операция «Морской лев» (вторжение в Англию) произойдет в ближайшие дни. Итак, очевидно, по чьему-то недосмотру «Фелькишер беобахтер» раскрыла военную тайну. Это впечатление усиливалось еще и тем, что некоторые высшие чиновники нацистской партии по секрету рассказывали подробности скандала, происшедшего будто бы между Гитлером и Геббельсом. Говорили, что фюрер бушевал и что министр пропаганды, в ведении которого находилась печать, окончательно впал в немилость.

Лишь после войны выяснилось, что и конфискация номера «Фелькишер беобахтер» и

«ссора» Гитлера с Геббельсом накануне нападения Гитлера на СССР были провокацией, придуманной самим же Геббельсом. Цель ее заключалась в том, чтобы сбить с толку СССР и дезинформировать общественность Запада. После 1941 года Геббельс неоднократно вспоминал об этой проделке в узком кругу нацистов; однажды он хвастливо сказал своему сотруднику Рудольфу Землеру: «Вот что значит умная голова!»

Как мы знаем теперь, «изобретение» министра пропаганды было лишь одним из многочисленных дезинформационных трюков нацистской пропаганды, разведки и дипломатии, направленных на то, чтобы скрыть гитлеровский план агрессии на Востоке. Но именно конфискация тиража многомиллионного нацистского органа, пожалуй, нагляднее всего показывает, с какой дьявольской изворотливостью, хладнокровием и коварством нацисты подготавливали свой поход против народов СССР.

Какую же участь готовили гитлеровцы народам Советского Союза? Какие планы вынашивали по отношению к нашей стране?

Еще за год с лишним до начала агрессии в Берлине были разработаны «принципы» обращения с населением «восточных территорий». И опять-таки не случайно разработка этих «принципов» началась до окончания войны во Франции. Это снова подтверждает, что операцию против западных государств нацисты рассматривали только как подготовку к походу на Восток.

Уже перед самой войной с Советским Союзом Гитлер нижеследующим образом сформулировал цели восточной кампании: «Разбить армию, уничтожить государство». Слова эти Гальдер занес в свой дневник 30 марта 1941 года. В этот день Гитлер собрал у себя генералитет и впервые повел с ним откровенный разговор о подготавливаемой агрессии. «Это будет война на уничтожение», – предупредил он, заявив, что хочет расчленив Россию на несколько государств, а главное, «истребить большевистских комиссаров и коммунистическую интеллигенцию». В соответствии с этой варварской программой Кейтель издал 8 июля «Директиву об обращении с политическими комиссарами». Вопреки элементарным и общепринятым правовым нормам он приказал расстреливать политических работников Красной Армии, попавших в плен. «В этой войне, – говорилось в директиве, – обращение с врагом в соответствии с нормами человечности и международного права недопустимо».

Более конкретные планы в отношении народов Советского Союза нацисты составили уже после нападения на СССР. Тон, как всегда, задал сам Гитлер. На секретном совещании 16 июля 1941 года (т. е. уже спустя три недели после нападения) он цинично сказал: «В принципе мы должны помнить, что необходимо умело разрезать этот гигантский пирог, с тем чтобы мы могли: во-первых, господствовать, во-вторых, управлять, в-третьих, извлекать выгоду».

В дальнейшем гитлеровские планы много раз «конкретизировались», но суть их оставалась неизменной, и ее можно выразить в нескольких словах: уничтожение одной части населения, полное порабощение другой. Вот что говорил Гитлер за столом у себя в ставке: «Цель моей восточной политики, – заявил он 12 мая 1942 года, – заключается в том, чтобы заселить эту территорию, по крайней мере, ста миллионами людей германской расы... Надеюсь, лет через десять мне доложат, что здесь... проживает уже двадцать миллионов немцев». «Никаких прививок, никакой гигиены, только водка и табак!» – изрек Гитлер в другой раз, разъясняя своим приближенным принципы оккупационной политики на Востоке. «Лучше всего было бы, – размечтался он весной 1942 года, – обучить их языку жестов».

«Генеральный план ОСТ»

Говоря о конкретных планах Гитлера в отношении Советского Союза, надо помнить, что это были не спонтанные наброски, а давно задуманная программа. Еще при зарождении национал-социализма в Германии Гитлер сформулировал идею завоевания «восточного пространства» – фашистский вариант старой политики германского империализма «дранг

нах Остен» («натиск на Восток»). Замешанная на теориях геололитиков и социал-дарвинистов, теориях «жизненного пространства» и выживания «сильной», сиречь «арийской расы», идея эта была одной из основополагающих в книге «Майн кампф», вышедшей еще в 1925 году.

Вот что писал нацистский фюрер на страницах «библии фашизма»: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим прошлым довоенных времен... Мы переходим, наконец, к политике будущего, основанной на расширении нашего пространства. Когда мы говорим сегодня о приобретении новых земель и нового пространства в Европе, то в первую очередь думаем о России и о подчиненных ей окраинных государствах».

Эти рассуждения до поры до времени могли казаться бредом маньяка. Однако, когда Гитлеру удалось узурпировать власть в Германии, сильнейшей капиталистической стране Европы, стало ясно, что программа захвата «восточного пространства» будет краеугольным камнем политики нацистов.

В конце тридцатых годов Гитлер начал разрабатывать планы агрессии против Советского Союза. А разгромив своих противников на Западе и овладев огромными материальными и людскими ресурсами почти всей Западной Европы, фюрер вплотную приступил к «делу своей жизни»: стал всерьез составлять (уже не теоретически, а практически) программу «освоения» территории Советского Союза.

В наиболее полном и обобщенном виде эта программа уничтожения СССР и порабощения ряда других стран Восточной Европы была изложена в так называемом «Генеральном плане Ост». Документ сей поистине уникален: по своей жестокости и цинизму он, пожалуй, не имеет себе равных в истории человечества. Подлинник его таинственно исчез; документ был призван служить руководством к действию для многотысячной армии гитлеровских чиновников, администраторов и карателей на территории Советского Союза. В распоряжении историков оказался, однако, весьма подробный пересказ тезисов «плана Ост». Речь идет о «замечаниях» и «предложениях» рейхсфюрера СС Гиммлера. Дошли они до нас в изложении некоего Ветцеля, одного из руководителей «штаба Розенберга».

В начале документа, под которым стоит дата 27 апреля 1942 года, нацистский чиновник лаконично сообщает общее мнение рейхсфюрера СС о будущей оккупационной политике гитлеровских властителей на Востоке и о целях этой политики. «По своей конечной цели, а именно запланированному онемечиванию (!) рассматриваемых территорий на Востоке план следует одобрить».

Ну, а далее идут ужасающие подробности «онемечивания», а точнее говоря, физического уничтожения миллионов советских граждан или же выселения их в далекие восточные области, в другие страны, а не то и на другие континенты. В одном месте плана предлагается, в частности, расселить русских в... Южной Америке и Африке.

Впрочем, это была, так сказать, программа-максимум. Сперва нацисты ставили себе более «скромные» задачи. Так, в уже цитированном документе Ветцеля говорилось: «В настоящее время можно более или менее определенно установить в качестве восточной границы колонизации (в ее северной и средней части) линию, проходящую от Ладожского озера к Валдайской возвышенности и до Брянска».

Далее «Генеральный план Ост» предусматривал постепенное заселение освобожденного пространства немецкими колонистами. Так, например, в «плане» рекомендовалась высылка в Сибирь 65 процентов украинцев. Намечалось также выселение 75 процентов белорусов с занимаемой ими территории, иными словами, с их родной земли. «Стало быть, 25 процентов белорусов по плану главного управления имперской безопасности, – сухо замечает автор «Записки», – подлежат онемечиванию». Таким образом, в Белоруссии вообще не должно было оставаться... белорусов.

В замечаниях к «Генеральному плану Ост» рассматривались и более радикальные меры. Ссылаясь на точку зрения представителей «Управления расовой политики» (также подведомственного Гиммлеру) и, в частности, на главного эксперта этого управления

профессора (!) Абеля, автор документа писал: «Абель видит только следующие возможности решения проблемы: или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы. Эти очень серьезные положения Абеля заслуживают большого внимания. Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их».

Трудно подыскать слова для того, чтобы прокомментировать воистину чудовищный «Генеральный план Ост». Да он и не нуждается в комментариях. Надо только понять, что цитированный документ – не случайно найденная записка свихнувшегося нацистского чиновника. Увы, это был план, составленный руководителями вооруженной до зубов державы, которая, подобно раковой опухоли, готова была задушить все живое. Существуют еще десятки свидетельств, показывающих, в чем состояла программа Гитлера в отношении Советского Союза, Восточной Европы, да и всего европейского континента. Сошлемся хотя бы на гитлеровский план «колонизации Востока», изложенный Гиммлером в речи перед высшими руководителями СС и полиции на юге СССР в сентябре 1942 года. «10 лет назад, – начал свое выступление рейхсфюрер СС, – никто и мечтать бы не смог о том, чтобы высшие руководители встретились в таком месте недалеко от русского города Житомира. В следующем году, – заверил он собравшихся, – мы окончательно завоюем и те территории Европейской России, которые остались еще не занятыми». После столь оптимистического прогноза Гиммлер перешел к вопросу обращения с русскими: «Принципиальная линия, – сказал он, – для нас абсолютно ясна – этому народу не надо давать культуру. Я хочу повторить здесь слово в слово то, что сказал мне фюрер. Вполне достаточно: во-первых, чтобы дети в школах запомнили дорожные знаки и не бросались под машины; во-вторых, чтобы они выучили таблицу умножения, но только до 25; в-третьих, чтобы они научились подписывать свою фамилию. Больше им ничего не надо». В заключение речи Гиммлер позволил себе помечтать (конечно, в полном соответствии с установками Гитлера). Он нарисовал присутствующим картину будущего в фашистском духе: «В ближайшие 20 лет мы должны заселить немцами германские восточные провинции от Восточной Пруссии до Верхней Силезии, все генерал-губернаторство (т. е. Польшу. – Авт.); должны онемечить и заселить Белоруссию, Эстонию, Литву, Латвию, Ингерманландию (т. е. Новгородскую, Псковскую и Ленинградскую области. – Авт.) и Крым. В остальных областях мы будем создавать вдоль шоссе дорог небольшие города под охраной наших гарнизонов, вблизи которых будут расположены наши автострады, железнодорожные пути и аэродромы, города с 15–20 тысячами жителей, а в радиусе 10 километров от них немецкие деревни, с тем чтобы наши люди жили в немецкой среде. Эти поселения-жемчужины сперва распространятся до Дона и Волги, а потом, как я надеюсь, и до Урала и будут... всегда поставлять нам здоровое потомство германской крови. Германский восток до Урала... должен стать питомником германской расы, так что лет через 400–500, если судьба даст нам такую передышку, ко времени конфликта между континентами немцев будет уже не 120 миллионов, а целых 500–600 миллионов».

Глобальные мечты Гиммлера остается только дополнить высказыванием самого Гитлера: «При заселении русского пространства «имперский крестьянин» (т. е. немецкий поселенец. – Авт.) должен жить в прекрасных поселках. Немецкие учреждения и ведомства должны размещаться в роскошнейших зданиях, губернаторы – во дворцах; вокруг этих центров будет построено все необходимое для поддержания жизни. В окружности радиусом в 30–40 километров от города мы разместим красивые деревни, соединенные превосходными дорогами. Все остальное пространство будет принадлежать как бы другому миру – миру русских... Мы станем их господами, а в случае бунта сбросим на их города несколько бомб и дело с концом. Один раз в год можно будет проводить по столице отряд киргизов, чтобы, глядя на ее каменные памятники, они получили представление о мощи и величии Германии».

Таковы были поразительно наглые планы Гитлера в отношении Востока, который он

хотел превратить в обширную колонию германских завоевателей.

Однако порабощение народов Советского Союза, по замыслам нацистов, было лишь этапом на пути к «онемечиванию» всей Европы. Гитлер намеревался создать «коричневую империю», которая должна была раскинуться на гигантском пространстве от Ледовитого океана до Средиземного моря и от берегов Атлантики до Урала. Структура этой империи в планах Гитлера выглядела следующим образом: ядро – Великогермания, т. е. собственно Германия, а также Центральная, Северная и большая часть Восточной Европы, Периферия – вассальные государства и колонии: на западе – урезанная Франция, Испания и Португалия, на юге – Италия, на востоке – русское «колониальное пространство» с сетью немецких поселений. Все вместе это должно было составить так называемую «крепость Европа», иными словами, сильное автаркическое военное образование. Гитлер считал, что «крепость Европа» будет превосходить по своей мощи все колонии и доминионы, входившие в состав Британской империи, США плюс азиатское «геополитическое пространство», которое намеревалась создать милитаристская Япония. В дальнейшем и это «пространство» предполагалось подчинить Германии и ее фюреру.

Мы знаем теперь, что вся эта страшная фантазмагория рассеялась как дым. Благодаря героическому подвигу советского народа обезумевшим гитлеровцам не удалось перекроить мир по своему хотению.

ГЛАВА VIII ДОРОГА В МОГИЛУ

Конец мифа о непобедимости вермахта

22 июня 1941 года в 3 часа 30 минут гитлеровские полчища вторглись на землю Советского Союза. По иронии судьбы 129 лет назад также в июне, только 24-го, начал свой поход против России Наполеон. Однако урок бесславной гибели «великой армии» французского императора не пошел впрок новому захватчику. Когда Гитлер разместился в своей вновь созданной ставка около города Растенбург в Восточной Пруссии, ставка, которой он присвоил название «Волчье логово», он был, судя по всему, глубоко убежден, что не позже чем через шесть недель Германия одержит новый триумф на Востоке.

Уже начиная свой поход, Гитлер совершил гигантский непоправимый просчет: он исходил из совершенно иррациональной, по сути дела, мистической посылки о том, что кампанию в России удастся закончить еще летом, в крайнем случае осенью 1941 года. Неограниченная власть, которую Гитлер вкушал к тому времени восемь лет, сотворила свое «чудо превращения». Он уже считал для себя необязательными обычные критерии здравого смысла, логики и г. д. Он уже жил в фантастическом мире, все казалось ему дозволенным и осуществимым.

11 июня, еще до начала агрессии против СССР, фашистский диктатор издал «приказ № 32», в котором распорядился к осени 1941 года... значительно сократить вооруженные силы Германии. Из приказа явствовало, что Гитлер считал, будто «русская кампания» к тому времени закончится и Европа окажется в полной власти «Держав оси». «Для обороны европейского пространства и дальнейших наступательных операций, – говорилось в приказе, – можно будет ограничиться значительно меньшими вооруженными силами, чем мы держали прежде». О германской армии на Востоке в приказе упоминалось особо – и ее Гитлер предполагал значительно сократить: «По всей вероятности, для выполнения дальнейших задач, – вещал фюрер, – нам хватит 60 дивизий, не считая сил наших союзников и друзей». И это говорилось не за столом, не в порядке досужих домыслов, а черным по белому было записано в официальном приказе. Более того, посылка о блицпоходе на Восток легла в основу стратегического планирования Гитлера. Подобная самонадеянность накануне войны с великой державой, обладавшей к тому же гигантской территорией, воистину

чудовищна. Такое «планирование» мог позволить себе только утративший всякий разум неограниченный диктатор.

Через три недели после начала агрессии против Советского Союза в дополнение к «приказу № 32» был издан «приказ № 32-б», в котором содержались конкретные меры по сокращению вооруженных сил. В параграфе первом приказа была дана общая оценка положения: «Военное господство над европейским пространством, – писал Гитлер, – после поражения России (!) позволяет нам существенно сократить размеры армии». Далее Гитлер предписывал начать перестройку военной промышленности, значительно уменьшить выпуск военных материалов, необходимых для сухопутной армии. «Размер резервной армии, – говорилось в приказе, – следует привести в соответствие с сокращенной действующей армией... Призыв резервистов 1922 года рождения надо отложить на возможно более дальний срок».

В заключение приведем еще один параграф этого знаменательного приказа: «Вооружение и техническое оснащение войск... следует сократить до размеров, необходимых для продолжения еще не законченных полевых операций».

Много писалось на Западе о «даре предвидения» Гитлера, о его «полководческом гении», о «мудрости» его приказов. Но разве можно представить себе более нелепый приказ, нежели приказ о сокращении войск и военного производства в самом начале грандиозной, неслыханной по своим масштабам кампании, которая в конечном итоге привела Германию к катастрофе, а самого Гитлера к самоубийству?

«Приказ № 32», опубликованный в полном собрании военных распоряжений Гитлера, западногерманская историческая литература часто обходит молчанием; уж слишком ярко он рисует фюрера как профана и авантюриста.

Итак, вермахт вступил в войну с Советским Союзом, руководствуясь идеей Гитлера о том, что восточная кампания будет закончена за шесть недель. Эта идея легла в основу всех военно-стратегических посылок, всего перспективного планирования. В исторической литературе часто ставится недоуменный вопрос: почему германское командование не позаботилось о снабжении армии зимним обмундированием? Да по очень простой причине: никому и в голову не приходило, что оно может понадобиться. Настолько сильна была вера в гитлеровское ясновидение и непогрешимость его военных расчетов. Характерно, что и в среде самых видных военных мало кто усомнился в возможности добиться окончания кампании в намеченные Гитлером сроки. В подробнейшем дневнике Гальдера, повествующем обо всех перипетиях подготовки нападения на СССР, нет и намека на сомнение в реальности гитлеровской программы – вплоть до того момента, когда крах блицкрига стал уже фактом.

Сам Гитлер в первые недели похода считал, что война развивается точно по намеченному в Берлине плану. Первые успехи нацистской армии, сумевшей глубоко вклиниться в советскую территорию, он воспринял как выигрыш всей кампании. Уже 7 июля 1941 года нацистский фюрер заявил, что Советский Союз практически проиграл войну. В дальнейшем он неоднократно повторял эти утверждения, несмотря на то, что на центральных участках фронта уже явно назревал кризис.

И даже тогда, когда в глубине души Гитлер понял, что блицкриг провалился, он продолжал в официальной пропаганде твердить, что Россия потерпела крах.

3 октября 1941 года Гитлер прямо объявил об одержанной победе над СССР. В официальном обращении к немецкому народу он сказал: «Я говорю об этом (о победе. – Авт.) теперь потому, что знаю точно: этот наш противник уже сломлен и никогда больше не поднимется!» Шесть дней спустя начальник отдела печати германского правительства ОТТО Дитрих устроил, по настоянию Гитлера, пресс-конференцию, на которой заявил, что русская армия уничтожена. «С точки зрения военной с Советским Союзом покончено». Еще 29 ноября, примерно за неделю до советского контрнаступления под Москвой, Гитлер пытался внушить своему союзнику по «Антикоминтерновскому пакту» – Италии, что Германия уже добилась победы над Россией. В беседе с итальянским министром иностранных дел Чиано

он заявил, что «в общем и целом, война уже выиграна». Приведя явно завышенные цифры советских потерь, Гитлер воскликнул: «От этих ударов Россия никогда не оправится!»

Некоторые историки на Западе весьма однобоко и неверно изображают положение, когда пишут, что один лишь Гитлер трубил о победе и объявлял русские армии уничтоженными. В действительности дело было отнюдь не только в Гитлере. Уверенность в победе в неменьшей степени выражали большинство генералов, сообщавших фюреру оценки военного положения. 3 июля 1941 года Гальдер записал в своем дневнике: «Можно без преувеличения сказать, что поход против России выигран за 14 дней». 8 июля он заверил Гитлера, что только 46 советских дивизий пригодны для боевых действий, а все остальные разбиты! 46 советских дивизий против 190 фашистских! При таком соотношении сил, естественно, не могло быть сомнения в исходе кампании.

12 июля группа армий «Центр» сообщила, что если ей разрешат, чтобы танковая армия сделала остановку на 7 дней для подвоза боеприпасов, она сможет в ближайшее время достигнуть Москвы. В конце этого же месяца фельдмаршал Мильх заявил, что сил авиации, имеющихся в распоряжении войск, вполне достаточно, чтобы одержать победу. Наконец, 15 июля завершилось составление доклада главного командования сухопутных войск о структуре сухопутных сил после окончания кампании «Барбаросса», в котором доказывалось, что для оккупации завоеванного русского пространства следует оставить в России всего 56 дивизий. На этом основании верховное командование решило, что с начала августа войска начнут возвращаться из России на родину, а число войск, завершающих последние операции, будет сведено до минимума.

В дневнике Гальдера приводится запись основных положений его доклада Гитлеру 23 июля. В них содержится следующий календарь продвижения германских войск: «Примерно через месяц (25.8) наши войска будут, очевидно, у Ленинграда, Москвы, а также выйдут на линии Орел, Крым. В начале ноября они выйдут на рубеж Волги. В начале ноября достигнут Баку и Батуми».

Генералы допустили двойной просчет: они совершенно недооценили силу противника и проявили абсолютное непонимание действий советского командования. Поэтому все их стратегическое планирование оказалось порочным, и впервые в полной мере это проявилось во время битвы под Москвой, которая решила судьбу блицкрига, а во многом и всего восточного похода.

Но прежде чем проследить далее реакцию нацистского генералитета на сыгравшее столь большую роль в ходе всей войны наступление советских войск под Москвой, следует сказать хотя бы несколько слов о том, почему генералы нацистского фюрера проявили такое элементарное невежество и такой авантюризм.

Думается, что не стоит преувеличивать некомпетентность немецкого генералитета в целом, как это склонны делать некоторые историки и литераторы на Западе. Если бы это соответствовало действительности, вторая мировая война не была бы столь длительной и тяжелой и победа в ней не далась бы столь трудно.

Эйфория немецких военачальников в первые полгода кампании на советско-германском фронте опять-таки во многом объясняется особенностями нацистского режима. Режим этот был авантюристическим по своей сути. И не мудрено, что военная каста, самая авантюристическая прослойка общества в любой капиталистической стране, а особенно в милитаристской Германии, что называется, рвалась в бой. Здесь авантюризм, исконно присущий немецкому офицерству, наложился на авантюризм тогдашних правителей Германии и дал свои плоды.

Но это далеко не все. В результате негласных чисток в армии и контроля нацистской партии над армией (а нацистский контроль был в Германии всеобъемлющим!) произошел своего рода негативный отбор в самой немецкой военной касте. Люди неугодные, строптивные, обладавшие собственным мнением, либо выживались, либо переводились на незаметные посты. Некоторые воспитанники таких крупных военачальников, как Сект, который всегда предостерегал против войны с Россией, спешным образом перестраивались,

другие исчезали с авансцены. Этих последних было не так уж мало, и раньше они пользовались большим влиянием. Назовем хотя бы таких военных, как Тренер, Фалькенхайн, Ветцель, фон Метч, Кабиш, Фрейтаг-Лорингхофен. «Отрицательный отбор» дал себя знать уже в 1939 году, т. е. к началу войны. Мудрая русская пословица гласит: «Каков поп, таков и приход». Постепенно руководство нацистской армии стало таким же, каким был нацистский «поп» – сам Гитлер.

Существовала еще одна немаловажная причина, вызвавшая вопиющий просчет немецкой военной касты в первый период войны на советско-германском фронте.

Генералы просто боялись Гитлера. Вероятно, наедине с самими собой многие из них более трезво оценивали обстановку. Может быть, кое-кто из них даже делился своими сомнениями и опасениями в кругу закадычных друзей, хотя при нацизме все общество было буквально прошито шпиками. Как показали дальнейшие события, в частности заговор 20 июля 1944 года, именно часть кадровых военных наиболее отчетливо пеняла гибельность курса Гитлера, но в 1941 году надо было обладать недюжинной храбростью, а главное, независимостью мышления, для того чтобы осознать: затеяв войну против Советского Союза, Гитлер вступил на дорогу, ведущую к катастрофе.

И наконец, последнее. Гитлеровский режим, дезинформировавший всех и вся, неизбежно дезинформировал саму нацистскую верхушку, в том числе генералитет. Таково уж было свойство этого режима. Правда тщательно скрывалась как от фюрера, так и от его присных. Препрадив дорогу любой объективной информации, нацисты сами оказались одураченными. Сообщения о силе и боевом духе Красной Армии, которые шли снизу, по мере своего прохождения наверх все время «смягчались», т. е. соответственным образом препарировались в угодном Гитлеру духе. Все эти факторы необходимо учитывать, рассматривая ход войны фашистской Германии с ее первым настоящим противником – Советским Союзом.

Как бы то ни было, сейчас нельзя без крайнего удивления читать строки дневника Гальдера, посвященные периоду Московской битвы. Перед нами предстает человек, который совершенно не подозревал, что творилось «по ту сторону холма», и не понимал значения событий даже тогда, когда битва уже была в полном разгаре. А ведь Гальдер считался одним из самых проникательных генералов нацистской армии и во время битвы под Москвой руководил генеральным штабом сухопутных войск.

23 ноября, когда советские войска сосредоточивались для контрнаступления, Гальдер записал в свой дневник: «Восток: Россия как военная сила не представляет более опасности для строительства Европы. Противник потерпел решающее поражение».

Но вот наступило 5 декабря – начало грандиозного контрнаступления Красной Армии. В этот день в дневнике Гальдера значится лишь следующая запись о положении в группе армий «Центр»: «Из Воронежа активность в северном, северо-западном и северо-восточном направлениях. На шоссе Дмитров – Москва усиленное движение. Эвакуация Москвы продолжается». На совещании у Гитлера, состоявшемся в тот же день, никто ни словом не обмолвился о начавшемся контрнаступлении.

Несколькими днями позже дается следующая оценка положения в группе армий «Центр»: «На участке 2-й армии и 2-й танковой армии события развиваются удовлетворительно. Можно думать о переходе к стабильной обороне на конечном рубеже (?) (ввиду неясности этой формулировки издатели дневника Гальдера поставили в этом месте вопросительный знак. – Авт.), северо-западнее Москвы вступила в бой с 6.XII 20-я русская армия. Здесь можно рассчитывать на усиление нажима, хотя до сих пор он не проявлялся». Запись от 9 декабря гласила: «Усиливающийся нажим на 2-ю армию... и восточный фланг 2-й танковой армии... Очень сильное напряжение на северном фланге 4-й армии. Хотя обнаруженные здесь радиоразведкой дивизии еще не вступили в бой, не следует ожидать каких-либо глубоких прорывов и значение наступления – чисто тактическое». Что же на самом деле происходило в эти дни? 6 декабря начали наступление войска Западного фронта, оборонявшие столицу. Вслед за тем двинулись войска соседних фронтов.

Развернулось грандиозное сражение. Уже в первый день наступления войска Калининского фронта вклинились в передний край обороны противника и шаг за шагом стали продвигаться вперед. 13 декабря войска Западного фронта подошли к Клину и 15 декабря освободили город. Успешно развивались наступательные действия южнее Клина – 8 декабря было освобождено Крюково, 12 декабря – Солнечногорск. На левом крыле фронта, в районе Тулы, завязалось танковое сражение. Танковая армия Гудериана вынуждена была отступить, оставив на поле боя 70 танков. В ходе десятидневных боев советские войска продвинулись на этом участка вперед на 130 километров.⁷⁸

Таковы лишь некоторые эпизоды этой битвы, свидетельствующие о том, что немецкая армия потерпела серьезное поражение. Но ни масштаб сражения, ни его значение не были ясны германскому командованию в те исторические дни. Они поняли все это только тогда, когда пришлось подсчитывать потери, т. е. когда уже было поздно.

Гнев фюрера, разумеется, обрушился на его полководцев, которые так «подвели» «величайшего военного гения». 19 декабря он вызвал Браухича. Между фюрером и главнокомандующим сухопутными войсками состоялась двухчасовая беседа с глазу на глаз. После этого Браухич заявил Кейтелю: «Я еду домой, он отправил меня в отставку, я больше не могу». Затем Гитлер вызвал Кейтеля и прочитал ему только что составленный приказ об отставке Браухича и о том, что он сам берет на себя командование сухопутными войсками. Таким образом, и генеральный штаб сухопутных войск непосредственно перешел в подчинение к фюреру.

За провал гитлеровских планов под Москвой и на других участках советско-германского фронта должен был поплатиться не один Браухич. Были смещены Рундштедт, Вейхс, Лееб, Бок, Гудериан, Штюльпнагель и другие. Разразился первый кризис в верховном командовании. Каждая из сторон хотела при этом взвалить вину на другую: Гитлер – на генералов, генералы – на Гитлера.

Некоторые генералы, в частности, припомнили, что еще в июне – августе 1941 года шел спор по вопросу о направлении главного удара. Многие высшие военные руководители (Рундштедт, Лееб, Рейхенау и другие) предлагали направить большую часть войск на юг. Однако существовала и другая генеральская группа (Гальдер, Браухич и Бок), которая была против «распыления сил». Гитлер стал на сторону первой группы. В его директиве, подписанной 21 августа, говорилось: «Соображения главнокомандования относительно дальнейшего ведения войны на Востоке от 18 августа⁷⁹ не согласуются с моими намерениями. Приказываю: 1. Главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов Донбасса и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере – окружение Ленинграда и соединение с финнами».

Это решение Гитлера Гальдер в своей книге «Гитлер как полководец», вышедшей в 1949 году, изображает как поворотный пункт восточной кампании. Он утверждает, что главная цель – разбить русские армии – была тем самым отодвинута на задний план по сравнению со стремлением захватить военно-промышленные объекты и продвинуться в направлении русских нефтяных источников. До сих пор еще в Западной Германии ведется весьма бесплодная дискуссия на тему – можно ли было миновать поражения, если бы Гитлер послушался советов группы генералов и не повернул бы часть сил германской армии на юг?

В эту дискуссию надо внести ясность.

⁷⁸ В общей сложности в битве под Москвой немецкая армия потеряла более 500 тысяч человек, 1300 танков, 2500 орудий, свыше 15 тысяч машин и много другой техники. Советские войска продвинулись на Запад на 100–250 километров.

⁷⁹ В этот день Браухич представил в ОКБ докладную записку, в которой отстаивал необходимость нанесения главного удара на Москву в конце августа – начале сентября наряду с проведением дальнейшего наступления на ленинградском направлении и на юге Украины.

Совершенно очевидно, что не частные просчеты гитлеровского командования и самого Гитлера, а кардинальный просчет – авантюристическая война против Советского Союза привела к поражению фашистскую Германию. Спор о том, кто был более прав – одна генеральская группа или другая, Гитлер или генералы, в целом носит сугубо схоластический характер. Скажем заранее: неправы были обе генеральские группировки. Попытаемся доказать это.

По-видимому, Гитлер и часть генералов, поддерживавшая его точку зрения, уже летом 1941 года сомневались в возможности быстрого завершения похода и именно потому пытались захватить поскорее промышленные ресурсы юга Советского Союза. Напомним, что еще 11 августа в дневнике Гальдера появилась запись, которая явно расходится с его победными реляциями, написанными до этого, а отчасти и после: «При рассмотрении общего положения становится все более ясным, что русский колосс... нами недооценивался. Эта констатация относится ко всем организационным и хозяйственным сторонам, к средствам сообщения и особенно к чисто военным возможностям».

Однако Гальдер не был в состоянии сделать из своего признания необходимые выводы. Он продолжал поставлять Гитлеру явно преуменьшенные данные о силе и боеспособности советских войск.

В конце августа стало уже совершенно ясно, что германская армия не сможет решить задачу захвата Москвы. Но германские генералы не понимали этого в той же мере, в какой не понимал ефрейтор Гитлер. Теперь же, через четыре десятилетия, бывшая фашистская военщина и ее нынешние защитники хотят выдать свои просчеты за премудрость, утверждая, что если бы Гитлер послушался советов генералов, то Германия выиграла бы войну.

В свою очередь, Гитлер и его окружение видели в ту пору причину поражения совсем в другом – в саботаже генералов. Геббельс сообщил в своем дневнике о беседе с Гитлером по этому вопросу, состоявшейся 20 марта 1942 года: «Если бы Браухич делал то, что от него требовали, – говорил ему Гитлер, – и что он обязан был в действительности делать, наше положение на Востоке оказалось бы совсем иным. Фюрер не имел ни малейшего намерения наступать на Москву. Он хотел захватить Кавказ и тем самым поразить советскую систему в ее самом уязвимом месте. Но Браухич и его генеральный штаб считали это неверным. Браухич все время требовал наступления на Москву. Он хотел успехов ради престижа вместо настоящих успехов».

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» также упоминает спор между генералами и Гитлером. Он пишет по этому поводу: «Что касается временного отказа от наступления на Москву и поворота части сил на Украину, то можно сказать, что без осуществления этой операции положение центральной группировки немецких войск могло оказаться еще хуже, чем это имело место в действительности. Ведь резервы Ставки, которые в сентябре были обращены на заполнение образовавшихся брешей на юго-западном направлении, в декабре – при контрнаступлении, могли быть использованы для мощного удара во фланг и тыл группы армий «Центр» при ее наступлении на Москву».

Как бы то ни было, уже в ноябре 1941 года Гитлера впервые после начала войны стал одолевать страх. Вера его в непобедимость нацистской военной машины после этого поколебалась. В середине ноября в беседе с Гальдером он мечтал уже не о победе, а о компромиссном мире.

О чем еще говорил Гитлер в эти дни в кругу своих приближенных в ставке? Сохранившиеся записи свидетельствуют о том, что он стремился как можно дальше уйти от гнетущей реальности, направить свои мысли в сферу абстрактных рассуждений о будущем «арийской расы», об антицерковной политике нацизма, роли христианства и т. д. К этому времени относится, например, следующее упомянутое нами уже раньше «гениальное» открытие фюрера: «Христос был арийцем. Но святой Павел использовал его учение для того, чтобы мобилизовать преступный мир и создать нечто вроде прабольшевизма». Любопытны также рассуждения Гитлера по поводу того, как следует разрешить религиозную проблему, и в частности вопрос об отношении к Ватикану: «Я просто вступил бы в Ватикан, – сказал

он, – и захватил бы всю эту компанию. Потом я бы сказал: «Извините, я ошибся!» – но она была бы уже в наших руках».

Лишь один раз в период зимней кампании 1941/42 г. Гитлер вспомнил в ночных своих монологах о действительности. Это было в связи с предстоявшим выступлением по случаю дня захвата власти, когда впервые после Московской битвы он должен был публично высказаться о положении на фронтах. Первоначально фюрер вообще хотел уклониться от выступления, поручив его Геббельсу. Но 18 января он переменял решение: «Все же будет лучше, – сказал он, – если вместо Геббельса 30 января буду говорить я сам. Трудность в том, чтобы, ободряя народ, держаться середины между трезвостью и демагогией». Как мы видим, вполне здравая мысль. Еще более здраво то, что высказал Гитлер в эту ночь в адрес немецкого народа, попавшего к тому времени в сети нацистской пропаганды: «Какое счастье для правительства, – сказал он, – что люди не думают. Думать приходится только при отдаче приказа и при его исполнении. Если бы это было иначе, общество (читай: фашистское общество. – Авт.) не могло бы существовать».

Впоследствии Гитлер неоднократно возвращался к этой мысли, выражая свое восхищение и благодарность немцам за то, что они так безропотно терпели нацистский режим. Когда же поражение стало неминуемым, он их проклинал. В этом тоже была своя «логика». Народ оказался «недостойным» фюрера.

Московская битва была тем военно-политическим событием, которое ознаменовало начало конца Гитлера и его империи. Под Москвой был развеян миф о непобедимости гитлеровской армии – впервые за всю вторую мировую войну ей было нанесено крупное поражение.

В своей книге воспоминаний маршал Жуков пишет: «Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву». А ведь после нее были другие, еще более крупные сражения, после нее были другие величайшие победы, решившие исход войны. Но следует помнить и знать: закат фашистской империи начался именно здесь. Поэтому с течением времени значение Московской битвы не меркнет, а, наоборот, становится все более ясным и зримым.

Стратегия поневоле

После поражения германской армии под Москвой со страниц нацистской печати почти исчез термин «окончательная победа». Не о победе мечтал теперь фюрер, а о захвате таких позиций, которые дали бы возможность германским завоевателям прочно укрепиться на оккупированных территориях, затруднили бы попытки выбить их из занятых районов и разрушить фашистскую «крепость Европа». Геббельс в марте 1942 года характеризовал эти планы в своих дневниках следующим образом: «Для будущей весны и лета фюрер вновь создал совершенно ясный план... Его целями являются Кавказ, Ленинград и Москва... Возможно, на Востоке дело дойдет до столетней войны, но она не причинит нам более никаких забот».

Итак, Гитлер готов был продолжать войну хоть сто лет. Но, чтобы ее выдержать, он намеревался прежде всего захватить богатства юга России и нефть Кавказа.

1 июня 1942 года фюрер прибыл в штаб группы армий «Юг» в Полтаву, чтобы разъяснить свои замыслы. В беседе с фельдмаршалом фон Боком он сказал: «Если мы не возьмем Майкоп и Грозный, я должен буду закончить эту войну».

Отныне фюрер решил лично руководить всеми операциями на Восточном фронте. С июня по октябрь 1942 года он пробыл в своей ставке в районе Винницы, которую назвал «Оборотень».

План летней кампании 1942 года был изложен в директиве ОКБ № 41, подписанной Гитлером 5 апреля.

Операция распадалась на три этапа: на первом предусматривалось продвижение немецких войск из района Орла на Воронеж и оттуда вниз по течению Дона, на втором –

удар из района Харькова на восток в направлении Волги, на третьем – объединение в районе Сталинграда войск, наступавших вниз по течению Дона и из района Таганрог – Артемовск.

На первый взгляд может показаться, что инициатива вновь перешла к германскому командованию, что Гитлер овладел положением и что война развивалась согласно его планам и воле. В действительности это было совсем не так. План летней кампании 1942 года был отчаянной попыткой исправить положение, возникшее в связи с крахом блицкрига. Гитлер не мог уже приспособить ситуацию к своим требованиям, он сам должен был приспособливаться к создавшемуся положению. Не гитлеровская стратегия определяла ход боевых действий, а ход операций советских войск все более определял фашистскую стратегию. Она становилась стратегией поневоле.

Этот факт не может быть опровергнут и тем, что на первых порах летняя кампания 1942 года привела к новым успехам нацистских войск. Исход любой операции нельзя расценивать по реализации тех или иных частичных целей, тем более это недопустимо, когда идет речь о такой масштабной операции, какую задумал Гитлер. Это элементарное правило было, однако, незнакомо фюреру. И так же как на основании частичных успехов в первые месяцы войны Гитлер сделал вывод о выигрыше всей кампании, так и теперь он воспринял продвижение немецких войск в южном направлении как окончательное поражение Красной Армии и как победу своей стратегии.

23 августа немецкие войска вышли к Волге. На юге они совершили рывок в направлении Кавказа: 10 августа заняли Майкоп, 25 августа – Моздок, находящийся на пути к Грозному с его нефтяными скважинами. В это время у Гитлера зародились уже новые сумасбродные замыслы. Он сообщил Гальдеру, что собирается после окончания кампании в России нанести удар через Иран в сторону Персидского залива, чтобы сокрушить Британскую империю. В дальнейшем он задумал соединиться с японскими вооруженными силами. Успех операции на юге нацистский фюрер считал обеспеченным. В беседе с адмиралом Редером он заявил, что рассматривает Россию как «жизненное пространство, которое может устоять против любой блокады», и уверен, что вскоре Англия и США «вступят в переговоры о заключении компромиссного мира».

Ясно, что Гитлер нуждался в осуществлении двух взаимосвязанных задач: в закреплении позиций на линии Волги, что могло быть обеспечено лишь взятием Сталинграда, и в занятии нефтяных районов Кавказа. Однако выяснилось, что германская армия не в состоянии решить обе эти задачи сразу. Медленно, но верно именно в эту пору наивысших успехов гитлеровских войск в летней кампании 1942 года в недрах генерального штаба вызревало сознание того, что в расчеты фюрера вновь вкралась грубая ошибка. И снова началась знакомая уже с зимней поры свара среди командования нацистского вермахта. На этот раз речь шла о том, можно ли добиться осуществления всей программы захватов, поставленной Гитлером, сразу или следует сконцентрировать силы для решения одной из задач: а именно на взятии Сталинграда.

Особенно острой эта проблема оказалась во второй половине июля, когда германские войска заняли Ростов и вышли к Дону в районе Калача. Надо было решить, в каком направлении (или в каких направлениях) двигаться дальше. В этот момент Гитлером и была подписана известная директива № 41 о дальнейших задачах операции «Брауншвейг» (так была переименована операция «Блау») – план захвата Сталинграда и Кавказа). Перед группой армий «А» была поставлена цель: после уничтожения советских войск в районе Ростова направить главный удар на юг, овладеть Черноморским побережьем Кавказа, районом Грозного и вести дальнейшее наступление на Баку. Одновременно группа армий «Б» должна была захватить Сталинград и вслед за тем повернуть часть своих сил на Астрахань.

Издание этого приказа привело к разладу между Гитлером и Гальдером. В новой ставке Гитлера в Виннице разыгралась бурная сцена между фюрером и начальником генерального штаба сухопутных войск. Гальдер пытался разъяснить Гитлеру, что германская армия не в состоянии выполнить поставленные перед ней задачи и что необходимо сконцентрировать все силы для занятия Сталинграда. Тем самым часть генералов во главе с Гальдером хотела

отвлечь Гитлера от его главной цели – овладения нефтяными богатствами Кавказа, обеспечения Германии необходимым сырьем, что предусматривалось еще «планом Ост». Это не могло не вызвать ярость Гитлера. «Приступ бешенства и тяжелые обвинения против руководства», – резюмирует сцену в Виннице Гальдер в своем дневнике. И далее продолжает: «Наблюдавшаяся и ранее недооценка возможностей противника принимает гротескные формы и грозит опасностью. Положение становится все более нетерпимым. О серьезной работе не может быть и речи».

После этой сцены дни Гальдера были сочтены. Он оставался на своем посту еще до конца сентября, однако фактически Гитлер отстранил его от руководства Операциями. На пост начальника генерального штаба вместо Гальдера был назначен Цейтцлер. В ту же пору впал в немилость и Йодль, один из самых послушных гитлеровских генералов. Дело в том, что после отстранения Гальдера фюрер послал Йодля на кавказский фронт, чтобы выяснить причины, по которым наступление приостановилось. Как бы ни лебезил Йодль перед Гитлером, он не мог не отметить, что немецкая армия была попросту не в состоянии выполнить задачу, поставленную Гитлером. В довершение всего Йодль попытался оправдать свои выводы ссылками на прежние высказывания и директивы фюрера. Но это только подлило масла в огонь. Гитлер выгнал генерала из кабинета и перестал с ним здороваться. Эта ссора продолжалась вплоть до конца января 1943 года, когда Йодлю было объявлено, что его переведут на другую должность. Но осуществить свое намерение Гитлеру так и не удалось – за два дня до предполагаемой отставки Йодля генерал, который должен был его заменить... сдался в плен советским войскам. Это был командующий 6-й немецкой армией в районе Сталинграда фельдмаршал Паулюс.

Итак, до поры до времени Гитлер не желал отступать от ранее задуманного. Операции как в направлении Кавказа, так и в районе Сталинграда развивались, казалось бы, успешно. Командующий 6-й армией Паулюс сообщил 25 октября по радио, что рассчитывает самое позднее к 10 ноября взять Сталинград. В ответ Гитлер приказал после занятия города двинуться вдоль Волги на юг. В конце октября фюрер счел положение настолько благоприятным и прочным, что решил покинуть свой штаб в Виннице и вернуться в главную ставку «Волчье логово» в Восточной Пруссии.

Обозревая ныне споры между Гальдером и некоторыми другими генералами, с одной стороны, и Гитлером, Кейтелем и другими генералами – с другой, нельзя не установить общности взглядов между ними по главным, решающим пунктам. Во-первых, это касается оценки силы советских войск. И Гитлер и его генералы совершенно не представляли себе реальной силы Красной Армии. Во-вторых, общность существовала и в недооценке возможностей советского командования. Эта узколобость прусского военного мышления, высмеянная в свое время еще Львом Толстым («Die erste Kolonne marschiert...»), помноженная на упрямство и самонадеянность гитлеровцев, была в равной степени свойственна как самому фюреру, так и его присным. Все это ярко проявилось в дни Сталинградской битвы. И Гитлер и генералы одинаково усердно (а в некоторых случаях генералы даже более усердно, чем их главнокомандующий) гнали армию туда, где она должна была найти свою могилу – к Сталинграду. Если в послевоенные годы иные бывшие генералы Гитлера выражали сожаление по поводу того, что туда было брошено слишком мало солдат, что именно на этом направлении следовало сконцентрировать больше войск, то можно лишь удивляться заскоружности мышления таких стратегов. Ведь в то время в районе Сталинграда советское командование готовило мощнейшую операцию, поэтому большая концентрация войск здесь могла привести лишь к еще большей катастрофе германской армии.

Вот как оценивал начальник немецкого генерального штаба (не Гитлер!) положение Красной Армии в дополнении к приказу от 23 октября 1942 года: «В настоящее время русские вряд ли в состоянии вести крупное наступление в широких масштабах».

Серьезный промах допустила также немецкая разведка, не заметившая сосредоточения мощной группировки советских войск под Сталинградом.

Тогдашний начальник Генерального штаба Красной Армии А. М. Василевский, прибывший по распоряжению Ставки в августе 1942 года в район Сталинграда, пишет в своей книге «Дело всей жизни»: «Примечательная черта контрнаступления под Сталинградом – скрытность его подготовки. Специальная директива Генерального штаба определила мероприятия, которые исключали бы просачивание сведений о масштабе контрнаступления, времени проведения, направлении главных ударов, способах действий... Сосредоточение войск из резерва Ставки Верховного Главнокомандования и перегруппировка войск внутри фронтов производились только ночью. Все это основательно спутало карты немецкого командования».

Маршал А. М. Василевский сообщает, что немецкая разведка еще в ноябре 1942 года докладывала Гитлеру, будто решающую операцию Красная Армия предпримет на центральном участке фронта в районе Смоленска, а менее крупную – на Дону. Согласно этому докладу, действия Красной Армии на Волге преследовали ограниченную цель – оттеснить немецкие части, находившиеся в районе Сталинграда. Всего-навсего оттеснить! И это сообщалось высшему военному руководству Германии тогда, когда уже почти полностью были закончены приготовления к одной из грандиознейших операций в истории войн.

19 ноября, как было предусмотрено планом «Уран», началось наступление Красной Армии. Первый удар был нанесен войсками Юго-Западного фронта по 3-й румынской армии, оборона которой была прорвана; советские армии глубоко вклинились в расположение немецких войск. В тот же день начал наступление Донской фронт, а 20 ноября пришел в движение Сталинградский фронт. 23 ноября сомкнулось кольцо окружения вокруг группировки немецких войск, насчитывавшей 22 дивизии и около 160 отдельных частей общей численностью 330 тысяч человек.

Маршал Г. К. Жуков в своих мемуарах дает ответ на вопрос, возникавший в исторической литературе: кто был автором плана «Уран»? Он пишет, что план проведения операции такого стратегического масштаба мог возникнуть в полном объеме только в результате длительных усилий штабов войск и командования всех степеней. Непосредственными же инстанциями, воплотившими в жизнь эти идеи, была Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб. «Заслуга Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба, – пишет Г. К. Жуков, – состоит в том, что они оказались способными с научной точностью проанализировать все факторы этой грандиозной операции, сумели предвидеть ход ее развития и завершение. Следовательно, не о персональных претендентах на «авторство» идеи контрнаступления должна идти речь».

Это замечание одного из самых выдающихся полководцев времен второй мировой войны имеет принципиальное значение для понимания роли военного руководства в крупных военных операциях. Авантюризм стратегии Гитлера как раз и состоял в том, что он никогда не считался с мнением войск, не обобщал опыта штабов, командиров разных рангов, не анализировал объективные факторы, определявшие ход военных действий. Он и в руководстве войсками вел себя как диктатор, прикрывая произвольные поступки ссылкой на интуицию. В стратегии Гитлер придерживался того же принципа, что и в политике: «делать невозможное возможным», подчинять своей воле не только людей, но и обстоятельства. Однако никому не дано преодолеть границы возможного, поэтому-то фашистская стратегия с самого начала была обречена на провал.

Все эти свойства гитлеровского руководства ярко обнаружались именно в Сталинградском сражении.

Здесь не место описывать все перипетии Сталинградской битвы. Известно, что кольцо окружения становилось все уже и уже, а Гитлер с упорством маньяка продолжал настаивать на том, что Сталинград должен быть взят. Позднее некоторые бывшие гитлеровские генералы утверждали, что, если бы фюрер дал вовремя приказ 6-й армии идти на прорыв окружения, ее можно было бы спасти. Доказать эту версию невозможно, ибо она исходит из того, что советские войска не приняли бы контрмер и спокойно дали бы уйти окруженным

войскам. К тому же авторы этой версии игнорируют тот факт, что мощная группировка немецких войск под командованием опытного фашистского полководца Манштейна, посланная на выручку Паулюсу (ей было приказано прорвать кольцо окружения извне), так и не смогла достигнуть цели. Она была остановлена в 40 километрах от Сталинградского котла. Где же гарантия, что измотанная в боях армия Паулюса вырвалась бы из окружения?

Если разобраться, то тезисы нацистских генералов о том, будто, дай им Гитлер волю, они дважды могли бы выиграть войну – один раз под Москвой, другой раз под Сталинградом, – выглядят просто смехотворно, и можно было бы пройти мимо этой генеральской легенды, если бы она не была столь опасна: предназначение ее – восстановить репутацию вермахта и обелить беспрецедентную в истории авантюру Гитлера.

Гитлер действовал, сообразуясь с собственной логикой авантюриста, логикой всего своего жизненного пути и созданного им разбойничьего государства. Никакие позднейшие «поправки» не могли бы спасти немецкую военную машину на советско-германском фронте... Поверить в то, что Сталинградская операция, а вместе с ней план завоевания «волжского пути» и Кавказа потерпели провал, значило для Гитлера признать крах всего плана создания неприступной «крепости Европа») в границах от Ла-Манша до Волги, плана, родившегося после Московской битвы взамен доктрины «блицкрига». Вот почему Гитлер до конца цеплялся за мысль о том, что Сталинград может и должен быть взят.

30 сентября 1942 года в берлинском Спортпаласте фюрер заверил немцев, что Волга перерезана, а Сталинград будет занят в ближайшие дни. «Можете быть уверены, – воскликнул он с пафосом, – что уже никто не сумеет сдвинуть нас с этого места!» Утверждение это Гитлер повторял потом неоднократно. 8 ноября, после того как стало ясно, что бои в Сталинграде приняли неблагоприятный для гитлеровской армии оборот, фюрер продолжал уверять, что он у цели. «Я хотел достигнуть Волги, и притом в совершенно определенном месте, у совершенно определенного города, – сказал он. – По воле судьбы он носит имя самого Сталина. Не думайте, что я двинулся туда по этой причине. Нет, просто у Сталинграда мы можем перерезать коммуникации, по которым перебрасывалось до 30 миллионов тонн груза... Это был гигантский перевалочный пункт. Его я хотел занять и – вы же знаете, мы не любим хвастаться, – он теперь в наших руках! Осталось всего несколько маленьких плацдармов». Слова Гитлера потонули в восторженном реве толпы, собравшейся в огромном зале «Левенбройкеллера» в Мюнхене, где фюрер выступал по случаю годовщины «пивного путча» 1923 года.

Когда немецкие войска в конце ноября оказались в котле, Гитлер упорно отказывался разрешить Паулюсу принять советские условия капитуляции, хотя, согласись командующий 6-й армией на эти условия тогда, десятки тысяч немецких солдат могли бы остаться в живых. Еще 12 декабря во время обсуждения этого вопроса в гитлеровской ставке фюрер твердил: «Ни при каких обстоятельствах мы не должны отдавать Сталинград. Захватить его снова нам уже больше не удастся... Того, чего мы там лишимся, мы уже никогда не наверстаем. Если мы от него откажемся, весь поход потеряет смысл... Думать, что мы еще сможем вернуться туда – безумие... Поэтому нам так важно удержаться там, где мы сейчас стоим».

1 января 1943 года Гитлер направил солдатам и офицерам 6-й армии послание, в котором уверял, что окруженная группировка будет спасена и что немецкая армия... одержит победу под Сталинградом.

В ответ на просьбу Паулюса предоставить ему свободу действий (соответствующую радиogramму Паулюс послал 20 января, когда положение его армии стало совершенно безнадежным) Гитлер заявил: «Капитуляция исключена. Армия должна выполнить свою историческую миссию: выстояв до конца, она сделает возможным образование нового фронта севернее Ростова и отвод группы армий с Кавказа». Наконец, еще 27 января в сводке немецкого верховного командования, которую редактировал сам Гитлер, говорилось, что части 6-й армии «вгрызлись в Сталинград и удерживают город». Вслед за этим фюрер объявил, что он присваивает Паулюсу чин фельдмаршала за заслуги в деле защиты немецких позиций в Сталинграде. Это была своеобразная попытка подкупа командующего 6-й армией.

Фюрер рассчитывал, что, присвоив Паулюсу новое высокое звание, он гарантирует себя от того, что Паулюс сдастся в плен – дескать, немецкий фельдмаршал не может капитулировать.

Но и этот расчет Гитлера оказался ложным. 31 января фельдмаршал Паулюс принял советские условия капитуляции и вместе с группой войск сдался в плен. Сталинградское сражение закончилось полной ликвидацией трехсоттридцатитысячной армии. 90 тысяч оставшихся в живых солдат, офицеров и генералов сложили оружие и сдались в плен.

Всего же с 19 ноября 1942 года, т. е. с начала операций «Уран», «Малый Сатурн» и «Кольцо» до завершения ликвидации сталинградской группировки фашистских войск 2 февраля 1943 года были уничтожены 32 дивизии и 3 бригады немецкой армии, остальные 16 дивизий потеряли от 50 до 75 процентов личного состава. Общие потери немецких войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили, согласно данным, приведенным в мемуарах Г. К. Жукова, около полутора миллионов человек, до трех тысяч пятисот танков и штурмовых орудий, двенадцать тысяч орудий и минометов, до трех тысяч самолетов и огромное количество другой военной техники. «Такие потери сил и средств, – пишет Г. К. Жуков, – катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии».

Капитуляция Паулюса обсуждалась 1 февраля на очередном совещании в ставке, которое проводил фюрер. Гитлер не скрывал своего возмущения поступком фельдмаршала. «Ведь так легко пустить себе пулю в лоб, – сетовал он. – Каким надо быть трусом, чтобы испугаться этого. Ха! Лучше уж дать заживо закопать себя. Тем более он (Паулюс. – Авт.) хорошо знал, что его смерть послужит стимулом для того, чтобы люди выстояли в другом котле... Тут можно только сказать: надо было застрелиться, поступить так, как раньше поступали полководцы – броситься на меч, убедившись в том, что дело потеряно. Это ведь само собою разумеется».

Гитлер бушевал. Он никак не хотел понять, что снова потерпел поражение и что его расчеты как в отношении кампании в целом, так и судьбы 6-й армии оказались битыми. Фюрер винил Паулюса, генералов, итальянцев и румын (на Сталинградском фронте были итальянские и румынские части), погоду, русских, которые, мол, «воюют не по правилам», словом, обвинял всех, только не себя. Он сетовал на то, что его предают, ставят личные интересы выше интересов родины и т. д. и т. п.

Но в конце концов даже слепому было ясно: надежды на выигрыш войны рухнули. После Сталинграда вермахт не только потерял возможность добиться решающей победы в войне против Советского Союза, но и способность выигрывать крупные военные операции на советско-германском фронте. Однако не в характере Гитлера было признать истину. Он избрал другой путь – путь непризнания банкротства своей политики и стратегии. Отныне и до самой смерти фюрер жил в некоем иррациональном мире, где все происходило так, как он этого желал. Вот почему можно сказать, что катастрофа под Сталинградом имела далеко идущие последствия для образа жизни Гитлера, для его психики и методов руководства фронтом и тылом. Создав особый призрачный мир, Гитлер тщательно оберегал его от объективной информации и от предложений, которые противоречили бы его концепции длительной стабилизации положения, создания неприступной «крепости Европа».

* * *

Летом 1943 года немецко-фашистская армия предприняла попытку вернуть себе стратегическую инициативу, утраченную в Сталинградской битве, окружить и уничтожить советские войска на Курской дуге. 5 июля 1943 года в районе Курска началась операция «Цитадель». Немецкое командование бросило в бой огромное количество танков, которые должны были протаранить оборону советских войск и проложить дорогу пехоте. Но уже в первые дни стало ясно, что вермахт потерял свое превосходство. Наступление быстро захлебнулось. Ценой огромных потерь противнику удалось продвинуться лишь на 35

километров.

В районе Прохоровки советские войска нанесли мощный контрудар. Здесь 12 июля произошло крупнейшее в истории войн танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало до 1500 танков и самоходных орудий, а также крупные силы авиации. За день боя фашистские войска потеряли свыше 350 танков и более 10 тысяч убитыми. В этот день произошел перелом в битве, враг перешел к обороне, а спустя четыре дня начал отводить свои силы.

Немецко-фашистские войска были отброшены на исходные рубежи, а затем под натиском Красной Армии вынуждены были снова отступать...

На очередном совещании в ставке Гитлеру доложили, что немецкое наступление на советско-германском фронте приостановилось и что Красная Армия продвигается вперед, так что возникла угроза потери новых территорий. Однако Гитлер не захотел поверить в поражение. Выслушав доклад, он сказал: «У меня такое чувство, что это конец не нашего, а русского наступления; очевидно, русские потерпели неудачу и изображают дело так, будто они сорвали наш план наступления. Этим они, по-моему, хотят оправдать собственное поражение. По всей вероятности, теперь поступят сообщения о том, что здесь (тут он показал на карту) у русских дело не вышло и застопорилось, так что от попытки превратить все это в крупную операцию пришлось отказаться. Мне так явно кажется».

Эта оценка Гитлера вновь показала, что он потерял представление о фактическом положении вещей на советско-германском фронте. Фюрер явно оказался лжепророком. Под Курском он получил новый сильнейший удар: потерял около 30 своих отборных дивизий.

Красная Армия освободила большую территорию, в том числе города Орел и Белгород (5 августа), Харьков (23 августа). Курская битва была решающей в обеспечении коренного перелома в ходе войны. Советские вооруженные силы окончательно закрепили за собой стратегическую инициативу.

* * *

Историк располагает ныне большим количеством материалов, позволяющих судить о том, каким был Гитлер в последние годы существования фашистской империи, когда произошел перелом в ходе войны и нацистская армия начала терпеть поражение за поражением. Отчасти это объясняется тем, что ссора Гитлера с Йодлем, о которой говорилось выше, имела несколько неожиданные последствия: она обогатила послевоенные архивы, ибо в результате ссоры Гитлер велел учредить в своей главной ставке «службу стенографии». Все высказывания и указания фюрера на совещаниях, посвященных обсуждению военного положения, стали фиксироваться на бумаге и сохраняться для потомства. Впрочем, в данном случае Гитлер думал не столько о потомстве, сколько о своих генералах, на которых он всегда старался свалить военные неудачи. Как заявил Гитлер, учреждение «службы стенографии» лишит Йодля и других генералов возможности делать в будущем «ложные ссылки» на его слова. К главной ставке были прикомандированы восемь стенографов, которые записывали буквально каждое слово Гитлера, в итоге к концу войны накопилась гора стенограмм; свыше ста тысяч страниц машинописного текста. Вспомнив об этих опасных документах, Гитлер накануне самоубийства приказал Борману увезти их из ставки и уничтожить. Но часть из них (свыше 10 тысяч страниц!) все же уцелела и стала доступной исследователям. В стенограммах с необычайной наглядностью отражена жизнь в ставке Гитлера в последний период войны, в то время, когда нацистский режим уже находился в агонии, а его фюрер, пытаясь продлить свою жизнь и жизнь созданного им режима, совершал одно злодеяние за другим.

Кроме того, как мы уже знаем, услужливый заместитель фюрера Борман позаботился о том, чтобы сохранить еще один важный документ того периода: «застольные беседы» Гитлера.

Знакомясь со стенограммами высказываний Гитлера на военные темы и с его

«застольными беседами», не знаешь, чему больше поражаться: неслыханному цинизму и жестокости германского фюрера, который пытался распоряжаться судьбой целых народов, или же тому, что под конец жизни он потерял всякое представление о реальной обстановке.

Начиная с 1942 года фюрер почти не покидал своего логова в Растенбурге; из ставки он выезжал только в исключительных случаях, когда надо было произнести особо парадную речь в Мюнхене или Берлине, а это случалось все реже и реже. Наконец после заговора 20 июля 1944 года Гитлер вовсе перестал выступать публично. Все время сужался круг лиц, которые имели к нему доступ. В последние годы жизни фюрер желал видеть только тех, кто был предан ему совершенно слепо и повиновался беспрекословно. «Храбрецы», осмеливавшиеся сказать хоть слово правды – какой там правды – полуправды! – беспощадно изгонялись. И в этой обстановке Гитлер издавал свои приказы и вел жесточайшую кровопролитную войну!

Характеризуя последний этап войны на допросе в американском плену, генерал Гудериан показал: «У него (Гитлера. – Авт.) сложилось собственное представление о мире. Действительность он приспособлял к этой картине, которая была плодом его фантазии. Мир должен был быть таким, каким он себе его представлял». Существует подробное описание ставки фюрера в Растенбурге, где, как уже говорилось выше, Гитлер почти безвыездно прожил с октября 1942 года до ноября 1944 года.

Растенбург находился в 560 км от Берлина, в самом дальнем уголке нацистской империи. Ставка была запрятана в густом и довольно-таки мрачном лесу, куда даже в жаркий летний день почти не проникало солнце. Первое время Гитлер жил в одном из деревянных строений, возведенных для него и его свиты. Но вскоре из боязни воздушных налетов он перебрался в большой бетонный бункер. Здесь он занимал три маленькие комнаты, сильно смахивавшие на тюремные камеры – в комнатах были голые бетонные стены и дешевая мебель. Генерал Йодль, который долгое время находился в «Волчьем логове» вместе с Гитлером, уверял, что ставка эта являлась чем-то средним между монастырем и концлагерем: «Там было много заборов и много колючей проволоки, – показал он на Нюрнбергском процессе. – На всех дорогах, которые вели к ставке, были установлены заставы, а в центре находилась так называемая «зона безопасности № 1». Постоянного пропуска в эту зону не имели даже сотрудники моего штаба; охранники обыскивали каждого офицера, которого не знали в лицо. За исключением военных сводок, в эту святая святых из внешнего мира проникала только очень скудная информация».

Рабочий день Гитлера проходил так: его будили примерно в 10 часов утра. Завтрак подавался в спальню; здесь же он прочитывал сводку сообщений иностранных агентств и печати, которую составлял для него Риббентроп. С 11 до 12 часов Гитлер принимал своего адъютанта и решал с ним различные текущие вопросы. В полдень начиналось обсуждение военного положения, главным образом положения на фронтах, в присутствии Кейтеля, Йодля, начальников штабов трех родов войск и приглашенных для обсуждения специальных вопросов офицеров. Обед длился с 14 до 16 часов и был заполнен длинными монологами Гитлера, главным образом на тему о планах «переустройства мира» по фашистскому образцу. Часа два уходило на послеобеденный сон, а в 18 часов Гитлер вновь созывал свой узкий штаб для обсуждения военного положения. Ужин продолжался тоже два часа – с 20 до 22 часов, затем Гитлер собирал для беседы своих приближенных, причем эти беседы опять-таки состояли из сплошных монологов фюрера и заканчивались часа в четыре утра.

Полная оторванность Гитлера от внешнего мира и его образ жизни раздражали даже высших нацистских сановников. Так, например, Геббельс записал в своем дневнике: «Просто трагично, что фюрер так отгораживается от действительности и ведет такой нездоровый образ жизни. Он не бывает больше на свежем воздухе, сидит в своем бункере, размышляет и принимает решения».

В конце 1942 года произошли заметные изменения во внешнем облике нацистского фюрера, а также в его физическом и психическом состоянии. Геринг, который увидел Гитлера после довольно длительного перерыва, сказал как-то: «С начала войны фюрер

постарел по крайней мере лет на 15».

Днем 12 декабря 1942 года, в разгар Сталинградской битвы, Гитлер пожаловался своим приближенным: «Сегодня ночью я не спал ни секунды. Это от чувства неуверенности...» Как бы ни храбрился фашистский диктатор, его все чаще и чаще охватывали тяжелые предчувствия, а в душу заползал холодный страх. Мрачные мысли фюрер пытался заглушить многочасовыми тирадами о предстоящей победе, пророчествами о грядущей «всемирной империи», в которой будет господствовать «один народ» и «один фюрер», а также все новыми и новыми распоряжениями, приказами, указаниями, предписаниями, инструкциями, директивами.

С конца 1942 года у Гитлера появилась дрожь левой руки и левой ноги, которая все усиливалась. Он старался скрыть свой недуг от окружающих; на людях прижимал ногу к какому-нибудь предмету, а левую руку придерживал правой.

Таков был Гитлер в 1943–1944 гг. Конец эры легких побед и «блистательных» успехов на дипломатическом и военном поприщах, сознание собственного бессилия и краха всех «провидческих» планов не могли не наложить отпечатка и на психику фюрера. Совершенно очевидно, что в эти последние годы своей жизни он стал еще более опасен, если такие градации вообще применимы к тиранам типа Гитлера. Фюрером овладела мысль как можно дороже продать свою жизнь. Путь к могиле он отмечал неслыханными оргиями расправ и убийств, ибо прежде чем сойти со сцены, решил продемонстрировать миру хотя бы «черновой набросок» того «железного порядка», который он хотел установить на земле. Именно в этом состояла навязчивая идея фашистского диктатора.

Крушение «крепости Европа»

Сталинградская катастрофа имела исключительно серьезные последствия для гитлеровской армии и гитлеровского тыла. Она означала окончательный перелом в ходе войны, вызвала кризис в верхах нацистского государства, приведший к событиям 20 июля 1944 года, к покушению на Гитлера, отрезвляюще подействовала на широкие массы населения – усилила их недовольство войной. После Сталинграда значительно активизировалось антифашистское движение среди рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Германии. Поражение фашистских войск на Волге вдохнуло также новую жизнь в движение Сопротивления на оккупированных территориях Западной Европы. Нацистская империя вступила в полосу кризиса, она начала неуклонно приближаться к гибели.

В книге «Правда о Гитлере» Курт Бахман пишет; «Разъяснительная работа среди солдат пошла на подъем особенно после битвы под Сталинградом и создания Национального комитета «Свободная Германия», равно как усилились акции солидарности в отношении военнопленных. Было проведено много мероприятий, которые содействовали более скорому окончанию войны и кровопролития.

Коммунисты оказывали сопротивление всюду, где они были. Конечно, и в концентрационных лагерях, под надзором СС и гестапо».

Однако именно в этот период Гитлер с небывалой энергией сколачивал свою рабовладельческую империю в Европе, железом и кровью насаждал так называемый «новый порядок», контуры которого наметил еще в «Майн кампф». Создалось воистину парадоксальное положение: фашистский рейх уже начал трещать по всем швам, союзники Гитлера только и мечтали о том, чтобы покинуть тонущий корабль (первой «крысой» была Италия, где 25 июля 1943 года был свергнут Муссолини и новое правительство под руководством маршала Бадольо начало переговоры о сепаратном мире), в оккупированных странах развернулась всенародная партизанская война против немецких захватчиков, и в то же самое время Гитлер и гитлеровцы со скрупулезной точностью выполняли свою чудовищную программу, вели себя так, словно в мире ничего не изменилось и власть фашистов в Европе не поколебалась. Заведенная нацистским диктатором машина крутилась

вне всякой связи с меняющейся военной и политической обстановкой и продолжала крутиться вплоть до самой смерти Гитлера. Казалось, жизнь и деятельность нацистской верхушки уже не зависела от событий окружающего мира, приобрела призрачную самостоятельность, неподвластную человеческой логике и историческим законам...

Нам уже известна программа «переустройства» Европы, которую Гитлер так усердно воплощал в жизнь на последнем этапе войны.

В наиболее откровенном виде эту программу нацистский фюрер сформулировал на совещании гаулейтеров в его ставке 8 мая 1943 года. Присутствовавший на этом совещании Геббельс подробно изложил речь Гитлера в своем дневнике. Фюрер, согласно Геббельсу, заявил, что в Европе он прежде всего намерен покончить с наличием многих мелких государств, «Целью нашей борьбы, – сказал Гитлер далее, – по-прежнему является образование единой Европы. Но Европа может быть четко организована только немцами. Другой руководящей силы практически нет». Далее Геббельс записывает: «Фюрер выражает твердую уверенность в том, что настанет время, когда рейх будет господствовать над всей Европой. Мы должны будем выдержать еще очень много боев, но они несомненно приведут к блестящим успехам. С этого времени перед нами фактически откроется путь к мировому господству. Кто овладеет Европой, тот несомненно завоюет и главенствующую роль в мире». Это было сказано уже после решающего сталинградского поражения, когда фашистская армия неудержимо покатила назад, и после тех чувствительных ударов, которые Гитлер получил на Западе. В Северной Африке под Эль-Аламейном в октябре 1942 года были разбиты войска Роммеля; английские и американские армии высадились на африканском побережье Средиземного моря, в Марокко и Алжире. Так называемая фашистская «крепость Европа» оказалась обложенной со всех сторон. И все же главари гитлеровского рейха продолжали слепо верить своему атаману, уверявшему их, что они вот-вот завоюют мир. «Гаулейтеры, – пишет Геббельс, – в полном восторге от обращения фюрера».

Наиболее интенсивно нацисты осуществляли свой план порабощения «восточного пространства?! т. е. временно захваченных территорий Советского Союза. Бесчинства гитлеровцев на советской земле не знали пределов. Ужесточилась политика Гитлера и по отношению к народам Западной Европы, которую также предполагалось превратить в «жизненное пространство» немецких милитаристов.

Естественно, нацистская верхушка понимала, что для «онемечивания» всей Европы, а далее всего мира необходимо сколотить широко разветвленный аппарат террора. И именно эту часть своей программы гитлеровцы выполнили – аппарат террора они сумели построить. Всю Европу Гитлер покрыл сетью концентрационных лагерей. Еще до 1939 года нацисты создали шесть крупных концлагерей в самой Германии: Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Флоссенбург, Нейенгамме, Равенсбрюк; в годы войны их значительно расширили, число заключенных в них увеличилось в 2–4 раза. Но наибольшее значение получили «лагеря смерти», расположенные на территории оккупированных стран. До 1942 года было создано девять таких лагерей: Маутхаузен, Освенцим, Гузен, Натцвейлер, Гросс-Розен, Майданек (возле Люблина), Нидерхаген, Штуттхоф, Арбайтсдорф. В 1942 году началось сооружение трех гигантских лагерей на территории Советского Союза: в Риге, Киеве и Бобруйске. Кроме того, существовали еще «особые лагеря», лагеря для малолетних и т. д.

В одной из «застольных бесед» Гитлер изрек: «Того, кто выступает против моего порядка, я безжалостно уничтожу. Порядок, который я создаю, вовсе не должен быть понятен широкой массе. Но кто выступит против этого гранитного порядка, расшибет себе лоб. Любая попытка сломить наше государство будет утоплена в крови».

По существу, все наказания в нацистском рейхе были пожизненными; Гитлер считал, что человек, который хоть раз «провинился» против нацистского строя, навсегда останется «врагом». «После 10 лет тюрьмы, – говорил он, – человек все равно потерян для народной общности. Кто захочет дать ему работу? Такого человека лучше всего либо заключить в концлагерь, либо убить. На данном этапе лучше всего убить его, чтобы запугать других».

Так откровенно Гитлер высказывался лишь в узком кругу посвященных. Но его высказывания очень быстро становились известными функционерам НСДАП. И не только известными. Устные замечания фюрера были для фашистского аппарата негласным законом, куда более обязательным, чем все писанные декларации и законы. Так, например, высказывание Гитлера о том, что людей, отсидевших в тюрьме, лучше убивать, Гиммлер сразу же принял «к исполнению»; свои жертвы он не выпускал из рук. Человеку, попавшему в гестаповскую тюрьму (пусть даже по ошибке!), уже не было пути назад. Для Гиммлера он оставался «врагом нации», потенциальной угрозой. Известно, например, о некоем Неймюллере, который был арестован по ошибке, потому что его спутали с однофамильцем, замешанным в событиях 30 июня 1934 года. На суде выяснилось, что произошло недоразумение. Однако подсудимого не выпустили на свободу, его вновь отправили в тюрьму, где он просидел до начала войны. А после начала войны гитлеровцы устроили большую «чистку» тюрем, и тогда несчастного Неймюллера убили.

В последние годы войны в фашистском рейхе происходили невиданные массовые убийства людей, или, как выражались сами гитлеровцы, «ликвидация» негодных элементов. Вот статистика смертных приговоров, вынесенных в годы войны нацистскими судами. (Все цифры взяты из отчета министра юстиции Германии Тирака, опубликованного в секретном нацистском бюллетене «Ди Лаге» 23 августа 1944 года).

1940 год – 926 смертных приговоров, 1941 год – 1292, 1942 год – 3660, 1943 год – 5336. Притом в отчете Тирака учтена лишь незначительная часть жертв фашистского террора, в этот отчет не входили лица, уничтоженные в застенках гестапо и «ликвидированные» в лагерях, а также люди, казненные по приговорам военных трибуналов.

Из того же секретного бюллетеня «Ди Лаге», но уже от 5 октября 1944 года стало известно число арестованных в тылу немцев в первые месяцы 1944 года. В январе было «изъято» 42 580 человек, в феврале – 45 044, в марте – 46 302. В последующие три месяца, когда была проведена специальная «акция Тирака», прокатилась новая волна арестов – в тюрьмы попали 170 670 человек. За первое полугодие 1944 года было таким образом арестовано 304 596 человек. А за весь 1944 год, по оценке одного из историков немецкого движения Сопротивления писателя Гюнтера Вейзенборна, было брошено в тюрьмы более полумиллиона человек. Цифры эти характеризуют разгул фашистского террора внутри самого гитлеровского рейха. Только учитывая их, можно понять, на чем держалась диктатура Гитлера в тот период, когда нацистская империя все более быстрыми шагами двигалась к катастрофе.

Однако как ни свирепствовали нацисты в самой Германии, террор никогда не достигал там такого размаха, как на оккупированных территориях. По прямому указанию Гитлера воинство Гиммлера перешло в Европе к физическому уничтожению целых народов и этнических групп.

Это касалось прежде всего востока Европы – Советского Союза. На его территории, как мы уже указывали выше, действовали четыре эсэсовских отряда «особого назначения», которые занимались массовым истреблением людей.

«Фабрики смерти», созданные Гитлером, работали бесперебойно. Нескончаемым потоком в газовые камеры гнали людей, обреченных на уничтожение. Комендант Освенцимского концлагеря Рудольф Гёсс показал на процессе в Нюрнберге: «Я служил комендантом Освенцима до 1 декабря 1943 года и полагаю, что там было уничтожено не менее двух с половиной миллионов человек путем удушения газами и сожжения; полмиллиона, а то и больше умерли от голода или болезней. Таким образом, общее число уничтоженных составляло примерно 3 Миллиона человек». Но цифры Гёсса явно занижены. Теперь известно, что в Освенциме погибло около 4 миллионов человек.

В газовые камеры – эту дьявольскую выдумку гитлеровских палачей – посылали русских и украинцев, поляков и белорусов, чехов и югославов, словом, сотни тысяч представителей славянских народов, которых Гитлер объявил «низшей расой». Полному истреблению, согласно фашистской доктрине, подлежали евреи.

Так Гитлер создавал свою «коричневую империю», которая, согласно его замыслам, должна была раскинуться на гигантском пространстве.

Но монолитная и организованная «крепость Европа» так и осталась порождением больной фантазии Гитлера. В действительности на последнем этапе войны Европа походила на бурлящий котел; на Востоке шли непрерывные сражения, германские войска, неся огромные потери, откатывались назад под натиском героической Красной Армии, которая неудержимо приближалась к границам рейха. На юге Европы союзные войска высадились в июле 1943 года на о. Сицилия, а в начале сентября, после выхода из войны Италии, вторглись на Апеннинский полуостров, откуда начали продвигаться на север к границам Германии (правительство Бадольо объявило войну Германии). Над Германией днем и ночью стоял гул самолетов – союзники ожесточенно бомбили немецкие города. Сотни тысяч жителей рейха потеряли кров, число жертв воздушных налетов росло с каждым днем. Словом, немецкий тыл фактически также превратился в зону боевых действий. Наконец, в оккупированных странах все сильнее разгоралось пламя освободительной войны: льготные времена для немецких оккупантов давно миновали, теперь смерть подстерегала их на каждой улице. Партизаны пускали под откос немецкие эшелоны, взрывали склады и штабы, убивали карателей.

По мере приближения советских войск к германским границам, по мере того как гитлеровские армии теряли живую силу и боеспособность, все более реальной становилась угроза войны на два фронта. Наконец в июне 1944 года второй фронт был открыт в Нормандии, на севере Франции. Война на два фронта стала фактом.

Так выглядела в действительности «крепость Европа» в 1944 году. Однако главные события, которые положили конец господству Гитлера, разыгрались на советско-германском фронте. Именно здесь совершалось историческое возмездие.

С января 1944 года начался новый, завершающий период войны. Экономическое и военное положение Германии значительно ухудшилось. В этом году Советская Армия в ходе стремительного наступления полностью освободила оккупированные немецко-фашистскими войсками советские земли и перенесла войну на немецкую территорию. Из войны были выведены все союзники Германии.

В период с декабря 1943 года по апрель 1944 года была освобождена Правобережная Украина, с января по март 1944 года последовал разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом, а в апреле– мае того же года завершилась полной победой советских войск Крымская операция. Летом 1944 года потерпела поражение финская армия и 19 сентября Финляндия вышла из войны.

В том же году выходом советских войск на Вислу закончилась Белорусская операция. Полностью была освобождена Белоруссия, а также восточная часть Польши. В июле – октябре немецко-фашистские войска потерпели сокрушительное поражение в Прибалтике, а в августе – сентябре была успешно завершена Яско-Кишиневская операция, в итоге которой бывшая союзница фашистской Германии – Румыния вступила в войну с Германией. В результате последующих боевых действий на Балканах была освобождена Болгария, которая также вступила в войну против Германии.

Общим итогом дальнейших операций, проведенных в конце 1944 года, было освобождение части Венгрии, а также Северной Норвегии и Восточной Югославии.

С января по апрель 1945 года продолжались операции по освобождению Польши и большей части Чехословакии; были заняты Восточная Пруссия, Померания и Силезия, освобожден Будапешт, взята Вена. И наконец, с 16 апреля по 8 мая была проведена Берлинская операция, о которой и пойдет речь далее.

ГЛАВА IX ФИНАЛ

Агония в подземелье

Агония фашистской империи продолжалась почти целый год. А между тем с того времени, как Советская Армия окончательно изгнала гитлеровских оккупантов с территории СССР и перенесла войну в Германию, а союзники высадились во Франции и начали продвигаться к германским границам, – с этого времени продолжение войны для Германии было совершенно бессмысленно.

Тем не менее фашистские заправилы решили драться до последнего немецкого солдата, ибо военное поражение означало гибель гитлеровского режима, конец царствования нацистской верхушки, которая в 1933 году захватила власть в Германии. До тех пор, пока Германия еще сражалась, гитлеровская машина власти функционировала, тотальная диктатура существовала. У Гитлера и его сатрапов была только одна цель – продлить существование нацистского строя. И вот, несмотря на бесцельность сопротивления, нацистская верхушка заставляла целый народ или громадное большинство его слепо следовать за ней, сражаться до конца и приносить бесчисленные жертвы за безнадежное дело.

Разумеется, все это не могли не понимать и те круги немецкого общества, которые в свое время привели к власти Гитлера и поддержали его в предвоенные и военные годы. Теперь, когда Гитлер оказался банкротом, они разочаровались в нем. Уже после битвы на Волге в правящем лагере нацистской Германии возникло сильное недовольство фюрером, которое привело к покушению на него 20 июля 1944 года, т. е. уже тогда, когда судьба Германии была предрешена.

В заговоре 20 июля 1944 года принимали участие очень разные люди с очень разными программами и побуждениями. Грубо говоря, существовало два крыла заговорщиков: реакционное под руководством бывшего бургомистра Лейпцига Герделера и патриотическое, которое возглавлял полковник Штауффенберг. В то время как большинство заговорщиков, примыкавших к Герделеру, заботились лишь о спасении германского империализма, искали пути для сепаратного сговора с западными державами и были настроены антисоветски, группа Штауффенберга стремилась к антифашистскому перевороту и к заключению мира как на Западе, так и на Востоке. Именно группа Штауффенберга настояла на том, чтобы заговорщики установили связь с коммунистами. Состоялась встреча между социал-демократами, участвовавшими в заговоре, и руководителями подпольного коммунистического движения в Германии. Однако эти контакты не могли быть продолжены, так как гестапо, напав на след заговора, арестовало участников встречи.

День 20 июля 1944 года Гитлер начал как обычно: он прогуливал свою овчарку Блонди по территории «особой зоны № 1» «Волчьего логова». По пятам за фюрером шествовали два вооруженных охранника – даже внутри огороженной зоны Гитлера тщательно охраняли. Фюрер встал поздно и был в дурном расположении духа. В этот день в ставке ожидали Муссолини; после переворота в Италии дуче был арестован и заключен в крепость в Абрुццах, но оттуда его освободила эсэсовская команда, предводительствуемая полковником Скорцени. Ничего утешительного своему другу и сообщнику Гитлер сказать не мог и вообще мысль о свергнутом диктаторе действовала на него удручающе. Но отказаться от визита Муссолини было нельзя. И Гитлер приказал начать совещание, на котором обсуждалось положение на фронтах, на полчаса раньше, чем всегда. На совещании среди других докладов предполагалось заслушать сообщение полковника Штауффенберга о резервах. Штауффенберг был начальником штаба резервной армии. Его доклад перенесли соответственно с 13 часов на 12.30. Кроме того, буквально в последнюю секунду Гитлер распорядился, чтобы совещание собрали не в обычном месте, т. е. не в бункере, а в барাকে, где были развешаны карты. Оба эти приказа о перемене времени и места совещания, как оказалось впоследствии, имели важное значение для неблагоприятного исхода акции, задуманной заговорщиками.

Когда Штауффенберг, который должен был подложить бомбу в бункер, где обычно

проходили совещания, прибыл в Растенбург, он узнал от Кейтеля об изменениях, внесенных фюрером в распорядок дня. Но отступать было уже поздно еще и потому, что попытки убрать Гитлера, предпринимавшиеся до этого, каждый раз срывались в последний момент. Штауффенберг решил довести свой план до конца. Однако у него и его помощников оказалось очень мало времени на приготовления. Помогать Штауффенбергу должны были его адъютант фон Хефтен, с которым он приехал, а также генералы Штиф и Фельгибель, работавшие в ставке. Их задача состояла в том, чтобы немедленно передать в берлинский центр сообщение о гибели Гитлера, а затем вывести из строя систему связи ставки и изолировать ее от внешнего мира. Особые надежды заговорщики возлагали при этом на Фельгибеля, который занимал должность начальника связи ставки.

Самое важное заключалось в том, что из-за перемены места совещания удача покушения всецело зависела от того, насколько близко от Гитлера разорвется бомба.

Штауффенберг должен был направиться на совещание из кабинета Кейтеля. Но ему требовалось время, чтобы привести в действие механизм бомбы. Поэтому он под предлогом того, что забыл у Кейтеля свою фуражку, вернулся в штабное помещение и незаметно произвел необходимую операцию с бомбой. Теперь каждая минута была дорога – до взрыва осталось 10 минут.

Проходя мимо дежурного телефониста в бараке, Штауффенберг в присутствии Кейтеля крикнул ему, что ждет срочного звонка из Берлина. Затем он вошел в комнату заседания. В этот момент заканчивал свой доклад о положении на фронтах начальник оперативного отдела генерального штаба Хойзингер. После него слово должны были предоставить Штауффенбергу. Однако Кейтель, прервав Хойзингера, когда тот коснулся вопроса о резервах, предложил сразу же заслушать Штауффенберга. Если бы предложение Кейтеля было принято, у Штауффенберга не было бы повода уйти с совещания до взрыва бомбы. Однако Гитлер велел Хойзингеру продолжить доклад. Штауффенберг поставил портфель с бомбой под стол напротив Гитлера. Шепнув своему соседу Брандту (заместителю Хойзингера), что он должен срочно переговорить с Берлином, Штауффенберг вышел из барака, оставив портфель под столом. Но тут Брандт, нагнувшись над одной из карт, задел ногой портфель и отодвинул его в сторону. Именно это, очевидно, и спасло жизнь Гитлеру.

Штауффенберг поспешил к служебному помещению Кейтеля, перед которым его ожидал в машине Хефтен. Сел в машину и стал ждать. Ровно в 12 часов 42 минуты бомба взорвалась. В бараке находились в это время 24 человека. Один из них – стенограф Гитлера – был убит на месте; трое умерли от ран (Брандт, начальник штаба военно-воздушных сил Кортен, начальник отдела кадров ОКБ Шмундт); двое были тяжело ранены (представитель Геринга в ставке Гитлера Боденшатц и адъютант Гитлера Боргман). Еще несколько человек получили легкие ранения. Сам Гитлер отделался ожогами и сравнительно легкими увечьями: была парализована его правая рука и на время он потерял слух.

Штауффенберг и его адъютант слышали оглушительный грохот, увидели пламя взрыва, в ставке завывали сирены тревоги и поднялась невообразимая паника. И Штауффенберг и Хефтен двинулись в путь, абсолютно убежденные в том, что Гитлер погиб. С трудом они миновали контрольные посты, обманывая дежурных офицеров, и в конце концов прибыли на аэродром, где Штауффенберга ждал тот самый самолет, который привез его в ставку три часа назад. В 13 часов 15 минут самолет поднялся в воздух и взял курс на Берлин.

Паника в ставке охватила, однако, не только фашистских руководителей, но и офицеров, на которых были возложены ответственные задания по заговору, – Фельгибеля и Штифа. Когда они увидели, что Гитлер жив, то настолько растерялись, что не стали связываться по телефону со штабом резервной армии, как это было условлено заранее. Тем более они не осмелились вывести из строя систему связи ставки.

В это время к «Волчьему логову» уже мчался Гиммлер, штаб-квартира которого была расположена в 25 километрах от Растенбурга. Он сразу же связался с Берлином, с «имперским ведомством безопасности» и временно наложил вето на сообщения о

покушении. Сотрудники Гиммлера довольно быстро установили, что покушение было совершено Штауффенбергом, и в Берлин полетели приказы арестовать его.

В ставку потянулись и другие подручные Гитлера: Геринг, Риббентроп, Дениц. Один Геббельс остался в Берлине – на него была возложена задача разобраться в обстановке в столице и в случае необходимости принять меры к подавлению мятежа.

Когда Муссолини с некоторым опозданием прибыл в ставку, ему продемонстрировали совершенно разрушенный барак. Сохранилась фотография, на которой дуче с явным испугом смотрит на хаотическое нагромождение балок, разбитого стекла и т. д. Затем состоялся официальный прием, во время которого нацистские главари дружно восхваляли «провидение», спасшее Гитлера. Первый шок к тому времени уже миновал, паника улеглась, и гитлеровский террористический аппарат был пущен на полный ход.

Без особых трудностей гитлеровцам удалось подавить мятеж. Ведь заговорщики не были связаны с широким антифашистским движением. Жертвами нацистского террора стало около 5 тысяч человек, так или иначе замешанных в заговоре.

Гитлер воспринял свое «спасение» как перст судьбы, как чудо, которое, дескать, повлечет за собой перелом в ходе войны. «После моего сегодняшнего спасения от верной смерти, – сказал он Муссолини, – я более, чем когда-либо, убежден в том, что смогу довести до счастливого конца наше общее великое дело». К тому же нервное потрясение на короткое время излечило фюрера – у него перестали дрожать рука и нога. Зимой 1945 года болезнь возобновилась, и Гитлер стал полным калекой. Но пока что окрыленный провалом заговора, взвинченный своим «исцелением», он развил лихорадочную деятельность: жестоко расправлялся с оппозицией, запугивал народ и засыпал фронт приказами, повелевая удерживать позиции любой ценой. Каждый вечер Гитлер смотрел кинохронику – заснятые на пленку допросы, а впоследствии и судебные заседания по делу заговорщиков. пытки и унижения, которым подвергались обвиняемые, вызывали у фюрера радость.

После покушения Гитлер еще четыре месяца прожил в Растенбурге. Только в ноябре 1944 года он навсегда покинул свою главную ставку «Вольфсшанце». Пробыв несколько дней в Берлине, фюрер отправился на запад в резиденцию «Орлиное гнездо» («Адлерсхорст»). Здесь, в отдалении от восточного театра военных действий, он пытался оправиться от тех потрясений, которые испытал в связи с поражениями на советско-германском фронте. В разговоре с одним из своих приближенных Гитлер как-то признал, что необъятные просторы России вызывают у него ужас и что при виде снега ему становится дурно. Именно в это время Гитлер, по-видимому, впервые явственно ощутил, что его ждет бесславный конец.

В середине января 1945 года фюрер вернулся в Берлин, который уже стал фронтовым городом. Имперская канцелярия, построенная Шпеером по вкусу и при участии Гитлера, – огромное помпезное здание из гранита и мрамора – частично лежала в развалинах. Гитлер перебрался в заблаговременно построенное большое бомбоубежище. В этом бомбоубежище он пробыл до самой смерти. Здесь и разыгралось заключительное действие той драмы, которая началась 30 января 1933 года.

Что представлял собой Гитлер в эти последние три с половиной месяца физически и психически?

Сохранилось множество свидетельств людей, допущенных в этот период в ставку Гитлера. Все они в один голос утверждают, что нацистский фюрер превратился в больного старика. Гудериан, который явился на аудиенцию к Гитлеру в конце января 1945 года, писал: «У него теперь уже дрожала не только левая рука, но и вся левая половина туловища... Он с трудом волочил ноги, движения его стали замедленные, Когда он хотел сесть, ему пододвигали стул».

Это описание можно дополнить рассказом командующего обороной Берлина генерала Вейдлинга, встретившегося с Гитлером незадолго до его самоубийства. «Я увидел Гитлера 24 апреля, – показал Вейдлинг, – в день переговоров с советским командованием о капитуляции берлинского гарнизона, до этого меня в последний раз вызывали к нему год

назад. Вид фюрера поразил меня. Он стал развалиной: голова у него бессильно свисала, руки дрожали, он что-то невнятно бормотал».

Таких описаний Гитлера можно привести десятки. На основе их и была создана версия о том, будто Гитлер был шизофреником и будто в последние год – полгода жизни его заболевание настолько обострилось, что он стал совершенно невменяемым. Считается также, что нацистский фюрер страдал болезнью Паркинсона. Таким образом, выходит, что Германией правил сумасшедший паралитик. Однако новейшие исследования физического и психического облика Гитлера показывают, что многие западные биографы нацистского диктатора сильно сгустили краски. Безумие, которым был одержим Гитлер, было безумием политического свойства. А вид Гитлера, который поражал всех, кто сталкивался с ним в последние месяцы его жизни, объяснялся не врожденными и не приобретенными недугами, а страхом, полной растерянностью, перемежаемой вспышками необузданной ненависти, бессилием, подозрительностью, злобой. Болезни Гитлера были болезнями абсолютного властителя, авантюриста и кровавого тирана, который увидел, что его планы провалились, а его могущество вот-вот рухнет.

Английский историк Дэвид Ирвинг, изучивший множество архивных материалов, дал довольно полную и убедительную картину действительных и мнимых болезней Гитлера. Вот что пишет Ирвинг: «Мне удалось разобрать большую часть этих бумаг (архива лечащего Гитлера с 1937 года врача Морелля. – Авт.) и еще протоколы высказываний других врачей о нем. Я нашел врачебные записи, электрокардиограммы, рентгеновские снимки, анализы... пациента «А» или «МФ» («Майн фюрер». – Авт.), как именовали Гитлера его врачи в своих бумагах.

На основе этих документов можно, по-видимому, считать опровергнутыми многие упорные слухи и легенды: Гитлер не был импотентом и не страдал какими-либо сексуальными отклонениями, он не болел также болезнью Паркинсона (дрожательный паралич, мозговая болезнь). А главное, не был ни параноиком, ни шизоидом».

Ирвинг опровергает и установившееся мнение о том, что врачи накачивали Гитлера наркотиками и ядами. Правда, английский историк признает, что благодаря методам лейб-медика Гитлера Морелля фюрер злоупотреблял лекарствами (в течение многих лет он принимал от 120 до 150 таблеток в неделю, не считая многочисленных инъекций), часть которых была далеко не безобидна. Тем не менее Гитлер не стал (может быть, не успел стать) наркоманом. Он был в состоянии «вменяемости», как говорят юристы, и, следовательно, мог полностью отвечать за свои поступки. Подробнейший анализ болезней Гитлера и методов его врачей Морелля, Брандта и Хассельбаха и, наконец, последнего лейб-медика Штумпфеггера (каждый из них имел свою «опору» среди ближайших приближенных фюрера, которые с помощью врачей влияли на него; Брандт и Хассельбах ориентировались на Шпеера, Морелль был человеком Бормана, Штумпфеггер – Гимmlера) привел Ирвинга к следующему выводу: весной 1945 года Гитлер «не был собственно болен, хотя и был совершенно опустошен и превратился в развалину».⁸⁰ И далее: «Что следует из этой истории болезни диктатора? Был ли он сумасшедшим, накачивали ли его наркотиками и ядами? Ничего подобного. Конечно, желудочно-кишечный тракт, дыхательные пути и нервная система Гитлера всегда функционировали не безупречно. Несомненно также, что Морелль искусственно взбадривал своего пациента, мобилизуя все его физические ресурсы с помощью таблеток стрихнина, вливаний глюкозы, витаминов, гормональных препаратов, вдыханиями чистого кислорода, что в конце концов привело к тотальному истощению его организма. Но не более».

В общем и целом, к тем же выводам приходит и западногерманский историк Мазер, хотя на всем протяжении своей книги он пытается вывести многие поступки Гитлера,

⁸⁰ 22 апреля фюрер выгнал Морелля, прорывав бывшему любимцу: «Немедленно покиньте мою комнату, Морелль. Вы хотите оглушить меня, чтобы силой вывезти из Берлина. Этого хотят все они, но я не сдвину с места».

особенно те, которые кажутся нам в свете последующих событий наиболее авантюристическими и безумными, непосредственно из его психического и физического состояния. Однако предоставим опять слово Ирвингу:

«В последние годы жизни (по свидетельству всех очевидцев, это случилось после разгрома немецких армий на Волге. – Авт.) Гитлер был ослаблен, нервен, раздражителен...»

Политика, тактика и практическая деятельность Гитлера перед катастрофой были такими же, какими они были раньше. Фантасмагорические черты, которые они приобрели, объясняются только тем, что изменилась обстановка на фронтах и в мире и зловещий отблеск гибели уже лежал на всем «коричневом рейхе» и на его абсолютных властителях. Авантюристический блицкриг обернулся тяжелейшими военными поражениями для Германии. Легкие победы на Западе – катастрофой в России... Но сам Гитлер остался таким же. Поэтому он хотел теперь, чтобы конец его преступной жизни стал концом Германии. И будь это в его власти, он превратил бы весь мир в развалины.

«Если война будет проиграна, – сказал Гитлер Шпееру, – народ окажется обреченным. И нет никакой нужды сохранять для него базу, чтобы он влачил потом жалкое существование. Напротив, лучше самим разрушить все, самим уничтожить себя». И это были не пустые слова! Нельзя забывать, что к тому времени Гитлер еще обладал огромной властью. И всю эту власть он употребил на то, чтобы претворить в жизнь свою программу уничтожения, или, как он говорил, «самоуничтожения». Согласно этой программе, сотни тысяч немецких солдат должны были вести бессмысленные бои. Преступная гитлеровская стратегия обернулась против самой Германии.

Что же происходило в последние недели существования гитлеровского рейха в его верхушке?

Хорошо известно, что Геринг, Гиммлер и часть генералитета пытались договориться с Англией и США о сепаратном мире. Гораздо менее ясно освещено поведение двух других палладинов фюрера – Геббельса и Бормана. Согласно версии западных историков, они остались верными Гитлеру до конца и решили умереть с ним вместе.

Думается, что в этой версии много неточностей. Интриги среди нацистских главарей были куда более сложными. Геббельс и Борман вовсе не были в этот период столь преданы Гитлеру и думали не о смерти, а о возможности улизнуть от возмездия.

Попробуем все это доказать, хотя скажем сразу, что в наших доказательствах будут некоторые пробелы, потому что главные свидетели – Борман, Геббельс и генерал Кребс – отсутствуют, а все остальные действующие лица были второстепенными персонажами и не могли в силу этого знать планы организаторов спектакля «гибель фюрера». Тем более, что события развивались с калейдоскопической быстротой, бункер Гитлера был фактически отрезан от всей остальной Германии советскими войсками, да и каждый из оставшихся в живых лиц больше всего заботился о том, чтобы спастись самому.

Однако, несмотря на эти оговорки, мы все же попытаемся воссоздать картину того, что происходило в среде главарей нацистского рейха и в ставке Гитлера под имперской канцелярией во вторую половину апреля и в первые два майских дня 1945 года.

16 апреля началась заключительная операция второй мировой войны в Европе – Берлинская операция Советской Армии. Уже тогда, по свидетельству Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, советскому Верховному командованию было известно «о закулисных переговорах гитлеровских агентов с официальными представителями союзников, из которых становилось ясно, что немцы предлагали союзникам прекратить борьбу против них, если они согласятся на сепаратный мир на любых условиях». Части немецкой армии без боя сдавались в плен англичанам и американцам, пытаясь продемонстрировать этим свою «лояльность» и свое желание бороться на стороне англо-американцев против «большевизма». Так что сепаратные переговоры Гиммлера и Геринга не могли быть неожиданностью ни для Гитлера, ни для Бормана и Геббельса, как это изображают сейчас некоторые буржуазные историки.

План сепаратных сделок с Западом, если можно так сказать, был генеральным планом всей нацистской верхушки. И в свете этого генерального плана надо рассматривать, гитлеровский план битвы за Берлин. Пытаясь сковать и обескровить советские войска под Берлином и в самой столице рейха, нацисты хотели создать наиболее благоприятные позиции для сговора с Западом. Битва за Берлин вовсе не была с этой точки зрения бессмысленным и иррациональным предприятием со стороны немецкой верхушки, как это пытаются изобразить сейчас многие западные историки. В Берлин было стянуто огромное количество немецких войск. В общей сложности берлинская группировка насчитывала 1 миллион солдат и офицеров, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 самолетов, 10,4 тысячи орудий и минометов. Кроме того, в самом Берлине формировался гарнизон численностью 200 тысяч солдат и офицеров.

«Для того чтобы обеспечить необходимое пополнение частей Восточного фронта к началу предстоящего решительного наступления русских, – показал на допросе в Нюрнберге Йодль, – нам пришлось расформировать всю резервную армию, то есть все пехотные, танковые, артиллерийские и специальные запасные части, военные училища и военно-учебные заведения, и бросить их личный состав на пополнение войск».

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков дает подробную картину тщательно продуманной немецкой обороны под Берлином: «Прикрывавшая город 9-я армия генерала Буссе усиливалась людским составом и техникой. В ее тылу формировались новые дивизии и бригады. Укомплектованность соединений первой линии доводилась почти до штатной численности. Особое внимание уделялось сосредоточению и использованию в обороне танков и штурмовой артиллерии.

От Одера до Берлина создавалась сплошная система оборонительных сооружений, состоявшая из ряда непрерывных рубежей, по несколько линий окопов. Главная оборонительная полоса имела до пяти сплошных траншей. Противник использовал ряд естественных рубежей: озера, реки, каналы, овраги. Все населенные пункты были приспособлены к круговой обороне.

В районе северо-восточнее Берлина формировалась армейская группа «Штейнер»... Сюда же перебрасывались отборные части морской пехоты.

Кроме того, проводились «специальные мероприятия» по обороне Берлина. Город делился по окружности на восемь секторов обороны. Кроме них, имелся еще особый, девятый сектор, охватывающий центр Берлина, где находились правительственные здания, имперская канцелярия, гестапо и рейхстаг.

На непосредственных подступах к городу создавались три рубежа обороны: внешняя заградительная зона, внешний оборонительный обвод и внутренний оборонительный обвод. На улицах самого города строились тяжелые баррикады, противотанковые заграждения, завалы, бетонированные сооружения. Окна домов укреплялись и превращались в бойницы...

Для усиления артиллерийской обороны подступов к Берлину и самого города привлекались все силы зенитной артиллерии. Свыше шестисот зенитных орудий крупного и среднего калибра были поставлены на противотанковую и противопехотную оборону города. Кроме того, в качестве огневых точек использовались даже танки, находившиеся в ремонте, но имевшие исправное артиллерийское вооружение. Их закапывали на перекрестках улиц, у железнодорожных мостов. Из членов союза фашистской молодежи гитлерюгенда были сформированы танкоистребительные отряды. Их вооружали фаустпатронами.

На оборонные работы в Берлине было привлечено свыше четырехсот тысяч человек. В городе сосредоточились отборные полицейские и эсэсовские части. Для обороны особого сектора были стянуты многие эсэсовские полки и отдельные батальоны, располагавшиеся в ближайших районах».

Во время битвы за Берлин нацистское командование перебрасывало на восток все новые и новые части для борьбы «против большевистского смертельного врага». В приказе прямо говорилось, что не надо обращать внимания на то, какие территории потеряют немцы в результате продвижения англо-американцев. В ночь с 23 на 24 апреля в ставку Гитлера был

вызван некий генерал Крукенберг, которому было передано командование одной из дивизий. Крукенбергу было ясно сказано, что главная задача немецкого командования – это, с одной стороны, продержаться еще хоть несколько дней русских под Берлином, а с другой – открыть ворота к Берлину с Запада и пустить в столицу «западного противника, с армейскими штабами которого уже налажена связь». 28 апреля, т. е. за два дня до самоубийства Гитлера, в приказе верховного командования немецкой армии в весьма напыщенном стиле дано то же самое указание: «В героической борьбе в Берлине весь мир снова видит исторический бой немецкого народа против большевизма. В то время как в единственном в своем роде грандиозном сражении обороняется столица, наши войска на Эльбе показали американцам спину...»

Как сказано выше, о планах сепаратного мира с Западом хорошо знала вся гитлеровская партийная верхушка, включая самого фюрера. Еще 27 января в одной из бесед в ставке Гитлер внезапно спросил: «Неужели вы думаете, что англичане искренне восхищены русскими успехами?»

Геринг сказал: они наверняка рассчитывают, что мы не станем задерживать их на западе, в то время как русские завоюют всю Германию, Если все пойдет так дальше, мы через несколько дней получим телеграмму от них...

Йодль ответил: они всегда смотрели на русских с подозрением.

Верный своей политике блефа, Гитлер выдвинул на этом совещании такой план: «Я приказал подбросить им сообщение. Из него они узнают, что русские выставили армию из 200 тысяч немецких пленных под командованием немецких офицеров, совершенно зараженных коммунизмом, и что эта армия войдет в Германию. Это окажет на них такое действие, словно их проткнул булавкой».

Итак, оборона Берлина во что бы то ни стало. И сговор с Западом...

Но генеральный план немецких политиков и фельдмаршалов, равно как и частные планы Гитлера и его сподвижников, были сорваны поистине грандиозным штурмом Берлина советскими войсками. Эти планы рухнули в те дни, когда советские фронты прорвали линию обороны немцев на Одере и вплотную подошли к столице «коричневого рейха». Тут началась вакханалия интриг среди главарей нацистской империи. Каждый из них стал спасаться на свой лад.

На этом этапе, на наш взгляд, существовали три варианта «окончания войны», выдуманных самыми влиятельными и сильными людьми в Германии: вариант Геринга, вариант Гиммлера и вариант Бормана – Геббельса. Первые два из них довольно хорошо освещены в исторической литературе, а третий, как ни странно, остался в тени.

20 апреля 1945 года Гитлеру исполнилось 56 лет. В этот день в подземелье имперской канцелярии в последний раз собрались все «великие» фашистского рейха: Гиммлер, Геринг, Риббентроп, Геббельс, Борман, Дениц, Кейтель, Йодль. Как о чем-то само собой разумеющемся шла речь об отъезде Гитлера из Берлина в Берхтесгаден, откуда он намеревался руководить дальнейшими операциями. Уже за десять дней до этого и за шесть дней до решающего наступления советских войск фюрер отослал большую часть своего обслуживающего персонала в Берхтесгаден. В горы отправились и министры со своими канцеляриями. Все остальные штатские и военные деятели лихорадочно готовились к эвакуации. В ночь с 20 на 21 апреля из осажденной столицы убежали Риббентроп и Гиммлер. Из замка Геринга «Каринхаль» потянулись грузовики с ценностями, награбленными рейхсмаршалом в Европе. Геринг также выехал из Берлина. 21-го эвакуировались штабы гитлеровского командования. В тот же день в бункер позвонили Гиммлер, Риббентроп и Дениц – все они предлагали Гитлеру как можно скорей покинуть Берлин.

Из этого мы видим, что ближайшее окружение фюрера (исключая Геббельса и Бормана, о которых речь будет идти ниже) еще действовало в рамках первоначального плана нацистской верхушки обороняться в Берлине до последнего немецкого солдата, а самим во главе с фюрером продолжать сепаратные переговоры с западными союзниками. Однако Гитлер медлил с бегством из Берлина. Так прошло еще три дня, и Геринг решил действовать

самостоятельно.

Вариант Геринга. У рейхсмаршала авиации были некоторые формальные основания предпринять попытку сговора с Западом без Гитлера: в июне 1941 года специальным указом фюрер назначил Геринга, в случае своей смерти, преемником, а в случае непредвиденных обстоятельств – своим полномочным представителем. Кроме того, 22 апреля в приступе отчаяния Гитлер сказал, что он остается в Берлине и что, если дело дойдет до мирных переговоров, «Геринг более подходящая фигура, чем я. Он гораздо лучше умеет обходиться с противной стороной». Генерал Коллер, представитель Геринга в ставке Гитлера, незамедлительно вылетел из Берлина в Берхтесгаден, чтобы сообщить об этой фразе Герингу; 23-го днем Коллер прибыл в ставку Геринга и посоветовал ему начать переговоры, пока не поздно. Геринг, хотя и с некоторыми опасениями (он сказал, что боится отдать себя в руки «своему злейшему врагу Борману»), решил последовать рекомендации Коллера. Перед этим он еще вызвал из Берхтесгадена Ламмерса – начальника канцелярии, и взял у него, так сказать, юридическую консультацию – вынул из сейфа Указ Гитлера и спросил; можно ли считать, что «непредвиденные обстоятельства» наступили? Ламмерс счел, что Геринг вправе поступать как наместник фюрера. После этого Геринг дал весьма верноподданническую телеграмму Гитлеру, в которой говорилось:

«Мой фюрер!

Согласны ли Вы, чтобы я, учитывая Ваше решение, остаться на командном пункте в крепости Берлин, согласно Вашему указу от 29.VI. 1941, немедленно взял бы на себя в качестве Вашего наместника руководство с полной свободой действий как внутри, так и вовне? Если до 20.00 от Вас не последует ответа, то я буду считать, что свобода действий у Вас отнята. Тогда, учитывая Ваш указ, я сочту себя вправе действовать на благо народа и отечества. Мое отношение к Вам в этот тяжелейший час моей жизни Вы знаете, словами его не выразишь. Господь да сохранит Вас и да даст Вам возможность, несмотря ни на что, как можно скорей прибыть сюда. Ваш верный Герман Геринг».

Послание это было составлено довольно ловко. Оно давало возможность Гитлеру самоустраниться от унижительных переговоров с Западом, но не посягало на его власть в дальнейшем. Более того, оно указывало Гитлеру путь к бегству. В то же время оно давало Герингу свободу рук для любых сделок.⁸¹ И как утверждают все очевидцы, фюрер на первых порах правильно понял намерения своего рейхсмаршала. Даже после того, как Борман представил телеграмму Геринга как наглый «ультиматум», как «предательскую попытку захватить власть в свои руки», Гитлер, побушевав немного, сказал: «Но переговоры о капитуляции пусть он все же ведет...»

Однако, как мы увидим дальше, вариант Геринга отнюдь не устраивал Бормана и Геббельса. Не для того они остались сторожить Гитлера в осажденном Берлине, чтобы Геринг за их счет и за их спиной договаривался с англо-американцами. Поэтому и Борман и Геббельс начали принимать свои меры. Прежде всего Борман потребовал от Гитлера, чтобы тот объявил Геринга предателем, заслуживающим казни. В этом духе Гитлер послал свой ответ Герингу, но в конце телеграммы добавил, что, «учитывая его (Геринга. – Авт.) многолетние заслуги перед НСДАП и государством, он дарует ему жизнь, хотя и лишает всех постов». Борману и Геббельсу этого было мало. Им надо было парализовать активность Геринга любой ценой. И вот Борман, открыто ослушавшись фюрера, передал эсэсовскому штабу в Берхтесгадене приказ арестовать Геринга, его штаб и Ламмерса за «государственную измену». Этот приказ был приведен в исполнение. Вторым человеком в фашистском государстве, Геринг, был взят под стражу эсэсовцами. Так провалился вариант Геринга.

⁸¹ По свидетельству людей из окружения Геринга, послав телеграмму, рейхсмаршал воспрянул духом, нацепил на себя все ордена (он снял их после скандала с Гитлером, который обвинил его в том, что он не обеспечил безопасность рейха от воздушных налетов) и решил на следующий же день лететь к Эйзенхауэру, чтобы «как мужчина мужчине» предложить капитуляцию на Западном фронте.

Вариант Гиммлера. Рейхсфюрер СС оказался более хитрым, чем Геринг. Он решил действовать без всякого согласования с Гитлером. Но положение у него было еще более щекотливое, чем у Геринга. Поговорить «как мужчина с мужчиной» с Эйзенхауэром он не мог – ведь Гиммлер был непосредственным организатором всех кровавых расправ в «третьем рейхе», главным нацистским палачом. Гиммлер начал переговоры с второстепенными лицами. Единственным козырем его в этих переговорах было то, что он действовал вопреки Гитлеру.

К сделке с Западом Гиммлер стал втайне готовиться уже с начала 1945 года, взяв себе в помощники эсэсовского главаря Шелленберга, В феврале Шелленберг организовал в Берлине встречу Гиммлера с графом Бернадоттом – представителем шведского Красного Креста. Во второй раз Бернадотт приехал в Берлин в начале апреля. Но и тогда Гиммлер еще не счел возможным выложить свои карты на стол. В ночь с 23 на 24 апреля Гиммлер решил, что время настало. Гитлер был ему уже не страшен, Он потерял реальную власть: Берлин был окружен почти со всех сторон, и фюрер мог Действовать только по телефону, а у самого Гиммлера еще сохранилась власть – эсэсовские части были с ним.

В разговоре с Бернадоттом Гиммлер был цинично откровенен. Гитлер, сказал он, наверное, уже мертв, а если нет, то умрет в ближайшие дни. Поэтому он, Гиммлер, будет вести переговоры от имени империи.

Сохранились подробные воспоминания Бернадотта о встрече с Гиммлером. И, что самое главное, – запись их беседы. Вот самая важная часть этой записи.

Гиммлер: «В том положении, какое сейчас создалось, у меня развязаны руки. Чтобы спасти возможно большие части Германии от русского вторжения, я готов капитулировать на Западном фронте, с тем чтобы войска западных держав как можно скорей продвинулись на восток. Однако я не хочу капитулировать на Востоке. Я всегда являлся заклятым врагом большевизма и всегда останусь таковым».⁸²

Уже тот факт, что Бернадотт согласился не только вести переговоры с главой гестапо, но и передать его «запрос» о мире западным правительствам, характерен. Более того, заявив, что он мало верит в успех дела Гиммлера, Бернадотт поставил ему все же вполне конкретные условия. Так, он попросил у Гиммлера заверения, что «Дания и Норвегия также войдут в акт о капитуляции (перед Западом), подписанный Гиммлером». «Гиммлер, – пишет Бернадотт, – ответил не размышляя, что он на это согласен».

После отъезда Бернадотта Гиммлер почувствовал себя окрыленным. Он уже начал прикидывать примерный состав нового правительства и заявил Шелленбергу, что вместо НСДАП создаст партию «национального единства».

Но и план Гиммлера провалился. 27 апреля Бернадотт снова прилетел в Германию с известием, что западные державы отклонили предложение Гиммлера. О сговоре на Западе не могло быть и речи, ведь Красная Армия фактически разгромила военную машину нацистов. Сделать что-либо за ее спиной было невозможно. Да и народы всего мира, приветствовавшие своих спасителей и освободителей – советских воинов, расценили бы сепаратный мир как акт величайшего предательства.

Сам того не зная, Гиммлер сыграл на руку своим соперникам Геббельсу и Борману. 28 апреля телеграфное агентство Рейтер передало предложение Гиммлера и ответ западных держав. С этим сообщением Геббельс пришел к Гитлеру. Фюрер впал в дикое бешенство и вместе с тем в отчаяние. И это дало лишний козырь Геббельсу и Борману в их игре.

Вариант Геббельса – Бормана. Как уже было сказано, считается, что Геббельс и Борман без всякого умысла, а только из чистого «идеализма» решили разделить участь фюрера до конца. Однако в этой гипотезе (которая почему-то выдается на Западе за абсолютную истину) очень много уязвимых мест. Во-первых, Борман не покончил с собой, а

⁸² По некоторым источникам, Гиммлер тут же при свечах (электричество в Любеке потухло в результате воздушного налета) написал письмо Эйзенхауэру с тем же предложением.

пытался бежать из Берлина, стало быть, не собирался разделить участь Гитлера. И непонятно, почему ему понадобилось оставаться столь долго с Гитлером, ведь буквально с каждым днем шансы на благополучный выезд из столицы становились все более мизерными. Во-вторых, Геббельс покончил с собой не вместе с Гитлером, а только после того, как его посланец – генерал Кребс, возвратился и сообщил, что советское командование никаких переговоров ни с ним, ни с Борманом, ни вообще с кем-либо из гитлеровцев в одностороннем порядке вести не будет. В-третьих, все происходившее в бункере Гитлера в последние десять дней апреля кажется совершенно бессмысленным и диким, если не принять версию, что и у Бормана и у Геббельса был совершенно конкретный план действий. И наконец, свои замыслы Борман и Геббельс раскрыли, но только не до, а после смерти Гитлера.

Исходя из этого, можно предположить, что план Геббельса – Бормана был основан на том, что Гитлер умрет и оставит завещание, в котором предложит именно этим лицам вести переговоры. Для осуществления этого плана необходимо было: задержать Гитлера в имперской канцелярии в полной изоляции до тех пор, пока его бегство из Берлина станет невыполнимым; заставить Гитлера написать завещание; по возможности, заставить Гитлера покончить с собой.

Проследим с этой точки зрения по дням, что происходило в подземелье имперской канцелярии...

В апреле всем без исключения приближенным Гитлера стало ясно, что столицу удержать сколько-нибудь значительное время невозможно. Натиск советских войск, их мощь и боевой дух были столь очевидны, что никаких иллюзий на этот счет гитлеровцы питать не могли. Поэтому и Гиммлер, и Риббентроп, и Геринг, и весь немецкий генштаб настаивали на немедленном отъезде фюрера из Берлина. Только Геббельс и Борман не предприняли ни одной попытки употребить свое влияние в этом направлении. Наоборот, они все время подбадривали Гитлера, уверяя, что в ближайшие дни положение изменится. Первую скрипку в этом играл Геббельс.

21 апреля. В разговоре по телефону Гитлер кричал: «Вы еще увидите: перед воротами Берлина русские потерпят крупнейшее поражение, самое тяжелое поражение во всей своей истории??») И 20 и 21 апреля он надеялся, что группировке обгргруппенфюрера СС Штейнера и 9-й армии Буссе удастся ударить по советским войскам и задержать их. В этот день в бункер перебралась Магда Геббельс, ярая нацистка, которая безусловно имела некоторое влияние на Гитлера. Геббельс также поселился бок о бок с Гитлером, а Борман уже давно жил в бункере.

22 апреля стало ясно, что армии Штейнера и Буссе разгромлены. По свидетельству людей, присутствовавших в имперской канцелярии, Гитлер сперва пришел в ярость, потом разразился рыданиями. После этого он начал отдавать распоряжения о подготовке к скорейшей капитуляции на Западе.

Но Геббельсу и Борману удалось переубедить его, они обещали мобилизовать все силы и бросить их против советских войск. В изданном в этот день в ставке Гитлера приказе говорилось: «Главнейшая задача верховного командования с помощью наступления всеми силами и средствами с максимальной скоростью вновь установить связь с Берлином с северо-запада, юго-запада и юга и тем самым победоносно решить битву за Берлин». В тот же день Гитлер впервые сказал, что он покончит жизнь самоубийством. Этой фразы и Борман и Геббельс могли ожидать. Гитлер грозил покончить с собой и в 1923 году, и в 1933, и в 1944, для него это был обычный шантаж. Но на этот раз Борман и Геббельс поймали его на слове. Они начали муссировать план самоубийства. А Геббельс в разговорах с фюрером исподволь стал готовить его к «героической кончине».

23 апреля. В разговоре со Шпеером, который прибыл на короткое время в бункер, Гитлер еще рассуждал о возможном положительном для Германии исходе войны. Пришла телеграмма от Геринга. Мы уже писали, какую панику она вызвала у Геббельса и Бормана. Писали, что Борман, нарушив волю фюрера, приказал арестовать Геринга.

24 апреля. Гитлер вызвал из Мюнхена к себе в ставку генерал-полковника Риттера фон Грейма – командующего 6-м воздушным флотом. Этот вызов кажется непонятным историкам. Как выяснилось, фюрер всего-навсего хотел сообщить Грейму, что он назначает его на пост главнокомандующего воздушным флотом вместо Геринга. Историки дружно замечают, что это можно было сделать и по телефону, При этом они исходят из того, что Гитлер будто бы твердо решил остаться в имперской канцелярии и покончить с собой. Предположим, однако что у Гитлера еще были планы бегства. В таком случае он мог воспользоваться самолетом Грейма, чтобы не выбираться из Берлина пешком. Трудно сказать, что предприняли бы стражи Гитлера, если бы он захотел улететь с Греймом и с известной летчицей Ганной Рейч, которая прибыла вместе с ним. Но события сложились так, что Грейм и Ганка Рейч прилетели только 26 апреля и ни в тот же день, ни на следующий не могли покинуть подземное убежище; их самолет был подбит над Тиргартеном и Грейма ранило. В бункер фюрера его внесли на носилках. После этого между Греймом и Гитлером произошел следующий разговор:

«Гитлер. Знаете ли вы, почему я вас вызвал?»

Грейм. Нет, мой фюрер.

Гитлер. Потому что Геринг предал меня и свою родину».

Действительно, странный разговор. Однако Грейм вылетел только 29 апреля. Шансов на то, чтобы благополучно долететь, у него было очень мало.

25, 26 и 27 апреля. В ставке Гитлера лихорадочно обсуждался план прорыва окружения советских войск армией генерала Венка, действовавшей на рубеже Эльбы. Эта армия была брошена против советских позиций западнее Берлина, чтобы пробить брешь в «котле» и соединиться с 9-й армией. Но когда Гитлер приказал Венку прорываться к району имперской канцелярии, армии уже больше не существовало. Она была разгромлена советскими войсками, так и не дойдя до Берлина. Тем не менее Гитлер продолжал передвигать на карте части Венка, посылать приказы его штабу и т. д, Геббельс и Борман не сообщили Гитлеру о разгроме армии Венка ни 25, ни 26, ни 27 апреля. 26-го Гитлер сказал Ганне Рейч: «Я все еще надеюсь, милая Ганна, что генерал Венк со своей армией подойдет с юга. Он должен отогнать русских подальше... Тогда мы снова овладеем положением», А вот что написал генерал Вейдлинг, командующий обороной Берлина, о 26 апреля: «26-е – день надежд! Все время Кребс звонил и каждый раз передавал какое-нибудь радостное сообщение... То передовые части армии Венка уже сражаются южнее Потсдама, то... в столицу прибыли три маршевых батальона, то Дениц обещал на самолетах перебросить в Берлин самые отборные части флота». Вейдлинг рекомендовал Гитлеру прорываться на запад через одну-единственную еще оставшуюся лазейку. Однако Геббельс и Борман отвергли этот план и быстро «утешили» фюрера.

28 апреля. Утром этого дня Гитлер передал по радио телеграмму Кейтелю: «Я ожидаю освобождения Берлина. Что делает армия Хейнрици? Где Венк? Что с 9-й армией? Когда Венк соединится с 9-й армией?» Вечером в ставке стало известно о переговорах Гимmlера с западными державами. Эту новость Гитлеру сообщили без всяких проволочек, что очень показательно. Геббельс и Борман, досконально знавшие психологию фюрера, исходили в своих планах из двух его «комплексов»: страха перед насильственной смертью и мании измены.

Конечно, если бы нацистский фюрер был государственным деятелем в общепринятом смысле слова, его мучили бы совсем иные мысли – об историческом возмездии, о судьбе мира и немецкого народа, о попранной справедливости и законах. Но он был тираном, и страхи его были страхами тирана. В эти последние дни Гитлер не раз повторял, что он боится, как бы его не посадили в клетку и не провезли по столицам оккупированных им государств. На предложение Вейдлинга уйти из Берлина он сказал: «Я не хочу блуждать по лесам до тех пор, пока меня не схватят». Геббельсу и Борману даже не надо было особенно подогревать этот страх: достаточно было молча выслушивать Гитлера, не возражая ему.

Второй «комплекс» Гитлера, комплекс измены, развивался с той же быстротой, что и

первый. Уже в марте фюрер сказал своей секретарше: «Я не могу положиться ни на одного человека, все меня предают. От этого я совершенно болен...» Разговоры о тотальном предательстве шли в бункере Гитлера ежедневно. По свидетельству Рейч, Ева Браун бушевала и кричала, что все оказались неблагодарными свиньями и бросили своего фюрера. Последним ударом для Гитлера была измена Гимmlера. Он заплакал и разразился таким монологом: «Никто меня не щадит. Мне пришлось испытать все – разочарование, предательство... А теперь еще и он. Все кончено. Нет такой несправедливости, какую бы мне не причинили».

28 апреля. В этот вечер Геббельс был очень занят: он готовил спектакль под названием «свадьба фюрера» с Евой Браун, многолетней любовницей Гитлера. На объятых пламенем улицах Берлина Геббельс разыскал чиновника, который имел право совершать бракосочетания. Свадьба проходила с соблюдением всего нацистского ритуала. Только жених и невеста не смогли представить справок, удостоверяющих их расовую чистоту. Справок достать было негде... Бракосочетание фюрера с Евой Браун должно было, видимо, отвлечь его от реальных планов бегства. Кроме того, по замыслу режиссеров этого бракосочетания Бормана и Геббельса, оно должно было настроить Гитлера на торжественный лад, морально подготовить к другой торжественной и театральной церемонии – «героическому» уходу из жизни. По мнению некоторых очевидцев, Геббельс и Борман внушали Гитлеру, что его самоубийство будет как бы последним аккордом в духе Вагнера и древнегерманских саг. Выстрел... Яд... Верная жена Ева, которая, наподобие героинь эпоса, убивает себя на могиле вождя... и т. д. и т. п. Дешевая символика всегда была близка сердцу фюрера. На этом и сыграли его приближенные...

Существует очень много описаний фантазмагорической свадьбы ночью 29-го. Во всех этих описаниях особенно поражает лихорадочная спешка. Ее устроители не дождались даже утра – бракосочетание состоялось глубокой ночью. И еще – облик Гитлера во время церемонии. Из рассказов свидетелей видно, что он был совершенно разбит физически и морально, походил на марионетку, действующую по чужой воле.⁸³

После свадьбы в четыре часа утра Гитлер продиктовал два завещания – политическое и личное. Теперь у него уже не было пути назад. Бежать из Берлина можно было только с невероятными трудностями. Кроме того, Гитлер сжег за собой мосты – в обоих завещаниях говорилось, что он уходит из жизни. В то же утро Геббельс сделал «приложение» к завещанию фюрера, где объявил от своего имени, от имени своей жены и шести малолетних детей, что они также намерены покончить жизнь самоубийством. Подпись на завещаниях Гитлера была удостоверена четырьмя свидетелями: Геббельсом, Борманом и генералами Кребсом и Бургдорфом. Геббельс и Борман подписались также под актом о женитьбе Гитлера – теперь эти двое ни на секунду не выпускали «своего» фюрера из виду.

29 апреля Вейдлинг сообщил обитателям бункера, что не позже 1 мая советские войска займут весь Берлин, включая имперскую канцелярию. Несмотря на это, Вейдлинг снова предложил Гитлеру покинуть Берлин, К его просьбам присоединился и новый «рейхсфюрер молодежи» Аксман, который «гарантировал» Гитлеру жизнь, уверяя, что около имперской канцелярии сражаются члены гитлерюгенда, которые, дескать, умрут, но спасут фюрера. Однако Борман подсунил Гитлеру иной план – пусть, мол, из Берлина прорывается группа военных, она поторопит армию Венка, которая, как мы знаем, фактически уже была разгромлена советскими войсками. И Гитлер согласился на предложение Бормана. В этот день фюрер получил еще один психологический толчок к самоубийству – в имперской канцелярии стало известно о бесславной смерти Муссолини: 26 апреля партизаны схватили его вместе с Кларой Петаччи, 28 апреля застрелили, а 29-го переправили трупы дуче и его любовницы в Милан, где повесили на фонарях для всеобщего обозрения.

⁸³ Здесь, кстати говоря, Геббельсу и Борману могла помочь и нацистская медицина, которая не раз выводила из строя противников Гитлера, тем более что фюрер, как уже говорилось, прибегал к разного рода лекарствам в больших дозах.

И все же, несмотря на все это, Гитлер продолжал медлить с самоубийством – трусил. 29-го в бункере еще, как обычно, проходило обсуждение военного положения. И вообще день катился своим чередом – в болтовне фюрера, в видимости какой-то деятельности, в бессмысленных приказах и распоряжениях. А между тем для Бормана и Геббельса каждая минута была дорога... Борман потребовал от Гитлера, чтобы тот написал письмо Кейтелю – благо и оказия нашлась. Один из второстепенных военных, еще оставшихся в свите Гитлера, намеревался выйти из берлинского «котла». Гитлер продиктовал письмо Кейтелю – свое последнее послание немецкому генералитету. В нем он взваливал на Кейтеля и на других немецких военачальников всю вину за поражение Германии (Борман внушил Гитлеру, что и Кейтель его предал). «Неверность и измена на протяжении всей войны, – писал фюрер, – разъедали волю к сопротивлению. Поэтому мне и не было дано привести мой народ к победе... Этот генеральный штаб нельзя сравнить с генеральным штабом в период первой мировой войны».

Последняя анафема Гитлера своим генералам кажется совершенно нелепой, если не учитывать, что для Бормана и Геббельса она в тот день была очень важна. Они боялись, что инициативу переговоров с союзниками возьмет на себя военная клика.

Вообще Борман не терял в этот день времени: он послал трех курьеров (адъютанта Гитлера майора Иоганмейера, своего советника штандартенфюрера СС Цандера и человека Геббельса Лоренса) в ставку к Деницу с завещанием Гитлера, в котором было сказано, что власть в стране передается Деницу, Геббельсу, Борману. Борман, как уже было сказано, отправил также письмо Гитлера Кейтелю и, наконец, поздно вечером послал телеграмму Деницу, в которой также писал о «предательстве» Кейтеля. Телеграмма заканчивалась словами: «Фюрер жив и руководит обороной Берлина». В той сложной интриге, которую затеяли Борман и Геббельс, им было выгодно до последней минуты действовать от имени Гитлера.

Только к вечеру 29-го Гитлер занялся своими «личными делами», т. е. подготовкой к самоубийству: велел отравить любимую овчарку Блонди и застрелить еще двух собак, находившихся в бомбоубежище. Потом он роздал своим секретаршам ампулы с ядом, начал жечь бумаги и приказал, чтобы никто не ложился спать.

В два часа тридцать минут ночи (уже наступило 30 апреля) Гитлер вышел в один из отсеков бункера, где выстроились 20 человек, и, пройдя вдоль строя, пожал каждому руку. После этого он удалился в свою комнату. А присутствовавшие на церемонии прощания... пошли в бар и начали танцевать под патефон. Они протанцевали до самого утра. Шум музыки донесся до комнаты Гитлера. Он потребовал, чтобы это безобразие кончилось. Однако Гитлер так и не решился в эту ночь на самоубийство.

Утро 30 апреля прошло, так же как всегда. Обсуждали военное положение. В 14 часов Гитлер пообедал в обществе секретарш и поварихи. Потом началось новое прощание, новые рукопожатия и невнятный лепет фюрера. Затем он и Ева Браун удалились в комнату Гитлера. На этот раз Борман и Геббельс остались дежурить у входа в узком коридорчике, причем Борман уже заблаговременно подготовил канистры с бензином, чтобы сжечь труп фюрера.

Далее, по весьма сбивчивым показаниям шоферов, секретарш, адъютантов и прочих лиц, пребывавших в это время в бункере, раздался выстрел. Это было в 15 часов 30 минут. Люди, вошедшие в комнату, увидели два трупа – труп будто бы застрелившегося Гитлера и труп Евы Браун, умершей от яда.

Для Геббельса и Бормана это был сигнал к действию. Все планы они разработали заранее и прежде всего обезвредили соперников; Геринг сидел под арестом, попытка Гимmlера вести переговоры с Западом провалилась. Нацистские генералы также не представляли опасности: после 20 июля 1944 года они как каста потеряли лицо и были объаты страхом перед гестапо. И наконец, последнее послание Гитлера Кейтелю должно было окончательно парализовать руководство немецких штабов. Таким образом, полновластными хозяевами нацистской Германии становились Геббельс и Борман, имевшие в руках завещание Гитлера. Правда, согласно этому завещанию, рейхом должен был править

триумвират: Дениц, Геббельс, Борман. Но до поры до времени Геббельс и Борман могли не посвящать во все события своего партнера Деница.

Геббельс и Борман первоначально скрыли от населения Германии факт смерти Гитлера. Они сразу же призвали Вейдлинга, который мог узнать о самоубийстве фюрера от разбегавшихся из имперской канцелярии эсэсовцев, и приказали ему молчать. Вот что сообщил Вейдлинг на допросе: «Меня обязали вплоть до дальнейшего развития событий не выдавать тайны» (смерти Гитлера. – Авт.). В 18 часов 35 минут, т. е. часа через три после самоубийства Гитлера, Борману удалось связаться с Деницем. Его радиogramма гласила: «На место рейхсмаршала Геринга фюрер назначает вас, господин гросс-адмирал, своим преемником. Письменные полномочия уже посланы». В радиogramме Бормана не было ни слова о смерти Гитлера, поэтому на следующий день Дениц прислал также по радио верноподданнейшее послание Гитлеру, которое начиналось словами: «Мой фюрер, моя верность вам неизменна...»

Почему Геббельс и Борман до последней возможности скрывали от своего третьего партнера Деница действительное положение вещей? Они боялись, что Дениц начнет действовать на свой собственный страх и риск. При этом он мог сговориться с любым из нацистских фюреров – с Гиммлером или с Герингом, которого после смерти Гитлера мог выпустить из-под стражи.

Предприняв эти необходимые меры предосторожности, Геббельс и Борман начали готовиться к решающему шагу – посылке Кребса к советскому командованию с предложением капитулировать на Востоке. С этой целью они сочинили соответствующее письмо советскому Верховному командованию. В качестве парламентаря Кребс был в глазах нацистов наиболее подходящей фигурой. Он не служил в гестапо, знал русский язык, был до войны помощником военного атташе в Москве. И, видимо, считался в окружении Гитлера «прорусским человеком». Характерно, что именно Кребса Борман и Геббельс сохранили до последних дней в бомбоубежище и назначили начальником генерального штаба сухопутных войск. Далеко не случайно 30 апреля Кребс оказался, что называется, под рукой у этих деятелей. На наш взгляд, это еще одно доказательство того, что план сепаратных переговоров с советским командованием возник в головах Бормана и Геббельса задолго до самоубийства фюрера.

Западные историки, как правило, не уделяют почти никакого внимания попытке Геббельса и Бормана заключить мир на Востоке. Попытку эту они оценивают как совершенно бессмысленную и даже безумную. Она и впрямь была бессмысленной и даже безумной. Но только по одной-единственной причине – Советское правительство, верное своему союзническому долгу, не пошло и не могло пойти ни на какие сепаратные переговоры с гитлеровцами.

Однако в глазах Геббельса и Бормана план этот был вполне осмысленным и даже очень хитрым. Ведь они обращались к Советскому Союзу, т. е. к той державе, которая сыграла решающую роль в победе над гитлеровской Германией. Все попытки договориться с другими военными противниками Германии за спиной СССР ни к чему не привели бы. Реалистична была с их точки зрения лишь попытка связаться с командованием Красной Армии, с главной силой, которая нанесла решающий удар по немецкой военной машине.

Далее. У Геббельса и Бормана было в руках завещание Гитлера, делавшее их полномочными представителями фашистского государства. Иными словами, они выступали в роли новых руководителей рейха.

Наконец, у Геббельса и Бормана был еще один важный козырь: минуя союзников, они сообщили СССР о смерти Гитлера и формировании нового правительства. И тем самым, по их разумению, дали советским властям явное преимущество – возможность распорядиться этим сообщением себе на пользу, а другим союзникам во вред.

Всю эту макиавеллистскую игру нельзя оценивать по меркам сегодняшнего дня. Надо понять, что, исходя из тогдашней обстановки, Борман и Геббельс вполне могли верить в осуществимость своего, продуманного до мельчайших деталей, коварного плана.

1 мая в 3 часа 50 минут утра на командном пункте 8-й гвардейской армии появился начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал пехоты Кребс. Он заявил, что уполномочен установить непосредственный контакт с Верховным командованием Красной Армии для проведения переговоров о перемирии. С момента смерти Гитлера прошло ровно 12 часов. Не так уж мало, но и не так уж много, если учесть, что Кребсу было нелегко выбраться из осажденной имперской канцелярии и дойти до командного пункта генерала В. И. Чуйкова... У Кребса было при себе письмо Геббельса, того самого Геббельса, которого западные историки пост-фактум именуют самым верным гитлеровцем, решившим покончить с собой сразу же после смерти «обожаемого» фюрера. Зачем было ему в таком случае писать письмо советскому командованию? Не следует ли предположить, «то болтовня о самоубийстве и приписка к завещанию Гитлера были необходимы Геббельсу только для того, чтобы подтолкнуть фюрера к решающему шагу?»

Итак, Кребс вручил советскому командованию письмо Геббельса. Вот текст этого важного документа:

«Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера, мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем: мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 30 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа, Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери в войне».

К письму Геббельса было приложено завещание Гитлера со списком нового имперского правительства.

Все дальнейшее известно нам по мемуарам Г. К. Жукова. Маршал направил на командный пункт В. И. Чуйкова своего заместителя генерала армии 8. Д. Соколовского. Соколовский должен был потребовать от Кребса безоговорочной капитуляции фашистской Германии. «Тут же соединившись с Москвой, я позвонил И. В. Сталину, – пишет Г. К. Жуков –... Очень скоро И. В. Сталин подошел к телефону. Я доложил о самоубийстве Гитлера и письме Геббельса с предложением о перемирии». Далее Жуков приводит заключительные слова Сталина: «Передайте Соколовскому, – сказал Верховный, – никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести».

Совершенно очевидно, однако, что формула о безоговорочной капитуляции не могла устроить никого из гитлеровцев. Для Геббельса и Бормана она была равнозначна полному провалу их расчетов-ведь они выступали при этой формуле уже не как партнеры, а как разгромленные фашисты, как военные преступники.

Естественно, что Кребс не имел полномочий на безоговорочную капитуляцию. Он всеми силами пытался выторговать у Соколовского и Чуйкова разрешение создать новое правительство, которое будет вести сепаратные переговоры, а пока что заключить перемирие на Востоке.

Часов в 5 утра маршал Жуков соединился по телефону с Соколовским и сказал ему: «Передай, что, если до 10 часов не будет дано согласие Геббельса и Бормана на безоговорочную капитуляцию, мы нанесем удар такой силы, который навсегда отобьет у них охоту сопротивляться. Пусть гитлеровцы подумают о бессмысленных жертвах немецкого народа и своей личной ответственности за безрассудство».

В назначенное время ответа не последовало.

«В 10 часов 40 минут, – вспоминает Жуков, – наши войска открыли ураганный огонь по остаткам особого сектора обороны центра города. В 18 часов В. Д. Соколовский доложил, что немецкое руководство прислало своего парламентаря. Он сообщил, что Геббельс и Борман отклонили требование о безоговорочной капитуляции».

8 ответ на это в 18 часов 30 минут с невероятной силой начался последний штурм центральной части города, где находилась имперская канцелярия и засели остатки гитлеровцев».

Утром 2 мая сдавшийся в плен генерал Вейдлинг, командовавший обороной Берлина,

отдал приказ немецким войскам о прекращении сопротивления. К 15 часам с сопротивлением фашистов в столице было полностью покончено. Остатки берлинского гарнизона сдались в плен. Многие из тех, кто дрался с оружием в руках, в последние дни разбежались и спрятались.

* * *

9 мая 1945 года Германия капитулировала. День Победы стал днем торжества советского народа, его союзников по антигитлеровской коалиции и всех свободолюбивых народов.

Логика безумия

И смерть Гитлера, и агония нацистской верхушки весьма поучительны. Именно поэтому мы так подробно остановились на событиях в подземелье под имперской канцелярией. Глубоко неправильно считать их сплошным нагромождением нелепостей, хаоса, следствием нелогичных и немотивированных поступков фюрера и его окружения. Нелепость, жестокость и бессмысленность последних приказов и указов Гитлера являлись логичным продолжением его старой политики и тактики. Можно с полным правом сказать, что Гитлер и гитлеровцы остались верны себе и в дни катастрофы.

На защиту «крепости Германия» (это выражение сменило термин «крепость Европа», после того как от «крепости Европа» ничего не осталось) было брошено почти все мужское население страны. В конце сентября 1944 года Гитлер издал приказ об образовании «фольксштурма» – ополчения. Согласно приказу, все способные носить оружие мужчины были призваны в его ряды. Отряды «фольксштурма» в большинстве случаев состояли из стариков, инвалидов и подростков. Их гнали в бой почти безоружными. Естественно, что ополченцы были обречены на бессмысленную гибель, – остановить или замедлить продвижение войск Советского Союза, США и Англии они не могли.

Полновластным хозяином нацистского тыла стал Гиммлер.

5 февраля руководитель СС объявил, что он будет арестовывать родственников так называемых «изменников». Один из параграфов этого приказа Гиммлера гласил: «Ответственность за служащих вермахта, которые, сдавшись в плен, изменяют родине и которых немецкий суд приговорил к смертной казни, несут родственники: они должны будут поплатиться либо своим имуществом, либо свободой, либо жизнью. Меру наказания для родственников определяет в каждом отдельном случае рейхсфюрер СС».

Наконец, 15 февраля министр юстиции Тирак, сославшись на приказ Гитлера, сообщил о создании полевых судов во всех прифронтовых районах. В официальной мотивировке закона говорилось, что суды образованы для ускорения судопроизводства. Полевые суды состояли всего из трех человек: судьи и двух заседателей – представителей нацистской партии, вермахта, полиции и войск СС. Суды эти выносили, как правило, только смертные приговоры, и их «пропускная способность» была необычайно велика. За последние месяцы войны по приговорам полевых судов были расстреляны тысячи людей. Нацистская печать и радио во всех подробностях сообщали о казнях «изменников родины». Таким образом, Гитлер изыскал еще одну возможность удовлетворить снедавшую его жажду мести, разрушения и крови.

В феврале 1945 года фюрером овладела новая идея: официально объявить о том, что Германия не считает себя более связанной Женевскими конвенциями о правилах ведения войны, и в широких масштабах начать химическую войну. План Гитлера имел вполне реальную базу. Как раз в это время в лабораториях «ИГ Фарбениндурии» были получены два новых отравляющих вещества – «табун» и «сарин». Только страх перед тем, что ядовитые газы задушат и нацистскую «элиту», заставил Гитлера в конце концов отказаться от этой затеи.

Примерно в то же самое время в мозгу фюрера созрел другой чудовищный план. Он решил устроить напоследок гигантскую резню среди миллионов узников фашистских тюрем и лагерей. В бомбоубежище к Гитлеру прибыл руководитель одного из главных управлений СС Бергер. Фюрер вызвал его для того, чтобы обсудить с ним меры по умерщвлению узников концлагерей, эвакуированных в Баварию. В Баварию была вывезена группа заключенных – известных в прошлом политических деятелей, немецких и иностранных.

О своем разговоре с фюрером Бергер рассказал следующее: «Рука у него дрожала, нога тоже, голова дергалась и он не переставая выкрикивал: «Всех расстрелять! Всех расстрелять!»

В последние недели в гитлеровских концлагерях творилось нечто поистине чудовищное. Часть заключенных была уничтожена прямо на месте. Другую часть, и притом большую, начали увозить в глубь Германии, чтобы умертвить там. Ликвидировав лагерь в районах, которым угрожало вторжение войск союзников, гитлеровцы надеялись скрыть следы своих преступлений. Уже сама эвакуация концлагерей превратилась в акцию убийства – лишь очень незначительная часть заключенных прибывала на новое место назначения: большинство узников либо умирали в дороге, либо были уничтожены.

Воистину на последнем этапе существования гитлеровской Германии в стране разыгралась оргия убийств. Приказ следовал за приказом. Уничтожить узников концлагерей! Освободить тюрьмы! Ликвидировать находящихся в них заключенных! Полевые суды! Расстрелы! Расстрелы! Виселицы! Виселицы! Уже самый язык приказов чудовищен. Это не обычный канцелярский язык, а язык убийц. В § 6 приказа о создании полевых судов говорилось: «Смертный приговор приводить в исполнение через расстрел поблизости от места суда, А если дело идет об особенно бесчестных подлецах, то – вздергивать их на виселицу». В секретном приказе, разосланном комендантам 20 лагерей, рекомендовалось применять особую «упрощенную обработку ликвидированных особей» (жертв массовых казней. – Авт.) с целью «экономии бумаги и времени». В другом приказе, касавшемся концлагерей, в конце добавлено: «Следы обезвреживания (казней. – Авт.) тщательно устранять».

Крейслейтер Кенигсберга выпустил воззвание, в котором призывал: «Убивайте каждого труса, умника и пессимиста!»

В воззвании Геббельса от 23 апреля, которое было помещено в армейском листке «Панцербер» (газеты в Берлине уже перестали выходить), говорилось: «Запомните: каждый, кто агитирует или просто одобряет мероприятия, ослабляющие наше сопротивление, – предатель».

Но на бумаге все это выглядело даже безобиднее, чем в жизни. На практике судьи в полевых судах были желторотые мальчишки, вновь испеченные каратели, опьяненные неожиданной властью над жизнью беззащитных людей. Отбросив все формальности, всякий намек на судопроизводство, они вешали на перекрестках и вдоль дорог своих соотечественников. Иногда они прикрепляли им к груди табличку с надписью, вроде следующей: «Я, унтер-офицер Леман, был слишком труслив, чтобы защищать женщин и детей. Поэтому я и повешен здесь». Иногда обходились и без табличек.

В последние дни Гитлер был одержим особой яростью.

«Все руководство авиации надо повесить без промедления!» – орал он срывающимся голосом. Накануне смерти фюрер приказал расстрелять свояка, эсэсовского генерала Фегелейна (Фегелейн был женат на сестре Евы Браун), потому, что подозревал, его, как связного Гимmlера, в измене. Гитлер заклинал Грейма накануне его отлета (29 апреля!) из Берлина, чтобы тот захватил Гимmlера, отдал его под полевой суд и расстрелял. Даже в своем завещании он не забыл предать анафеме Геринга и Гимmlера: «Накануне моей смерти я изгоняю из партии бывшего рейхсмаршала Германа Геринга и лишаю его всех прав...» А в следующем абзаце: «Накануне моей смерти я изгоняю из партии бывшего рейхсфюрера СС и имперского министра внутренних дел Генриха Гимmlера и лишаю его всех постов...»

И в то же время, в те месяцы и недели, когда на фронте и в тылу гибли тысячи

безвинных людей, Гитлер занялся «проблемой» возрождения и обновления «биологического потенциала» Германии в послевоенные годы. Размышления фюрера на сей счет сохранил для потомства его верный сатрап Мартин Борман.

В свое время Борман направил свою запись (сейчас она находится в одном из архивов ФРГ) двум чиновникам министерства внутренних дел со следующей пометкой: «Прошу Вас продумать еще раз тщательно весь этот комплекс вопросов и поставить меня в известность о Вашей точке зрения».

В чем же заключался зафиксированный Борманом план Гитлера? Коротко говоря, в введении в Германии... двоеженства. В беседе с Борманом Гитлер «обосновал» свое предложение таким образом: после войны в стране, мол, окажется 3–4 миллиона женщин, у которых не будет мужей. Это означает, что рождаемость резко уменьшится. «Представьте себе только, – сетовал фюрер, – какая это будет потеря в дивизиях через 20–45 лет». Каков же выход? В протоколе Бормана он излагается так: «При достаточно высоком уровне сознания, – сказал Гитлер, – каждая женщина, родившая всего одного ребенка, должна быть заинтересована в том, чтобы другие женщины имели как можно больше детей... Но дети, естественно, не могут появиться сами собой. Кроме того, мы заинтересованы в том, чтобы не всякий мужчина имел много детей; для зачатия детей надо привлекать только наиболее здоровых мужчин и в физическом и в психическом отношении». Отсюда Гитлер делал вывод: «Мы должны стремиться к тому, чтобы женщины, которые после войны не смогут выйти замуж, вступали бы в длительные связи с женатыми мужчинами, для того чтобы производить на свет как можно больше детей». По замыслу Гитлера, такого рода связи должны были официально приравниваться к бракам. А некоторые мужчины (очевидно, особо здоровые физически и психически) получали, согласно проекту Гитлера, право состоять в браке сразу с двумя женщинами, причем вторая жена также была обязана носить фамилию мужа. Разумеется, Гитлер рекомендовал поощрять не только связи, «приравненные к бракам», но и любые другие внебрачные отношения. В заключение документа говорилось, что государство будет наказывать всех лиц, которые вздумают воспротивиться этому порядку. «Все те, кто будет выступать против этого урегулирования, соответствующего интересам народа, – заявил фюрер, – должны быть сурово наказаны».

Итак, Гитлер вознамерился не только переkreить карту мира, не только стереть с лица земли целые народы с тысячелетней культурой, но и... уничтожить моногамию.

19 марта 1945 года Гитлер издал приказ, в котором говорилось: «На территории империи подлежат уничтожению все военные объекты, промышленные предприятия, транспорт, предприятия по снабжению населения, а также материальные ценности, которые могут быть использованы противником». Ответственность за исполнение приказа возлагалась на армейское командование (военные объекты) и на гаулейтеров и имперских наместников (промышленные предприятия и органы снабжения). Согласно приказу Гитлера, в Германии следовало взорвать все электростанции, газовые предприятия, склады продовольственных и промышленных товаров, мосты, почту и телеграф, вокзалы, вагонный парк, речные пароходы и даже водопроводные сооружения. Таким образом, фюрер пытался обречь свою империю на вымирание. Приказ о «сожженной земле» привел в удивление даже издававших виды нацистских главарей. Как мы уже писали, министр вооружения Шпеер направил Гитлеру меморандум, в котором умолял его взять обратно свое распоряжение.

Меморандум сошел Шпееру с рук. Ясно, что, если бы речь шла не о достоянии немецких монополий, приказ Гитлера был бы выполнен и министра вооружений посадили бы за решетку. Немецкие монополисты даже накануне тотальной катастрофы сумели позаботиться о себе. Фюреры нацистской экономики не хотели «без пяти минут двенадцать» связывать свое имя с приказом, затрагивающим интересы промышленников. Благо и оговорки было нетрудно найти. Союзные войска двигались так стремительно, что нацистские чиновники всегда могли сослаться на то, что они не успели уничтожить все, что им было предписано.

Приступы отчаяния сменялись у фюрера краткими периодами оптимизма и надежд. В

эти часы Гитлер строил различные планы спасения. Частично они были связаны с расчетами диктатора на то, что антигитлеровская коалиция не выдержит испытания временем и рассыплется. Пожалуй, наиболее откровенно Гитлер высказал эти свои надежды на совещании в ставке 31 августа 1944 года: «В один прекрасный день напряженность во взаимоотношениях между союзниками достигнет такого накала, что наступит разрыв. Мировая история знает – все коалиции когда-нибудь да распадутся. Надо только дождаться этого момента, как бы это ни было тяжело». Ту же мысль Гитлер повторил в одной из своих последних речей перед фашистским генералитетом 12 декабря 1944 года. «Коалиция наших врагов, – сказал он, – это коалиция государств, цели которых все более и более расходятся. И тот, кто, подобно пауку, сидит в своей паутине и наблюдает за развитием событий, видит, как между отдельными государствами с каждым днем обостряются противоречия. В итоге несколько значительных ударов уничтожат этот искусственно созданный фронт; он может рухнуть в любую минуту».

Разговор о непрочности антигитлеровской коалиции фюрер в большинстве случаев подкреплял одним-единственным историческим примером, примером прусского короля Фридриха II, который добился победы над Австрией благодаря тому, что распалась австро-русская коалиция после внезапной смерти царицы Елизаветы в 1761 году. Желая угодить Гитлеру, Геббельс в один из вечеров в апреле 1945 года прочел вслух выдержку из сочинения английского ученого Карлейля, в котором была изложена история этого «чуда». Чтение настолько взволновало Гитлера, что он впал в транс и начал выкрикивать: «Судьба Фридриха... судьба Фридриха... судьба Фридриха». Геббельс также пришел в состояние мистического транса и велел принести два гороскопа, которые всегда хранились в его неогороженном шкафу. Один гороскоп был составлен для Гитлера 30 января 1933 года, т. е. в день захвата власти нацистами, другой, – составленный 9 ноября 1918 года, т. е. в день, когда в Германии была свергнута монархия, – предсказывал судьбу страны. И вот нацистский диктатор и его самый «интеллигентный» министр (в «третьем рейхе» «доктор Геббельс» считался рафинированным интеллигентом, чуть ли не энциклопедистом) углубились в изучение старых гороскопов, дабы обнаружить в них «счастливые знамения».

Оказалось, что оба гороскопа сошлись на том, что в 1939 году разразится война и что в этой войне наиболее тяжелый период для Германии будет во второй половине апреля 1945 года. Далее гороскопы пророчили «стабилизацию» и даже... победу в августе 1945 года. Гороскопы настолько поразили воображение Гитлера, что, по свидетельству Геббельса, у него на глазах появились слезы. Да и сам Геббельс был потрясен до глубины души – два преступника накануне своего бесславного конца бурно возликовали. А когда через несколько дней в имперскую канцелярию поступило сообщение о смерти президента Рузвельта, Гитлер, по словам его секретарши, «впал в совершеннейший экстаз». Шутка ли, предсказания гороскопа начали сбываться! С ним, с Гитлером, повторилось то, что произошло два столетия назад с «великим Фрицем» – умерла царица Елизавета, то бишь Франклин Делано Рузвельт... Коалиция врагов Германии вот-вот рухнет!

Мы подробно описали этот эпизод, поскольку он как нельзя лучше характеризует и атмосферу в гитлеровской ставке и умонастроение главаря фашистской империи.

Но прошло еще некоторое время, и обнаружилось, что надежды на развал антигитлеровской коалиции тщетны. Экстаз, овладевший Гитлером, сменился глубоким унынием, он впал в плаксивый тон и начал, как обычно, винить весь мир в собственных просчетах и ошибках.

Наибольшие разочарования и страхи приносили Гитлеру, разумеется, события на советско-германском фронте. Час расплаты близился.

Сам по себе отказ от безоговорочной капитуляции в тех условиях был преступлением против немецкого народа. Гитлер и Геббельс – гаулейтер Берлина, отказались эвакуировать гражданское население столицы (3 миллиона человек), более того, они не стали вывозить из района боев 120 тысяч детей до десятилетнего возраста. Фюрер отдал приказ взорвать все берлинские мосты.

Наконец, по приказу Гитлера были взорваны камеры берлинского подземного канала. Для этого сформировали специальные команды саперов. Целью взрыва было затопление метро, которое, по свидетельству берлинцев, было до отказа забито людьми, спасавшимися от бомбежек и обстрелов, в том числе ранеными и больными.

Ту же тактику, что и в Берлине, сатрапы Гитлера проводили в других городах, особенно на востоке страны. В Бреслау (Вроцлаве) много месяцев подряд взрывали целые жилые кварталы и памятники старины якобы для того, чтобы обеспечить маневренность немецким войскам. 13 апреля Гиммлер отдал приказ об обороне всех немецких городов без исключения в любой ситуации. За переговоры о сдаче города он объявил смертную казнь.

20 апреля, в день рождения Гитлера, руководитель гитлеровской молодежи Аксман торжественно преподнес фюреру «подарок»: он заявил, что юнцы 1929 года рождения – иными словами, пятнадцатилетние подростки – все поголовно изъявили желание вступить в СС и ринуться в заранее обреченный бой.

Трусливо уходя от расплаты, Гитлер требовал в своем завещании от немецкого народа продолжения бессмысленной бойни. Мое желание, заявил он, чтобы немцы «ни при каких обстоятельствах не прекращали борьбу и вели ее и впредь против врагов отечества...» В другом месте завещания он написал, что дает немцам правительство, которое «выполнит обязательство всеми средствами вести войну дальше...»

На последней своей пресс-конференции Геббельс сказал: «Если даже национал-социалистов заставят уйти, то мир содрогнется, как от удара грома».

Нацистский режим с самого начала был бессовестным и лживым. До самого конца Гитлер и его сообщники обманывали народ. Они не только не хотели признать своих просчетов и провалов, но с маниакальным упорством блефовали и ввали даже в трагические для Германии дни тотальной катастрофы.

31 марта статс-секретарь министерства пропаганды Науман произнес речь, в которой заявил: «Фюрер 24 февраля сказал, что в этом году мы добьемся исторического поворота. Для нас это реальность. Откуда она исходит, мы не знаем. Это знает фюрер». 20 апреля Гитлер провозгласил: «Теперь начинается тот бой фанатизма, который напоминает нашу борьбу за власть. И как ни велик в данный момент перевес наших врагов, в конце они точно так же, как раньше, несмотря ни на что, будут сломлены».

Большинство населения Германии, наглухо отгороженное от всякой объективной информации, верило самым невероятным небылицам. Более того, в нацистскую ложь до самого конца верили не только одуроченные обыватели, но и часть верхушки рейха. Ведь и она, как показано выше, была в какой-то степени жертвой тотальной дезинформации. Даже в самые последние дни магия лжи сохранилась в полном объеме во всей Германии. Дурача народ, нацисты одурачили и себя. Фельдмаршал Кессельринг в своих мемуарах писал: «Еще 12 апреля 1945 года во время моего последнего доклада у Гитлера он был оптимистически настроен. ...Оглядываясь назад, я хочу сказать, что он был прямо-таки одержим идеей спасения, что он цеплялся за нее, как утопающий за соломинку. Он, по-моему, был уверен в успешной борьбе на Востоке, верил в формирующуюся 12-ю армию, в различное новое оружие и, может быть, в крушение вражеской коалиции».

Лживы и сообщения о смерти Гитлера. 1 мая 1945 года по радио в Германии передали некролог, в котором говорилось: «Из главной ставки Гитлера сообщают, что наш фюрер Адольф Гитлер сегодня (!) после полудня на своем командном пункте в имперской канцелярии, борясь до последнего вздоха с большевизмом, пал за Германию». В первом обращении Деница к немецкому народу говорилось: «Наш фюрер Адольф Гитлер пал... Конец его борьбы и его безошибочно прямого жизненного пути венчает его геройская смерть в столице немецкого рейха».

И наконец, нацистский режим был до предела догматичным. Он раз и навсегда создал свою идеологию, политику и пропаганду. И никакие потрясения, никакие внешние факторы не могли ничего изменить. Гитлер не раз говорил о себе, что он идет своим путем «с уверенностью лунатика». И действительно, намеренная слепота, вернее, тупое упрямство

поражают каждого, кто знакомится с документами последних дней нацистского государства... Германия переживала невиданную катастрофу– гибель миллионов людей. Берлин и десятки других городов превратились в развалины, окутанные дымом пожаров. Поезда не ходили. Электроэнергия не подавалась, грохотали взрывы, все ггло, а сгорбленный, как столетний старик, фюрер диктовал трясущимися губами своей секретарше: «И прежде всего я обязую руководство нации самым тщательным образом соблюдать расовые законы...»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло 36 лет с того дня, когда фашистский рейх рухнул под ударами Советских Вооруженных Сил и армий других стран антигитлеровской коалиции – Соединенных Штатов, Англии, Франции и всех государств и народов, внесших вклад в достижение великой Победы. Основную тяжесть войны вынесли на своих плечах народы Советского Союза – она стоила им 20 миллионов человеческих жизней. Нет более фашистского рейха. На обломках гитлеровской империи возникли два германских государства – Германская Демократическая Республика, избравшая социалистический путь развития, и Федеративная Республика Германии.

Для ныне живущего поколения история германского фашизма – далекое прошлое. Да и сама по себе история существования гитлеровского рейха укладывается в необычайно краткий отрезок времени: всего 12 лет были у власти нацисты.

Однако пережитая человечеством тяжелая кровавая трагедия, в которую его вверг фашизм, привлекает и еще долго будет привлекать пристальное внимание людей, стремящихся извлечь уроки из горького прошлого.

В кратком заключении невозможно, естественно, дать исчерпывающее обобщение содержания книги. Приходится ограничиться лишь суммированием некоторых итогов господства Гитлера и фашистского режима, который он олицетворял.

Все описанные в книге события, вся история нацизма неотделимы от истории возвышения и падения фашистского фюрера, тотального краха всех его расчетов и планов завоевания европейского, а затем и мирового господства для германского монополистического капитала. Не случайно в политический лексикон прочно вошли термины «гитлеровская Германия», «гитлеризм» для обозначения страны и ее строя в тот период, когда там правили фашисты.

Прошлое показало, что существовали различные формы фашистского господства. В данной книге мы постарались проанализировать специфическую гитлеровскую разновидность фашизма, олицетворявшего в условиях Германии 1933–1945 гг. господство самых воинствующих, агрессивных и реакционных элементов монополистического капитала. А это потребовало скрупулезного показа анатомии фашистской власти и фашистского государства, в котором центральной фигурой был фюрер и канцлер германской империи – Адольф Гитлер.

Поражение нацистского рейха было закономерным. Этот вывод вытекает из анализа самой природы фашизма с его гегемонистскими, захватническими целями, с его программой порабощения целых народов и государств, с его реакционными, антидемократическими устремлениями.

Нацистское движение, возглавляемое Гитлером, с самого начала провозгласило своей важнейшей задачей уничтожение социализма и его главного оплота – Советского Союза. Вся внутренняя и внешняя политика нацистской Германии была направлена на выполнение именно этой задачи. Такая цель, однако, противоречила закономерностям общественного развития. Фашистская империя рухнула, а мировой социализм стал могучей силой современности, определяющей во все большей мере ход событий на мировой арене.

Между внешнеполитическими целями и возможностями, которыми располагал

гитлеровский рейх для их достижения, всегда зияла пропасть. Это обнаружилось с особой наглядностью в войне, развязанной Германией против Советского Союза. Поставив перед собой задачу ликвидации социализма, уничтожения первого в мире социалистического государства, установления безраздельного господства германских монополий над народами СССР, нацизм обрек на катастрофу «третий рейх». В тяжелой войне с фашизмом советский социалистический строй доказал свою жизнеспособность и превосходство над самой сильной в тридцатых и в начале сороковых годов в военном отношении капиталистической державой, располагавшей к тому же ресурсами своих союзников по фашистской коалиции в Европе, а также европейских стран, оккупированных вермахтом. Уинстон Черчилль назвал победу, одержанную Красной Армией в схватке с вермахтом на советско-германском фронте, чудом XX века.

В действительности, тот факт, что Советский Союз внес главный вклад в уничтожение германского фашизма и что именно ему в первую очередь народы всего мира обязаны спасением цивилизации, устранением угрозы фашистского порабощения для десятков и сотен миллионов людей, закономерен. В нем отражена важнейшая особенность современной эпохи, наступившей после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России, – продвижение человечества по пути прогресса, демократии и социализма. Учитывая это обстоятельство, крах фашистского тоталитарного строя также предстает перед нами как закономерное явление, в котором заключен важный урок для ныне живущего и будущего поколений.

Фашизм и война всегда были неразрывно связаны друг с другом. Тотальная война должна была привести к тотальному порабощению народов и государств мира. В этом заключалась и суть расовой теории нацизма. Она должна была подвести идеологическую базу под экспансионистскую программу германского империализма. Расизмом определялись также методы обращения с другими народами, которым была уготована либо участь «младших партнеров», либо слуг, либо рабов германской «расы господ». На самую низшую ступень в этой пирамиде ставились славянские народы, народы Советского Союза, который был объявлен «германским жизненным пространством» и должен был стать колонией фашистского рейха.

Из истории известны примеры попыток установления господства над Европой и другими континентами завоевателями различного происхождения и масштаба. Хорошо известно также, чем кончались подобного рода попытки. «Новое», что внесли нацистские захватчики в сию позорную летопись, заключается лишь в особой жестокости, методичности и скрупулезности, с которыми они осуществляли свои намерения. Свидетельства тому – десятки концентрационных лагерей, разбросанных по всей Европе в годы фашизма, дымившиеся днем и ночью трубы крематориев, в которых сжигались жертвы гитлеровского террора, изощренная система взращивания и утверждения предательских режимов в подвассальных фашистской Германии европейских государствах.

Неправильно было бы, однако, сделать вывод о предопределенности поражения фашизма в любом случае и при любых обстоятельствах. Уроки прошлого учат нас, что, когда фашизм приобретает государственную базу для своего существования, когда он может опереться на мощь государства и его аппарата насилия и слежки, фашистская власть превращается в смертельную угрозу для мирного существования всех народов, в угрозу, которую можно ликвидировать лишь ценой величайших усилий и жертв. Фашистскую опасность нельзя «канализовать», т. е. направить на определенную, заранее избранную цель, как о том мечтали недалевидные мюнхенские политики. Она распространяется, подобно эпидемии, не зная границ, лишь только для нее создается благоприятная питательная среда.

Конечно, фашистские методы подрыва демократии, установления диктаторских режимов и распространения идеологии шовинизма, милитаризма и мракобесия меняются. Неофашизм принимает различные формы, применяясь к изменившимся обстоятельствам. Живучесть фашизма наглядно проявляется в наши дни в существовании диктаторского режима в Чили, в сохранении расистского господства в ЮАР, в оживлении деятельности

праворадикальных элементов в различных капиталистических странах и особенно в акциях неонацистского и неофашистского движения в Италии и в Западной Германии.

История гитлеризма подтверждает, что буржуазия прибегает к фашистским методам правления, когда наступает кризис парламентского строя и когда правящие круги во имя спасения своего классового господства прибегают к открыто террористическим формам расправы с демократическим движением. Тогда и появляются фюреры, подобные Адольфу Гитлеру. Поэтому борьба за демократию и социализм теснейшим образом переплетается с борьбой против фашизма, в каких бы новых формах он ни возникал. Нельзя забывать и о том, что нацизм – явление социальное и что борьба против него – определенная форма классовой борьбы против всевластия монополий, против установления господства самых реакционных и самых воинствующих элементов империализма.